



Door Into Summer

Robert A. Heinlein

Дверь в лето

Роберт Хайнлайн



Lingtrain Books

Contents

1. CHAPTER 1	7
2. CHAPTER 2	27
3. CHAPTER 3	64
4. CHAPTER 4	77
5. CHAPTER 5	95
6. CHAPTER 6	122
7. CHAPTER 7	145
8. CHAPTER 8	154
9. CHAPTER 9	180
10. CHAPTER 10	197
11. CHAPTER 11	223
12. CHAPTER 12	240

Содержание

1. Глава 1	7
2. Глава 2	27
3. Глава 3	64
4. Глава 4	77
5. Глава 5	95
6. Глава 6	122
7. Глава 7	145
8. Глава 8	154
9. Глава 9	180
10. Глава 10	197
11. Глава 11	223
12. Глава 12	240

CHAPTER 1

Глава 1

•

One winter shortly before the Six Weeks War my tomcat, Petronius the Arbiter, and I lived in an old farmhouse in Connecticut. I doubt if it is there any longer, as it was near the edge of the blast area of the Manhattan near miss, and those old frame buildings burn like tissue paper. Even if it is still standing it would not be a desirable rental because of the fall-out, but we liked it then, Pete and I. The lack of plumbing made the rent low and what had been the dining room had a good north light for my drafting board.

Однажды зимой, незадолго до Шестинедельной войны, я со своим котом по имени Петроний жил на старой ферме в штате Коннектикут. Вряд ли она сохранилась до наших дней — она стояла как раз на краю зоны атомного поражения (это когда немножко промахнулись по Манхэттену), а эти старые хибарки горят, как бумажные салфетки.

Да если бы даже она и уцелела, я бы ее теперь не снял из-за повышенной радиации. Ну а тогда нам с Питом там нравилось. Канализации, правда, не было, поэтому сдавали ферму по дешевке. В комнате, что некогда называлась столовой, окна выходили на север, и свет для работы у чертежной доски был подходящий.

The drawback was that the place had eleven doors to the outside.

Дом имел один недостаток: в нем было одиннадцать дверей.

Twelve, if you counted Pete's door.

I always tried to arrange a door of his own for Pete—in this case a board fitted into a window in an unused bedroom and in which I had cut a cat strainer just wide enough for Pete's whiskers. I have spent too much of my life opening doors for cats. I once calculated that, since the dawn of civilization, nine hundred and seventy-eight man-centuries have been used up that way. I could show you figures.

А если считать и дверь для Пита — то все двенадцать. Я всегда старался, чтобы у Пита была своя дверь. В данном случае дверью ему служила вставленная в окно нежилой спальни фанерка, в которой я выпилил отверстие такого размера, чтобы усы не застревали. Слишком уж много времени в своей жизни я потратил, открывая двери кошкам. Однажды я даже вычислил, что за всю историю цивилизации человечество убило на это дело сто семьдесят восемь человеко-веков. Могу показать расчеты.

Pete usually used his own door except when he could bully me into opening a people door for him, which he preferred. But he would not use his door when there was snow on the ground.

Обычно Пит пользовался своей дверью, кроме тех случаев, когда ему удавалось умякнуть меня, чтобы я открыл ему человеческую дверь — их он любил больше. Однако он категорически отказывался пользоваться своей дверью, если на земле лежал снег.

While still a kitten, all fluff and buzzes, Pete had worked out a simple philosophy. I was in charge of quarters, rations, and weather; he was in charge of everything else. But he held me especially responsible for weather.

Connecticut winters are good only for Christmas cards; regularly that winter Pete would check his own door, refuse to go out it because of that unpleasant white stuff beyond it (he was no fool), then badger me to open a people door.

He had a fixed conviction that at least one of them must lead into summer weather. Each time this meant that I had to go around with him to each of eleven doors, held it open while he satisfied himself that it was winter out that way, too, then go on to the next door, while his criticisms of my mismanagement grew more bitter with each disappointment.

Then he would stay indoors until hydraulic pressure utterly forced him outside. When he returned the ice in his pads would sound like little clogs on the wooden floor and he would glare at me and refuse to purr until he had chewed it all out... whereupon he would forgive me until the next time.

But he never gave up his search for the Door into Summer.

On 3 December, 1970, I was looking for it too. My quest was about as hopeless as Pete's had been in a Connecticut January.

What little snow there was in southern California was kept on mountains for skiers, not in downtown Los Angeles—the stuff probably couldn't have pushed through the smog anyway. But the winter weather was in my heart.

Еще котенком Пит выработал очень простое правило: я отвечаю за жилье, питание и погоду; он — за все остальное. Но в особенности, по его убеждению, я отвечал за погоду.

Зима в Коннектикуте хороша только для рождественских открыток; а Пит в ту зиму регулярно подходил к «своей» двери, выглядывал наружу и — не дурак же он! — отказывался выходить на улицу из-за этой белой дряни под лапами. Потом он мучил и преследовал меня до тех пор, пока я не открывал ему «человечью» дверь.

Пит твердо верил, что хотя бы за одной из этих дверей его ждет хорошая летняя погода. Поэтому каждый раз мне приходилось терпеливо обходить с ним все одиннадцать дверей, открывая каждую, чтобы он мог убедиться, что и там — зима. С каждым следующим разочарованием кот все больше убеждался, что я со своими обязанностями не справляюсь.

Потом он сидел дома и терпел до тех пор, пока «гидравлическое давление» буквально не выжимало его наружу. А когда он возвращался назад, кусочки льда между подушечками на его лапах цокали по дощатому полу, словно деревянные башмачки. Он сердито смотрел в мою сторону и отказывался мурлыкать до тех пор, пока не вылизет весь лед на лапах, после чего все же прощал меня — до следующего раза.

Но упорно продолжал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря тысяча девятьсот семидесятого года я тоже искал ее. Однако поиски мои были такими же безнадежными, как старания Пита в январском Коннектикуте.

Та малость снега, что выпала в южной Калифорнии, лежала на склонах гор, на радость лыжникам, а не в Лос-Анджелесе — вряд ли снежинки вообще сумели бы пробиться через густой смог. Но в моем сердце наступила зима.

I was not in bad health (aside from a cumulative hangover), I was still on the right side of thirty by a few days, and I was far from being broke. No police were looking for me, nor any husbands, nor any process servers; there was nothing wrong that a slight case of amnesia would not have cured. But there was winter in my heart and I was looking for the door to summer.

Здоровье у меня было в порядке (если не брать в расчет хронического похмелья); я готовился отметить свой тридцатый день рождения; бедность мне не угрожала. Меня никто не разыскивал: ни полиция, ни судебные исполнители, ни чужие мужья. В общем, ничего катастрофического, что не поддавалось бы лечению с помощью сеансов легкого забвения. Но поселившаяся у меня в сердце зима гнала меня искать Дверь в Лето.

If I sound like a man with an acute case of self-pity, you are correct. There must have been well over two billion people on this planet in worse shape than I was. Nevertheless, I was looking for the Door into Summer.

Если вам показалось, что мне было очень себя жалко, то вы правы. Наверняка на белом свете было добрых два миллиарда людей, дела у которых обстояли хуже моего. И, тем не менее, именно я искал Дверь в Лето.

Most of the ones I had checked lately had been swinging doors, like the pair in front of me then—the SANS SOUCI Bar Grill, the sign said. I went in, picked a booth hallway back, placed the overnight bag I was carrying carefully on the seat, slid in by it, and waited for the waiter.

Большая часть дверей, которые мне удалось осмотреть во время поисков, открывалась в обе стороны, вроде тех, перед которыми я сейчас стоял. На вывеске над дверями значилось: гриль-бар «Сан-Сузи». Я вошел внутрь, выбрал кабинку в середине зала, осторожно поставил сумку на диванчик, сам сел рядом и стал ждать официанта.

The overnight bag said, "Waarrh?"

Сумка потребовала голосом Пита: — А я у-у-у?!

I said, "Take it easy, Pete."

— Спокойно, Пит, — сказал я.

"Naaow!"

— Мя-а-а-у!

"Nonsense, you just went. Pipe down, the waiter is coming."

— Глупости, ты только что ходил по этому делу. Угомонись, официант идет.

Pete shut up. I looked up as the waiter leaned over the table, and said to him, "A double shot of your bar Scotch, a glass of plain water, and a split of ginger ale."

Кот притих. Я поднял глаза на склонившегося над столиком официанта и сказал: — Двойной виски, стакан воды и бутылку имбирного пива.

The waiter looked upset. "Ginger ale, sir? With Scotch?"

— Виски с пивом, сэр? — официант увял.

"Do you have it or don't you?"

— У вас есть имбирное пиво? Или нет?

"Why, yes, of course. But—" "Then fetch it. I'm not going to drink it; I just want to sneer at it. And bring a saucer too."

— Есть, конечно. Но... — Тогда неси. Я не буду его пить. Я только буду на него глядеть, скривившись. И еще принеси блюдечко.

"As you say, sir." He polished the table top. "How about a small steak, sir? Or the scallops are very good today."

"Look, mate, I'll tip you for the scallops if you'll promise not to serve them. All I need is what I ordered... and don't forget the saucer."

He shut up and went away. I told Pete again to take it easy, the Marines had landed. The waiter returned, his pride appeased by carrying the split of ginger ale on the saucer. I had him open it while I mixed the Scotch with the water.

"Would you like another glass for the ginger ale, sir?"

"I'm a real buckaroo; I drink it out of the bottle."

He shut up and let me pay him and lip him, not forgetting a lip for the scallops. When he had gone I poured ginger ale into the saucer and tapped on the top of the overnight bag.

"Soup's on, Peter."

It was unzipped; I never zipped it with him inside. He spread it with his paws, poked his head out, looked around quickly, then levitated his forequarters and placed his front feet on the edge of the table. I raised my glass and we looked at each other.

"Here's to the female race, Pete-find `em and forget `em!"

He nodded; it matched his own philosophy perfectly. He bent his head daintily and started lapping up ginger ale. "If you can, that is," I added, and took a deep swig. Pete did not answer. Forgetting a female was no effort to him; he was the natural-born bachelor type.

— Как прикажете, сэр, — он протер стол.

— А как насчет бифштекса, сэр? И устрицы сегодня тоже очень хороши.

— Слушай, приятель, ты получишь свои чаевые и за устриц, если пообещаешь, что не станешь их подавать. Мне надо только то, что я заказал... и не забудь, пожалуйста, блюдечко.

Он заткнулся и ушел. Я опять велел Питу сидеть тихо. Официант вернулся, бутылку с пивом он нес на блюде — должно быть, для самоутверждения. Я сказал ему, чтобы он откупорил бутылку, покуда я смешиваю виски с водой.

— Другой стакан, для имбирного, сэр?

— Я настоящий ковбой. Я пью из горлышка.

Он закрыл пасть и безропотно принял плату за выпивку и чаевые (устрицы, впрочем, он поставить в счет не позабыл). Когда он отошел, я плеснул имбирного в блюдечко и постучал по сумке:

— Пит! Кушать подано.

Сумка была не застегнута. Я никогда не застегиваю ее, если внутри сидит кот. Он высунул голову, быстро огляделся и встал передними лапами на край стола. Я поднял стакан и посмотрел на кота; кот — на меня.

— Ну, за прекрасных дам, Пит. Чем больше их встречаешь, тем легче забываешь!

Он кивнул. Это вполне соответствовало его убеждениям. Изящно наклонившись, он начал лакать имбирный напиток. «Если, конечно, сумеешь забыть», — добавил я и глотнул из стакана. Пит не ответил. Для него забыть смазливую кошку труда не составляло: он был убежденный холостяк.

Facing me through the window of the bar was a sign that kept changing. First it would read: WORK WHILE YOU SLEEP. Then it would say: AND DREAM YOUR TROUBLES AWAY. Then it would flash in letters twice as big:

MUTUAL ASSURANCE COMPANY I read all three several times without thinking about them. I knew as much and as little about suspended animation as everybody else did. I had read a popular article or so when it was first announced and two or three times a week I'd get an insurance-company ad about it in the morning mail; I usually chucked them without looking at them since they didn't seem to apply to me any more than lipstick ads did.

In the first place, until shortly before then, I could not have paid for cold sleep; it's expensive.

In the second place, why should a man who was enjoying his work, was making money, expected to make more, was in love and about to be married, commit semi-suicide?

If a man had an incurable disease and expected to die anyhow but thought the doctors a generation later might be able to cure him-and he could afford to pay for suspended animation while medical science caught up with what was wrong with him-then cold sleep was a logical bet. Or if his ambition was to make a trip to Mars and he thought that clipping one generation out of his personal movie film would enable him to buy a ticket, I supposed that was logical too-there had been a news story about a cafe-society couple who got married and went right straight from city hail to the sleep sanctuary of Western World Insurance Company with an announcement that they had left instructions not to be called until they could spend their honeymoon on an interplanetary liner although I had suspected that it was a publicity gag rigged by the insurance company and that they had ducked out the back door under assumed names. Spending your wedding night cold as a frozen mackerel does not have the ring of truth in it.

За окном бара, на стене дома напротив, назойливо мигала реклама. Текст то и дело менялся: сперва светилось «РАБОТАЙТЕ ВО СНЕ!» Потом — «И СОН РЕШАЕТ ВСЕ ПРОБЛЕМЫ». И наконец, буквами вдвое большего размера:

«МЬЮЧЕЛ ЭШШУРАНС КОМПАНИ». Я три раза механически прочел мелькающие буквы, не думая об их смысле. О коммерческом анабиозе я знал не больше и не меньше остальных. Когда об этом деле объявили впервые, я прочел статейку-другую в научно-популярном журнале. Пару раз в неделю вместе с газетами в почтовый ящик совали и рекламный листок. Я выкидывал эти листки не читая: это касалось меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, до самого последнего времени я не смог бы себе этого позволить: Холодный Сон — штука дорогая. А во-вторых, если человеку нравится его работа, идут хорошие деньги (а в перспективе маячит еще больше), если этот человек влюблен и собирается жениться, так с чего бы вдруг ему совершать это полусамобийство?

Вот если человек неизлечимо болен и ему все равно помирать, но он надеется, что через полвека врачи смогут его вылечить, и если он в состоянии оплатить Холодный Сон до тех пор, пока наука не разберется, что там у него не в порядке — что ж, тогда Холодный Сон — логичное решение. Или если он мечтает слетать на Марс и считает, что, вырезав лет пятьдесят из своего личного кино, он сумеет купить билет, это тоже логично. В газетах была заметка о каких-то двух чудиках, которые поженились и прямо из городской ратуши отправились в Хранилище Холодного Сна фирмы «Вестерн уорлд иншуранс компани». Там они объявили, что просят их не беспокоить до тех пор, пока они не смогут провести медовый месяц на межпланетном лайнере. Хотя я лично подозреваю, что все это — рекламный трюк страховой компании, а те двое смылись через заднюю дверь: ну, не верю я, что кто-то согласится провести первую брачную ночь, лежа рядышком, как мороженная макрель.

And there was the usual straightforward financial appeal, the one the insurance companies bore down on: "Work while you sleep." Just hold still and let whatever you have saved grow into a fortune. If you are fifty-five and your retirement fund pays you two hundred a month, why not sleep away the years, wake up still fifty-five, and have it pay you a thousand a month? To say nothing of waking up in a bright new world which would probably promise you a much longer and healthier old age in which to enjoy the thousand a month? That one they really went to town on, each company proving with incontrovertible figures that its selection of stocks for its trust fund made more money faster than any of the others. "Work while you sleep!" It had never appealed to me. I wasn't fifty-five, I didn't want to retire, and I hadn't seen anything wrong with 1970.

Until recently, that is to say. Now I was retired whether I liked it or not (I didn't); instead of being on my honeymoon I was sitting in a second-rate bar drinking Scotch purely for anesthesia; instead of a wife I had one much-scarred tomcat with a neurotic taste for ginger ale; and as for liking right now, I would have swapped it for a case of gin and then busted every bottle.

But I wasn't broke.

I reached into my coat and took out an envelope, opened it. It had two items in it. One was a certified check for more money than I had ever had before at one time; the other was a stock certificate in Hired Girl, Inc. They were both getting a little mussed; I had been carrying them ever since they were handed to me.

Why not?

Why not duck out and sleep my troubles away? Pleasanter than joining the Foreign Legion, less messy than suicide, and it would divorce me completely from the events and the people who had made my life go sour. So why not?

В плане денег дело тоже было соблазнительное. Одна из страховых компаний даже придумала рекламный лозунг: «Работайте во сне». Просто лежи себе, а твои денежки пусть растут, превращаясь в состояние. Если вам пятьдесят пять, а пенсия у вас — двести в месяц, почему бы и не поспать лет двадцать? Проснешься — тебе опять пятьдесят пять, а пенсия — уже по тысяче ежемесячно. Не говоря уже о том, что проснешься-то в новом и прекрасном мире, где ты, возможно, проживешь дольше и будешь здоровее, а тысяча в месяц принесет тебе гораздо больше радости. На эту мысль нажимали все компании, и каждая, с цифрами в руках, неопровержимо доказывала, что ее акции позволяют делать больше (и быстрее!) денег, чем акции любой другой компании. «Делайте деньги во сне!» Меня это не вдохновляло. До пятидесяти пяти мне было еще далеко. На пенсию я не собирался. Да и в семидесятом году я не видел ничего худого.

Точнее сказать, не видел до недавнего времени. Теперь же я, хочешь не хочешь, был вроде как на пенсии. Я, кстати, не хотел. Вместо свадебного путешествия я сидел во второразрядном баре и пил виски исключительно ради обезболивания души. Вместо жены у меня — ободранный кот, пристрастившийся к имбирному пиву. Что же касается того, нравится ли мне мое время, — я бы махнул его не глядя на ящик джина, да и то перебил бы все бутылки.

Но вот уж банкротом я точно не был.

Я сунул руку в карман, достал конверт. Открыл его. Там лежали две бумажки. Первая — чек на сумму, которой я еще ни разу не держал в руках. Вторая — акционерный сертификат фирмы «Золушка инкорпорейтед». Обе немножко помялись: я ведь таскал конверт в кармане с тех пор, как мне его вручили.

Так почему бы и нет?

Почему бы не сбежать и не переспать свои печали? Приятнее, чем поступить в Иностраннный Легион; не так противно, как самоубийство, и это будет для меня полный развод — с людьми и событиями, испортившими мне жизнь.

I wasn't terribly interested in the chance to get rich. Oh, I had read H. G. Wells's *When The Sleeper Wakes*, not only when the insurance companies started giving away free copies, but before that, when it was just another classic novel; I knew what compound interest and stock appreciation could do. But I was not sure that I had enough money both to buy the Long Sleep and to set up a trust large enough to be worth while. The other argument appealed to me more: go beddy-bye and wake up in a different world. Maybe a lot better world, the way the insurance companies would have you believe... or maybe worse. But certainly different.

Возможность разбогатеть не слишком кружила мне голову. Ну, я, конечно, читал «Когда спящий проснется» Г. Дж. Уэллса, когда это был еще просто обычный роман — еще до того, как страховые компании начали раздавать книгу бесплатно ради рекламы. Какие проценты могут набежать по смешанному вкладу, я представлял. Но я не был уверен, хватит ли у меня денег купить себе Долгий Сон и при этом положить в банк сумму, достаточно крупную, чтобы игра стоила свеч. Меня больше привлекало другое: ложишься баю-бай и просыпаешься в другом мире. Этот мир может оказаться гораздо лучше (по крайней мере, страховые фирмы очень стараются убедить в этом своих клиентов), а может быть, и хуже. Но уж другой — наверняка!

I could make sure of one important difference: I could doze long enough to be certain that it was a world without Belle Darkin-or Miles Gentry, either, but Belle especially. If Belle was dead and buried I could forget her, forget what she had done to me, cancel her out...instead of gnawing my heart with the knowledge that she was only a few miles away.

Об одном существенном отличии того, другого мира от нынешнего я определенно мог позаботиться: я смогу проспать достаточно долго, чтобы проснуться в мире, где нет Беллы Даркин. И Майлса Джентри тоже. Но Беллы в особенности. Если ее не будет на свете, то я смогу забыть ее, забыть, что она сделала со мной, вычеркнуть ее из памяти. Пока она жива, червячок воспоминаний будет постоянно точить мое сердце, напоминая о том, что она — всего в нескольких милях от меня.

Let's see, how long would that have to be? Belle was twenty-three-or claimed to be (I recalled that once she had seemed to let slip that she remembered Roosevelt as President). Well, in her twenties anyhow. If I slept seventy years, she'd be an obituary. Make it seventy-five and be safe.

Так-так, посмотрим, сколько же лет на это нужно? Белле двадцать три. Так, во всяком случае, она утверждает. (Правда, однажды она проговорила, что помнит, как Рузвельт был президентом.) Ну, тридцати-то ей еще нет, и если проспать семьдесят лет, то я еще смогу отыскать некролог. Семьдесят пять для верности.

Then I remembered the strides they were making in geriatrics; they were talking about a hundred and twenty years as an attainable "normal" life span. Maybe I would have to sleep a hundred years. I wasn't certain that any insurance company offered that much.

Тут я вспомнил об успехах гериатрии. О ста двадцати годах поговаривают как о «нормальной» продолжительности человеческой жизни. Наверное, надо проспать сто лет. Только вряд ли найдется страховая компания, которая предлагает такой срок.

Then I had a gently fiendish idea, inspired by the warm glow of Scotch. It wasn't necessary to sleep until Belie was dead; it was enough, more than enough, and just the fitting revenge on a female to be young when she was old. Just enough younger to rub her nose in it-say about thirty years.

И тут, навеянная теплом от виски, мне в голову пришла злодейская мыслишка: вовсе не обязательно спать до тех пор, как Белла помрет. Вполне достаточно (более чем достаточно!) — и это прекрасная месть женщине — быть молодым, когда она состарится. Скажем, лет на тридцать моложе. Этого хватит, чтобы достать ее.

I felt a paw, gentle as a snowflake, on my arm.

Я почувствовал прикосновение легкой, как пушинка, лапы к своей руке.

"Moorre!" announced Pete.

— Ма-а-а-ло! — объявил Пит.

"Greedy gut," I told him, and poured him another saucer of ginger ale. He thanked me with a polite wait, then started lapping it. But he had interrupted my pleasantly nasty chain of thought. What the devil could I do about Pete?

— Ты проглот, — сказал я, подливая ему имбирного. Он терпеливо подождал и начал лакать. Но он нарушил стройную линию моих приятных размышлений. В самом деле, куда к черту я дену Пита?

You can't give away a cat the way you can a dog; they won't stand for it. Sometimes they go with the house, but not in Pete's case; to him I had been the one stable thing in a changing world ever since he was taken from his mother nine years earlier... I had even managed to keep him near me in the Army and that takes real wangling.

Ведь кота нельзя отдать другим людям, как собаку: это против кошачьей натуры. Иногда кот привыкает к дому, но к Питу это не относится: с тех пор как девять лет назад его забрали от его кошачьей мамы, единственной стабильной вещью в этом изменчивом мире стал для него я. Даже в армии я умудрился держать его при себе, а уж там-то ради этого пришлось покрутиться.

He was in good health and likely to stay that way even though he was held together with scar tissue. If he could just correct a tendency to lead with his right he would be winning battles and siring kittens for another five years at least.

Он был в добром здравии и, вероятно, болеть не собирался, хотя и держался весь на одних шрамах и рубцах. Если бы он отучился чуть что лезть в драку, то, наверное, еще лет пять исправно обеспечивал бы окрестных кошек котятами.

I could pay to have him kept in a kennel until he died (unthinkable!) or I could have him chloroformed (equally unthinkable)-or I could abandon him. That is what it boils down to with a cat: you either carry out the Chinese obligation you have assumed-or you abandon the poor thing, let him go wild, destroy its faith in the eternal rightness. The way Belle had destroyed mine.

Я бы мог заплатить, чтобы его держали в конуре до конца его дней, что совершенно немыслимо, или сдать ветеринару, чтобы его усыпили, что тоже совершенно немыслимо, или просто бросить его. С кошками, в сущности, так: или ты несешь крест свой до конца, или бросаешь бедную тварь, и она дичает и теряет веру в высшую справедливость (именно таким образом Белла поступила со мной).

So, Danny Boy, you might as well forget it. Your own life may have gone as sour as dill pickles; that did not excuse you in the slightest from your obligation to carry out your contract to this super-spoiled cat.

Так что, дружище, можешь забыть об этом деле. Жизнь твоя пошла вкривь и вкось, но это ни в коей мере не освобождает тебя от твоих обязательств перед этим насквозь испорченным котом.

Just as I reached that philosophical truth Pete sneezed; the bubbles had gone up his nose.

Когда я достиг этих философских истин, Пит чихнул: это газ шибанул ему в нос.

"Gesundheit," I answered, "and quit trying to drink it so fast."

— Gesundheit! — сказал я ему, — и не пей так быстро.

Pete ignored me. His table manners averaged better than mine and he knew it. Our waiter had been hanging around the cash register, talking with the cashier. It was the after-lunch slump and the only other customers were at the bar. The waiter looked up when I said "Gesundheit," and spoke to the cashier. They both looked our way, then the cashier lifted the flap gate in the bar and headed toward us. I said quietly, "MPs, Pete."

Но Пит этот совет проигнорировал. За столом он умел вести себя лучше, чем я, и знал это. Наш официант ошивался у кассы, болтая с кассиром. Время ленча уже кончилось, и немногочисленные посетители сидели у стойки бара. Когда я сказал «gesundheit!», официант взглянул в нашу сторону и что-то шепнул кассиру. Оба посмотрели на меня, потом кассир поднял крышку стойки и пошел к нам. Я тихо сказал: — Полиция, Пит.

He glanced around and ducked down into the bag; I pushed the top together.

Подойдя к столику, кассир огляделся и вдруг потянулся к сумке, но я сдвинул ее края плотнее.

The cashier came over and leaned on my table, giving the seats on both sides of the booth a quick double-O. "Sony, friend," he said flatly, "but you'll have to get that cat out of here."

— Извини, приятель, — сказал он без выражения, — но кота придется отсюда убрать.

"What cat?"

— Какого кота?

"The one you were feeding out of that saucer."

— Которого ты кормил из этого блюдца.

"I don't see any cat."

— Не вижу тут никакого кота.

This time he bent down and looked under the table.

Тут он нагнулся и заглянул под стол.

"You've got him in that bag," he accused.

— Он у тебя в этом мешке.

"Bag? Cat?" I said wonderingly. "My friend, I think you've come down with an acute figure of speech."

— Кот в мешке? — удивленно переспросил я. — Друг мой, это что — в переносном смысле?

"Huh? Don't give me any fancy language. You've got a cat in that bag. Open it up."

— Чего?! Ты давай не умничай. У тебя в сумке кот. Ну-ка, открой!

"Do you have a search warrant?"

— А ордер на обыск у тебя есть?

"What? Don't be silly." "You're the one talking silly, demanding to see the inside of my bag without a search warrant. Fourth Amendment-and the war has been over for years. Now that we've settled that, please tell my waiter to make it the same all around-or fetch it yourself."

— Не болтай глупости. Ордер... — Это ты болтаешь глупости: требуешь показать, что у меня в сумке, без ордера на обыск. Четвертая поправка к Конституции позволяет обыскивать без ордера только в военное время, а война уже давно кончилась. Теперь, если с этим все ясно, скажи, пожалуйста, официанту, чтобы повторил все еще по разу. Или сам принеси.

He looked pained.

Лицо кассира приобрело страдальческое выражение.

"Brother, this isn't anything personal, but I've got a license to consider. `No dogs, no cats-it says so right up there on the wall. We aim to run a sanitary establishment."

— Дружище, я ничего не имею против тебя, но — я же беспокоюсь за свою лицензию. Видишь табличку вон там, на стене? Там же сказано: с собаками и кошками нельзя. Мы стараемся содержать наше заведение в отличном санитарном состоянии.

"Then your aim is poor." I picked up my glass. "See the lipstick marks? You ought to be checking your dishwasher, not searching your customers."

— Плохо стараетесь. — Я взял со стола свой стакан. — Видишь следы губной помады? Так что лучше следи за своей судомойкой, а не за клиентами.

"I don't see no lipstick."

— Не вижу я тут никакой помады!

"I wiped most of it off. But let's take it down to the Board of Health and get the bacteria count checked."

— А я ее стер... в основном. Ну, давай отвезем этот стакан в санитарную лабораторию, пусть там сосчитают бактерий.

He sighed.

Он вздохнул.

"You got a badge?"

— Ты что — инспектор?

"No."

— Нет.

"Then we're even. I don't search your bag and you don't take me down to the Board of Health. Now if you want another drink, step up to the bar and have it... on the house. But not here." He turned and headed up front. I shrugged.

— Тогда квиты. Я не лезу в твою сумку, а ты не тащишь меня в санитарную службу. Так что, если хочешь выпить еще, ступай к стойке и пей. За счет заведения. Но не здесь, не за столиком.

"We were just leaving anyhow."

— Мы, собственно, собирались уходить.

As I started to pass the cashier's desk on my way out he looked up.

Когда, шагая к выходу, я поравнялся с кассой, он поднял голову.

"No hard feelings?"

— Ты не обиделся?

"Nope. But I was planning to bring my horse in here for a drink later. Now I won't."

— Не-а. Просто я собирался на днях заглянуть сюда выпить со своей лошадей. Теперь не приду.

"Suit yourself. The ordinance doesn't say a word about horses. But just one more thing—does that cat really drink ginger ale?"

— Зря: в санитарных правилах про лошадей нет ни слова. Я вот хотел спросить тебя только об одном: твой кот правда пьет имбирное пиво?

"Fourth Amendment, remember?"

— Ты про Четвертую поправку помнишь?

"I don't want to see the animal; I just want to know."

— Я же не прошу показать мне кота. Я просто хочу знать.

"Well," I admitted, "he prefers it with a dash of bitters, but he'll drink it straight if he has to."

— Ну, вообще-то, — ухмыльнулся я, — он вообще-то предпочитает «ерша», но и неразбавленный тоже пьет, когда приходится.

"It'll ruin his kidneys. Look here a moment, friend."

— Почки испортит. Глянь вон туда, друг.

"At what?"

— Куда?

"Lean back so that your head is close to where mine is. Now look up at the ceiling over each booth... the mirrors up in the decorations. I knew there was a cat there—because I saw it."

— Откинься назад, чтобы твоя голова оказалась рядом с моей. Теперь посмотри на потолок над кабинками. Видишь зеркала среди украшений? Я знал, что там кот, потому что я видел его.

I leaned back and looked. The ceiling of the joint had a lot of junky decoration, including many mirrors; I saw now that a number of them, camouflaged by the design, were so angled as to permit the cashier to use them as periscopes without leaving his station.

Я сделал, как он сказал, и взглянул. Потолок в забегаловке был весь разукрашен, в том числе и зеркалами. Теперь я увидел, что некоторые из них были наклонены под таким углом, что кассир мог смотреть в них, как в перископы, не покидая своего поста.

"We need that," he said apologetically. "You'd be shocked at what goes on in those booths... if we didn't keep an eye on `em. It's a sad world."

— Приходится, — сказал он извиняющимся тоном. — Видел бы ты, что в этих кабинках творится... то есть творилось бы, если бы мы за ними не приглядывали. Скверный это мир.

"Amen, brother."

— Аминь, брат.

I went on out. Once outside, I opened the bag and carried it by one handle; Pete stuck his head out.

Я пошел к двери. Снаружи я открыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит высунул голову наружу.

"You heard what the man said, Pete. `It's a sad world.' Worse than sad when two friends can't have a quiet drink together without being spied on. That settles it."

— Слышал, что сказал этот тип? «Это скверный мир». Даже хуже, если два друга не могут спокойно выпить без того, чтобы за ними не шпионили. Так что решено.

"Now?" asked Pete.

— На-а-у? — спросил Пит.

"If you say so. If we're going to do it, there's no point in stalling." "Now!"

— Как скажешь. Раз уж решили, чего тянуть?

Pete answered emphatically.

— Мнау! — с энтузиазмом ответил Пит.

"Unanimous. It's right across the street."

— Единогласно. Это как раз напротив.

The receptionist at the Mutual Assurance Company was a fine example of the beauty of functional design.

In spite of being streamlined for about Mach Four, she displayed frontal-mounted radar housings and everything else needed for her basic mission. I reminded myself that she would be Whistler's Mother by the time I was out and told her that I wanted to see a salesman.

Секретарша в приемной «Мьючел эшшуранс компани» оказалась великолепным образцом функционального дизайна. Элегантно-обтекаемая, как гоночная машина, которую можно разогнать до скорости в 4М, она была оснащена такой радарной установкой переднего базирования и всем остальным, необходимым для несения вахты. Я одернул себя, вспомнив, что она уже будет бабушкой, когда я проснусь, и сказал, что хотел бы побеседовать с продавцом.

"Please be seated. I will see if one of our client executives is free."

— Присядьте, пожалуйста. Я сейчас узнаю, кто из наших агентов свободен.

Before I could sit down she added, "Our Mr. Powell will see you. This way, please."

Но прежде чем я успел сесть, она объявила: — Вас примет сам мистер Пауэлл. Сюда, пожалуйста.

Our Mr. Powell occupied an office which made me think that Mutual did pretty well for itself. He shook hands moistly, sat me down, offered me a cigarette, and attempted to take my bag. I hung onto it.

«Сам мистер Пауэлл» занимал кабинет, своими размерами внушавший посетителям, что дела у фирмы идут очень недурно. Он пожал мне руку (ладонь у него была потная), усадил в кресло, предложил сигарету и хотел было принять мою сумку, но я не выпустил ее из рук.

"Now, sir, how can we serve you?"

— Ну-с, сэр, чем могу служить?

"I want the Long Sleep."

— Я хочу купить Долгий Сон.

His eyebrows went up and his manner became more respectful. No doubt Mutual would write you a camera floater for seven bucks, but the Long Sleep let them get their pawpaws on all of a client's assets.

Брови у него одобрительно поползли наверх, а манеры стали еще обходительнее. Семидолларовой сделкой «Мьючел», похоже, тоже не побрезговала бы, но Долгий Сон — это шанс наложить лапу на все состояние клиента.

"A very wise decision," he said reverently. "I wish I were free to take it myself. But... family responsibilities, you know." He reached out and picked up a form. "Sleep clients are usually in a hurry. Let me save you time and bother by filling this out for you... and we'll arrange for your physical examination at once."

— Очень мудрое решение, — произнес он почтительно. — Будь я свободен — сам бы поступил точно так же. Но... семья, заботы, сами понимаете. — Он протянул руку и достал бланк. — Клиенты-«сонники» обычно торопятся. Позвольте, я сэкономлю ваше время и заполню это сам... а медосмотр мы мигом организуем.

"Just a moment."

— Одну минуту.

"Yes?"

— Да?

"One question.

Are you set up to arrange cold sleep for a cat?"

— Один вопрос. Вы можете организовать Холодный Сон и для моего кота?

He looked surprised, then pained.

Он удивился. Потом нахмурился.

"You're jesting."

— Вы шутите.

I opened the top of the bag; Pete stuck his head out.

Я открыл сумку: Пит высунул голову.

"Meet my side-kick. Just answer the question, please. If the answer is 'no,' I want to sashay up to Central Valley Liability. Their offices are in this same building, aren't they?"

— Вот, познакомьтесь — мой кореш; и ответьте, пожалуйста, на вопрос. Если нет, то я потопаю в «Сентрал вэли лайабилити». Их контора ведь тоже в этом здании?

This time he looked horrified.

Теперь он выглядел напуганным.

"Mister- Uh, I didn't get your name?"

— Мистер... э-э, извините, я не разобрал вашего имени?

"Dan Davis."

— Дэн Дэвис.

"Mr. Davis, once a man enters our door he is under the benevolent protection of Mutual Assurance. I couldn't let you go to Central Valley."

— Мистер Дэвис, человек, вошедший в эту дверь, находится под покровительством «Мьючел эшшуранс». Я не могу отпустить вас в «Сентрал вэли».

"How do you plan to stop me? Judo?"

— И как же вы намерены меня не пустить? С помощью приемов дзюдо?

"Please!" He glanced around and looked upset.

"Our company is an ethical company."

— Ну зачем вы так!

— Он расстроено огляделся по сторонам. — В нашей фирме знают, что такое этика.

"Meaning that Central Valley is not?"

— Хотите сказать, что в «Сентрал вэли» не знают?

"I didn't say that; you did. Mr. Davis, don't let me sway you-" "You won't."

— Я этого не говорил; это ваши слова. Мистер Дэвис, я не хочу на вас давить... — И не надо. Не удастся.

"-but get sample contracts from each company. Get a lawyer, better yet, get a licensed semanticist. Find out what we offer-and actually deliver-and compare it with what Central Valley claims to offer." He glanced around again and leaned toward me. "I shouldn't say this-and I do hope you won't quote me-but they don't even use the standard actuarial tables."
"Maybe they give the customer a break instead."

— Но возьмите образцы контрактов из каждой компании. Сходите к адвокату, а еще лучше — к юристу-текстологу. Разберитесь в том, что мы предлагаем — и выполняем! — и сравните с тем, что предлагает и якобы выполняет «Сентрал вэли». — Он опять огляделся и подвинулся ко мне вплотную. — Мне бы не следовало этого говорить — и я надеюсь, вы не станете на меня ссылаться, — но они даже не пользуются стандартными актуарными таблицами. Мы... — Зато они, наверное, дают своим клиентам шанс?

"What? My dear Mr. Davis, we distribute every accrued benefit. Our charter requires it... while Central Valley is a stock company."

— Что? Дорогой мистер Дэвис, мы распределяем между клиентами всю прибыль. Это требование нашего устава. А вот «Сентрал вэли» — акционерная компания.

"Maybe I should buy some of their- Look, Mr. Powell, we're wasting time. Will Mutual accept my pal here? Or not? If not, I've been here too long already."

— Тогда, может, мне стоит купить их ак... Слушайте, мистер Пауэлл, мы тратим время даром. Берет «Мьючел» моего дружка в клиенты или нет? Если нет, то я и так уже, наверное, подзадержался у вас.

"You mean you want to pay to have that creature preserved alive in hypothermia?"

— Вы хотите сказать, что готовы заплатить за то, чтобы эту тварь сохранили для вас в состоянии гипотермии?

"I mean I want both of us to take the Long Sleep. And don't call him 'that creature'; his name is Petronius."

— Я хочу сказать, что хочу купить Долгий Сон для нас обоих. И не называйте его «эта тварь». Его зовут Петроний.

"Sorry. I'll rephrase my question. You are prepared to pay two custodial fees to have both of you, you and, uh, Petronius committed to our sanctuary?"

— Пардон. Я сформулирую вопрос по-другому. Вы готовы внести соответствующую плату за то, чтобы мы поместили вас обоих — вас и, э-э, Петрония — в наше Хранилище?

"Yes. But not two standard fees. Something extra, of course, but you can stuff us both in the same coffin; you can't honestly charge as much for Pete as you charge for a man."

— Да. Но не двойную плату. Что-то сверх обычной платы, конечно, но вы можете захихать нас обоих в один гроб. Ведь нечестно брать за Пита столько же, сколько вы берете за человека.

"This is most unusual."

— Все это очень необычно.

"Of course it is. But we'll dicker over the price later... or I'll dicker with Central Valley. Right now I want to find out if you can do it."

— Безусловно. Но о цене мы поговорим позже. Или я буду торговаться с «Сентрал вэли». А сейчас я хочу выяснить, можете ли вы в принципе это сделать.

"Uh..." He drummed on his desk top. "Just a moment." He picked up his phone and said, "Opal, get me Dr. Berquist."

— Хм-м... — Он побарабанил пальцами по крышке стола. — Одну минуту. — Он снял трубку и сказал: — Беатрис, дайте мне доктора Берквиста.

I didn't hear the rest of the conversation, for he switched on the privacy guard. But after a while he put down the instrument and smiled as if a rich uncle had died.

Остальную часть беседы я не услышал. Он включил устройство, не позволяющее подслушивать. Но через некоторое время он положил трубку и улыбнулся так, словно у него умер богатый дядюшка.

"Good news, sir! I had overlooked momentarily the fact that the first successful experiments were made on cats. The techniques and critical factors for cats are fully established. In fact there is a cat at the Naval Research Laboratory in Annapolis which is and has been for more than twenty years alive in hypothermia."

— Хорошие новости, сэр! Я как-то совсем упустил из виду, что первые эксперименты проводились именно на кошках. Техника и критические параметры для них вполне известны. Как выяснилось, в одной лаборатории ВМС в Аннаполисе есть кот, который уже более двадцати лет в анабиозе.

"I thought NRL was wiped out when they got Washington?"

— А я думал, весь тамошний военно-исследовательский комплекс разнесло, когда накрыли Вашингтон?

"Just the surface buildings, sir, not the deep vaults. Which is a tribute to the perfection of the technique; the animal was unattended save by automatic machinery for more than two years, yet it still lives, unchanged, unaged. As you will live, sir, for whatever period you elect to entrust yourself to Mutual."

— Только наземные сооружения, сэр. Подземные уцелели. Так что это даже свидетельствует о совершенстве техники: свыше двух лет за этим котом следила только автоматика... и все же он жив — цел, невредим и молод. И вы, сэр, тоже проживете столько, на сколько верите себя нашей фирме.

I thought he was going to cross himself.

Мне показалось, что он сейчас осенит себя крестным знамением.

"Okay, okay, now let's get on with the dicker." There were four factors involved: first, how to pay for our care while we were hibernating; second, how long I wanted us to sleep; third, how I wanted my money invested while I was in the freezer; and last, what happened if I conked out and never woke up.

— Ладно-ладно, поехали дальше. Что у нас там еще? «Еще» оказалось четыре. Первое — как платить за наше «обслуживание», пока мы нежимся в анабиозе. Второе — как долго я намерен проспать. Третье — во что я хотел бы вложить свои деньги, пока лежу в морозилке; и наконец, что будет, если я отдам концы и не проснусь.

I finally settled on the year 2000, a nice round number and only thirty years away. I was afraid that if I made it any longer I would be completely out of touch. The changes in the last thirty years (my own lifetime) had been enough to bug a man's eyes out—two big wars and a dozen little ones, the downfall of communism, the Great Panic, the artificial satellites, the change to atomic power—why, when I was a kid they didn't even have multimorphs.

I might find 2000 A.D. pretty confusing. But if I didn't jump that far Belle would not have time to work up a fancy set of wrinkles.

When it came to how to invest my dough I did not consider government bonds and other conservative investments; our fiscal system has inflation built into it. I decided to hang onto my Hired Girl stock and put the cash into other common stocks, with a special eye to some trends I thought would grow. Automation was bound to get bigger. I picked a San Francisco fertilizer firm too; it had been experimenting with yeasts and edible algae—there were more people every year and steak wasn't going to get any cheaper. The balance of the money I told him to put into the company's managed trust fund.

Я выбрал двухтысячный год — круглое число, и всего в тридцати годах отсюда.

Я побоялся, что если я просплю дольше, то совершенно растеряюсь в новом времени.

Изменений, происшедших за последние тридцать лет — за мою жизнь, — достаточно, чтобы у человека глаза на лоб полезли: две больших войны и десяток малых, Великая Паника, искусственные спутники, переход на атомную энергию — да мало ли чего еще не было, когда я был мальчишкой, а теперь вот есть.

Возможно, что и в 2000-м я растеряюсь.

Но если я не заберусь так далеко, то Белле не хватит времени для отращивания морщин.

Когда мы взялись решать, во что вложить деньги, я даже не стал обсуждать всякие государственные займы и прочие традиционные капиталовложения, потому что инфляция просто встроена в нашу финансовую систему. Я решил сохранить свои акции «Золушки» и вложить деньги в акции некоторых других компаний. Скажем, будет развиваться автоматика. Еще я выбрал одну фирму в Сан-Франциско, выпускавшую удобрения: она экспериментировала с дрожжами и съедобными водорослями; людей на свете с каждым годом все больше, а мясо дешеветь не собирается. А всю образующуюся прибыль я поручил мистеру Пауэллу вкладывать в фонд доверительного управления их компании.

But the real choice lay in what to do if I died in hibernation. The company claimed that the odds were better than seven out of ten that I would live through thirty years of cold sleep... and the company would take either end of the bet. The odds weren't reciprocal and I didn't expect them to be; in any honest gambling there is a breakage to the house.

Only crooked gamblers claim to give the sucker the best of it, and insurance is legalized gambling.

The oldest and most reputable insurance firm in the world, Lloyd's of London, makes no bones about it. Lloyd's associates will take either end of any bet. But don't expect better-than-track odds: somebody has to pay for Mr. Powell's tailor-made suits. I chose to have every cent go to the company trust fund in case I died... which made Mr. Powell want to kiss me and made me wonder just how optimistic those seven-out-of-ten odds were.

But I stuck with it because it made me an heir (if I lived) of everyone else with the same option (if they died), Russian roulette with the survivors picking up the chips... and with the company, as usual, raking in the house percentage.

I picked every alternative for the highest possible return and no hedging if I guessed wrong; Mr. Powell loved me, the way a croupier loves a sucker who keeps playing the zero. By the time we had settled my estate he was anxious to be reasonable about Pete; we settled for 15 per cent of the human fee to pay for Pete's hibernation and drew up a separate contract for him.

There remained consent of court and the physical examination. The physical I didn't worry about; I had a hunch that, once I elected to have the company bet that I would die, they would accept me even in the last stages of the Black Death. But I thought that getting a judge to okay it might be lengthy. It had to be done, because a client in cold sleep was legally in chancery, alive but helpless.

Но главный-то вопрос был — что делать, если я отдам концы, находясь в анабиозе. Фирма утверждала, что у меня больше семи шансов из десяти проспать Холодным Сном тридцать лет, и была готова принять ставку на любой исход. Шансы были неравны, да я иного и не ожидал: в любой азартной игре в выигрыше всегда тот, у кого в руках банк. Шулерам выгодно делать вид, что новичку везет, а страхование — это узаконенное шулерство. Самая старая и почтенная страховая фирма в мире — лондонский Ллойд — не стесняется признавать это: представители Ллойда могут принять ставку на любой стороне любого пари. Но насчет своих шансов не обольщайтесь: кто-то же должен платить портному за отличные костюмы, что носит «сам мистер Пауэлл»...

Я решил, что в случае моей смерти, все деньги до последнего цента отходят в пользу компании, отчего мистер Пауэлл чуть не расцеловал меня, и я начал подозревать, что семь шансов из десяти, наверное, — приманка для оптимистов. Но я уперся на этом условии, потому что становился наследником (если выживу) всех тех, кто подпишет аналогичный контракт (если они умрут). Этакая «русская рулетка»: кто уцелеет — собирает бабки. А фирма, как всегда, гребет свои проценты.

Я поставил на возможность получить максимальную прибыль, не подстраховываясь на случай ошибки в выборе. Мистер Пауэлл просто исходил любовью ко мне, словно крупье к новичку, упорно ставящему на zero. А к тому времени, как мы оценили стоимость моего имущества, у него хватило ума не жмотничать в отношении Пита. Мы поладили на пятнадцать процентах от «человеческой» цены за его замораживание и оформили на него отдельный контракт.

Оставалось заверить бумаги в суде и пройти медосмотр. За медосмотр я не волновался: я крепко подозревал, что после того, как я решил завещать свое «состояние» компании в случае моей смерти, они протащат меня через медосмотр в любом случае, даже будь у меня последняя стадия черной оспы. Однако оформление бумаг в суде, наверное, долгая история. И неспроста: клиент в состоянии Холодного Сна юридически является лицом подопечным — живой, но беспомощный.

I needn't have worried. Our Mr. Powell had quadruplicate originals made of nineteen different papers. I signed till I got finger cramps, and a messenger rushed away with them while I went to my physical examination; I never even saw the judge.

Я зря беспокоился. «Сам мистер Пауэлл» уже велел размножить все девятнадцать документов в четырех экземплярах. Я подписывал их, пока пальцы не свело, и посыльный умчался с ними в суд, когда меня повели на медосмотр. Мне даже не довелось взглянуть на судью.

The physical was the usual tiresome routine except for one thing. Toward the end the examining physician looked me sternly in the eye and said, "Son, how long have you been on this binge?"

Медосмотр оказался обычной нудной процедурой, за исключением одного момента. Заканчивая осмотр, врач посмотрел мне прямо в глаза и спросил: — Давно пьешь, сынок?

"Binge?"

— Пью?

"Binge."

— Пьешь.

"What makes you think that, Doctor? I'm as sober as you are. `Peter Piper picked a peck of pickled-`" "Knock it off and answer me." "Mmm..."

— С чего вы взяли, доктор? Я не пьянее вас. Вот: на дворе трава, на траве... — Все-все, хватит. Отвечайте на вопрос.

I'd say about two weeks. A little over."

— Ну... недельки две, наверное. Может, чуть больше.

"Compulsive drinker? How many times have you pulled this stunt in the past?"

— Запой? Сколько раз это случалось раньше?

"Well, as a matter of fact, I haven't. You see-" I started to tell him what Belle and Miles had done to me, why did. He shoved a palm at me.

— Да, честно говоря, ни разу. Понимаете, я... — Я начал рассказывать ему, как обошлись со мной Майлс с Беллой и почему я чувствую себя так... Он выставил перед собой ладонь.

"Please. I've got troubles of my own and I'm not a psychiatrist. Really, all I'm interested in is finding out whether or not your heart will stand up under the ordeal of putting you down to four degrees centigrade. Which it will. And I ordinarily don't care why anyone is nutty enough to crawl into a hole and pull it in after him; I just figure it is one less damn fool underfoot. But some residual tinge of professional conscience prevents me from letting any man, no matter how sorry a specimen, climb into one of those coffins while his brain is sodden with alcohol. Turn around."

— Прошу вас, довольно. Мне хватает своих переживаний, и я не психиатр. Все, что меня сейчас интересует — выдержит ли ваше сердце охлаждение до плюс четырех градусов. И обычно меня не волнует, почему человек настолько псих, что лезет в норку и закрывается изнутри. Я считаю, одним дураком меньше под ногами мотается. Но те скудные крохи профессиональной добросовестности, что у меня остались, не позволяют мне допустить, чтобы человек — любой, даже самый жалкий — влез в этот гроб, если у него мозг пропитан алкоголем. Повернитесь.

"Huh?"

— А?

"Turn around; I'm going to inject you in your left buttock."

— Повернитесь. Уколю в левую ягодицу.

I did and he did.

While I was rubbing it he went on, "Now drink this. In about twenty minutes you will be more sober than you've been in a month. Then, if you have any sense—which I doubt—you can review your position and decide whether to run away from your troubles... or stand up to them like a man."

Что мы и сделали: я повернулся, он уколол.

Пока я потирал место укола, он продолжил: — Теперь выпейте это. Минут через двадцать вы будете трезвее, чем были месяц назад. После этого, если у вас осталось какое-то благоразумие (в чем я сомневаюсь), обдумайте свое положение и решите, надо ли вам сбегать от своих проблем или стоит попытаться решить их по-мужски.

I drank it.

Я выпил то, что он мне дал.

"That's all; you can get dressed. I'm signing your papers, but I'm warning you that I can veto it right up to the last minute. No more alcohol for you at all, a light supper and no breakfast. Be here at noon tomorrow for final check."

— Все, можете одеваться. Я подписываю ваши бумаги, но я вас предупреждаю, что могу наложить на них вето даже в последнюю минуту. Никакого спиртного; легкий ужин; и не завтракать. Придете к двенадцати для окончательной проверки.

He turned away and didn't even say good-bye. I dressed and went out of there, sore as a boil. Powell had all my papers ready. When I picked them up he said, "You can leave them here if you wish and pick them up at noon tomorrow...the set that goes in the vault with you, that is."

Он отвернулся, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, обиженный до боли. Мистер Пауэлл уже приготовил все мои бумаги. Когда я их взял, он сказал: — Вы можете оставить их здесь, если хотите, и взять завтра в двенадцать — тот комплект, который вы заберете с собой в ячейку.

"What happens to the others?"

— А что будет с остальными тремя?

"We keep one set ourselves, then after you are committed we file one set with the court and one in the Carlsbad Archives. Uh, did the doctor caution you about diet?"

— Один комплект мы храним у себя. После того как мы поместим вас на хранение, один экземпляр уйдет в суд, а еще один — в Карлсбадский архив. Э-э, насчет диеты вас доктор предупредил?

"He certainly did." I glanced at the papers to cover my annoyance.

— Да уж, еще как.

— Чтобы скрыть раздражение, я стал листать бумаги.

Powell reached for them.

Мистер Пауэлл протянул руку.

"I'll keep them safe overnight."

— Я сберегу их тут до завтра, если позволите.

I pulled them back.

Я потянул их к себе.

"I can keep them safe. I might want to change some of these stock selections."

— Я и сам их сберегу. Может, я выберу другие фирмы для капиталовложений.

"Uh, it's rather late for that, my dear Mr. Davis."

— Э-э, это уж поздновато, мой дорогой мистер Дэвис.

"Don't rush me. If I do make any changes I'll come in early."

— А вы меня не подгоняйте. Если я что-то изменю, я приду пораньше.

I opened the overnight bag and stuck the papers down in a side flap beside Pete. I had kept valuable papers there before; while it might not be as safe as the public archives in the Carlsbad Caverns, they were safer than you might think. A sneak thief had tried to take something out of that flap on another occasion; he must still have the scars of Pete's teeth and claws.

Я открыл сумку и запихал бумаги в боковой карман, рядом с Питом. Мне уже приходилось хранить там ценные бумаги. Хоть это и не архивы в Карлсбадских пещерах, но бумаги там были целее, чем вы думаете. Как-то раз один воришка пытался увести что-то из этого кармана. Думаю, у него до сих пор остались шрамы от когтей Пита.

CHAPTER 2

Глава 2

•

My car was parked under Pershing Square where I had left it earlier in the day. I dropped money into the parking attendant, set the bug on arterial-west, got Pete out and put him on the seat, and relaxed.

Машину свою я нашел на том же месте, где оставил: на стоянке у Першинг-сквер. Я бросил монетку в прорезь автосторожа, воткнул датчик автопилота в выезд на западную автостраду, вытащил Пита из сумки на заднее сиденье и расслабился.

Or tried to relax. Los Angeles traffic was too fast and too slashingly murderous for me to be really happy under automatic control; I wanted to redesign their whole installation-it was not a really modern "fail safe."

Точнее, попытался расслабиться. Движение в Лос-Анджелесе слишком быстрое и сумасшедшее, не для моих нервов, и расслабиться на автопилоте мне не удалось. Когда-нибудь я переделаю этот автопилот: до «современного и безопасного прибора» ему пока далеко, подумал я еще.

By the time we were west of Western Avenue and could go back on manual control I was edgy and wanted a drink.

Когда мы выехали на запад с Вест-авеню и переключились на ручное управление, я уже был на взводе и хотел выпить.

"There's an oasis, Pete."

— А вон и оазис, Пит.

"Blurrrrt?"

— Мурр?

"Right ahead."

— Вон там, впереди.

But while I was looking for a place to park-Los Angeles was safe from invasion; the invaders wouldn't find a place to park-I recalled the doctor's order not to touch alcohol.

Но пока я искал место для своей машины (Лос-Анджелесу не грозит вражеское вторжение: оккупанты просто не найдут, где припарковаться!), я вспомнил, что доктор велел мне в рот не брать спиртного.

So I told him emphatically what he could do with his orders.

Then I wondered if he could tell, almost a day later, whether or not I had taken a drink. I seemed to recall some technical article, but it had not been in my line and I had just skimmed it.

Я уже мысленно посоветовал ему пойти подальше вместе с его указаниями.

Но тут подумал: а вдруг он и через сутки сумеет определить, пил я или не пил? Была какая-то статья в журнале — меня она тогда не касалась, и я не очень в нее вчитывался.

Damnation, he was quite capable of refusing to let me coldsleep. I'd better play it cagey and lay off the stuff.

Черт, а ведь он запросто может запретить погружать меня в анабиоз. Пожалуй, придется воздержаться на всякий случай.

"Now?" inquired Pete.

— Мя?..

"Later. We're going to find a drive-in instead."

— Потом. Лучше найдем «драйв-ин».

I suddenly realized that I didn't really want a drink; I wanted food and a night's sleep. Doc was correct; I was more sober and felt better than I had in weeks. Maybe that shot in the fanny had been nothing but B1 if so, it was jet-propelled.

Я внезапно понял, что не хочу выпить. Я хочу есть и спать. Доктор был прав: я был трезв и впервые за несколько месяцев чувствовал себя нормально. Может быть, ничего особенного он мне в задницу и не вporол — обычный витамин В. Но если так, то витаминчик был на реактивной тяге.

So we found a drive-in restaurant. I ordered chicken in the rough for me and a half pound of hamburger and some milk for Pete and took him out for a short walk while it was coming. Pete and I ate in drive-ins a lot because I didn't have to sneak him in and out.

Поэтому мы нашли «драйв-ин». Я заказал себе цыпленка, пару котлет, а Питу — молока, и повел его прогуляться, ожидая, пока принесут заказанное. Мы с Питом часто ели в таких кафе: туда не надо проносить кота тайком.

A half hour later I let the car drift back out of the busy circle, stopped it, lit a cigarette, scratched Pete under the chin, and thought.

Через полчаса я вывел машину из потока, остановился, закурил, почесал Питу под подбородком и задумался.

Dan, my boy, the doe was right; you've been trying to dive down the neck of a bottle. That's okay for your pointy head but it's too narrow for your shoulders. Now you're cold sober, you've got your belly crammed with food and it's resting comfortably for the first time in days. You feel better.

Дэн, милый, доктор-то прав: ты пытаешься влезть в бутылку. Голова у тебя острая, пройдет, а вот плечам будет узковато. Теперь ты трезв; ты набил брюхо едой, и впервые за много дней она там уютно улеглась. Тебе лучше.

What else? Was the doc right about the rest of it? Are you a spoiled infant? Do you lack the guts to stand up to a setback? Why are you taking this step? Is it the spirit of adventure? Or are you simply hiding from yourself, like a Section Eight trying to crawl back into his mother's womb?

Чего же тебе еще? Насчет остального доктор, выходит, тоже прав? Ты что, капризный ребенок? Преодолеть препятствие — кишка тонка? Почему ты решился на этот шаг? На приключения потянуло? Или просто сам от себя прячешься?

But I do want to do it, I told myself-the year 2000. Boy!

Но я и впрямь хочу туда, в 2000-й год, подумал я. Это же — ух!..

Okay, so you want to. But do you have to run off without settling the beefs you have right here?

Окей, хочешь. Но разве дело — сбежать, не рассчитавшись здесь?

All right, all right!—but how can I settle them? I don't want Belle back, not after what she's done. And what else can I do? Sue them? Don't be silly, I've got no evidence—and anyhow, nobody ever wins a lawsuit but the lawyers.

Pete said, "Welllll?"

"Y'know!" I looked down at his waffle-scarred head. Pete wouldn't sue anybody; if he didn't like the cut of another cat's whiskers, he simply invited him to come out and fight like a cat.

"I believe you're right, Pete. I'm going to look up Miles, tear his arm off, and beat him over the head with it until he talks. We can take the Long Sleep afterward. But we've got to know just what it was they did to us and who rigged it."

There was a phone booth back of the stand. I called Miles, found him at home, and told him to stay there;

I'd be out. My old man named me Daniel Boone Davis, which was his way of declaring for personal liberty and self-reliance. I was born in 1940, a year when everybody was saying that the individual was on the skids and the future belonged to mass man. Dad refused to believe it; naming me was a note of defiance. He died under brainwashing in North Korea, trying to the last to prove his thesis. When the Six Weeks War came along I had a degree in mechanical engineering and was in the Army. I had not used my degree to try for a commission because the one thing Dad had left me was an overpowering yen to be on my own, giving no orders, taking no orders, keeping no schedules—I simply wanted to serve my hitch and get out.

When the Cold War boiled over, I was a sergeant-technician at Sandia Weapons Center in New Mexico, stuffing atoms in atom bombs and planning what I would do when my time was up. The day Sandia disappeared I was down in Dallas drawing a fresh supply of Schrecklichkeit. The fall-out on that was toward Oklahoma City, so I lived to draw my GI benefits.

Ладно, а как это сделать? После того, что произошло, Белла мне больше не нужна. А что я еще могу? Подать на них в суд? Глупо. Доказательств у меня нет. Да и вообще в суде выигрывает только одна сторона — адвокаты.

— Мя-а! — поддержал Пит.

Я взглянул на его исполосованную шрамами голову. Да, Пит не стал бы судиться. Если ему не нравится покрыв усов у другого кота, то Пит просто приглашает его выйти и подраться, как положено настоящему коту.

— Я думаю, ты прав, Пит. Сейчас найду Майлса, оторву ему руку и буду этой рукой бить его по голове, пока не признается. Долгий Сон малость обождет. Надо же узнать, как они это сделали, и кто это сварганил.

Рядом оказалась телефонная будка. Я набрал номер Майлса, который оказался дома, и велел ему ждать моего приезда.

Мой старик нарек меня Дэниел Бун Дэвис. Так он провозгласил личную свободу и уверенность в себе. Я родился в 1940-м, когда все считали, что индивидуализм обречен, и что будущее принадлежит человеку коллективному. Отец в это верить отказался и назвал меня так из чувства протеста. Он погиб в Северной Корее, до конца отстаивая свою точку зрения... Когда началась Шестинедельная война, я уже имел диплом инженера-механика и служил в армии.

Я не стал лезть в офицеры, несмотря на этот диплом. От отца я унаследовал непреодолимое стремление быть сам по себе: не командовать, не ходить под командой у других, не жить по расписанию. Я просто хотел отслужить свой срок — и домой. Когда «холодная война» стала «горячей», я был техником-сержантом в арсенале Сандия, в Нью-Мексико: начинал атомные бомбы Schrecklichkeit и строил планы на будущее, когда выйдет мой срок. В тот день, когда Сандия исчезла с лица земли, я был в Далласе. Радиоактивное облако понесло в сторону Оклахома-Сити, так что я остался цел и даже получил военную пенсию.

Pete lived through it for a similar reason. I had a buddy, Miles Gentry, a veteran called back to duty. He had married a widow with one daughter, but his wife had died about the time he was called back. I lived off post with a family in Albuquerque so as to have a home for his stepchild Frederica. Little Picky (we never called her "Frederica") took care of Pete for me. Thanks to the cat-goddess Bubastis, Miles and Picky and Pete were away on a seventy-two hour awful weekend-Ricky took Pete with them because I could not take him to Dallas.

I was as surprised as anyone when it turned out we had divisions stashed away at Thule and other places that no one suspected. It had been known since the '30s that the human body could be chilled until it slowed down to almost nothing. But it had been a laboratory trick, or a last-resort therapy, until the Six Weeks War.

I'll say this for military research: if money and men can do it, it gets results. Print another billion, hire another thousand scientists and engineers, then in some incredible, left-handed, inefficient fashion the answers come up. Stasis, cold sleep, hibernation, hypothermia, reduced metabolism, call it what you will- the logistics-medicine research teams had found a way to stack people like cordwood and use them when needed.

First you drug the subject, then hypnotize him, then cool him down and hold him precisely at four degrees centigrade; that is to say, at the maximum density of water with no ice crystals. If you need him in a hurry he can be brought up by diathermy and posthypnotic command in ten minutes (they did it in seven at Nome), but such speed tends to age the tissues and may make him a little stupid from then on. If you aren't in a hurry two hours minimum is better. The quick method is what professional soldiers call a "calculated risk."

Пит тоже уцелел похожим образом. У меня был приятель, Майлс Джентри. Он давно отслужил в армии, но его призвали снова. Он был женат — взял вдову с ребенком, но к тому времени, как его призвали, жена умерла. Жил он не в казарме, а снимал квартиру недалеко от своей части, в Альбукерке, чтобы у его падчерицы Фредерики был дом и семья.

А Рики (мы никогда не звали ее полным именем) присматривала за Питом. Слава кошачьей богине Бубастис: Майлсу дали трое суток увольнения, и в тот жуткий день он увез Рики на выходные. А Рики прихватила с собой Пита — я-то не мог взять его в Даллас.

Когда оказалось, что в Тиле и других местах у нас заначено несколько дивизий, о которых никто и не подозревал, я удивился не меньше, чем все остальные. Еще с тридцатых годов было известно, что человека можно охладить так, что жизнь в нем замирает почти до нуля. Но до Шестинедельной войны все это считалось лабораторным трюком.

Военные исследования, я вам скажу, такая штука: если есть люди и деньги — будут и результаты. Напечатайте еще миллион долларов, наймите еще тысячу ученых и инженеров — и каким-то непостижимым, противоестественным образом вопросы начинают обретать ответы. Стаз, Холодный Сон, гибернация, гипотермия, снижение метаболизма — называйте это как хотите, но группы исследователей (медиков и технарей) придумали способ хранить людей как поленья и использовать их по мере надобности.

Сначала «объект» напиговывают лекарствами, потом гипнотизируют, а затем охлаждают и хранят точнехонько при 4 °C — при максимальной плотности воды без образования кристалликов льда. Если «объект» нужен быстро, его можно довести до кондиции при помощи диатермии и постгипнотического растормаживания за десять минут, но от такой спешки ткани стареют, а человек может стать немножко... глуповатым. Если не торопиться, то лучше сделать все это часа за два. Ускоренный метод — метод заведомо опасный.

The whole thing was a risk the enemy had not calculated, so when the war was over I was paid off instead of being liquidated or sent to a slave camp, and Miles and I went into business together about the time the insurance companies started selling cold sleep.

We went to the Mojave Desert, set up a small factory in an Air Force surplus building, and started making Hired Girl, my engineering and Miles's law and business experience. Yes, I invented Hired Girl and all her kinfolk—Window Willie and the rest—even though you won't find my name on them.

While I was in the service I had thought hard about what one engineer can do. Go to work for Standard, or du Pont, or General Motors? Thirty years later they give you a testimonial dinner and a pension. You haven't missed any meals, you've had a lot of rides in company airplanes. But you are never your own boss.

The other big market for engineers is civil service—good starting pay, good pensions, no worries, thirty days annual leave, liberal benefits. But I had just had a long government vacation and wanted to be my own boss.

What was there small enough for one engineer and not requiring six million man-hours before the first model was on the market? Bicycle-shop engineering with peanuts for capital, the way Ford and the Wright brothers had started—people said those days were gone forever; I didn't believe it.

Automation was booming—chemical-engineering plants that required only two gauge-watchers and a guard, machines that printed tickets in one city and marked the space "sold" in six other cities, steel moles that mined coal while the 13MW boys sat back and watched. So while I was on Uncle Sam's payroll I soaked up all the electronics, linkages, and cybernetics that a clearance would permit.

На такой поворот событий противник не рассчитывал, поэтому по окончании войны меня не расстреляли и не отправили в концлагерь. Мне заплатили денежки, и мы с Майлсом открыли свой бизнес примерно тогда же, когда страховые компании начали торговать Холодным Сном.

Мы уехали в пустыню Мохаве, открыли в списанном военном ангаре небольшую фабрику и начали выпускать «Золушку». Я обеспечивал техническую часть; у Майлса был опыт делового и юридического характера. Да, это я изобрел «Золушку» и всю ее родню — «Чистюлю Чарли» и других, хотя на заводских табличках и нет моей фамилии.

Пока я служил в армии, я много думал о том, что может инженер. Наняться в «Стэндард ойл», «Дженерал моторз», к Дюпону? Будешь питаться регулярно и летать в командировки в собственном самолете компании. Через тридцать лет — прощальный банкет и пенсия. Но хозяином самому себе ты не будешь.

Можно податься и в муниципальные службы: сразу приличная зарплата, тридцатидневный оплачиваемый отпуск, куча привилегий, хорошая пенсия и никаких хлопот. Но я уже отвык от государственной службы и хотел быть сам себе голова.

Что бы такое найти небольшое, для одного инженера, не требующее сперва шести миллионов человеко-часов труда, чтобы выпустить на рынок изделие? Этаким велосипедный заводик, купленный на сдачу от бакалейщика, вроде того, что завели когда-то Форд или братья Райт. Считается, что эти времена канули безвозвратно. Я в это не верил.

Грядет бум автоматизации: химические заводы, где весь персонал — два техника (следить за задвижками) да охранник. Автомат печатает билеты в одном городе, а другие автоматы ставят штамп «продано» в шести других городах. Стальные комбайны добывают уголь, а парни из «Юнайтед майнз» сидят да наблюдают. Поэтому, пока я служил у Дяди Сэма, я буквально впитывал все новинки по электронике и кибернетике, какие только мог найти, имея допуск к бумагам с пометкой «Совершенно секретно».

What was the last thing to go automatic? Answer: any housewife's house. I didn't attempt to figure out a sensible scientific house; women didn't want one; they simply wanted a better upholstered cave. But housewives were still complaining about the Servant Problem long after servants had gone the way of the mastodon.

I had rarely met a housewife who did not have a touch of slaveholder in her; they seemed to think there really ought to be strapping peasant girls grateful for a chance to scrub floors fourteen hours a day and eat table scraps at wages a plumber's helper would scorn.

That's why we called the monster Hired Girl—it brought back thoughts of the semi-slave immigrant girl whom Grandma used to bully. Basically it was just a better vacuum cleaner and we planned to market it at a price competitive with ordinary suck brooms. What Hired Girl would do (the first model, not the semi-intelligent robot I developed it into) was to clean floors... any floor, all day long and without supervision. And there never was a floor that didn't need cleaning. It swept, or mopped, or vacuum-cleaned, or polished, consulting tapes in its idiot memory to decide which. Anything larger than a BB shot it picked up and placed in a tray on its upper surface, for someone brighter to decide whether to keep or throw away. It went quietly looking for dirt all day long, in search curves that could miss nothing, passing over clean floors in its endless search for dirty floors. It would get out of a room with people in it, like a well-trained maid, unless its mistress caught up with it and flipped a switch to tell the poor thing it was welcome. Around dinnertime it would go to its stall and soak up a quick charge—this was before we installed the everlasting power pack.

There was not too much difference between Hired Girl, Mark One, and a vacuum cleaner. But the difference—that it would clean without supervision—was enough; it sold.

Куда автоматика приходит в последнюю очередь? Ответ: к домохозяйкам. Я отнюдь не собирался создавать «научно обоснованный» дом — женщинам это не нужно. Женщине нужна пещера, только хорошо оборудованная. Но домохозяйки вечно жалуются, что недовольны прислугой. Хотя прислуга, как явление, давно исчезла вслед за мамонтами.

Мне редко доводилось видеть домохозяйку, в которой не было бы чего-то рабовладельческого. Чуть ли не каждая спит и видит, как бы найти дюжину деревенскую девку, цель жизни которой в том, чтобы драить полы по четырнадцать часов в день, получать объедки с господского стола и те жалкие гроши, которыми и подмастерье ассенизатора пренебрег бы.

Поэтому мы называли наше чудище «Золушка». В общем, это была просто улучшенная конструкция пылесоса; мы и продавать ее собирались по такой цене, чтобы конкурировать с обычными пылесосами. Что умела делать «Золушка» (первая модель, а не тот почти разумный робот, который получился после всех моих усовершенствований)? Мыть полы — любые полы, сутки напролет и без присмотра. А где-нибудь в доме всегда есть грязный пол. Она подметала, скребла, пылесосила или натирала в зависимости от того, что подсказывала ей ее дурацкая «память». Любой предмет размером больше игральной карты она поднимала с пола и клала в лоток на верхней крышке, чтобы кто-нибудь поумнее решил, выкинуть это или оставить. Она тихо ползала весь день, отыскивая грязь, по такому маршруту, что не пропускала ничего. Она сразу же выползала из комнаты, если в ней были люди (если только хозяйка не догонит ее и не щелкнет тумблером, означаящим, что ей можно продолжить работу). Пока хозяева обедали, «Золушка» возвращалась к своей стойке и тоже быстренько подзаряжалась (покуда мы не перешли на вечные батареи).

Между первой моделью «Золушки» и пылесосом большой разницы не было. Но того отличия, что существовало реально — способности убирать дом без присмотра, — оказалось достаточно: «Золушку» стали раскупать.

I swiped the basic prowl pattern from the "Electric Turtles" that were written up in Scientific American in the late forties, lifted a memory circuit out of the brain of a guided missile (that's the nice thing about top-secret gimmicks; they don't get patented), and I took the cleaning devices and linkages out of a dozen things, including a floor polisher used in army hospitals, a soft-drink dispenser, and those "hands" they use in atomics plants to handle anything "hot." There wasn't anything really new in it; it was just the way I put it together. The "spark of genius" required by our laws lay in getting a good patent lawyer.

The real genius was in the production engineering; the whole thing could be built with standard parts ordered out of Sweet's Catalogue, with the exception of two three-dimensional cams and one printed circuit. The circuit we subcontracted; the cams I made myself in the shed we called our "factory," using war-surplus automated tools. At first Miles and I were the whole assembly line- bash to fit, file to hide, paint to cover. The pilot model cost \$4317.09; the first hundred cost just over \$39 each-and we passed them on to a Los Angeles discount house at \$60 and they sold them for \$85. We had to let them go on consignment to unload them at all, since we could not afford sales promotion, and we darn near starved before receipts started coming in. Then Life ran a two-page on Hired Girl... and it was a case of having enough help to assemble the monster.

Схему челночно-рыскающего перемещения я содрал с игрушки «электрическая черепашка», описанной в журнале «Сайнтифик америкэн» в конце сороковых; блок памяти — из электронного мозга управляемых ракет (что хорошо в сверхсекретных штучках — их не патентуют!), а сами чистящие приспособления взял из десятка разных устройств, включая полотер для военных госпиталей, газировальный автомат и механические «руки»-манипуляторы, которыми пользуются на атомных заводах для работы с «горячими» деталями. Ничего по-настоящему нового во всем этом не было. Все дело заключалось в том, как я все эти части собрал воедино. «Искра божья», которую требуют наши изобретательские законы, — это умение найти хорошего патентоведа.

Самое гениальное было в технологии производства: всю машину можно было собрать из стандартных деталей, заказанных по почте, по каталогу фирмы «Свитс», кроме двух трехмерных кривошипов-толкателей и одной печатной платы. Печатную плату мы заказали отдельно; толкатели я делал сам в мастерской, которую мы гордо называли «фабрика», на станках, купленных из тех же списанных армейских излишков. Вначале вся сборочная бригада состояла из нас с Майлсом: тут приверни, там подпили, здесь подкрась. Действующая модель обошлась в четыре тысячи триста девятнадцать долларов девять центов; первая сотня серийных машин — чуть дороже тридцати девяти долларов за штуку, и мы продали их оптом в один лос-анджелесский магазин уцененных товаров по шестьдесят, а они распродали их в розницу по восемьдесят пять. Чтобы товар согласились принять для продажи, нам пришлось оформить сделку как договор о сдаче на комиссию, потому что денег на рекламу у нас уже не было, и мы чуть не умерли с голоду, прежде чем начали приходить первые деньги. Тут в журнале «Лайф» дали целый разворот про нашу «Золушку», и пришлось срочно нанимать помощников, чтобы собирать наших чудищ.

Belle Darkin joined us soon after that. Miles and I had been pecking out letters on a 1908 Underwood; we hired her as a typewriter jockey and bookkeeper and rented an electric machine with executive type face and carbon ribbon and I designed a letterhead. We were ploughing it all back into the business and Pete and I were sleeping in the shop while Miles and Ricky had a nearby shack. We incorporated in self-defense. It takes three to incorporate; we gave Belle a share of stock and designated her secretary-treasurer. Miles was president and general manager; I was chief engineer and chairman of the board... with 51 per cent of the stock.

I want to make clear why I kept control. I wasn't a hog; I simply wanted to be my own boss. Miles worked like a trouper, I give him credit. But better than 60 per cent of the savings that got us started were mine and 100 per cent of the inventiveness and engineering were mine. Miles could not possibly have built Hired Girl, whereas I could have built it with any of a dozen partners, or possibly without one—although I might have flopped in trying to make money out of it; Miles was a businessman while I am not But I wanted to be certain that I retained control of the shop, and I granted Miles equal freedom in the business end... too much freedom, it turned out. Hired Girl, Mark One, was selling like beer at a ball game and I was kept busy for a while improving it and setting up a real assembly line and putting a shop master in charge, then I happily turned to thinking up more household gadgets.

Amazingly little real thought had been given to housework, even though it is at least 50 per cent of all work in the world. The women's magazines talked about "labor saving in the home" and "functional kitchens," but it was just prattle; their pretty pictures showed living-working arrangements essentially no better than those in Shakespeare's day; the horse-to-jet-plane revolution had not reached the home.

Белла Даркин появилась у нас вскоре после этого.

Мы с Майлсом печатали наши деловые письма одним пальцем на разбитом «ундервуде» 1908 года. Беллу мы наняли в качестве машинистки и делопроизводителя, взяли в аренду электрическую машинку с респектабельным шрифтом и угольной лентой, а я придумал «шапку» для фирменного бланка. Всю прибыль мы вкладывали в дело. Пит и я спали прямо в мастерской, а Майлс с Рики — в каморке рядом. Организовать корпорацию мы решили для охраны своих прав. Но для этого надо не меньше трех пайщиков, так что мы дали Белле пару акций уставного фонда и поименовали ее в списке «секретарь-делопроизводитель». Майлс стал президентом корпорации и старшим менеджером, я — главным инженером и председателем правления (с пятьюдесятью одним процентом акций).

Поясню, почему я решил сохранить контроль. Я не жаден. Я просто хотел быть хозяином самому себе. Майлс, надо отдать ему должное, пахал на всю катушку. Но ведь шестьдесят с лишним процентов сбережений, на которые мы начали дело, были мои. А моих изобретений и инженерных решений — так и все сто. Майлсу ни за что бы не создать «Золушку», а я мог ее сделать с любым партнером, а может, и в одиночку. Хотя я наверняка потерпел бы неудачу, пытаюсь сделать на этом деньги: Майлс был бизнесменом, а я — нет. Но я хотел быть уверен, что сохраню контроль над производством, и предоставил Майлсу полную свободу в вопросах бизнеса. Как оказалось, слишком полную. Первая модель «Золушки» шла нарасхват, как холодное пиво на пляже, и я был занят тем, что усовершенствовал ее конструкцию, организовал настоящий сборочный конвейер и поставил во главе мастера, после чего с радостью начал придумывать новые домашние приспособления.

Удивительно, как мало внимания уделяется домашней работе, а ведь это, как минимум, половина всей работы на свете. В женских журналах писали об «экономии усилий в домашнем труде» и о «функциональных кухнях», но все это был детский лепет. На очаровательных картинках изображали помещения, где и варили, и ели, как во времена Шекспира. Техническая революция, создавшая самолет на смену лошади, прошла мимо кухни.

I stuck to my conviction that housewives were reactionaries. No "machines for living"; just gadgets to replace the extinct domestic servant, that is, for cleaning and cooking and baby tending.

I got to thinking about dirty windows and that ring around the bathtub that is so hard to scrub, as you have to bend double to get at it. It turned Out that an electrostatic device could make dirt go spung! off any polished silica surface, window glass, bathtubs, toilet bowls-anything of that sort. That was Window Willie and it's a wonder that somebody hadn't thought of him sooner. I held him back until I had him down to a price that people could not refuse. Do you know what window washing used to cost by the hour?

I held Willie out of production much longer than suited Miles. He wanted to sell it as soon as it was cheap enough, but I insisted on one more thing: Willie had to be easy to repair. The great shortcoming of most household gadgets was that the better they were and the more they did, the more certain they were to get out of order when you needed them most-and then require an expert at five dollars an hour to make them move again. Then the same thing will happen the following week, if not to the dishwasher, then to the air conditioner... usually late Saturday night during a snowstorm.

I wanted my gadgets to work and keep on working and not to cause ulcers in their owners. But gadgets do get out of order, even mine. Until that great day when all gadgets are designed with no moving parts, machinery will continue to go sour. If you stuff a house with gadgets some of them will always be out of order.

Я придерживался убеждения, что домохозяйки — консерваторы.

Никаких «механизированных жилищ» — просто устройства для замены вымерших домашних слуг: чтобы чистили, варили и глядели за детьми.

Мое внимание привлекли грязные оконные стекла и то место в ванне, вокруг сливного отверстия, которое так трудно отмыть — приходится сгибаться в три погибели. Оказалось, что под воздействием электростатического устройства грязь сама отлетает от любой полированной поверхности — со стекла, умывальника, унитаза. Так возник «Чистюля Чарли», и удивительно, что никто не придумал его до меня. Я придерживал его до тех нор, пока не сделал таким дешевым, что просто невозможно устоять. А знаете, сколько брали мойщики окон за час работы?

Я не запускал «Чарли» в производство гораздо дольше, чем это устраивало Майлса. Он хотел пустить «Чарли» в продажу, как только тот стал достаточно дешев, но я настоял на одном: надо, чтобы «Чарли» было легко чинить. Главный недостаток большинства бытовых машин в том, что чем они лучше и больше умеют делать, тем чаще ломаются, и наверняка именно в тот момент, когда это устройство вам нужнее всего. И чтобы оно опять заработало, нужен специалист, берущий по пять долларов в час. А на следующей неделе опять что-нибудь выходит из строя: не кондиционер — так посудомоечная машина. Обычно это бывает в субботу вечером, во время метели и снегопада.

Я хотел, чтобы мои железяки работали безотказно, а их владельцы не наживали язву. Но все железяки портятся, даже мои. И пока не наступит великий день, когда придумают, чтобы в механизмах не было движущихся частей, техника будет ломаться. Если дом набит техникой, то всегда какая-нибудь машинка будет неисправна.

But military research does get results and the military had licked this problem years earlier. You simply can't lose a battle, lose thousands or millions of lives, maybe the war itself, just because some gadget the size of your thumb breaks down. For military purposes they used a lot of dodges: "fail safe," stand-by circuits, "tell me three times," and so forth. But one they used that made sense for household equipment was the plug-in component principle. It is a moronically simple idea: don't repair, replace. I wanted to make every part of Window Willie which could go wrong a plug-in unit, then include a set of replacements with each Willie. Some components would be thrown away, some would be sent out for repair, but Willie himself would never break down longer than necessary to plug in the replacement part.

Но военные исследования дают результаты, и вояки справились с этой проблемой много лет назад. Нельзя же, в самом деле, терять тысячи и даже миллионы солдат, проигрывать битвы и целые войны только из-за того, что ломается какая-то железка с палец величиной. Для военных нужд применяются разные примочки: «безотказные» устройства, дублирующие цепи, повторители и разное такое. Из всего этого для бытовой техники годилось только одно: блочно-модульный принцип. Идея была до идиотизма проста: не чинить, а менять. Я решил сделать все части «Чарли», которые могли сломаться, легкосменными и продавать набор запчастей вместе с каждым «Чарли». Одни сломанные части можно будет выкинуть, другие — отправить в ремонт, но сам «Чарли» никогда не будет стоять сломанный дольше, чем надо, чтобы вставить запасную часть вместо вышедшей из строя.

Miles and I had our first row. I said the decision as to when to go from pilot model to production was an engineering one; he claimed that it was a business decision. If I hadn't retained control Willie would have gone on the market just as maddeningly subject to acute appendicitis as all other sickly, half-engineered "laborsaving" gadgets.

Тут у нас с Майлсом вышла первая стычка. Я считал, что переход от образцов к серийному выпуску — вопрос чисто технический. Он же утверждал, что это проблема менеджмента. И если бы я не сохранил контроль, то «Чарли» пошел бы в продажу таким же подверженным приступам острого аппендицита, как и все остальные кухонные недоделки, которые якобы экономят время своих хозяев.

Belle Darkin smoothed over the row. If she had turned on the pressure I might have let Miles start selling Willie before I thought it was ready, for I was as goofed up about Belle as is possible for a man to be.

Белле удалось сгладить нашу ссору. Если бы она настояла, я бы, наверное, позволил Майлсу начать продажу «Чарли» раньше, чем робот будет доведен до ума, потому что я дурел от Беллы настолько, насколько мужчина вообще может одуреть от женщины.

Belle was not only a perfect secretary and office manager, she also had personal specs which would have delighted Praxiteles and a fragrance which affected me the way catnip does Pete.

Белла была не только прекрасным секретарем — своими «личными данными» она могла бы вдохновить Праксителя, а аромат ее духов действовал на меня, как запах валерьянки на Пита.

With topnotch office girls as scarce as they were, when one of the best turns out to be willing to work for a shoestring company at a below-standard salary, one really ought to ask "why?", but we didn't even ask where she had worked last, so happy were we to have her dig us out of the flood of paper work that marketing Hired Girl had caused. Later on I would have indignantly rejected any suggestion that we should have checked on Belle, for by then her bust measurement had seriously warped my judgment. She let me explain how lonely my life had been until she came along and she answered gently that she would have to know me better but that she was inclined to feel the same way.

Хорошие секретарши вообще редкость; и когда очень хорошая вдруг соглашается служить на маленьком свечном заводике вроде нашего за грошовое жалованье, следует озадачиться вопросом: а почему? Но мы были так счастливы, когда она выкопала нас из-под лавины бумаг, засыпавшей нас в связи с торговлей «Золушкой», что даже не поинтересовались, а где, собственно, она служила раньше... А потом, позже, я с гневом и возмущением отвергал все предложения Майлса проверить ее послужной список, ибо к тому времени размеры ее бюста уже серьезно повлияли на здравость моих суждений. Она благосклонно позволяла мне жаловаться ей на то, как одиноко мне жилось до ее появления, и даже говорила, что и она вот тоже, в некотором роде... но что ей хотелось бы сперва получше узнать меня.

Shortly after she smoothed out the quarrel between Miles and myself she agreed to share my fortunes. "Dan darling, you have it in you to be a great man... and I have hopes that I am the sort of woman who can help you."

Вскоре после того, как она погасила ссору между мною и Майлсом, она согласилась разделить со мной мою судьбу. Дэн, дорогой, сказала она, в тебе есть что-то... ты будешь великим человеком. И я хочу надеяться, что я — подходящая женщина, чтобы помочь тебе в этом.

"You certainly are!"

— Ты именно такая женщина!

"Shush, darling. But I am not going to marry you right now and burden you with kids and worry you to death."

— Т-с-с, милый. Но я не выйду за тебя прямо сейчас, ведь это значит обременить тебя детьми и замучить до смерти всякими домашними заботами.

I'm going to work with you and build up the business first.

Я возражал, но она была непреклонна.

Then we'll get married." I objected, but she was firm. "No, darling, We are going a long way, you and I. Hired Girl will be as great a name as General Electric. But when we marry I want to forget business and just devote myself to making you happy. But first I must devote myself to your welfare and your future. Trust me, dear."

— Нет, дорогой. У нас впереди долгий путь. Твоя фирма станет знаменитой, как «Дженерал электрик». Когда мы поженимся, я хочу забыть про бизнес и посвятить себя только одному: составить твоё счастье. Но сначала я должна позаботиться о твоём благосостоянии и твоём будущем. Доверься мне, милый.

So I did.

She wouldn't let me buy her the expensive engagement ring I wanted to buy; instead I signed over to her some of my stock as a betrothal present. I went on voting it, of course. Thinking back, I'm not sure who thought of that present.

Что я и сделал. Она не позволила мне купить ей в честь нашей помолвки дорогое кольцо. Вместо этого я перевел на ее имя несколько своих акций в качестве обручального подарка. При голосованиях они, конечно, считались моими. Я все пытаюсь вспомнить, чья это была идея насчет такого подарка — моя или ее?

I worked harder than ever after that, thinking about wastebaskets that would empty themselves and a linkage to put dishes away after the dishwasher was through. Everybody was happy ...everybody but Pete and Ricky, that is. Pete ignored Belle, as he did anything he disapproved of but could not change, but Ricky was really unhappy.

My fault. Ricky had been "my girl" since she was a six-year-old at Sandia, with hair ribbons and big solemn dark eyes. I was "going to marry her" when she grew up and we would both take care of Pete. I thought it was a game we were playing, and perhaps it was, with little Ricky serious only to the extent that it offered her eventual full custody of our cat. But how can you tell what goes on in a child's mind? I am no: sentimental about kids. Little monsters, most of them, who don't civilize until they are grown and sometimes not then. But little Frederica reminded me of my own sister at that age, and besides, she liked Pete and treated him properly. I think she liked me because I never talked down (I had resented that myself as a child) and took her Brownie activities seriously.

Ricky was okay; she had quiet dignity and was not a banger, not a squealer, not a lap climber. We were friends, sharing the responsibility for Pete, and, so far as I knew, her being "my girl" was just a sophisticated game we were playing. I quit playing it after my sister and mother got it the day they bombed us. No conscious decision—I just didn't feel like joking and never went back to it. Ricky was seven then; she was ten by the time Belle joined us and possibly eleven when Belle and I became engaged.

She hated Belle with an intensity that I think only I was aware of, since it was expressed only by reluctance to talk to her—Belle called it "shyness" and I think Miles thought it was too.

But I knew better and tried to talk Ricky out of it. Did you ever try to discuss with a subadolescent something the child does not want to talk about? You'll get more satisfaction shouting in Echo Canyon. I told myself it would wear off as Ricky learned how very lovable Belle was.

После этого я еще сильнее налег на работу, выдумывая самоопорожняющуюся мусорную корзинку и приставку для вынимания чистой посуды из посудомоечной машины после мытья. Все были счастливы. Все, кроме Пита и Рики. Пит игнорировал Беллу, как и все, что он не одобрял, но не мог изменить. А вот Рики была очень несчастна.

Это моя вина. Рики считалась «моей девушкой» с шестилетнего возраста, еще в Сандии — этакая кроха с бантиками и огромными темными глазами. Я собирался «жениться на ней», когда она вырастет, чтобы мы вместе могли заботиться о Пите. Я думал, что это игра; да, наверное, так оно и было. Всерьез было только обещание разрешить Рики смотреть за котом. Но вот поди узнай, что у ребенка на уме... В отношении детей я не сентиментален: в большинстве своем это маленькие чудовища, и это с ними не проходит, пока они не вырастут (а у некоторых и после этого тоже...). Но малышка Фредерика была похожа на мою сестренку, вдобавок любила Пита и обращалась с ним прилично. А я, видимо, нравился ей, потому что не разговаривал с нею как с маленькой (сам этого в детстве терпеть не мог) и не подшучивал.

Рики была правильная девчонка: не врунья, не пискля и не ябеда, и было в ней скрытое достоинство. Мы дружили, вместе заботились о Пите, и, по моим понятиям, все эти разговоры про «мою девушку» были просто игрой. Я бросил эту игру, когда при бомбежке погибли мои мать и сестра. Это не было осознанное решение, мне просто стало не до игр, и больше мы к этому не возвращались. Рики тогда было семь лет. Когда появилась Белла, ей исполнилось десять. А к тому времени, как мы с Беллой объявили о своей помолвке, вероятно, одиннадцать.

Она ненавидела Беллу так сильно, что, наверное, только я об этом и знал, ибо внешне это проявлялось в нежелании разговаривать с нею. Белла говорила, что девочка ее стесняется, да и Майлс, по-моему, тоже так считал.

Но провести меня было труднее, и я попытался убедить Рики, уговорить ее. Вы никогда не пробовали говорить с подростком на тему, которую он обсуждать не желает? Такие разговоры — как об стенку горох.

Но я думал, что это пройдет, когда Рики поймет, какая Белла замечательная.

Pete was another matter, and if I had not been in love I would have seen it as a clear sign that Belle and I would never understand each other. Belle "liked" my eat-oh, sure, sure! She adored cats and she loved my incipient bald spot and admired my choice in restaurants and she liked everything about me.

But liking cats is hard to fake to a cat person. There are cat people and there are others, more than a majority probably, who "cannot abide a harmless, necessary eat." If they try to pretend, out of politeness or any reason, it shows, because they don't understand how to treat eats — and cat protocol is more rigid than that of diplomacy. It is based on self-respect and mutual respect and it has the same flavor as the dignidad de hombre of Latin America which you may offend only at risk to your life.

Cats have no sense of humor, they have terribly inflated egos, and they are very touchy. If somebody asked me why it was worth anyone's time to cater to them I would be forced to answer that there is no logical reason. I would rather explain to someone who detests sharp cheeses why he "ought to like" Limburger. Nevertheless, I fully sympathize with the mandarin who cut off a priceless embroidered sleeve because a kitten was sleeping on it.

Belle tried to show that she "liked" Pete by treating him like a dog... so she got scratched. Then, being a sensible cat, he got out in a hurry and stayed out a long time — which was well, as I would have smacked him, and Pete has never been smacked, not by me. Hitting a cat is worse than useless; a cat can be disciplined only by patience, never by blows.

So I put iodine on Belle's scratches, then tried to explain what she had done wrong.

"I'm sorry it happened: I'm terribly sorry! But it will happen again if you do that again!"

Другое дело — Пит. Не будь я влюблен, я бы понял по его поведению, что нам с Беллой никогда друг друга не понять. Белла «обожала мою кошку» — ну еще бы, а как же иначе! Она обожала кошек, и мою пробивающуюся лысину, и мое умение выбирать хорошие рестораны, и вообще все-все, что касалось меня.

Но настоящего любителя кошек трудно обмануть, утверждая, будто ты любишь кошек. Есть кошатники, а есть «прочие» (и их, наверное, большинство) — те, которые «не переносят это безобидное и полезное животное». Если из вежливости или по каким-то другим соображениям они пытаются это скрыть, то это сразу заметно, потому что они не понимают, как нужно обращаться с кошками. Дело в том, что кошачий «протокол» еще строже, чем дипломатический. Он основан на взаимном уважении и чувстве собственного достоинства. В нем есть что-то от латиноамериканского dignidad de hombre, которое можно задеть, только рискуя жизнью.

Кошки начисто лишены чувства юмора, страшно обидчивы и очень чувствительны. Если бы меня спросили, почему надо стараться угодить своему коту, мне пришлось бы ответить, что логического объяснения этому нет. Я бы скорее сумел объяснить человеку, который не выносит пикантных сыров, почему ему «следует любить» лимбургский сыр. И, тем не менее, я хорошо понимаю того китайского мандарина, который приказал отрезать кружевной рукав своего бесценного халата, на котором уснул котенок.

Белла пыталась изобразить, как она «любит» Пита, обращаясь с ним, как с псом, и, естественно, он частенько ее царапал. Будучи умным котом, он тут же сматывался и держался подальше, что было весьма благоразумно с его стороны: я бы его выдрал, а Пита никто никогда не бил, даже я. Бить кошку более чем бесполезно: добиться от нее чего-либо можно только терпением, а не битьем.

Я смазывал Белле царапины и пытался объяснить, что она делает не так.

— Мне очень жаль, что так произошло, просто ужасно жаль. Но если ты будешь так делать и дальше, это будет случаться опять!

"But I was just petting him!"

— Но я его просто приласкала!

"Uh, yes ... but you weren't cat-petting him; you were dogpetting him. You must never pat a cat, you stroke it. You must never make sudden movements in range of its claws. You must never touch it without giving it a chance to see that you are about to... and you must always watch to see that it likes it. If it doesn't want to be petted, it will put up with a little out of politeness—cats are very polite—but you can tell if it is merely enduring it and stop before its patience is exhausted."

— Ну да... Только так ласкают собак, а не кошек. Кота нельзя похлопывать по спине, его нужно гладить. Нельзя делать рядом с ним резких движений. Нельзя трогать его, если он не видит, что ты собираешься это сделать. И всегда смотри, нравится ли это ему. Если нет, он будет терпеть некоторое время из вежливости — кошки очень вежливые животные — но можно заметить, что он просто терпит, и прекратить раньше, чем его терпение лопнет.

I hesitated. "You don't like cats, do you?"

Я помедлил. Я колебался... — Ты ведь не любишь кошек, а?

"What? Why, how silly! Of course I like cats." But she added, "I haven't been around them much, I suppose. She's pretty touchy, isn't she?"

— Что? Фи, как глупо! Конечно же, я люблю кошек. — Но тут же добавила: — Просто я, наверное, мало имела с ними дело. Твоя кошка — она такая чувствительная, да?

"He? Pete is a he-male cat. No, actually he's not touchy, since he's always been well treated. But you do have to learn how to behave with cats. Uh, you must never laugh at them." "What?"

— Кот. Пит — кот. Самец. Нет, он не такой чувствительный — с ним всегда хорошо обращались. Просто надо научиться правильно себя с ним вести. Ну, нельзя, скажем, смеяться над ним.

Forevermore, why?"

— Господи, это еще почему?

"Not because they aren't funny; they're extremely comical. But they have no sense of humor and it offends them. Oh, a cat won't scratch you for laughing; he'll simply stalk off and you'll have trouble making friends with him. But it's not too important. Knowing how to pick up a cat is much more important. When Pete comes back in I'll show you how."

— Не потому, что они не смешные: они очень комичны. Но у них нет чувства юмора, и они очень обижаются. Конечно, он не оцарапает тебя, если ты станешь над ним смеяться. Он просто повернется и уйдет, но помириться с ним тебе будет сложно. Но это не самое главное. Гораздо важнее научиться брать кота на руки. Когда Пит вернется, я тебе покажу, как.

But Pete didn't come back in, not then, and I never showed her. Belle didn't touch him after that. She spoke to him and acted as if she liked him, but she kept her distance and he kept his. I put it out of my mind; I couldn't let so trivial a thing make me doubt the woman who was more to me than anything in life. But the subject of Pete almost reached a crisis later. Belle and I were discussing where we were going to live. She still wouldn't set the date, but we spent a lot of time on such details. I wanted a ranchette near the plant; she favored a flat in town until we could afford a Bel-Air estate. I said, "Darling, it's not practical; I've got to be near the plant. Besides, did you ever try to take care of a tomcat in a city apartment?"

Но Пит тогда вернулся не скоро, и я так и не показал ей, как это надо делать. С тех пор Белла к нему не прикасалась. Она разговаривала с ним и делала вид, что он ей нравится, но держала дистанцию, и Пит — тоже. Я выбросил это все из головы: не мог же я из-за такой ерунды усомниться в женщине, значившей для меня в жизни все... Однако позднее этот вопрос чуть не довел нас до разрыва. Мы обсуждали, где мы станем жить. Дату свадьбы Белла так и не давала назначить, но мы очень часто обсуждали детали будущей семейной жизни. Я хотел купить небольшое ранчо недалеко от фабрики. Белле была больше по душе квартира в городе, пока нам не по карману купить виллу и поместье. Я сказал: — Дорогая, это неудобно. Мне надо быть поближе к фабрике. И кроме того, у нас ведь кот, а не кошка. Тебе не приходилось держать кота в городской квартире?

"Oh, that! Look, darling, I'm glad you mentioned it. I've been studying up on cats, I really have. We'll have him altered. Then he'll be much gentler and perfectly happy in a flat."

— Ах, это!.. Знаешь, милый, хорошо, что ты сам заговорил об этом. Я тут кое-что почитала про кошек, да-да. Мы его... прооперируем. Тогда он будет тихий, и ему будет в квартире распрекрасно.

I stared at her, unable to believe my ears. Make a eunuch of that old warrior? Change him into a fireside decoration?

Я глядел на нее, не веря ушам своим. Сделать из этого старого бойца евнуха? Превратить его в украшение для каминной полки?!

"Bell; you don't know what you're saying!"

— Белла, ты сама не знаешь, что говоришь!

She tut-tutted me with the old familiar "Mother knows best," giving the stock arguments of people who mistake cats for property... how it wouldn't hurt him, that it was really for his own good, how she knew how much I valued him and she would never think of depriving me of him, how it was really very simple and quite safe and better for everybody. I cut in on her.

Она пустила в ход присказки вроде «мамуля лучше знает» и дежурные доводы людей, принимающих кошек за домашнее имущество: что ему не будет больно; что так ему же лучше; что она знает, как я люблю Пита, и что у нее и в мыслях не было лишать меня моего кота, и что это все очень просто, и не опасно, и для всех было бы лучше, если... Тут я перебил ее:

"Why don't you arrange it for both of us?"

— А почему бы не нас обоих — его и меня?

"What, dear?"

— Что, милый?

"Me, too. I'd be much more docile and I'd stay home nights and I'd never argue with you. As you pointed out, it doesn't hurt and I'd probably be a lot happier."

— Я говорю: и меня тоже. Я тоже буду тогда смирный, тихий, не буду уходить из дома вечерами и спорить с тобой. Ты же сказала: это не больно. И потом: мне же будет лучше!..

She turned red.

Она вспыхнула:

"You're being preposterous."

— Ты несешь чепуху!

"So are you!"

— А ты?

She never mentioned it again. Belle never let a difference of opinion degenerate into a row; she shut up and bided her time. But she never gave up, either. In some ways she had a lot of cat in her... which may have been why I couldn't resist her.

Больше она не заводила разговоров на эту тему. Белла никогда не позволяла разногласиям перерасти в ссору. Она умолкала и выжидала. Но никогда не отказывалась от своих намерений. В определенном смысле в ней было очень много от кошки. Может, поэтому она и была столь неотразима для меня?

I was glad to drop the matter. I was up to here in Flexible Frank. Willie and Hired Girl were bound to make us lots of money, but I had a bee in my bonnet about the perfect, all-work household automaton, the general-purpose servant. All right, call it a robot, though that is a much-abused word and I had no notion of building a mechanical man.

Я был рад, что этот вопрос отпал. Я был по горло занят «Салли». На «Чарли» и «Золушке» мы наверняка должны были заработать кучу денег, но у меня просто чесались руки создать совершенный, универсальный домашний автомат — этакую прислугу на все руки. Можете назвать его роботом, хотя это слово затерли, а я вовсе не собирался делать механического человека.

I wanted a gadget which could do anything inside the home-cleaning and cooking, of course, but also really hard jobs, like changing a baby's diaper, or replacing a typewriter ribbon. Instead of a stable of Hired Girls and Window Willies and Nursemaid Nans and Houseboy Harries and Gardener Guses I wanted a man and wife to be able to buy one machine for, oh, say about the price of a good automobile, which would be the equal of the Chinese servant you read about but no one in my generation had ever seen.

Я хотел создать машину, способную делать по дому все — убирать, варить (ну, это естественно), но не только. Она должна уметь делать и сложные вещи: перепеленать младенца или сменить ленту в пишущей машинке. Я хотел, чтобы вместо полчища разных машин — «Золушки», «Чистюли Чарли», «Нянюшки Нэнси», «Посыльного Пэта» и «Садовника Сиды» — семья могла купить всего одну машину (пусть даже она стоит столько, сколько приличный автомобиль), но эта машина будет заботиться о них не хуже слуги-китайца (все о таких слугах читали, но никто из моих сверстников их в глаза не видывал).

If I could do that it would be the Second Emancipation Proclamation, freeing women from their age-old slavery. I wanted to abolish the old saw about how "women's work is never done." Housekeeping is repetitious and unnecessary drudgery; as an engineer it offended me.

Если мне удастся осуществить задуманное — это станет новой Декларацией эмансипации; это освободит женщин от их векового рабства. Я хотел, чтобы поговорка «домашнюю работу не переделаешь» устарела. Домашняя работа — штука нудная, однообразная и утомительная. Как инженера, меня это просто оскорбляло.

For the problem to be within the scope of one engineer, almost all of Flexible Frank had to be standard parts and must not involve any new principles. Basic research is no job for one man alone; this had to be development from former art or I couldn't do it. Fortunately there was an awful lot of former art in engineering and I had not wasted my time while under a "Q" clearance. What I wanted wasn't as complicated as the things a guided missile was required to do.

Just what did I want Flexible Frank to do? Answer: any work a human being does around a house. He didn't have to play cards, make love, eat, or sleep, but he did have to clean up after the card game, cook, make beds, and tend babies—at least he had to keep track of a baby's breathing and call someone if it changed. I decided he did not have to answer telephone calls, as A.T.&T. was already renting a gadget for that. There was no need for him to answer the door either, as most new houses were being equipped with door answerers.

But to do the multitude of things I wanted him to do, he had to have hands, eyes, ears, and a brain... a good enough brain. Hands I could order from the atomics-engineering equipment companies who supplied Hired Girl's hands, only this time I would want the best, with wide-range servos and with the delicate feedback required for microanalysis manipulations and for weighing radioactive isotopes. The same companies could supply eyes—only they could be simpler, since Frank would not have to see and manipulate from behind yards of concrete shielding the way they do in a reactor plant. The ears I could buy from any of a dozen radio-TV houses—though I might have to do some circuit designing to have his hands controlled simultaneously by sight, sound, and touch feedback the way the human hand is controlled.

But you can do an awful lot in a small space with transistors and printed circuits.

Чтобы это дело было по плечу инженеру-одиночке, почти вся моя «Универсальная Салли» должна была состоять из стандартных узлов и не основываться на новых принципах. Фундаментальные исследования — занятие не для одного человека. Придется опираться на уже созданное и придуманное, иначе мне этого не одолеть. К счастью, придумано уже было немало, а я не зевал, когда имел допуск «СС» — «совершенно секретно». Создаваемая мною машина вряд ли должна была быть сложнее, чем управляемая ракета.

Чего же я хотел от своей «Салли»? Я хотел, чтобы она умела делать все, что приходится делать в доме человеку. Есть, спать, заниматься сексом или играть в карты ей не обязательно, а вот убирать со стола после карточной игры, готовить, стелить постель и нянчить детей — это уж будьте любезны. Или, по крайней мере, следить за дыханием ребенка и звать людей, если оно изменится. Я решил, что уметь отвечать на телефонные звонки ей тоже не обязательно: «Америкэн телефон энд телеграф» уже торгует такими устройствами. Открывать входную дверь опять же не обязательно — большинство новых домов оборудовано такими механизмами.

Но чтобы делать уйму дел, для которых «Салли» предназначалась, ей нужны были руки, глаза, уши и мозг. Хороший мозг. «Руки» можно заказать в той же фирме, выпускавшей оборудование для атомных заводов, что поставляла их для нашей «Золушки», — только на этот раз «руки» были нужны самые лучшие: с массой сервоприводов и механизмами тонкой обратной связи, такие какие используют для взвешивания радиоактивных изотопов на аналитических весах. Та же фирма будет делать и «глаза»; правда, «глаза» можно и попроще: «Салли» ведь не придется «видеть» сквозь метры бетона, как на атомных заводах. «Уши» я мог купить у любой из дюжины радиотелевизионных фирм, хотя мне и придется самому разрабатывать некоторые электронные цепи, чтобы «руки» одновременно управлялись импульсами от органов зрения, слуха и осязания, как человеческая рука.

Но на транзисторах и печатных платах в маленький объем можно запихать чертову уйму всего.

Frank wouldn't have to use stepladders. I would make his neck stretch like an ostrich and his arms extend like lazy tongs. Should I make him able to go up and down stairs? Well, there was a powered wheel chair that could. Maybe I should buy one and use it for the chassis, limiting the pilot model to a space no bigger than a wheel chair and no heavier than such a chair could carry—that would give me a set of parameters. I'd tie its power and steering into Frank's brain.

Лазить по пожарной лестнице «Салли» не придется; лучше я сделаю так, что шея у нее будет вытягиваться, как у страуса, а руки — удлиняться наподобие телескопических антенн. А вот должна ли она подниматься по ступеням? Вообще-то было такое инвалидное кресло с моторчиком, которое могло это делать. Может, купить такое и взять в качестве шасси, уменьшив сами механизмы до таких размеров, чтобы помещались в этом кресле, и такого веса, чтобы кресло выдержало? Вот и параметры определились. А электропривод и рулевое управление я выведу на «мозг».

The brain was the real hitch. You can build a gadget linked like a man's skeleton or even much better. You can give it a feedback control system good enough to drive nails, scrub floors, crack eggs-or not crack eggs. But unless it has that stuff between the ears that a man has, it is not a man, it's not even a corpse.

Главная заковыка была в «мозге». Можно сделать механику наподобие человеческого скелета, а может, и лучше. Можно придумать систему обратной связи, достаточно точную и тонкую, чтобы робот мог забивать гвозди, мыть полы, бить яйца — или не бить яйца. Но пока у него между ушей не будет этой штуки, наподобие человеческой, — это не человек и даже не труп.

Fortunately I didn't need a human brain; I just wanted a docile moron, capable of largely repetitive household jobs.

К счастью, мне не нужен был мозг на уровне человеческого. Мне надо было создать послушного дебила, способного делать однообразную домашнюю работу.

Here is where the Thorsen memory tubes came in. The intercontinental missiles we had struck back with "thought" with Thorsen tubes, and traffic-control systems in places like Los Angeles used an idiot form of them. No need to go into theory of an electronic tube that even Bell Labs doesn't understand too well, the point is that you can hook a Thorsen tube into a control circuit, direct the machine through an operation by manual control, and the tube will "remember" what was done and can direct the operation without a human supervisor a second time, or any number of times. For an automated machine tool this is enough; for guided missiles and for Flexible Frank you add side circuits that give the machine "judgment." Actually it isn't judgment (in my opinion a machine can never have judgment); the side circuit is a hunting circuit, the programming of which says "look for so-and-so within such-and-such limits; when you find it, carry out your basic instruction." The basic instruction can be as complicated as you can crowd into one Thorsen memory tube—which is a very wide limit indeed!—and you can program so that your "judgment" circuits (moronic back-seat drivers, they are) can interrupt the basic instructions any time the cycle does not match that originally impressed into the Thorsen tube.

This meant that you need cause Flexible Frank to clear the table and scrape the dishes and load them into the dishwasher only once, and from then on he could cope with any dirty dishes he ever encountered. Better still, he could have an electronically duplicated Thorsen tube stuck into his head and could handle dirty dishes the first time he ever encountered them... and never break a dish.

Stick another "memorized" tube alongside the first one and he could change a wet baby first time, and never, never, never stick a pin in the baby.

И тут пригодились ячейки памяти Торсена. Наши баллистические ракеты выбирали точку поражения, «размышляя» ячейками Торсена; применялись они и в системах регулирования дорожного движения, например, в Лос-Анджелесе, хотя и попроще, «поглупее». Не буду вдаваться в тонкости теории — их даже в «Бэлл лэбз» не очень понимают, — суть в том, что ячейку Торсена вводят в управляющую цепь, один раз управляют работой машины вручную, и ячейка «запоминает» последовательность действий и в следующий раз может управлять работой сама, без оператора-человека, и так неограниченное число раз. Для станка-автомата этого достаточно; для управляемой ракеты и «Универсальной Салли» нужны еще несколько цепей, чтобы машина могла «мыслить». Никакое это, конечно, не мышление (я считаю, что машина вообще не может мыслить), это просто побочные цепи — поисковые цепи, которые задают команды вроде: «Ищи то-то и то-то в пределах того-то и того-то; когда найдешь, исполняй основную программу». Основную программу можно сделать настолько сложной, насколько плотно удастся набить информацией ячейки Торсена (а набить ее туда можно ох как изрядно!), и составить так, чтобы она прерывалась, как только последовательность операций начнет отличаться от «запомнившихся» ячейкам Торсена.

Это означало, что только один раз «Универсальную Салли» надо было заставить убрать со стола, очистить от остатков пищи тарелки и поставить их в посудомоечную машину — после этого она сама справлялась с любой грязной посудой, на которую натыкалась. Более того: ячейку Торсена можно сначала зарядить электронной «памятью» и лишь потом вмонтировать в ее «голову». Тогда «Салли» справится с попавшейся ей грязной посудой сразу же, с первого раза, и никогда не разобьет ни одной тарелки.

Воткните другую «заряженную» ячейку рядом с первой — и она сумеет перепеленать малыша, и тоже с первого раза, и никогда — никогда! — не ущипнет его.

Frank's square head could easily hold a hundred Thorsen tubes, each with an electronic "memory" of a different household task. Then throw a guard circuit around all the "judgment" circuits, a circuit which required him to hold still and squawl for help if he ran into something not covered by his instructions—that way you wouldn't use up babies or dishes.

So I did build Frank on the framework of a powered wheel chair. He looked like a hat rack making love to an octopus but, boy, how he could polish silverware!

Miles looked over the first Frank, watched him mix a martini and serve it, then go around emptying and polishing ash trays (never touching ones that were clean), open a window and fasten it open, then go to my bookcase and dust and tidy the books in it. Miles took a sip of his martini and said, "Too much vermouth."

"It's the way I like them. But we can tell him to fix yours one way and mine another; he's got plenty of blank tubes in him. Flexible."

Miles took another sip.

"How soon can he be engineered for production?"

"Uh, I'd like to fiddle with him for about ten years."

Before he could groan I added, "But we ought to be able to put a limited model into production in five."

"Nonsense! We'll get you plenty of help and have a Model-T job ready in six months."

В квадратную голову «Салли» свободно помещалась добрая сотня ячеек Торсена, каждая — со своей электронной «памятью» о разных домашних делах. Теперь — сторожевая цепь, охватывающая все «умные» цепи: она заставляла «Салли» замереть на месте, включив сигнал тревоги, если та натыкалась на что-то, не укладывающееся в ее инструкции, чтобы не бить ненароком посуду (или детей!..).

Так что «Салли» я собрал на базе инвалидного кресла с электроприводом. Внешне это сильно смахивало на осьминога, обнимающегося с вешалкой, но видели бы вы, братцы, как она умела чистить столовое серебро!

Майлс наблюдал, как наша первая «Салли» смешивает «martini», подает его; потом обходит комнату, опорожняя и протирая пепельницы (не трогая при этом чистые); затем открывает окно; после этого подходит к полкам и стирает пыль с книжек. Отхлебнув «martini», Майлс заявил: — Вермута многовато, пожалуй.

— А я именно такой и люблю. Но можно сделать, чтобы мне она смешивала коктейли так, а тебе — по-другому. У нее свободных ячеек еще навалом. Одно слово — универсальная.

Майлс отпил еще.

— Как скоро она будет готова для запуска в производство?

— Ну, я-то возился бы с ней еще лет десять.

Майлс застонал, и я торопливо добавил: — Но модель попроще, я думаю, надо бы запустить пораньше — скажем, лет через пять.

— Ерунда! Найдем тебе кучу помощников, и чтобы все было готово через полгода.

"The devil you will. This is my magnum opus. I'm not going to turn him loose until he is a work of art... about a third that size, everything plug-in replaceable but the Thorsens, and so all out flexible that he'll not only wind the cat and wash the baby, he'll even play ping-pong if the buyer wants to pay for the extra programming."

I looked at him;
Frank was quietly dusting my desk and putting every paper back exactly where he found it.

"But ping-pong with him wouldn't be much fun; he'd never miss. No, I suppose we could teach him to miss with a random-choice circuit. Mmm... yes, we could. We will, it would make a nice selling demonstration."

"One year, Dan, and not a day over. Fm going to hire somebody away from Loewy to help you with the styling."

I said, "Miles, when are you going to learn that I boss the engineering? Once I turn him over to you, he's yours... but not a split second before."

Miles answered, "It's still too much vermouth."

— Черта с два! Это magnum opus, и я не выпущу ее из рук, пока она не станет шедевром: раза в три меньше, с легко заменяемыми, быстросъемными узлами (кроме, конечно, торсеновских ячеек), и настолько смысленной, чтобы она не только не заводила ключом кошек и не стирала пыль с детей, но даже играла в пинг-понг, если покупатель заплатит за дополнительное программирование.

Я взглянул на «Салли»: она тихонько стирала пыль с письменного стола, аккуратно укладывая каждую бумажку туда, откуда взяла. Я продолжил:

— Хотя играть с ней в пинг-понг, пожалуй, будет скучно: она не будет промахиваться. А впрочем, можно научить ее и этому: поставим генератор случайных чисел... да, это можно. А когда сделаем — устроим рекламный матч. Вот будет зрелище, а?

— Год, Дэн. Один год, и ни днем больше. И я найму дизайнера — помочь тебе с внешним оформлением.

Тут я сказал: — Майлс, когда ты поймешь, наконец, что технической частью команду я? Вот когда я передам ее тебе — валяй, там ты хозяин. Но ни секундой раньше.

— А вермута все-таки многовато... — ответил Майлс.

I piddled along with the help of the shop mechanics until I had Frank looking less like a three-car crash and more like something you might want to brag about to the neighbors. In the meantime I smoothed a lot of bugs out of his control system. I even taught him to stroke Pete and scratch him under the chin in such a fashion that Pete liked it-and, believe me, that takes negative feedback as exact as anything used in atomics labs. Miles didn't crowd me, although he came in from time to time and watched the progress. I did most of my work at night, coming back after dinner with Belle and taking her home. Then I would sleep most of the thy, arrive late in the afternoon, sign whatever papers Belle had for me, see what the shop had done during the day, then take Belle out to dinner again. I didn't try to do much before then, because creative work makes a man stink like a goat. After a hard night in the lab shop nobody could stand me but Pete.

С помощью наших механиков я возился с «Салли» до тех пор, пока она перестала напоминать результат столкновения двух мотоциклов и приобрела вид, вызывающий желание прихвастнуть ею перед соседками. Я тем временем довел до совершенства всю систему управления. Я даже научил ее гладить Пита и чесать его за ухом, а это, поверьте, требует такой же точной системы отрицательной обратной связи, как в оборудовании атомных лабораторий. Майлс не торопил меня, хотя время от времени заходил взглянуть, как идут дела. Работал я обычно по ночам, поужинав с Беллой и проводив ее домой. Большую часть дня я отсыпался, приезжал на фабрику после обеда, подмахивал приготовленные Беллой бумаги, проверял, что сделано за день в мастерской, и опять уезжал с Беллой ужинать. Я не очень выкладывался перед ужином, потому что после творческого труда от человека воняет, как от козла: утром, когда я возвращался из мастерской, вытерпеть меня мог разве что Пит.

Just as we were finishing dinner one day Belie said to me, "Going back to the shop, dear?"

Как-то раз, когда обед близился к концу, Белла спросила:

"Sure.

— Ты обратно на фабрику, милый?

Why not?"

— Конечно, а куда же еще.

"Good. Because Miles is going to meet us there."

— Хорошо. Майлс тоже должен приехать.

"Huh?"

— Майлс?

"He wants a stockholders' meeting."

— Он хочет провести собрание пайщиков.

"A stockholders' meeting? Why?"

— Собрание пайщиков? Зачем?

"It won't take long.

Actually, dear, you haven't been paying much attention to the firm's business lately. Miles wants to gather up loose ends and settle some policies."

— Это ненадолго. Ты ведь в последнее время не очень вникал в дела фирмы, милый. Майлс хочет кое-что уточнить насчет нашей рекламной политики; я точно не знаю.

"I've been sticking close to the engineering. What else am I supposed to do for the firm?"

— Я в основном занят инженерными делами. А что, собственно, еще я могу делать для фирмы?

"Nothing, dear. Miles says it won't take long."

— Ничего, милый. Майлс говорит, что собрание — ненадолго.

"What's the trouble? Can't Jake handle the assembly line?" "Please, dear. Miles didn't tell me why. Finish your coffee." Miles was waiting for us at the plant and shook hands as solemnly as if we had not met in a month. I said, "Miles, what's this all about?" He turned to Belle.

Майлс уже ждал нас на фабрике и поздоровался со мною за руку так торжественно, будто мы месяц не виделись. Я спросил его, в чем дело. Он повернулся к Белле.

"Get the agenda, will you?"

— Достань, пожалуйста, повестку дня.

This alone should have told me that Belle had been lying when she claimed that Miles had not told her what he had in mind. But I did not think of it—hell, I trusted Belle!—and my attention was distracted by something else, for Belle went to the safe, spun the knob, and opened it. I said, "By the way, dear, I tried to open that last night and couldn't. Have you changed the combination?"

Уже тогда я должен был понять, что Белла солгала мне, будто бы Майлс не говорил ей, что он замышляет. Но мне это и в голову не пришло (я же верил Белле, черт возьми!), да еще вдобавок меня кое-что отвлекло: Белла подошла к сейфу, повернула ручку — и сейф открылся. Я спросил: — Кстати, дорогая, я вчера хотел открыть его и не смог. Ты что, сменила шифр?

She was hauling papers out and did not turn.

Она переключала папки и не повернулась ко мне.

"Didn't I tell you?"

The patrol asked me to change it after that burglar scare last week."

— Разве я тебе не сказала? Охрана попросила меня сменить шифр после ложной тревоги на прошлой неделе.

"Oh. You'd better give me the new numbers or some night I'll have to phone one of you at a ghastly hour."

— А... ты лучше дай мне новый шифр, а то, не ровен час, придется звонить вам среди ночи!

"Certainly." She closed the safe and put a folder on the table we used for conferences. Miles cleared his throat and said, "Let's get started."

— Конечно. — Она закрыла сейф и положила папку на стол, который мы использовали для совещаний. Майлс откашлялся и сказал: — Давайте начнем.

I answered, "Okay. Darling, if this is a formal meeting, I guess you had better make pothooks... Uh, Wednesday, November eighteenth, 1970, 9:20 P.M., all stockholders present—put our names down—D. B. Davis, chairman of the board and presiding. Any old business?"

Я ответил: — Окей. Дорогая, раз это официальное собрание, то, мне кажется, надо бы вести протокол. Хм, итак: среда, восемнадцатое ноября тысяча девятьсот семидесятого года. Девять часов двадцать минут вечера. Присутствуют все пайщики — запиши наши имена; председатель правления и ведущий собрание — Д. Б. Дэвис. Есть ли вопросы, оставшиеся не рассмотренными ранее?

There wasn't any.

Таковых не оказалось.

"Okay, Miles, it's your show. Any new business?"

— Окей, Майлс, твой выход. Есть ли новые вопросы?

Miles cleared his throat.

Майлс опять прочистил горло:

"I want to review the firm's policies, present a program for the future, and have the board consider a financing proposal."

— Я хочу обсудить и пересмотреть политику фирмы, предложить программу действий на будущее и представить на рассмотрение совета предложения о привлечении внешних инвестиций.

"Financing? Don't be silly. We're in the black and doing better every month. What's the matter, Miles? Dissatisfied with your drawing account? We could boost it."

— Не дури, Майлс.
У нас положительный баланс, и дела идут лучше с каждым днем. Чего тебе не хватает? Если денег на текущем счету, то можем добавить!

"We wouldn't stay in the black under the new program. We need a broader capital structure."

— Новая программа не позволит нам сохранить положительный баланс. Нам нужна более широкая структура капиталовложений.

"What new program?"

— Какая еще новая программа?

"Please, Dan. I've gone to the trouble of writing it up in detail. Let Belle read it to us."

— Дэн, ну, пожалуйста! Я не поленился все это подробно записать. Пусть Белла прочтет.

"Well... okay."

— Ну что ж... пусть прочтет.

Skipping the gobbledegook-like all lawyers, Miles was fond of polysyllables—Miles wanted to do three things: (a) take Flexible Frank away from me, hand it over to a production-engineering team, and get it on the market without delay; (-but I stopped it at that point.)

Опуская крючкотворские пассажи (а Майлс, как все юристы, очень любил длинные слова), дело сводилось к трем пунктам. Во-первых, Майлс хотел отобрать у меня «Универсальную Салли», передать ее группе инженеров-технологов и немедленно выбросить на рынок. Во-вторых... Тут я перебил его:

"No!"

— Нет!

"Wait a minute, Dan. As president and general manager, I'm certainly entitled to present my ideas in an orderly manner. Save your comments. Let Belle finish reading."

— Подожди, Дэн. Как президент и старший менеджер, я определенно имею право, чтобы мои соображения выслушали, не перебивая. Оставь свои комментарии при себе и дай Белле дочитать.

"Well...all right. But the answer is still 'no.'"

— Ладно. Но другого ответа не будет.

Point (b) was in effect that we should quit frittering around as a one-horse outfit. We had a big thing, as big as the automobile had been, and we were in at the start; therefore we should at once expand and set up organization for nationwide and world-wide selling and distribution, with production to match.

Во-вторых, хватит нам быть кустарями, считал Майлс. У нас в руках большое изобретение не менее важное, чем автомобиль, — и немалая фора. Так что надо немедленно расширяться, создавать организацию всеамериканского, а возможно и всемирного, масштаба: оптовая торговля, розничная — ну, и производство, соответственно.

I started drumming on the table. I could just see myself as chief engineer of an outfit like that. They probably wouldn't even let me have a drafting table and if I picked up a soldering gun, the union would pull a strike. I might as well have stayed in the Army and tried to make general. But I didn't interrupt.

Я начал барабанить пальцами по столу. Я представил себя главным инженером такого предприятия: у меня даже чертежную доску отберут, а если я возьму в руки паяльник — профсоюз тут же объявит забастовку. С тем же успехом я мог остаться служить в армии и попытаться стать генералом. Но я не перебивал.

Point (c) was that we couldn't do this on pennies; it would take millions. Mannix Enterprises would put up the dough. What it amounted to was that we would sell out to Mannix, lock, stock, and Flexible Frank, and become a daughter corporation. Miles would stay on as division manager and I would stay on as chief research engineer, but the free old days would be gone; we'd both be hired hands.

В-третьих, такие дела с нашими грошами не проворачивают — нужны миллионы. Миллионы предлагала «Манникс энтерпрайзиз»; фактически она просто покупала нас на корню вместе с «Универсальной Салли», вершками и корешками. Мы превратились бы в ее дочернюю корпорацию. Майлс стал бы начальником отдела, а я — ведущим конструктором, но доброе старое время уже не веротишь: мы оба станем просто батраками.

"Is that all?" I said.

— Это все? — осведомился я.

"Mmm... yes. Let's discuss it and take a vote."

— Мм-м... да. Давайте обсудим и проголосуем.

"There ought to be something in there granting us the right to sit in front of the cabin at night and sing spirituals."

— По-моему, надо еще включить пункт, гарантирующий нам право сидеть вечером перед хужиной и петь спиричуэлы.

"This is no joke, Dan. This is how it's got to be."

— Это не шутки, Дэн. Так надо.

"I wasn't joking. A slave needs privileges to keep him quiet. Okay, is it my turn?"

— А я и не шучу: чтобы раб не бунтовал, ему надо дать какие-то привилегии. Окей. Можно мне?

"Go ahead."

— Валяй.

I put up a counterproposal, one that had been growing in my mind. I wanted us to get out of production. Jake Schmidt, our production shop master, was a good man; nevertheless I was forever being jerked out of a warm creative fog to straighten out bugs in production—which is like being dumped out of a warm bed into ice water. This was the real reason why I had been doing so much night work and staying away from the shop in the daytime. With more war-surplus buildings being moved in and a night shift contemplated I could see the time coming when I would get no peace to create, even though we turned down this utterly unpalatable plan to rub shoulders with General Motors and Consolidated. I certainly was not twins;

Я выдвинул встречное предложение, которое давно вертелось в голове. Я предложил свернуть производство. Джейк Шмидт, наш мастер цеха, был славный малый. Но меня то и дело выдергивали из теплого творческого тумана — устранять дефекты сборки. Ощущение такое, будто тебя из теплой постели вываливают в ледяную воду. Вот из-за этого-то я и старался побольше работать по ночам, а днем держаться подальше от цеха. А когда привезут еще ангары и укомплектуют ночную смену, мне и вовсе не видать покоя для творчества, даже если мы и отклоним этот безумный план — втиснуться между «Дженерал моторз» и «Консолидейтед». У меня не две головы; я не могу быть и изобретателем, и производственником.

I couldn't be both inventor and production manager. So I proposed that we get smaller instead of bigger—license Hired Girl and Window Willie, let someone else build and sell them while we raked in the royalties. When Flexible Frank was ready we would license him too. If Mannix wanted the licenses and would outbid the market, swell! Meantime, we'd change our name to Davis & Gentry Research Corporation and hold it down to just the three of us, with a machinist or two to help me jackleg new gadgets. Miles and Belle could sit back and count the money as it rolled in.

Miles shook his head slowly.

"No, Dan. Licensing would make us some money, granted. But not nearly the money we would make if we did it ourselves."

"Confound it, Miles, we wouldn't be doing it ourselves; that's just the point. We'd be selling our souls to the Mannix people. As for money, how much do you want?

You can use only one yacht or one swimming pool at a time... and you'll have both before the year is out if you want them."

"I don't want them."

"What do you want?"

He looked up.

"Dan, you want to invent things. This plan lets you do so, with all the facilities and all the help and all the expense money in the world. Me, I want to run a big business. A big business. I've got the talent for it." He glanced at Belle. "I don't want to spend my life sitting out here in the middle of the Mojave Desert acting as business manager to one lonely inventor."

I stared at him.

"You didn't talk that way at Sandia. You want out, Pappy? Belle and I would hate to see you go... but if that is the way you feel, I guess I could mortgage the place or something and buy you out. I wouldn't want any man to feel tied down."

Так что я предложил: давайте не будем расти. Лучше продадим лицензии на «Золушку» и «Чарли» — пусть их выпускает и продает кто-нибудь другой. А мы будем получать свои отчисления. А когда «дозреет» «Салли», мы и ее можем лицензировать. Если «Манникс» интересуют наши лицензии, пусть торгуется. Переторгует других — ради бога! А мы сменим вывеску на «Конструкторскую корпорацию Дэвис и Джентри» и опять будем работать втроем. Ну, еще парочка механиков — помогать мне собирать новые модели. А Майлсу и Белле останется только сидеть да считать денежки, что к нам потекут.

Майлс медленно покачал головой.

— Нет, Дэн. Конечно, лицензирование — это тоже деньги. Но ничего похожего на то, что мы можем иметь, делая нашу технику сами.

— Черт побери, Майлс, да ведь мы как раз и не будем делать ее сами, в том-то и дело! Мы просто продадимся «Манникс» с потрохами. А деньги — сколько ты хочешь? Больше одной яхты и одного бассейна тебе не надо. И то и другое у тебя будет еще в этом году, если захочешь.

— Не хочу.

— А что же ты хочешь?

Он поднял голову.

— Дэн, ты хочешь изобретать? Мой план — это возможность иметь для этого любые деньги и вообще все на свете. А я — я хочу рулить крупным делом. Большим делом. У меня к этому талант. — Он взглянул на Беллу. — Я не желаю до конца дней торчать здесь, посреди пустыни, и работать менеджером у изобретателя-одиночки.

Я пристально посмотрел на него.

— В Сандии ты по-другому говорил. Хочешь выйти из игры, Папуля? Нам с Беллой будет очень жаль... но раз ты так решил, я, наверное, смогу заложить фабрику и выкупить твою долю. Я никого не хочу связывать.

I was shocked to my heels, but if old Miles was restless I had no right to hold him to my pattern. "No, I don't want out;

Я был просто потрясен до самых пяток. Но если старине Майлсу так не терпелось, у меня не было никакого морального права удерживать его.

I want us to grow. You heard my proposal. It's a formal motion for action by the corporation. I so move."

— Нет, я не хочу выйти из игры, я хочу, чтобы мы расширились. Ты слышал мое предложение. Оно официальное. Так что давайте голосовать.

I guess I looked puzzled.

Наверное, у меня был удивленный вид.

"You insist on doing it the hard way? Okay, Belle, the vote is 'no.' Record it. But I won't put up my counterproposal tonight. We'll talk it over and exchange views. I want you to be happy, Miles."

— Ты так хочешь?! Окей, Белла, я голосую против. Запиши. Но я не буду вносить свое контрпредложение сегодня. Давайте обговорим его и обсудим. Я ведь тебе, Майлс, добра желаю.

Miles said stubbornly, "Let's do this properly. Roll call, Belle."

Майлс упрямо повторил: — Давайте сделаем все, как положено. Голосуем, Белла.

"Very well, sir. Miles Gentry, voting stock shares number-" She read off the serial numbers. "How say you?"

— Хорошо, сэр. Майлс Джентри, акции номер... — она прочитала номера акций. — Как вы голосуете?

"Aye."

— За.

She wrote in her book.

Она записала в журнал.

"Daniel B. Davis, voting stock shares number-" She read off a string of telephone numbers again; I didn't listen to the formality. "How say you?"

— Дэниэл Б. Дэвис, акции номер... — она опять отбарабанила серию телефонных номеров. Я не очень вслушивался в эту проформу. — Как вы голосуете?

"No. And that settles it. I'm sorry, Miles."

— Против. Так что все ясно. Извини, Майлс.

"Belle S. Darkin," she went on, "voting shares number-" She recited figures again. "I vote 'aye.'"

— Белла С. Даркин, — продолжила Белла, — акции номер, — она опять прочитала ряд цифр. — Я голосую «за».

My mouth dropped open, then I managed to stop gasping and say, "But, baby, you can't do that! Those are your shares, sure, but you know perfectly well that-" "Announce the tally," Miles growled.

Я открыл рот. Потом с трудом закрыл его и сказал: — Но, детка, так нельзя! Это, конечно, твои акции, но ты же знаешь, что... — Огласите результаты, — хрипло сказал Майлс.

"The 'ayes' have it. The proposal is carried."

— «За» — больше. Предложение принято.

"Record it."

— Запишите.

"Yes, sir."

— Да, сэр.

The next few minutes were confused. First I yelled at her, then I reasoned with her, then I snarled and told her that what she had done was not honest-true, I had assigned the stock to her but she knew as well as I did that I always voted it, that I had had no intention of parting with control of the company, that it was an engagement present, pure and simple. Hell, I had even paid the income tax on it last April. If she could pull a stunt like this when we were engaged, what was our marriage going to be like?

Следующие несколько минут я помню смутно. Сперва я орал на нее. Потом уговаривал. Наконец я озверел и выложил ей, что она поступает нечестно, что я, конечно, отписал ей часть своих акций, но она же прекрасно знает, что ими всегда голосую я и что я не собираюсь расставаться с контролем над компанией, что это был просто обручальный подарок, и все. Я же даже сам заплатил недавно подоходный налог по этим акциям, черт возьми! Если она способна откалывать такие номера, когда мы еще только помолвлены, тогда что же можно будет ожидать от нее после свадьбы?

She looked right at me and her face was utterly strange to me.

Она посмотрела мне прямо в лицо совершенно чужим взглядом.

"Dan Davis, if you think we are still engaged after the way you have talked to me, you are even stupider than I've always known you were."

— Дэн Дэвис, если ты полагаешь, что после всего, что ты мне тут наговорил, мы еще помолвлены, то ты еще глупее, чем я всегда о тебе думала.

She turned to Gentry.

Она повернулась к Джентри.

"Wifi you take me home, Miles?"

— Ты меня отвезешь, Майлс?

"Certainly, my dear."

— Разумеется, дорогая.

I started to say something, then shut up and stalked out of there without my hat.

It was high time to leave, or I would probably have killed Miles, since I couldn't touch Belle.

Я начал что-то говорить, но тут же заткнулся и вышел, спотыкаясь и забыв шляпу. И хорошо, что вовремя ушел — я тогда мог просто убить Майлса (на Беллу у меня рука не поднялась бы).

I didn't sleep, of course. About 4 A.M. I got out of bed, made phone calls, agreed to pay more than it was worth, and by five-thirty was in front of the plant with a pickup truck. I went to the gate, intending to unlock it and drive the truck to the loading dock so that I could run Flexible Frank over the tail gate-Frank weighed four hundred pounds. There was a new padlock on the gate.

Я, конечно, не сумел заснуть. Около четырех часов ночи я встал, позвонил в пару мест и в половине шестого уже подъезжал к фабрике на грузовике. Я подошел к воротам, чтобы отпереть их, заехать внутрь и погрузить свою «Универсальную Салли» в кузов — весила-то она четыреста фунтов. Однако на воротах висел новый замок.

I shinnied over, cutting myself on barbed wire. Once inside, the gate would give me no trouble, as there were a hundred tools in the shop capable of coping with a padlock. But the lock on the front door had been changed too.

Я перелез через забор, ободрав руку о колючую проволоку. Изнутри я легко справился бы с замком: инструмента в мастерской хватало на все случаи. Но замок на двери тоже сменили.

I was looking at it, deciding whether it was easier to break a window with a tire iron, or get the jack out of the truck and brace it between the doorframe and the knob, when somebody shouted, "Hey, you! Hands up!" I didn't put my hands up but I turned around. A middle-aged man was pointing a hogleg at me big enough to bombard a city.

Я разглядывал его, прикидывая, что легче — выбить монтировкой окно или взять из машины домкрат и отжать дверь, — когда кто-то позади меня рывкнул: «Эй ты, руки вверх!» Руки я не поднял, но повернулся. Средних лет человек целился в меня из какого-то оружия. Калибр был подходящий для бомбардировки крепости.

"Who the devil are you?"

— Кто вы такой, черт возьми?!

"Who are you?"

— А вы кто такой?

"I'm Dan Davis, chief engineer of this outfit."

— Дэн Дэвис, главный инженер этого заведения.

"Oh." He relaxed a little but still aimed the field mortar at me.

— А-а... Он малость расслабился, но миномет свой по-прежнему не опускал.

"Yeah, you match the description. But if you have any identification on you, better let me see it."

— Да, по описанию похожи. Но если у вас есть какой-нибудь документ, я бы предпочел взглянуть на него.

"Why should I? I asked who you are?"

— А с какой бы это стати? Я же спросил: кто вы такой?

"Me? Nobody you'd know. Name of Joe Todd, with the Desert Protective & Patrol Company. Private license. You ought to know who we are; we've had you folks as clients for the night patrol for months. But tonight I'm on as special guard."

— Я? Ну, вы меня не знаете. Зовут Джо Тодд, служу в местной охранной фирме. Частный детектив. А вы должны были про нас слышать: наши патрульные уже много месяцев охраняют вашу фирму. Хотя сегодня я здесь со спецзаданием.

"You are? Then if they gave you a key to the place, use it. I want to get in. And quit pointing that blunderbuss at me."

— Да? Тогда, раз у вас есть ключ, впустите меня. Я хочу войти. И уберите свою гаубицу.

He still kept it leveled at me.

Он все еще целился в меня.

"I couldn't rightly do that, Mr. Davis. First place, I don't have a key. Second place, I had particular orders about you. You aren't to go in. I'll let you out the gate."

— Не могу, мистер Дэвис. Во-первых, ключа у меня нет. Во-вторых, насчет вас у меня конкретные распоряжения: впускать вас не велено. Идемте, я открою вам ворота.

"I want the gate opened, all right, but I'm going in."

— Ворота вы откроете, но внутрь я все-таки войду.

I looked around for a rock to break a window.

Я оглянулся вокруг в поисках булыжника — разбить окно.

"Please, Mr. Davis . "Huh?"

— Мистер Дэвис... — Ну?

"I'd hate to see you insist, I really would. Because I couldn't chance shooting you in the legs; I ain't a very good shot. I'd have to shoot you in the belly. I've got soft-nosed bullets in this iron; it'd be pretty messy."

— Не советую настаивать. Я плохой стрелок, так что не могу рисковать, целясь в ноги. Мне придется стрелять вам в живот, а пули у меня разрывные. В общем, зрелище будет довольно неприятное.

I suppose that was what changed my mind, though I would like to think it was something else; i.e. when I looked again through the window I saw that Flexible Frank was not where I had left him.

Наверное, из-за этого я и передумал, хотя сейчас мне приятнее думать, что причина была в другом, а именно: когда я снова взглянул в окно, то увидел, что на том месте, где я оставил «Салли», ее не было.

As he let me out the gate Todd handed me an envelope.

Выпроводив меня за ворота, Тодд вручил мне небольшой конверт.

"They said to give this to you if you showed up."

— Мне велели отдать вам это, если вы появитесь.

I read it in the cab of the truck. It said:

Я прочел письмо в кабине грузовика. Оно гласило:

Dear Mr. Davis, 18 November, 1970 At a regular meeting of the board of directors, held this date, it was voted to terminate all your connection (other than as stockholder) with the corporation, as permitted under paragraph three of your contract.

It is requested that you stay off company property. Your personal papers and belongings will be forwarded to you by safe means.

18 ноября 1970 года Уважаемый мистер Дэвис! На состоявшемся сегодня заседании Совета директоров принято решение прервать Ваши отношения (кроме как акционера) с корпорацией, в соответствии с третьим параграфом Вашего контракта. Убедительно просим Вас не входить на территорию предприятия. Ваши личные вещи и бумаги Вы получите в целости.

- The board wishes to thank you for your services and regrets the differences in policy opinion which have forced this step on us.

Совет директоров благодарит Вас за службу и сожалеет о расхождении точек зрения на вопросы политики фирмы, повлекшем это решение.

Sincerely yours, Miles Gentry Chairman of the Board and General Manager by B. S. Darkin, Sec'y-Treasurer I read it twice before I recalled that I had never had any contract with the corporation under which to invoke paragraph three or any other paragraph.

Искренне Ваши, Майлс Джентри, председатель Совета директоров и старший менеджер; Белла С. Даркин, секр.-делопроизводитель Я перечитал письмо дважды, прежде чем сообразил, что у меня сроду не было никакого контракта, содержащего третий параграф (равно как и все прочие).

Later that day a bonded messenger delivered a package to the motel where I kept my clean underwear. It contained my hat, my desk pen, my other slide rule, a lot of books and personal correspondence, and a number of documents. But it did not contain my notes and drawings for Flexible Frank.

Some of the documents were very interesting. My "contract," for example—sure enough, paragraph three let them fire me without notice subject to three months' salary. But paragraph seven was even more interesting. It was the latest form of the yellow-dog clause, one in which the employee agrees to refrain from engaging in a competing occupation for five years by letting his former employers pay him cash to option his services on a first-refusal basis; i.e., I could go back to work any time I wanted to just by going, hat in hand, and asking Miles and Belle for a job—maybe that was why they sent the hat back.

But for five long years I could not work on household appliances without asking them first. I would rather have cut my throat.

There were copies of assignments of all patents, duly registered, from me to Hired Girl, Inc., for Hired Girl and Window Willie and a couple of minor things. (Flexible Frank, of course, had never been patented—well, I didn't think he had been patented; I found out the truth later.) But I had never assigned any patents, I hadn't even formally licensed their use to Hired Girl, Inc.; the corporation was my own creature and there hadn't seemed to be any hurry about it.

The last three items were my stock-shares certificate (those I had not given to Belle), a certified check, and a letter explaining each item of the check—accumulated "salary" less thawing-account disbursements, three months' extra salary in lieu of notice, option money to invoke "paragraph seven"... and a thousand dollar bonus to express "appreciation of services rendered." That last was real sweet of them.

В тот же день посыльный привез мне в мотель, где я держал чистые сорочки, пакет. В нем была моя шляпа, ручка, запасная логарифмическая линейка, куча книг и личных писем, а также ряд документов. Но чертежей «Универсальной Салли» там не было.

Некоторые документы были очень любопытные. Например, мой «контракт»: там, ясное дело, был третий параграф, по которому меня могли выгнать без предупреждения, с выходным пособием в размере трехмесячного заработка. Но седьмой параграф был еще интереснее. Согласно этому параграфу я обязуюсь в течение пяти лет не поступать на работу в конкурирующие фирмы, не испросив ранее согласия у прежнего нанимателя, платившего мне соответствующую «компенсацию» в случае увольнения. Иными словами, я могу возобновить работу в любое время; надо только прийти со шляпой в руке к Майлсу и Белле и попросить у них разрешения. Шляпу, видимо, мне вернули именно для этого.

Но пять долгих лет я не мог работать над бытовыми приборами без их разрешения. Проще, наверное, самому себе горло перерезать.

Были там и надлежащим образом оформленные копии актов передачи мною прав на все мои патенты фирме «Золушка Инк.» — на «Золушку», на «Чарли» и еще на некоторые мелочи. «Универсальная Салли», конечно, запатентована еще не была. (Это я так думал. Как было на самом деле, я узнал позже.) Но я никогда не переуступал своих патентов. Я даже лицензий на них не оформлял: корпорация была моим детищем, и я не видел в этом срочности.

Последними тремя документами были: сертификат на мои акции (кроме тех, что я подарил Белле), заверенный к оплате чек, и письмо, поясняющее составляющие суммы чека: зарплата, за вычетом накладных расходов; трехмесячная зарплата как выходное пособие; компенсация за «седьмой параграф» и, наконец, надбавка в тысячу долларов «в знак признательности за особые заслуги» — последнее было очень мило с их стороны.

While I reread that amazing collection I had time to realize that I had probably not been too bright to sign everything that Belle put in front of me. There was no possible doubt that the signatures were mine.

Перечитывая эту поразительную подборку, я успел понять, что я был не слишком умен, подмахивая подряд все, что Белла мне подсовывала на подпись. А в том, что подписи были мои, сомневаться не приходилось.

I steadied down enough the next day to talk it over with a lawyer, a very smart and money-hungry lawyer, one who didn't mind kicking and clapper-clawing and biting in the clinches. At first he was anxious to take it on a contingent-fee basis. But after he finished looking over my exhibits and listening to the details he sat back and laced his fingers over his belly and looked sour.

На другой день я настолько успокоился, что пошел посоветоваться с адвокатом — очень ловким, жадным и не слишком щепетильным. Сперва он хотел взяться за это дело — за приличный процент. Но, закончив разглядывать мои экспонаты и узнав подробности, он скис и сложил руки на животе.

"Dan, I'm going to give you some advice and it's not going to cost you anything."

— Дэн, я дам вам совет. Бесплатно.

"Well?"

— Ну?

"Do nothing. You haven't got a prayer."

— Не рыпайтесь. Шансов у вас нет.

"But you said—" "I know what I said. They rooked you. But how can you prove it? They were too smart to steal your stock or cut you off without a penny. They gave you exactly the deal you could have reasonably expected if everything had been kosher and you had quit, or had been fired over-as they express it-a difference of policy opinion. They gave you everything you had coming to you... and a measly thousand to boot, just to show there are no hard feelings."

— Но вы же говорили... — Я знаю, что говорю. Они вас облапошили. Но как вы это докажете? У них хватило ума не трогать ваших акций и не обчистить вас до последнего цента. Вы получили то, что должны были получить, если бы все было по честному и вы ушли (или вас выгнали), как они пишут, из-за разных точек зрения. Вам выдали все, что причитается, и даже тысячу сверх того, как пинок под зад — дескать, ступай, мы на тебя не сердимся.

"But I didn't have a contract! And I never assigned those patents!"

— Но у меня не было никакого контракта! И я не переуступал этих патентов!

"These papers say you did. You admit that's your signature. Can you prove what you say by anyone else?"

— Из ваших бумаг явствует, что был и контракт, и все остальное. Подписи ваши, вы сами признаете. Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

I thought about it. I certainly could not. Not even Jake Schmidt knew anything that went on in the front office. The only witnesses I had were... Miles and Belle.

Я подумал. Доказать я, конечно, ничего не мог. Даже Джейк Шмидт не знал, что делается в конторе. Единственными свидетелями были... Белла и Майлс.

"Now about that stock assignment," he went on, "that's the one chance to break the log jam. If you..." "But that is the only transaction in the whole stack that really is legitimate. I signed over that stock to her."

— Теперь насчет тех акций, что вы подарили. Это единственный шанс их свалить. Если вы... — Но это — единственная бумажка во всей стопке, которая действительно законна. Я сам переписал эти акции на ее имя.

"Yes, but why?"

You say that you gave it to her as an engagement present in expectation of marriage.

Never mind how she voted it; that's beside the point. If you can prove that it was given as a betrothal gift in full expectation of marriage, and that she knew it when she accepted it, you can force her either to marry you or to disgorge. McNulty vs. Rhodes. Then you're in control again and kick them out. Can you prove it?"

— Да, но почему? Вы сказали, что это был

обручальный подарок. Как она голосовала, теперь несущественно. Если вы докажете, что это был обручальный подарок ввиду предстоящей женитьбы, то сможете заставить ее либо выйти за вас, либо вернуть их.

Есть прецедент: дело «Мак-Нолти против Родса».

Тогда вы опять получаете контрольный пакет и вышибаете их вон. Сумеете это доказать?

"Damn it, I don't want to marry her now. I wouldn't have her."

— Черт, я не хочу на ней жениться!

"That's your problem. But one thing at a time.

Have you any witnesses or any evidence, letters or anything, which would tend to show that she accepted it, understanding that you were giving it to her as your future wife?"

— Это ваше дело. Просто все по порядку. Есть у вас свидетели, письма, какие-то доказательства того, что, даря акции, вы подразумевали, что это — подарок вашей будущей жене?

I thought. Sure, I had witnesses... the same old two. Miles and Belle.

Я задумался. Свидетели у меня, понятное дело, были. Все те же двое: Майлс и Белла.

"You see?"

With nothing but your word against both of theirs, plus a pile of written evidence, you not only won't get anywhere, but you might wind up committed to a Napoleon factory with a diagnosis of paranoia. My advice to you is to get a job in some other line... or at the very most go ahead and buck their yellowdog contract by setting up a competitive business—I'd like to see that phraseology tested, as long as I didn't have to fight it myself. But don't charge them with conspiracy. They'll win, then they'll sue you and clean you out of what they let you keep."

— Вот видите? У вас только ваши слова —

против их слов, но их двое, и у них вдобавок еще куча документов. Вы не только ничего не добьетесь, но и кончите тем, что попадете в такое место, где каждый — Наполеон, с диагнозом «навязчивые идеи...». Мой вам совет: займитесь чем-то другим. Или плюньте на их седьмой параграф и заведите свое дело. Мне было бы очень интересно посмотреть, как пойдет подобное дело в суде, конечно, при условии, что мне не придется вас защищать. Но не пытайтесь обвинить их в сговоре. Они выиграют дело, предъявят вам встречный иск и отберут даже то, что оставили сейчас.

He stood up.

Он встал.

I took only part of his advice. There was a bar on the ground floor of the same building; I went in and had a couple or nine drinks.

Я воспользовался его советом ничего не предпринимать только частично: на первом этаже в том же здании был бар. Я зашел туда и пропустил пару рюмок, а потом еще полдюжины.

I had plenty of time to recall all this while I was driving out to see Miles.

Пока я ехал к Майлсу, времени на воспоминания у меня было достаточно.

Once we had started making money, he had moved Ricky and himself to a nice little rental in San Fernando Valley to get out of the murderous Mojave heat and had started commuting via the Air Force Slot. Ricky wasn't there now, I was happy to recall; she was up at Big Bear Lake at Girl Scout camp—I didn't want to chance Ricky's being witness to a row between me and her stepdaddy.

I was bumper to bumper in Sepulveda Tunnel when it occurred to me that it would be smart to get the certificate for my Hired Girl stock off my person before going to see Miles. I did not expect any rough stuff (unless I started it), but it just seemed a good idea... like a cat who has had his tail caught in the screen door once, I was permanently suspicious.

Leave it in the car? Suppose I was hauled in for assault and battery; it wouldn't be smart to have it in the car when the car was towed in and impounded.

I could mail it to myself, but I had been getting my mail lately from general delivery at the G.P.O., while shifting from hotel to hotel as often as they found out I was keeping a cat.

I had better mail it to someone I could trust. But that was a mighty short list. Then I remembered someone I could trust. Ricky.

I may seem a glutton for punishment to decide to trust one female just after I had been clipped by another. But the cases are not parallel. I had known Ricky half her life and if there ever was a human being honest as a Jo block, Ricky was she... and Pete thought so too. Besides, Ricky didn't have physical specifications capable of warping a man's judgment. Her femininity was only in her face; it hadn't affected her figure yet.

When I managed to escape from the log jam in Sepulveda Tunnel I got off the throughway and found a drugstore; there I bought stamps and a big and a little envelope and some note paper.

I wrote to her:

Когда у нас завелись деньги, Майлс с Рики перебрались в Сан-Фернандо-Вэли, подальше от нашего пустынного пекла, и сняли отличную квартиру. Я обрадовался, вспомнив, что Рики нет дома (она была в скаутском лагере на Большом Медвежьем озере): мне не хотелось, чтобы она присутствовала при размолвке между мной и ее отчимом.

Машины в туннеле Сепульведа ползли бампер к бамперу. И тут мне пришло в голову, что недурно было бы куда-нибудь деть свой сертификат на акции «Золушки», а не тащить его с собой к Майлсу. Никаких грубостей не ожидалось (если я сам не начну грубить), но мысль была верная. Я теперь был осторожен, как кот, которому однажды прищемили дверью хвост.

Оставить в машине? А вдруг меня арестуют за драку (если драка все-таки случится)? Глупо будет, если сертификат найдут при обыске отбуксированной в полицию машины.

Можно, конечно, послать по почте самому себе, но последнее время я получал почту до востребования на центральном почтамте: мне приходилось частенько переезжать из отеля в отель, потому что раньше или позже Пита обнаруживали.

Можно отправить кому-то, кому я доверяю. Вот только список тех, кому я доверял, был слишком короток... И тут я вспомнил, кому я могу доверять: Рики.

Может показаться, что я сам нарывался на неприятности, решив довериться одной женщине после того, как меня только что провела другая. Но тут ничего общего. Я знал Рики почти всю ее жизнь, и если на свете был честный человек — так это Рики. И Пит, кстати, тоже так считал. Кроме того, внешние данные Рики никак не могли повлиять на мужское благоразумие: ее женственность была у нее только на лице — на фигуре она пока никак не отразилась.

Выбравшись из «пробки» в туннеле, я свернул с автострады и нашел аптеку. В кассе я купил марки, два конверта — побольше и поменьше — и писчей бумаги.

Я начал писать:

Dear Rikki-tikki-tavi, I hope to see you soon but until I do, I want you to keep this inside envelope for me. It's a secret, just between you and me. I stopped and thought. Doggone it, if anything happened to me oh, even a car crash, or anything that can stop breathing, while Ricky had this, eventually it would wind up with Miles and Belle. Unless I rigged things to prevent it. I realized as I thought about it that I had subconsciously reached a decision about the cold-sleep deal; I wasn't going to take it. Sobering up and the lecture the doc had read me had stiffened my spine; I wasn't going to run away, I was going to stay and fight-and this stock certificate was my best weapon. It gave me the right to examine the books; it entitled me to poke my nose into any and all affairs of the company. If they tried again simply to keep me out with a hired guard I could go back next time with a lawyer and a deputy sheriff and a court order. I could drag them into court with it too. Maybe I couldn't win but I could make a stink and perhaps cause the Mannix people to shy off from buying them out.

Maybe I shouldn't send it to Ricky at all.

No, if anything happened to me I wanted her to have it. Ricky and Pete were all the "family" I had. I Went on writing:

If by any chance I don't see you for a year, you'll know something has happened to me. If that happens, take care of Pete, if you can find him-and without telling anybody take the inside envelope to a branch of the Bank of America, give it to the trust officer and tell him to open it.

«Дорогая Рики-Тики-Тави! Надеюсь, мы скоро увидимся, а пока что сбереги для меня этот конверт, что поменьше. Это секрет, только между нами.» Я остановился и задумался. Черт побери, ведь случись со мною что-нибудь, скажем автокатастрофа, и ценные бумаги, отосланные Рики, в конце концов, могут попасть к Белле и Майлсу.

Если я не придумаю, как это предотвратить.

Обдумывая, как это сделать, я понял, что подсознательно уже принял решение насчет Холодного Сна: я передумал. Протрезвление и лекция, прочитанная мне доктором, как-то расправили мне плечи.

Я уже не собирался сбежать — я решил остаться и драться.

И этот сертификат был для меня наилучшим оружием. Он давал мне право поинтересоваться их отчетностью; он позволял мне совать свой нос во все и всяческие дела компании. И если они опять попытаются не пустить меня, наняв охранника, то в следующий раз я смогу приехать с адвокатом, помощником шерифа и судебным ордером. Я даже мог потащить их с этим сертификатом в суд. Дело я, наверное, не выиграл бы, но по крайней мере наделал бы шуму и вони, и тогда «Манникс», возможно, и передумала бы покупать их.

Может, вовсе и не следовало посылать это Рики.

Нет. Если со мною что-нибудь случится — пусть это достанется ей. Вся моя «семья» состояла из Рики и Пита. И я стал писать дальше:

«Если вдруг я не увижусь с тобой в течение года — значит, со мной что-то случилось. Тогда позаботься о Пите, если сумеешь его разыскать, и, никому не говоря ни слова, отвези малый конверт в любое отделение "Бэнк оф Америка", отдай сотруднику траст-отдела и попроси его вскрыть.

Uncle Danny Then I took another sheet and wrote:

"3 December, 1970, Los Angeles, California For one dollar in hand received and other valuable considerations I assign"-here I listed legal descriptions and serial numbers of my Hired Girl, Inc., stock shares-"to the Bank of America in trust for Frederica Virginia Gentry and to be reassigned to her on her twenty-first birthday," and signed it.

The intent was clear and it was the best I could do on a drugstore counter with a juke box blaring in my ear. It should make sure that Ricky got the stock if anything happened to me, while making darn sure that Miles and Belle could not grab it away from her. But if all went well, I would just ask Ricky to give the envelope back to me when I got around to it. By not using the assignment form printed on the back of the certificate, I avoided all the red tape of having a minor assign it back to me;

I could just tear up the separate sheet of paper. I sealed the stock certificate with the note assigning it into the smaller envelope, placed it and the letter to Ricky in the larger envelope, addressed it to Ricky at the Girl Scout camp, stamped it, and dropped it in the box outside the drugstore. I noted that it would be picked up in about forty minutes and climbed back into my car feeling positively lighthearted... not because I had safeguarded the stock but because I had solved my greater problems.

Well, not "solved" them, perhaps, but had decided to face them, not run off and crawl in a hole to play Rip van Winkle. nor try to blot them out again with ethanol in various flavors. Sure, I wanted to see the year 2000, but just by sitting tight I Would see it... when I was sixty, and still young enough, probably, to whistle at the girls. No hurry. Jumping to the next century in one long nap wouldn't be satisfactory to a normal man anyhow-about like seeing the end of a movie without having seen what goes before. The thing to do with the next thirty years was to enjoy them while they unfolded; then when I came to the year 2000 I would understand it.

Обнимаю тебя и крепко целую. Твой дядя

Дэнни.» Потом я взял новый лист и написал: «3 декабря 1970 года, Лос-Анджелес, Калифорния. — Я, Дэниэл Б. Дэвис, данным распоряжением передаю принадлежащие мне ценные бумаги (здесь я указал реквизиты и номера моих акций "Золушки Инк.") на доверительное хранение "Бэнк оф Америка" на имя Фредерики Вирджинии Джентри с тем, чтобы они перешли в ее собственность по достижении ею двадцати одного года» — и подписался. Намерения мои были ясны, и это было лучшее, что я мог придумать за прилавком аптеки, под завывание музыкального автомата прямо над ухом. Это гарантировало, что Рики получит акции, если со мною что-нибудь случится, и что Майлсу и Белле они ну никак не достанутся. Но если все обойдется, то я смогу просто попросить Рики вернуть мне конверт, когда повидаюсь с нею. Я специально не стал заполнять раздел «изменение владельца» на обороте сертификата: в случае чего не придется оформлять кучу бумаг (это очень сложная процедура, когда несовершеннолетний отдает распоряжение о передаче ценных бумаг), чтобы получить сертификат обратно, достаточно просто порвать отдельный лист бумаги.

Я убрал сертификат и сопроводительное письмо в меньший конверт, заклеил его, положил вместе с письмом к Рики в большой конверт, наклеил марку, написал адрес Рики в скаутском лагере и бросил в ящик у дверей аптеки. Судя по надписи на нем, следующая выемка будет через сорок минут. Я влез в машину с чувством заметного облегчения — не столько от того, что мои акции теперь были в безопасности, сколько от сознания, что я разрешил свою главную проблему.

Ну, точнее, не «разрешил», а просто решил идти навстречу трудностям, а не бегать от них, не прятаться в норку, как Рип ван Винкль какой-нибудь, и не пытаться утопить их в спиртных напитках различной крепости. Я, конечно, хотел увидеть двухтысячный год. Но я и так его увижу, только чуть позже — когда мне стукнет шестьдесят. Возможно, я еще буду в этом возрасте на девочек поглядывать. Куда спешить-то? Нормальному человеку ни к чему прыгать в следующее столетие. Это все равно, что смотреть конец фильма, не зная, что было перед этим. Надо просто радоваться жизни тридцать лет подряд — тогда я, вероятно, легче сумею понять двухтысячный год, когда он наступит.

In the meantime I was going to have one lulu of a fight with Miles and Belle. Maybe I wouldn't win, but I would sure let them know they had been in a scrap-like the times Pete had come home bleeding in six directions but insisting loudly, "You ought to see the other cat!" I didn't expect much Out of this interview tonight. All it would amount to was a formal declaration of war. I planned to ruin Miles's sleep... and he could phone Belle and ruin hers.

А пока что я собирался сцепиться с Майлсом и Беллой. Может, я и не смогу их одолеть, но зато они узнают что почем. Как Пит, который иногда возвращался домой весь в крови, но громко и настойчиво мяукал: «Видели бы вы того, другого кота!» От сегодняшнего разговора с Майлсом я многого и не ожидал. В общем-то, это было просто формальным объявлением войны. Я хотел испортить ему сон, и чтобы он позвонил Белле и в свою очередь испортил сон ей.

CHAPTER 3

Глава 3

•

By the time I got to Miles's house I was whistling. I had quit worrying about that precious pair and had worked out in my head, in the last fifteen miles, two brand-new gadgets, either one of which could make me rich. One was a drafting machine, to be operated like an electric typewriter. I guessed that there must be easily fifty thousand engineers in the U.S. alone bending over drafting boards every day and hating it, because it gets you in your kidneys and ruins your eyes. Not that they didn't want to design—they did want to—but physically it was much too hard work. This gismo would let them sit down in a big easy chair and tap keys and have the picture unfold on an easel above the keyboard. Depress three keys simultaneously and have a horizontal line appear just where you want it; depress another key and you fillet it in with a vertical line; depress two keys and then two more in succession and draw a line at an exact slant.

Cripes, for a small additional cost as an accessory, I could add a second easel, let an architect design in isometric (the only easy way to design), and have the second picture come out in perfect perspective rendering without his even looking at it. Why, I could even set the thing to pull floor plans and elevations right out of the isometric.

Подъезжая к дому Майлса, я начал насвистывать. Мне стало наплевать на эту драгоценную парочку, и за последние пятнадцать минут я успел выдумать две совершенно новые машинки, каждая из которых должна была сделать меня богатым человеком. Одна — чертежное устройство с управлением наподобие клавиатуры пишущей машинки. Я прикинул, что только в США наберется не меньше пятидесяти тысяч инженеров-конструкторов, которые каждый день горбятятся над своими кульманами и всей душой их ненавидят. От этой работы болит поясница и портятся глаза. Не то чтобы им не нравилась их работа — конструировать очень увлекательно, — но чисто физически это очень тяжелый труд. С моей же штуковиной они смогут сидеть в креслах и нажимать на клавиши, а изображение будет само появляться перед ними на экране над клавиатурой. Нажмите три клавиши одновременно — получите в нужном месте горизонтальную линию. Нажмите еще одну клавишу — и вертикальная линия пересекает горизонтальную пополам. Нажмите две клавиши, а потом еще две — и проведите линию строго под нужным углом.

Господи, да за небольшую доплату я бы добавил еще один экран, чтобы на первом архитектор чертил в изометрии (это единственный удобный способ конструирования), а на втором изображение сразу появлялось бы с учетом законов перспективы без всякого участия человека. Да что там — можно заставить эту штуку из изометрии выдавать сразу даже разрезы и поэтажные планы!

The beauty of it was that it could be made almost entirely with standard parts, most of them available at radio shops and camera stores.

All but the control board, that is, and I was sure I could bread-board a rig for that by buying an electric typewriter, tearing its guts out, and hooking the keys to operate these other circuits. A month to make a primitive model, six weeks more to chase bugs. But that one I just tucked away in the back of my mind, certain that I could do it and that it would have a market. The thing that really delighted me was that I had figured out a way to outflex poor old Flexible Frank. I knew more about Frank than anyone else could learn, even if they studied him a year.

What they could not know, what even my notes did not show, was that there was at least one workable alternative for every choice I had made—and that my choices had been constrained by thinking of him as a household servant. To start with, I could throw away the restriction that he had to live in a powered wheel chair. From there on I could do anything, except that I would need the Thorsen memory tubes—and Miles could not keep me from using those; they were on the market for anyone who wanted to design a cybernetic sequence.

The drafting machine could wait; I'd get busy on the unlimited all purpose automaton, capable of being programmed for anything a man could do, just as long as it did not require true human judgment.

No, I'd rig a drafting machine first, then use it to design Protean Pete.

"How about that, Pete? We're going to name the world's first real robot after you."

"Mrrrarr?"

"Don't be so suspicious; it's an honor."

Главная прелесть заключалась в том, что все это нетрудно было почти полностью собрать из стандартных частей, каких навалом в любом радиомагазине. Кроме, конечно, панели управления, которую я наверняка смог бы смастерить, купив обычную электрическую пишущую машинку, выдрвав из нее все потроха и подключив клавиши к соответствующим цепям. Месяц, чтобы сделать примитивную модель, и еще шесть недель на отлаживание... Но эти мысли я заткнул в дальний угол памяти, уверенный, что я смогу сделать это устройство и что свой рынок оно найдет. Гораздо больше меня вдохновляла мысль, что я, кажется, нашел способ переплунуть нашу старушку «Салли» по части универсальности. Про «Салли» я знал больше, чем кто-либо, даже если бы этот «кто-то» корпел над нею целый год. Чего никто не знал — этого не было даже в моих записях, — так это того, что на каждое техническое решение, примененное мною, у меня был как минимум еще один вариант и что я был скован в выборе тем, что рассматривал «Салли» только как домашнюю прислугу. Для начала я мог освободить ее от необходимости жить в электрическом инвалидном кресле. После этого я мог делать что угодно. Вот только ячейки Торсена мне для этого понадобятся, но тут Майлс был мне не помеха: их может купить любой, кто пожелает заняться кибернетикой.

Чертежная машина подождет. Я займусь этим многоцелевым автоматом, который можно будет запрограммировать на все, что может человек, лишь бы для этих действий не требовался человеческий разум.

Нет, вначале я все-таки сделаю чертежную машину, а уж потом с ее помощью сконструирую «Премудрого Пита».

— Слышишь, Пит? Мы назовем первого робота на свете в твою честь!

— Мррря-а-а-у!

— Зря сомневаешься — это большая честь.

After breaking in on Frank, I could design Pete right at my drafting machine, really refine it, and quickly. I'd make it a killer, a triple-threat demon that would displace Frank before they ever got him into production. With any luck I'd run them broke and have them begging me to come back. Kill the goose that lays the golden eggs, would they?

После «Салли» я мог сконструировать «Пита» прямо на своей чертежной машине, довести его до совершенства, причем быстро. Эта модель сместит «Салли» с пьедестала еще до того, как они успеют пустить ее в производство. Если повезет, я пушу их по миру, и они еще придут уговаривать меня вернуться.

There were lights on in Miles's house and his car was at the curb. I parked in front of Miles's car, said to Pete, "You'd better stay here, fellow, and protect the car. Holler 'halt' three times fast, then shoot to kill."

В окнах Майлса горел свет, а его машина стояла возле дома. Я припарковал свою рядом, сказав Питу: — Ты уж лучше сиди тут, парень, и караул машину. Если кто сунется — быстро кричи «стой!» три раза подряд и стреляй в грудь.

"Nooo!"

— Мяу!

"If you go inside you'll have to stay in the bag."

— Если ты хочешь войти со мною в дом, то тебе придется сидеть в сумке.

"Bleerrrt?"

— Мя-а-а-у!

"Don't argue. If you want to come in, get in your bag."

— И не спорь. Полежай в сумку.

Pete jumped into the bag.

Пит прыгнул в сумку.

Miles let me in. Neither of us offered to shake hands. He led me into his living room and gestured at a chair.

Майлс открыл мне дверь. Никто из нас не сделал попытки поздороваться за руку. Он проводил меня в гостиную и показал рукой в сторону кресла: мол, прошу садиться.

Belle was there. I had not expected her, but I suppose it was not surprising. I looked at her and grinned.

Белла была здесь же. Я не ожидал увидеть ее, но, наверное, ничего удивительного в ее присутствии не было. Я глянул на нее и ухмыльнулся:

"Fancy meeting you here! Don't tell me you came all the way from Mojave just to talk to little old me?" Oh, I'm a gallus-snapper when I get started; you should see me wear women's hats at parties.

— Какая приятная встреча! Только не говори мне, что ты ехала из Мохаве в такую даль специально, чтобы поболтать с добрым старым Дэном?! — Я, когда завожусь, начинаю грубить дамам.

Belle frowned.

Белла нахмурилась.

"Don't be funny, Dan. Say what you have to say, if anything, and get out."

— Не оstri, Дэн. Выкладывай, что ты хотел, если тебе есть что сказать, и проваливай.

"Don't hurry me. I think this is cozy... my former partner my former fiancée. All we lack is my former business."

— Ну, ты меня не торопи. Здесь так мило: мой бывший партнер; моя бывшая возлюбленная... Жаль, что нет моей бывшей работы.

Miles said placatingly, "Now, Dan, don't take that attitude. We did it for your own good... and you can come back to work any time you want to. I'd be glad to have you back."

Майлс сказал умиротворяюще: — Зря ты так, Дэн. Мы же это все для твоей же собственной пользы... и потом, ты же можешь в любой момент опять начать работать, стоит тебе захотеть. Я буду рад.

"For my own good, eh? That sounds like what they told the horse thief when they hanged him. As for coming back-how about it, Belle? Can I come back?"

— Для моей же пользы? Примерно так сказали конокраду, перед тем как вздернуть его на виселице. А насчет моего возвращения — ты как, Белла? Могу я вернуться?

She bit her lip.

Она закусила губу.

"If Miles says so, of course."

— Если Майлс так считает — конечно.

"It seems like only yesterday that it used to be: 'If Dan says so, of course.' But everything changes; that's life. And I'm not coming back, kids; you can stop fretting. I just came here tonight to find out some things."

— А ведь еще вчера, кажется, было так: «Если Дэн так считает...». Все меняется, такова жизнь. Но я не вернусь, ребята, не дергайтесь. Я просто хотел сегодня кое-что выяснить.

Miles glanced at Belle. She answered, "Such as?"

Майлс взглянул на Беллу. Она спросила: — Например?

"Well, first, which one of you cooked up the swindle? Or did you plan it together?"

— Ну, во-первых, кто из вас придумал меня надуть? Или вы это вместе?

Miles said slowly, "That's an ugly word, Dan. I don't like it."

Майлс произнес медленно: — Неудачное ты выбрал слово, Дэн. Оно мне не нравится.

"Oh, come, come, let's not be mealymouthed. If the word is ugly, the deed is ten times as ugly. I mean faking a yellow-dog contract, faking patent assignments—that one is a federal offense, Miles; I think they pipe sunlight to you on alternate Wednesdays. I'm not sure, but no doubt the FBI can tell me. Tomorrow," I added, seeing him flinch.

— Да ладно, давайте без обиняков. Если уж слово плохое, то дело, которое оно обозначает, в десять раз хуже. Я имею в виду поддельный контракт и фальшивые переуступки патентов. Это ведь по федеральным законам карается, Майлс. Смотри, будешь видеть солнышко по нечетным средам. Я еще не уверен, но в ФБР мне скажут точно. Завтра, — добавил я, заметив, как сморщился Майлс.

"Dan, you're not going to be silly enough to try to make trouble about this?"

— Дэн, неужели у тебя хватит ума мутить воду?

"Trouble? I'm going to hit you in all directions, civil and criminal, on all counts. You'll be too busy to scratch... unless you agree to do one thing. But I didn't mention your third peccadillo; theft of my notes and drawings of Flexible Frank... and the working model, too, although you may be able to make me pay for the materials for that, since I did bill them to the company."

"Theft, nonsense!" snapped Belle. "You were working for the company."

"Was I? I did most of it at night. And I never was an employee, Belle, as you both know. I simply drew living expenses against profits earned by my shares. What is the Mannix outfit going to say when I file a criminal complaint, charging that the things they were interested in buying Hired Girl, Willie, and Frank never did belong to the company but were stolen from me?"

"Nonsense," Belle repeated grimly. "You were working for the company. You had a contract."

I leaned back and laughed.

"Look, kids, you don't have to lie now; save it for the witness stand. There ain't nobody here but just us chickens. What I really want to know is this: who thought it up? I know how it was done. Belle, you used to bring in papers for me to sign. If more than one copy had to be signed, you would paper-clip the other copies to the first—for my convenience, of course; you were always the perfect secretary—and all I would see of the copies underneath would be the place to sign my name. Now I know that you slipped some jokers into some of those neat piles. So I know that you were the one who conducted the mechanics of the swindle; Miles could not have done it. Shucks, Miles can't even type very well. But who worded those documents you horsed me into signing? You? I don't think so... unless you've had legal training you never mentioned. How about it, Miles? Could a mere stenographer phrase that wonderful clause seven so perfectly? Or did it take a lawyer? You, I mean."

— Воду? Нет, ребята, я просто потащу вас в суд — и по гражданскому иску, и по уголовному. Вам даже почесаться будет некогда... если только вы не согласитесь сделать одно дело. Да, я еще забыл ваш третий грешок: кражу моих записей и чертежей по «Салли»... и действующей модели тоже; хотя, конечно, вы можете заставить меня внести стоимость материалов, пошедших на ее изготовление, — ведь платила-то за них компания.

— Кража? Чушь! — огрызнулась Белла. — Ты же работал над ней для компании.

— Разве? Работал-то я в основном по ночам. И я никогда не был служащим, Белла, как вам обоим известно. Я просто тратил на жизнь ту прибыль, что набегала по моим акциям. Интересно, что скажут в «Манникс», когда узнают, что изделия, которые они собираются купить — «Золушка», «Чарли» и «Салли», — не принадлежали компании, а были украдены у меня?

— Ерунда, — уныло повторила Белла. — Ты работал на компанию. У тебя был контракт.

Я откинулся назад и расхохотался.

— Слушайте, ребята, чего вы сейчас-то врете? Не надо. Это вы оставьте для суда, когда будете давать показания. Тут-то, кроме нас, никого нет. Я действительно хочу знать: кто это придумал? Я понимаю, как это было сделано. Белла, ты приносила мне бумаги на подпись. Если бумаг было много, ты прикрепляла копии к первому экземпляру скрепками — естественно, только для моего удобства: ты всегда была прекрасной секретаршей. От копий я видел только то место, где надо расписываться. Так что это ты подсунула мне эти джокеры в колоду. Значит, исполнителем была ты. Майлс бы не сумел это сделать. Тьфу ты, да Майлс и печатать-то путем не умел. Но вот кто составил те документы, что ты мне подкладывала? Ты? Не думаю. Если, конечно, у тебя нет юридического образования, о котором ты помалкивала. А, Майлс? Могла простая стенографистка так безупречно составить этот «седьмой параграф»? Или для этого нужен был юрист? То есть ты!

Miles's cigar had long since gone out. He took it from his mouth, looked at it, and said carefully, "Dan, old friend, if you think you'll trap us into admissions, you're crazy."

Сигара Майлса давно погасла. Он вынул ее из рта, внимательно осмотрел и сказал осторожно: — Дэн, дружище, если ты думаешь, что мы сейчас признаемся, то ты спятил.

"Oh, come off it; we're alone. You're both guilty either way. But I'd like to think that Delilah over there came to you with the whole thing wrapped up, complete, and then tempted you into a moment of weakness. But I know it's not true. Unless Belle is a lawyer herself, you were both in it, accomplices before and after. You wrote the double talk; she typed it and tricked me into signing. Right?"

— Ой, брось, мы же тут одни. Так или иначе, вы оба виноваты. Я, конечно, хотел бы верить, что эта Далила явилась к тебе с готовым планом и просто соблазнила тебя в минуту слабости. Но ведь это не так, я знаю. Если только Белла сама не юрист, то вы наверняка работали вместе. Вы сообщники: ты составил эти бумаги, а Белла их отпечатала и сделала так, чтобы я их подписал. Верно?

"Don't answer, Miles!"

— Не отвечай, Майлс!

"Of course I won't answer," Miles agreed. "He may have a recorder hidden in that bag."

— Разумеется, я не стану отвечать, — согласился Майлс — Может, у него в этой сумке магнитофон.

"I should have had," I agreed, "but I don't." I spread the top of the bag and Pete stuck his head out. "You getting it all, Pete? Careful what you say, folks; Pete has an elephant's memory. No, I didn't bring a recorder—I'm just good old lunkheaded Dan Davis who never thinks ahead. I go stumbling along, trusting my friends the way I trusted you two. Is Belle a lawyer, Miles? Or did you yourself sit down in cold blood and plan how you could hogtie me and rob me and make it look legal?"

— Неплохо было бы, — поддакнул я, — но — увы. — Я открыл сумку, и Пит высунул голову. — Ты все слышал, Пит? Смотрите, ребята: у Пита память, как у слона. Нет, магнитофона я не принес: я все тот же лопух Дэн Дэвис, который не умеет думать наперед. Сроду спотыкаюсь, потому что доверяю друзьям. Вот вам, например. Белла — юрист, Майлс? Или ты сам хладнокровно продумал, как меня обчистить, чтобы это выглядело законно?

"Miles!" interrupted Belle. "With his skill, he could make a recorder the size of a pack of cigarettes. It may not be in the bag. It may be on him."

— Майлс! — перебила Белла. — С его способностями он мог сделать магнитофон размером с пачку сигарет. Может, он у него не в сумке, а в кармане?!

"That's a good idea, Belle. Next time I'll have one." "I'm aware of that, my dear," Miles answered. "If he has, you are talking very loosely. Mind your tongue."

— Хорошая идея, Белла. В другой раз я так и сделаю... — Я это учитываю, дорогая, — ответил Майлс, — и если это так, то ты слишком много болтаешь. Прикуси язык.

Belle answered with a word I didn't know she used. My eyebrows went up.

Белла выдала в ответ такое — я даже не предполагал, что она знает такие слова. У меня глаза на лоб полезли.

"Snapping at each other? Trouble between thieves already?" Miles's temper was stretching thin, I was happy to see.

— Начали грызться? Вор у вора... Тут я с радостью отметил, что терпение Майлса начало подходить к концу.

He answered, "Mind your tongue, Dan... if you want to stay healthy."

— Ты тоже прикуси язык, Дэн, если здоровье дорого.

"Tsk, tsk!
I'm younger than you are and I've had the judo course a lot more recently. And you wouldn't shoot a man; you'd frame him with some sort of fake legal document.
'Thieves,' I said, and 'thieves' I meant.
Thieves and liars, both of you."

— Тю-тю-тю!.. Я ведь помоложе тебя, да и дзюдо занимался недавно. Стрелять в людей ты не умеешь — ты лучше обложишь человека фальшивыми контрактами со всех сторон. Я сказал «воры», и я имел в виду именно то, что сказал. Жулики и лжецы вы оба.

I turned to Belle.

Я повернулся к Белле.

"My old man taught me never to call a lady a liar, sugar face, but you aren't a lady. You're a liar... and a thief... and a tramp."

— Мой старик учил меня, что женщину нельзя так называть. Но ты, прелесть моя, не женщина — ты воришка. И врушка. И... шлюха.

Belle turned red and gave me a look in which all her beauty vanished and the underlying predatory animal was all that remained.

Белла залилась краской и посмотрела на меня таким взглядом, что вся ее красота улетучилась, а из-под нее проступили черты хищного зверя.

"Miles!" she said shrilly. "Are you going to sit there and let him—" "Quiet!" Miles ordered. "His rudeness is calculated. Ifs intended to make us get excited and say things we'll regret. Which you are almost doing. So keep quiet."

— Майлс! — взвизгнула она. — Ты так и будешь сидеть, пока он... — Спокойно! — приказал Майлс.
— Грубит он нарочно. Он хочет, чтобы мы разозлились и наговорили таких вещей, о которых потом пожалеем. Что ты почти и делаешь. Так что уймись.

Belle shut up, but her face was still feral. Miles tuned to me.

Белла заткнулась, хотя злости в ее лице не поубавилось. Майлс повернулся ко мне.

"Dan, I'm a practical man always, I hope. I tried to make you see reason before you walked out of the firm. In the settlement I tried to make it such that you would take the inevitable gracefully."

— Дэн, я человек практичный. Я ведь пытался тебя урезонить, прежде чем ты ушел из фирмы. Я старался уладить дело так, чтобы ты мог принять неизбежное достойно.

"Be raped quietly, you mean."

— Ты хочешь сказать, чтобы я не кричал, когда меня насилуют?

"As you `will. I still want a peaceful settlement. You couldn't win any sort of suit, but as a lawyer I know that it is always better to stay out of court than to win. If possible. You mentioned a while ago that there was some one thing I could do that would placate you. Tell me what it is; perhaps we can reach terms."

— Как тебе угодно. Я все еще надеюсь с тобой поладить. Никакое дело против нас тебе выиграть не удастся, но, как юрист, я знаю: лучше не доводить дело до суда, чем выигрывать его. Если это возможно. Ты сегодня сказал, что мы могли бы что-то сделать, чтобы умиротворить тебя. Скажи мне, что это. Возможно, мы договоримся.

"Oh, that. I was coming to it. You can't do it, but perhaps you can arrange it. It's simple. Get Belle to assign back to me the stock I assigned to her as an engagement present."

— Ах, это... Я как раз к этому подошел. Ты не можешь этого сделать. Но возможно, ты сумеешь организовать это. Все очень просто. Сделай так, чтобы Белла вернула мне акции, подаренные ей в качестве обручального подарка.

"No!" said Belle.

— Нет! — сказала Белла.

Miles said, "I told you to keep quiet."

Майлс буркнул: — Я же велел тебе помалкивать!

I looked at her and said, "Why not, my former dear? I've taken advice on this point, as the lawyers put it, and, since it was given in consideration of the fact that you promised to marry me, you are not only morally but legally bound to return it. It was not a 'free gift,' as I believe the expression is, but something handed over for an expected and contracted consideration which I never received, to wit, your somewhat lovely self. So how about coughing up, huh? Or have you changed your mind again and are now willing to marry me?"

Я взглянул на нее и спросил. — А почему бы и нет, дорогая? То есть бывшая дорогая... Я консультировался на этот счет, и адвокат сказал, что раз я подарил их тебе в расчете на твоё обещание выйти за меня замуж, то ты не только морально, но и по закону обязана вернуть их. Это был не «свободный дар» — так, кажется, это называется? — а подарок, сделанный в расчете на определенные встречные шаги, которых я так и не дождался. Или ты опять передумала и мы поженимся, а?

She told me where and how I could expect to marry her. Miles said tiredly, "Belle, you're only making things worse. Don't you understand that he is trying to get our goats?"

Она обстоятельно разъяснила, где и когда я могу рассчитывать жениться на ней. Майлс устало процедил: — Белла, ты зря стараешься. Ты что, не видишь, что он просто пытается взять нас за глотку?

He turned back to me.

Он повернулся ко мне.

"Dan, if that is what you came over for, you may as well leave. I stipulate that if the circumstances had been as you alleged, you might have a point. But they were not. You transferred that stock to Belle for value received."

— Дэн, если ты пришел ради этого, то можешь уходить... Я согласен, что если бы дела обстояли так, как ты говоришь, то у тебя был бы шанс. Но все было не так. Ты передал Белле эти акции в уплату.

"Huh? What value? Where's the canceled check?"

— Как? В уплату за что? И где квитанция?

"There didn't need be any. For services to the company beyond her duties."

— Ее и не могло быть. В уплату за оказанные компании услуги, выходящие за рамки ее служебных обязанностей.

I stared.

Я выкатил глаза.

"What a lovely theory!

Look, Miles old boy, if it was for service to the company and not to me personally, then you must have known about it and would have been anxious to pay her the same amount—after all, we split the profits fifty-fifty even if I had... or thought I had... retained control. Don't tell me you gave Belle a block of stock of the same size?"

Then I saw them glance at each other and I got a wild hunch.

"Maybe you did! I'll bet my little dumpling made you do it, or she wouldn't play. Is that right? If so, you can bet your life she registered the transfer at once... and the dates will show that I transferred stock to her at the very time we got engaged—shucks, the engagement was in the Desert Herald—while you transferred stock to her when you put the skids under me and she jilted me and it's all a matter of record! Maybe a judge will believe me, Miles? What do you think?"

I had cracked them, I had cracked them!

I could tell from the way their faces went blank that I had stumbled on the one circumstance they could never explain and one I was never meant to know. So I crowded them... and had another wild guess. Wild? No, logical.

"How much stock, Belle?

As much as you got out of me, just for being 'engaged'? You did more for him; you should have gotten more."

I stopped suddenly.

"Say... I thought it was odd that Belle came all the way over here just to talk to me, seeing how she hates that trip.

Maybe you didn't come all that way; maybe you were here all along. Are you two shackled up? Or should I say 'engaged'? Or... are you already married?" I thought about it. "I'll bet you are. Miles, you aren't as starry-eyed as I am; I'll bet my other shirt that you would never, never transfer stock to Belle simply on promise of marriage. But you might for a wedding present—provided you got back voting control of it.

Don't bother to answer; tomorrow I'm going to start digging for the facts. They'll be on record too."

— Очаровательная теория! Послушай, старина, если эти «услуги» оказывались компании, а не лично мне, тогда ты тоже должен был знать о них и заплатить ей равную долю: мы ведь делили доходы пополам, хотя у меня и был (точнее, я думал, что был) контрольный пакет. Не хочешь ли ты сказать, что тоже отстегнул Белле блок акций такого же размера?

Они как-то странно взглянули друг на друга, и меня вдруг словно что-то внутри толкнуло.

— А ведь так, похоже, и было! Держу пари, что моя крошка и тебя заставила это сделать, припугнув, что иначе она выйдет из игры. Так, да? Если так, то она наверняка зарегистрировала передачу акций сразу же. И по датам регистрации можно увидеть, что я перевел на нее акции сразу после помолвки — а дата помолвки была в «Дезерт Геральд», а ты — когда вы все подстроили. И все это есть в ваших конторских книгах... А может, судья и поверит мне, а? Как ты думаешь, Майлс?

Я расколол их. Я их расколол! По их лицам я понял, что наткнулся на обстоятельство, которое им в жизни не объяснить и которое я никак не должен был узнать. Значит, я их прижал... И тут — еще одна безумная догадка. Безумная ли? Нет, вполне логичная.

— А сколько акций он тебе дал, Белла? Столько же, сколько ты получила от меня за нашу «помолвку»? Для него ты сделала больше, значит, и получить ты должна была побольше.

Я внезапно остановился.

— Скажите... я вот подумал: странно, что Белла приехала сюда, чтобы поговорить со мной, — я ведь знаю, как она не любит эти поездки. Так, может, ниоткуда ты и не ехала, а была тут всю дорогу? Вы что, уже живете вместе? Или я должен назвать это «помолвлены»? А может, вы уже поженились? — Я чуть поразмыслил. — Готов поспорить, что это так. Ты, Майлс, не такой олух, как я. Ставлю последнюю рубашку, что ты никогда не отдал бы Белле акции только за обещание выйти за тебя. А вот к свадьбе — мог бы, с условием, что сохранишь право голосовать ими. Не трудись отвечать — завтра я сам раскопаю. Это тоже где-нибудь записано.

Miles glanced at Belle and said, "Don't waste your time. Meet Mrs. Gentry."

Майлс взглянул на Беллу и сказал: — Не трать время. Познакомься: миссис Джентри.

"So? Congratulations, both of you. You deserve each other. Now about my stock. Since Mrs. Gentry obviously can't marry me, then—" "Don't be silly, Dan. I've already offset your ridiculous theory. I did make a stock transfer to Belle just as you did. For the same reason, services to the firm. As you say, these things are matters of record. Belle and I were married just a week ago... but you will find the stock registered to her quite some time ago if you care to look it up. You can't connect them. No, she received stock from both of us, because of her great value to the firm. Then after you jilted her and after you left the employ of the firm, we were married."

— Вот как?
Поздравляю вас обоих, вы друг друга стоите. Теперь насчет моих акций. Поскольку миссис Джентри уже никак не может выйти за меня, то... — Не пори чепухи, Дэн. Сейчас я разнесу твою смехотворную теорию в мелкие дребезги. Акции я передал Белле так же, как и ты, и с той же мотивировкой: в уплату за услуги фирме. Как ты и сказал, это можно найти в делах. Поженились мы всего неделю назад... а вот акции она получила уже довольно давно, можешь убедиться сам, если не лень. Увязать эти два события тебе не удастся. Акции она получила от каждого из нас за неоценимые услуги фирме. А потом, когда ты ее бросил и ушел из фирмы, мы поженились.

It set me back. Miles was too smart to tell a lie I could check on so easily. But there was something about it that was not true, something more than I had as yet found out.

Да, прокол. Майлс слишком умен, чтобы врать мне о том, что я легко могу проверить. И все же была в этом какая-то ложь, которую я пока еще не раскусил. Пока еще.

"When and where were you married?"

— Где и когда вы поженились?

"Santa Barbara courthouse, last Thursday. Not that it is your business."

— В суде Санта-Барбары в прошлый четверг. Хотя это и не твое дело.

"Perhaps not. When was the stock transfer?" "I don't know exactly. Look it up if you want to know." Damn it, it just did not ring true that he had banded stock over to Belle before he had her committed to him. That was the sort of sloppy stunt I pulled; it wasn't in character for him.

Черт его побери, что-то не верится мне, что он смог отдать Белле акции раньше, чем наложил на нее лапы!.. Это я мог так промахнуться, а на него это было не похоже.

"I'm wondering something, Miles. If I put a detective to work on it, might I find that the two of you got married once before a little earlier than that? Maybe in Yuma? Or Las Vegas? Or maybe you ducked over to Reno that time you both went north for the tax hearings? Maybe it would turn out that there was such a marriage recorded, and maybe the date of the stock transfer and the dates my patents were assigned to the firm all made a pretty pattern. Huh?"

— Я вот подумал, Майлс: если я найму детектива, не окажется ли, что вы уже однажды поженились, чуть раньше? Может, в Юме или в Неваде? А может, вы смотались в Рино, когда ездили на север на заседание налоговой комиссии? Если окажется, что такой брак был зарегистрирован, то, может быть, дата передачи акций и дата переуступки моих патентов фирме улягутся в очень интересный орнамент. А?

Miles did not crack; he did not even look at Belle. As for Belle, the hate in her face could not have been increased even by a lucky stab in the dark. Yet it seemed to fit and I decided to ride the hunch to the limit.

Майлс не дрогнул. Он даже не взглянул на Беллу. Что же касается Беллы, то ненависти в ее лице и так было столько, что больше некуда. Однако все было очень похоже на правду, и я решил разрабатывать свою догадку до конца.

Miles simply said, "Dan, I've been patient with you and have tried to be conciliatory. All it's got me is abuse. So I think it's time you left. Or I'll bloody well make a stab at throwing you out-you and your flea-bitten cat!" "Ole!" I answered.

Майлс просто сказал: — Дэн, я долго терпел тебя и пытался помириться. Все, что я получил взамен, — одни оскорбления. Так что, я думаю, тебе пора выметаться.

Иначе, ей-богу, я вытряхну вас отсюда — тебя и твоего блошливого кота!

"That's the first manly thing you've said tonight. But don't call Pete 'flea-bitten.' He understands English and he is likely to take a chunk out of you. Okay, former pal, I'll get out, but I want to make a short curtain speech, very short. It's probably the last word I'll ever have to say to you. Okay?"

— Первый раз за весь вечер слышу мужские слова. Только не надо называть Пита блошливым: он все понимает и может попытаться унести на память кусочек тебя. Окей, экс-друг, я уйду. Я только хочу произнести заключительную речь — очень короткую, буквально пару слов. Вероятно, это будут последние слова, которые я вам скажу. Окей?

Belle said urgently, "Miles, I want to talk to you."

Белла сказала встревоженно: — Майлс, мне надо тебе что-то сказать.

He motioned her to be quiet without looking at her.

Он отмахнулся от нее не глядя.

"Go ahead. Be brief."

— Окей. Только покороче.

I turned to Belle.

Я повернулся к Белле.

"You probably won't want to hear this, Belle. I suggest that you leave."

— То, что я скажу, тебе вряд ли понравится. Ты бы лучше ушла, Белла.

She stayed, of course. I wanted to be sure she would. I looked back at him.

Она, разумеется, осталась. Я и сказал-то нарочно, чтобы она не ушла. Потом оглянулся на него:

"Miles, I'm not too angry with you. The things a man will do for a larcenous woman are beyond belief. If Samson and Mark Antony were vulnerable, why should I expect you to be immune? By rights, instead of being angry I should be grateful to you. I guess I am, a little. I do know I'm sorry for you." I looked over at Belle.

"You've got her now and she's all your problem and all it has cost me is a little money and temporarily my peace of mind. But what will she cost you? She cheated me, she even managed to persuade you, my trusted friend, to cheat me...what day will she team up with a new cat's-paw and start cheating you? Next week? Next month? As long as next year? As surely as a dog returns to its vomit—" "Miles!"

— Майлс, я не очень на тебя сердит. То, что может сделать мужчина ради женщины, невероятно. Если поддались даже Самсон и Марк Антоний — как я мог требовать от тебя, чтобы ты устоял?

По существу, я должен быть тебе даже благодарен вместо того, чтобы сердиться. Наверное, я немножко и благодарен. Во всяком случае, мне тебя жаль. — Я бросил взгляд на Беллу.

— Теперь ты получил ее и все связанные с этим проблемы. Мне это стоило денег и — временно — душевного покоя. А вот во что она обойдется тебе? Она обманула меня; она даже сумела уговорить тебя, моего верного друга, обмануть меня. А скоро она снюхается еще с каким-нибудь мошенником и начнет морочить голову тебе... Когда? Через неделю? Через месяц? А может быть, дотерпит до следующего года? Но раньше или позже она все равно... — Майлс! — взвизгнула Белла.

Belle shrieked.

Майлс зарычал:

Miles said dangerously, "Get out!" and I knew he meant it. So I stood up.

— Вон отсюда! И я понял, что пора уходить. Я встал.

"We were just going. I'm sorry for you, old fellow. Both of us made just one mistake originally, and it was as much my fault as yours. But you've got to pay for it alone. And that's too bad, because it was such an innocent mistake." His curiosity got him.

— Мы как раз собирались идти. Жаль мне тебя, дружище. Мы оба сделали одну и ту же промашку, и это наша общая вина. Но платить придется тебе одному. Это скверно: за такую невинную ошибку... Его любопытство пересилило.

"What do you mean?"

— Что ты имеешь в виду?

"We should have wondered why a woman so smart and beautiful and competent and all-around high-powered was willing to come to work for us at clerk-typist's wages. If we had taken her fingerprints the way the big firms do, and run a routine check, we might not have hired her... and you and I would still be partners."

— Нам следовало поинтересоваться, почему это такая женщина — умная, красивая, толковая, ну, в общем, все при ней — вдруг решила пойти к нам машинисткой за гроши. Если бы мы взяли у нее отпечатки пальцев, как в больших фирмах, и провели обычную проверку, может, мы бы ее и не наняли... и тогда мы все еще были бы партнерами.

Pay dirt again! Miles looked suddenly at his wife and she looked well, "cornered rat" is wrong; rats aren't shaped like Belle. And I couldn't leave well enough alone; I just had to pick at it.

Майлс вдруг взглянул на свою жену: у нее был вид загнанного в угол зверя. Вот только таких красивых зверей не бывает... Я просто не мог уйти, не воспользовавшись моментом. Я подошел к ней со словами:

I walked toward her, saying, "Well, Belle? If I took that highball glass sitting beside you and had the fingerprints checked, what would I find? Pictures in post offices? The big con? Or bigamy? Marrying suckers for their money, maybe? Is Miles legally your husband?" I reached down and picked up the glass.

— Ну, Белла? Если взять твой стакан и снять с него отпечатки пальцев — что выплывет? Грязные фотографии по почте? Крупный шантаж? Или многожурье? Ты, поди, женила на себе богатых лопухов? Интересно, по закону Майлс вообще твой муж или как? — Я протянул руку и поднял со стола ее стакан.

Belle slapped it out of my hand. And Miles shouted at me.

Белла выбила его у меня из рук. Майлс что-то крикнул.

And I had finally pushed my luck too far. I had been stupid to go into a cage of dangerous animals with no weapons, then I forgot the first tenet of the animal tamer; I turned my back. Miles shouted and I turned toward him. Belle reached for her purse, and I remember thinking that it was a hell of a time for her to be reaching for a cigarette.

На этом, к сожалению, моя удача кончилась. Я по глупости своей вошел в клетку к хищникам без оружия и забыл первую заповедь дрессировщика: никогда не поворачиваться к зверю спиной. Я повернулся к Майлсу. Белла потянулась к сумочке. Я еще подумал, что она выбрала очень удачное время искать сигареты.

Then I felt the stab of the needle.

И тут я почувствовал укол.

I remember feeling just one thing as my knees got weak and I started slipping toward the carpet: utter astonishment that Belle would do such a thing to me. When it came right down to it, I still trusted her.

Помню, как ноги у меня подкосились и я начал падать на ковер, чувствуя только одно: безграничное удивление, что Белла могла так со мною поступить. Оказывается, я все еще верил ей.

CHAPTER 4

Глава 4

•

I never was completely unconscious. I got dizzy and vague as the drug hit me—it hits even quicker than morphine. But that was all. Miles yelled something at Belle and grabbed me around the chest as my knees folded. As he dragged me over and let me collapse into a chair, even the dizziness passed.

Сознания я не потерял. У меня закружилась голова и немного затошнило, когда сработал препарат — он действует быстрее морфия. Но и только. Майлс что-то крикнул Белле и подхватил меня под мышки, когда у меня подломились колени. Пока он дотащил меня до кресла и посадил в него, даже головокружение прошло.

But while I was awake, part of me was dead. I know now what they used on me: the "zombie" drug, Uncle Sam's answer to brainwashing.

So far as I know, we never used it on a prisoner, but the boys whipped it up in the investigation of brainwashing and there it was, illegal but very effective. It's the same stuff they now use in one-day psychoanalysis, but I believe it takes a court order to permit even a psychiatrist to use it.

Но хотя я и был в сознании, часть меня словно умерла. Теперь-то я знаю, что они мне всадили: это был зомбин — выдумка Дяди Сэма в ответ на «промывку мозгов». Насколько мне известно, его ни разу не применяли на заключенных, но наши парни пользовались им, расследуя дело о «промывке мозгов»: незаконно, зато эффективно. Теперь подобные препараты используют для ускоренного психоанализа, но, по-моему, даже психоаналитику приходится получать разрешение суда, чтобы использовать его.

God knows where Belle laid hands on it. But then God alone knows what other suckers she had on the string.

Бог его знает, где Белла добыла это средство. Но ведь Бог один и знает, скольких еще простаков она одурачила.

But I wasn't wondering about that then; I wasn't wondering about anything. I just lay slumped there, passive as a vegetable, hearing what went on, seeing anything in front of my eyes—but if Lady Go diva had strolled through without her horse I would not have shifted my eyes as she passed out of my vision.

Меня же это не интересовало. Меня вообще ничего не интересовало. Я, как кукла, лежал в кресле, слышал все, что происходило вокруг, и видел все, что попадало в поле моего зрения. Но если бы передо мною появилась даже сама леди Годива без своей лошади, я бы не смог скосить глаза вслед за нею.

Unless I was told to.

Если бы мне не приказали их скосить.

Pete jumped out of his bag, trotted over to where I slouched, and asked what was wrong. When I didn't answer he started stropping my shins vigorously back and forth while still demanding an explanation. When still I did not respond he levitated to my knees, put his forepaws on my chest, looked me right in the face, and demanded to know what was wrong, right now and no nonsense.

I didn't answer and he began to wail.

That caused Miles and Belle to pay attention to him. Once Miles had me in the chair he had turned to Belle and had said bitterly, "Now you've done it! Have you gone crazy?"

Belle answered, "Keep your nerve, Chubby. We're going to settle him once and for all."

"What? If you think I'm going to help in a murder-" "Stuff it! That would be the logical thing to do... but you don't have the guts for it. Fortunately it's not necessary with that stuff in him." "What do you mean?"

"He's our boy now. He'll do what I tell him to. He won't make any more trouble."

"But... good God, Belle, you can't keep him doped up forever. Once he comes out of it-" "Quit talking like a lawyer. I know what this stuff will do; you don't. When he comes out of it he'll do whatever I've told him to do. I'll tell him never to sue us; he'll never sue us. I tell him to quit sticking his nose into our business; okay, he'll leave us alone. I tell him to go to Timbuktu; he'll go there. I tell him to forget all this; he'll forget... but he'll do it just the same."

I listened, understanding her but not in the least interested. If somebody had shouted, "The house is on fire!" I would have understood that, too, and I still would not have been interested.

"I don't believe it."

Пит выпрыгнул из сумки, подбежал ко мне и спросил, в чем дело. Не получив ответа, он стал отчаянно тереться о мои икры, требуя ответа. А когда я и тут не ответил, он вспрыгнул ко мне на колени, уперся передними лапами в грудь и потребовал сказать сейчас же и без глупостей: что происходит?

Я опять не ответил, и тогда он начал выть.

Тут Майлс и Белла обратили на него внимание. Когда Майлс усадил меня в кресло, он повернулся к Белле и сказал с упреком: — Ну что ты натворила! Ты что, с ума сошла?

Белла ответила: — Спокойно, Майлс. Теперь мы уделаем его раз и навсегда.

— Что?

Если ты думаешь, что я буду участвовать в убийстве... — Отвянь! Это было бы логично... но у тебя для этого кишка тонка.

Слава богу, теперь это не нужно. Мы накачали его таким зельем... — Что ты хочешь сказать?

— Он теперь наш. Он будет делать то, что я ему прикажу. Неприятностей от него теперь не будет.

— Но... господи, Белла, нельзя же его держать под этим кайфом вечно. Когда-нибудь он очухается, и... — Хватит болтать, не в суде. Ты же не знаешь, на что способно это средство, а я знаю. Когда его действие кончится, он сделает то, что я ему велю сделать. Скажу ему, чтобы он не судился с нами — не будет судиться. Прикажу, чтобы прекратил совать нос в наши дела — оставит нас в покое. Прикажу уехать в Тимбукту — поедет. Велю забыть все, что было, — забудет... впрочем, он и так забудет.

Я слышал ее, понимал ее, но мне было совершенно не интересно. Если бы кто-нибудь крикнул «Пожар!», я бы и это понял, но мне все равно было бы неинтересно.

— Не верю.

"You don't, eh?" She looked at him oddly. "You ought to." "Huh? What do you mean?"

— Не веришь? — Она как-то странно взглянула на него. — Зря... — Ну-ка, что ты хочешь сказать?

"Skip it, skip it. This stuff works, Chubby. But first we've got to—" It was then that Pete started wailing.

— Ладно, ладно... Эта штука действует, вот и все. Но сперва надо... Вот в этот момент Пит и завыл.

You don't hear a cat wail very often; you could go a lifetime and not hear it. They don't do it when fighting, no matter how badly they are hurt; they never do it out of simple displeasure. A cat does it only in ultimate distress, when the situation is utterly unbearable but beyond its capacity and there is nothing left to do but keen. It puts one in mind of a banshee.

Мало кому доводилось слышать, как воет кот. Можно прожить всю жизнь и ни разу не услышать этого. Они не воют в драке, как бы сильно им ни досталось. Они не воют, если им что-то не нравится. Коты воют только от полного отчаяния, когда происходит что-то невыносимое, а они ничего не могут с этим поделать. Когда им ничего не остается, как взвыть.

Also it is hardly to be endured; it hits a nerve-racking frequency.

Стерпеть этот вой очень трудно, он прямо по нервам скребет.

Miles turned and said, "That confounded cat! We've got to get it out of here."

Майлс повернулся и сказал: — Чертов кот! Надо его отсюда выгнать.

Belle said, "Kill it."

Белла процедила: — Убей его.

"Huh? You're always too drastic, Belle. Why, Dan would raise more Cain about that worthless animal than he would if we had stripped him completely. Here—" He turned and picked up Pete's travel bag.

— Да? Вечно ты так, Белла. Да Дэн из-за своего бесценного кота поднимет больше шума, чем если бы мы его обчистили дочиста. Вот... Он повернулся и поднял дорожную сумку — прибежище Пита.

"I'll kill it!" Belle said savagely. "I've wanted to kill that damned cat for months." She looked around for a weapon and found one, a poker from the fireplace set; she ran over and grabbed it.

— Я его убью! — заявила Белла кровожадно. — Я давным-давно мечтаю его прикончить. — Она оглянулась вокруг и увидела каминную кочергу. Подбежав к камину, она схватила ее.

Miles picked up Pete and tried to put him into the bag.

Майлс поднял Пита и попытался засунуть его в сумку.

"Tried" is the word. Pete isn't anxious to be picked up by anyone but me or Ricky, and even I would not pick him up while he was wailing, without very careful negotiation; an emotionally disturbed cat is as touchy as mercury fulminate. But even if he were not upset, Pete certainly would never permit himself without protest to be picked up by the scruff of the neck.

Попытался — очень подходящее слово. Пит не терпит, чтобы его брал в руки кто-нибудь, кроме меня и Рики. Да и я не рискнул бы трогать его, когда он воет, без предварительных «переговоров»: когда кот нервничает, с ним надо обращаться, как с гремучей ртутью. Но будь он даже в хорошем настроении, он все равно никому не позволил бы безнаказанно брать его за шкирку.

Pete got him with claws in the forearm and teeth in the fleshy part of Miles's left thumb. Miles yelped and dropped him.

Пит вцепился ему зубами в палец, а когтями — в руку. Майлс вскрикнул и выпустил его.

Belle shrielled, "Stand clear, Chubby!" and swung at him with the poker. Belle's intentions were sufficiently forthright and she had the strength and the weapon. But she wasn't skilled with her weapon, whereas Pete is very skilled with his. He ducked under that roundhouse swipe and hit her four ways, two paws for each of her legs.

Белла крикнула: «Посторонись!» и кинулась на Пита с кочергой. Намерения Беллы были вполне ясны. Оружие и сила у нее были. Вот только обращаться с этим оружием она не умела, а Пит своим владел как следует. Он поднырнул под опускающуюся кочергу и вцепился в Беллу всеми четырьмя — по две лапы на каждую ногу.

Belle screamed and dropped the poker.

Белла вскрикнула и уронила кочергу.

I didn't see much of the rest of it.

I was still looking straight ahead and could see most of the living room, but I couldn't see anything outside that angle because no one told me to look in any other direction. So I followed the rest of it mostly by sound, except once when they doubled back across my cone of vision, two people chasing a cat—then with unbelievable suddenness, two people being chased by a cat. Aside from that one short scene I was aware of the battle by the sounds of crashes, running, shouts, curses, and screams.

Остального я почти не видел. Я по-прежнему смотрел прямо перед собой и видел большую часть комнаты, но только в пределах своего поля зрения, потому что никто не приказал мне поворачивать голову. Так что остальное до меня доходило в основном в звуках, за исключением одного кадра, когда они оба промелькнули перед моими глазами, гонясь за котом. А потом сразу же в обратную сторону — преследуемые котом. После этого я мог только слышать шум битвы: топот, крики, ругань, вопли и грохот падающих предметов.

But I don't think they ever laid a glove on him.

Не думаю, однако, что им удалось до него даже дотронуться.

The worst thing that happened to me that night was that in Pete's finest hour, his greatest battle and greatest victory, I not only did not see all the details, but I was totally unable to appreciate any of it. I saw and I heard but I had no feeling about it; at his supreme Moment of Truth I was numb.

Худшее, что могло со мной случиться, — то, что в звездный час Пита, в день его великой битвы и великой победы я не только не видел подробностей сражения, но и был совершенно не в состоянии оценить их по достоинству. Я мог видеть и слышать, но не мог чувствовать. В великий Момент Истины Пита я был нем и слеп.

I recall it now and conjure up emotion I could not feel then. But it's not the same thing; I'm forever deprived, like a narcolept on a honeymoon.

Теперь, вспоминая все, я испытываю чувства, которых был лишен тогда. Но это не одно и то же: теперь я навеки обездолен, словно человек, проспавший свой медовый месяц летаргическим сном.

The crashes and curses ceased abruptly, and shortly Miles and Belle came back into the living room. Belle said between gasps, "Who left that censorable screen door unhooked?"

Внезапно грохот и крики прекратились, и вскоре Майлс и Белла вернулись в гостиную. С трудом переводя дух, Белла сказала: — Кто оставил открытой сетчатую дверь от комаров?

"You did. Shut up about it. It's gone now." Miles had blood on his face as well as his hands; he dabbed at the fresh scratches on his face and did them no good. At some point he must have tripped and gone down, for his clothes looked it and his coat was split up the back.

— Ты! Помолчи. Он уже удрал. — Лицо и руки у Майлса были в ссадинах, и он безуспешно пытался унять кровь на исцарапанном лбу. Судя по одежде, он где-то оступился и упал. Пиджак на спине был порван.

"I will like hell shut up. Have you got a gun in the house?"

— А вот черта с два! Пистолет в доме есть?

"Huh?"

— А?

"I'm going to shoot that damned cat." Belle was in even worse shape than Miles; she had more skin where Pete could get at it—legs, bare arms and shoulders. It was clear that she would not be wearing strapless dresses again soon, and unless she got expert attention promptly she was likely to have scars. She looked like a harpy after a no-holds-barred row with her sisters.

— Пристрелю эту поганую кошку. — У Беллы видок был еще почище, чем у Майлса. Открытого тела, до которого сумел добраться Пит, у нее было больше: ноги, руки и плечи. Было ясно, что ей не скоро придется носить открытые платья, к тому же если ею немедленно не займется специалист, то наверняка останутся шрамы. Она смахивала сейчас на гарпию после раунда вольной борьбы с сестрами.

Miles said, "Sit down!"

Майлс сказал ей: — Сядь!

She answered him briefly and, by implication, negatively.

Она ответила ему кратко и в отрицательном смысле:

"I'm going to kill that cat."

— Я убью эту кошку!

"Then don't sit down. Go wash yourself. I'll help you with iodine and stuff and you can help me. But forget that cat; we're well rid of it."

— Тогда не садись. Ступай умойся. Я обработаю тебя йодом, а ты — меня. А про кота забудь: сбежал — и слава богу.

Belle answered rather incoherently, but Miles understood her.

Она сказала что-то неразборчивое, но Майлс понял.

"You too," he answered, "in spades. Look here, Belle, if I did have a gun—I'm not saying that I have—and you went out there and started shooting, whether you got the cat or not you would have the police here inside of ten minutes, snooping around and asking questions. Do you want that with him on our hands?"

— От такой и слышу... Подумай, Белла, если бы у меня был пистолет (я не сказал, что он есть) и ты начала бы из него палить, то независимо от того, попала бы ты в кота или нет, полиция была бы тут через десять минут, суя свой нос куда не надо и задавая лишние вопросы. Ты этого добиваешься, когда он здесь, у нас?

He jerked a thumb in my direction.

Он кивнул в мою сторону.

"And if you go outside the house tonight without a gun that beast will probably kill you." He scowled even more deeply. "There ought to be a law against keeping an animal like that. He's a public danger. Listen to him."

— И если ты выйдешь с пистолетом из дома, то эта тварь скорее всего прикончит тебя. — Он весь сморщился от боли. — Должен быть закон, запрещающий держать подобных зверей: он же опасен для окружающих. Ты только послушай!

We could all hear Pete prowling around the house. He was not wailing now; he was voicing his war cry—inviting them to choose weapons and come outside, singly or in bunches.

Было слышно, как Пит ходит вокруг дома. Теперь это был не вой, а боевой клич: он предлагал им выбрать оружие и выйти — по одному или обоим сразу.

Belle listened to it and shuddered. Miles said, "Don't worry; he can't get in. I not only hooked the screen you left open, I locked the door."

Белла прислушалась, и ее передернуло. Майлс сказал: — Не беспокойся, внутрь ему не войти. Ту сетчатую дверь, что ты забыла закрыть, я запер.

"I did not leave it open!"

— Я не забывала ее закрыть!..

"Have it your own way." Miles went around checking the window fastenings. Presently Belle left the room and so did he.

— Как знаешь... Майлс обошел комнату, проверяя, заперты ли окна. Вскоре Белла ушла, а вслед за нею и Майлс.

Sometime while they were gone Pete shut up. I don't know how long they were gone; time didn't mean anything to me.

Через некоторое время Пит замолчал. Долго ли их не было, я не знаю: время для меня ничего не значило.

Belle came back first. Her make-up and hairdo were perfect; she had put on a long-sleeved, high-necked dress and had replaced the ruined stockings. Except for Band-Aid strips on her face, the results of battle did not show. Had it not been for the grim look on her phiz I would have considered her, under other circumstances, a delectable sight.

Белла вернулась первой. Лицо и прическа у нее были в полном порядке. Она надела платье с длинными рукавами и высоким воротом и новые чулки вместо порванных Питом. Кроме кусочков пластыря, следов битвы на ее лице видно не было, и если бы не унылое выражение на физиономии, то при других обстоятельствах я бы нашел ее даже привлекательной.

She came straight toward me and told me to stand up, so I did. She went through me quickly and expertly, not forgetting watch pocket, shirt pockets, and the diagonal one on the left inside of the jacket which most suits do not have. The take was not much; my wallet with a small amount of cash, ID cards, driver's license, and such, keys, small change, a nasal inhaler against the smog, minor miscellaneous junk, and the envelope containing the certified check which she herself had bought and had sent to me. She turned it over, read the closed endorsement I had made on it, and looked puzzled.

Она подошла прямо ко мне и велела встать. Я встал. Она быстро и умело обыскала меня, не забыв про кармашек для часов, карманы рубашки и даже косой внутренний карманчик на левом борту, которого нет у большинства пиджаков. Улов был невелик: немного денег в бумажнике, удостоверение личности, водительские права, ключи, мелочь, несколько скрепок, ингалятор от смога и конверт с чеком, который она сама мне и отправила. Она перевернула чек, прочла передаточную надпись, которую я сделал на обороте, и удивилась:

"What's this, Dan? Buying a slug of insurance?"

— Что это, Дэн? Покупаешь страховку?

"No." I would have told her the rest, but answering the last question asked of me was the best I could do.

— Нет. — Я бы рассказал ей все, но я мог отвечать только на последний из заданных вопросов.

She frowned and put it with the rest of the contents of my pockets. Then she caught sight of Pete's bag and apparently recalled the flap in it I used for a brief case, for she picked it up and opened the flap.

Она задумчиво нахмурилась и сунула чек вместе со всем остальным мне в карман. Тут на глаза ей попала сумка Пита, и она, видимо, вспомнила про боковой карман, который я использовал для хранения документов, потому что сразу же взяла ее и залезла в него рукой.

At once she found the quadruplicate sets of the dozen and a half forms I had signed for Mutual Assurance Company. She sat down and started to read them. I stood where she had left me, a tailor's dummy waiting to be put away.

Она тут же обнаружила полторы дюжины документов, да еще в четырех экземплярах, которые я подписал для «Мьючел эшшуранс компани». Она уселась и стала их читать. Я стоял, где поставили: этакий портновский манекен, который забыли убрать в угол.

Presently Miles came in wearing bathrobe and slippers and quite a large amount of gauze and adhesive tape. He looked like a fourth-rate middleweight whose manager has let him be outmatched. He was wearing one bandage like a scalp lock, fore and aft on his bald head; Pete must have got to him while he was down.

Тут явился Майлс в купальном халате, тапочках, бинтах и пластыре. Вид у него был, как у боксера среднего веса, проигравшего восемь раундов подряд. На лысине у него тоже красовалась повязка, наподобие ермолки — видно, Пит достал его, когда он упал.

Belle glanced up, waved him to silence, and indicated the stack of papers she was through with. He sat down and started to read. He caught up with her and finished the last one reading over her shoulder.

Белла подняла голову, поманила его к себе и молча показала на лежавшую перед ней стопку документов. Он сел рядом и начал быстро читать. Он догнал ее и последнюю бумажку уже читал, глядя ей через плечо.

She said, "This puts a different complexion on things."

Она сказала: — Дело приобретает несколько иную окраску.

"An understatement. This commitment order is for December fourth—that's tomorrow. Belle, he's as hot as noon in Mojave; we've got to get him out of here!" He glanced at a clock. "They'll be looking for him in the morning."

— Мягко сказано. Бумаги на четвертое декабря — это завтра. Белла, он же горячий, как утюг! Надо срочно от него избавляться. — Он взглянул на часы. — Утром его станут искать.

"Miles, you always get chicken when the pressure is on. This is a break, maybe the best break we could hope for."

— Майлс, ты начинаешь мелко дрожать при первых же признаках опасности. Это наш шанс. Может, такой шанс, на который мы надеяться не смели.

"How do you figure?"

— С чего ты взяла?

"This zombie soup, good as it is, has one shortcoming. Suppose you dose somebody with it and load him up with what you want him to do. Okay, so he does it. He carries out your orders; he has to. Know anything about hypnosis?"

"Not much."

"Do you know anything but law, Chubby? You haven't any curiosity. A posthypnotic command—which is what this amounts to—may conflict, in fact it's almost certain to conflict, with what the subject really wants to do. Eventually that may land him in the hands of a psychiatrist. If the psychiatrist is any good, he's likely to find out what the trouble is. It is just possible that Dan here might go to one and get unstuck from whatever orders I give him. If he did, he could make plenty of trouble."

"Damn it, you told me this drug was sure-fire."

"Good God, Chubby, you have to take chances with everything in life. That's what makes it fun. Let me think."

After a bit she said, "The simplest thing and the safest is to let him go ahead with this sleep jump he is all set to take. He wouldn't be any more out of our hair if he was dead—and we don't have to take any risk. Instead of having to give him a bunch of complicated orders and then praying that he won't come unstuck, all we have to do is order him to go ahead with the cold sleep, then sober him up and get him out of here... or get him out of here and then sober him." She tuned to me.

"Dan, when are you going to take the Sleep?"

"I'm not."

"Huh?"

"What's all this?" She gestured at the papers from my bag.

— У зомбина, как он ни хорош, есть один недостаток. Предположим, ты накачал им кого-то и загрузил его своими приказами. Окей, он будет это делать. Он выполнит приказы — по-другому он не может. Что ты знаешь о гипнозе?

— Не слишком много.

— А что ты вообще знаешь, кроме своей юриспруденции?! Вот нет в тебе здорового любопытства. Все сводится к тому, что постгипнотическое внушение может войти — и даже наверняка входит — в конфликт с тем, что человек на самом деле хочет делать. Заканчивается тем, что он попадает к психиатру. И если психиатр приличный, то он сумеет разобраться, в чем дело. Возможно, Дэн попадет как раз к такому, и тот сумеет разблокировать те команды, что я ему дам. Тогда у нас будет куча неприятностей.

— Черт, ты же говорила, что препарат надежный?!

— Господи, любая вещь в жизни — риск. От этого-то жизнь такая интересная. погоди, дай подумать.

Через минуту она сказала: — Самое простое и надежное — отправить его спать. Пусть себе спит Холодным Сном, как и собирался. Это даже лучше, чем если бы он умер, и никакого риска. Вместо того чтобы сперва давать ему кучу сложных приказов, а потом молиться, чтобы его не разблокировали, мы просто прикажем ему ехать и ложиться в Сон, потом протрезвим и отвезем. Или сперва отвезем, а потом протрезвим.

Она повернулась ко мне.

— Дэн, когда ты собираешься лечь в Сон?

— Никогда.

— Это как? А что же это все такое? — она показала на бумаги, вынутые из моей сумки.

"Papers for cold sleep. Contracts with Mutual Assurance."

— Это бумаги для Холодного Сна. Контракты с «Мьючел эшшуранс».

"He's nutty," Miles commented.

— Чокнутый какой-то, — не удержался Майлс.

"Mmm... of course he is. I keep forgetting that they can't really think when they're under it. They can hear and talk and answer questions... but it has to be just the right questions. They can't think."

— Хм... естественно. Я все забываю, что под этим делом они не могут думать как следует. Они могут слушать, говорить, отвечать на вопросы — но вопросы нужно правильно задавать. Думать они не могут.

She came up close and looked me in the eyes.

Она подошла ко мне ближе и заглянула в глаза:

"Dan, I want you to tell me all about this cold-sleep deal. Start at the beginning and tell it all the way through. You've got all the papers here to do it; apparently you signed them just today. Now you say you aren't going to do it. Tell me all about it, because I want to know why you were going to do it and now you say you aren't."

— Дэн, — сказала она, — я хочу, чтобы ты рассказал мне все об этой истории с Холодным Сном. Начни с самого начала и шпарь подряд, до конца. У тебя тут все бумаги для Холодного Сна. Очевидно, ты подписал их только вчера. Теперь ты говоришь, что ложиться в Сон не собираешься. Расскажи мне об этом. Я хочу знать, почему ты собирался это сделать, а теперь говоришь, что не хочешь.

So I told her. Put that way, I could answer. It took a long time to tell as I did just what she said and told it all the way through in detail.

Я выложил ей все. Когда спрашивали так, я мог отвечать. Отвечал я долго, потому что она приказала мне рассказывать подробно, и я так и сделал — рассказал со всеми деталями.

"So you sat there in that drive-in and decided not to? You decided to come out here and make trouble for us instead?"

— Значит, там, в кафе, ты и передумал? И решил вместо этого явиться сюда и устроить нам неприятности?

"Yes." I was about to go on, tell about the trip out, tell her what I had said to Pete and what he had said to me, tell her how I had stopped at a drugstore and taken care of my Hired Girl stock, how I had driven to Miles's house, how Pete had not wanted to wait in the car, how... But she did not give me a chance. She said, "You've changed your mind again, Dan. You want to take the cold sleep. You're going to take the cold sleep. You won't let anything in the world stand in the way of your taking the cold sleep. Understand me? What are you going to do?"

— Да. — Я собирался продолжить и рассказать ей, как я ехал сюда, и что сказал Питу, и что он мне ответил, и как я остановился у аптеки и распорядился своими акциями «Золушки Инк.», и как я приехал к Майлсу, и как Пит не хотел оставаться в машине, и как... Но она перебила меня, и я не успел. Она сказала: — Ты опять передумал, Дэн. Ты хочешь получить свой Холодный Сон. Ты поедешь и получишь свой Сон. И ничто на свете не остановит тебя, так ты хочешь получить свой Сон. Ты понял? Что ты должен сделать?

"I'm going to take the cold sleep. I want to take..." I started to sway. I had been standing like a flagpole for more than an hour, I would guess, without moving any muscle, because no one had told me to. I started collapsing slowly toward her.

— Я должен получить Холодный Сон. Я очень хочу по... Я зашатался. Я уже стоял, как столб, больше часа, не шевельнув ни единой мышцей: ведь никто мне этого не приказал. Я начал медленно падать на нее.

She jumped back and said sharply, "Sit down!"

Она отскочила и резко сказала: — Сядь!

So I sat down.

Я сел.

Belle turned to Miles.

Белла повернулась к Майлсу.

"That does it. I'll hammer away at it until I'm sure he can't miss."

— Вот так-то. Буду долбить до тех пор, пока не буду уверена, что он ничего не перепутает.

Miles looked at the clock.

Майлс глянул на часы.

"He said that doctor wanted him there at noon."

— Он сказал, что доктор ждет его к двенадцати.

"Plenty of time. But we had better drive him there ourselves, just to be—No, damn it!"

— Времени навалом. Только лучше уж мы сами отвезем его, на всякий случай... Черт возьми!

"What's the trouble?"

— В чем дело?

"The time is too short. I gave him enough soup for a hone, because I wanted it to hit him fast—before he hit me. By noon he'd be sober enough to convince most people. But not a doctor."

— Времени слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, чтобы сработало раньше, чем он мне врежет. К полудню он будет настолько трезв, что сумеет в этом убедить кого угодно. Кроме доктора.

"Maybe it'll just be perfunctory. His physical examination is already here and signed."

— Может быть, медосмотр в этот раз будет поверхностным. Ведь его медицинский допуск уже подписан.

"You heard what he said the doctor told him. The doctor's going to check him to see if he's had anything to drink. That means he'll test his reflexes and take his reaction time and peer in his eyes and—oh, all the things we don't want done. The things we don't dare let a doctor do. Miles, it won't work."

— Ты же слышал, что он сказал: доктор предупредил, что проверит, не пил ли он. Значит, будет проверять рефлекс, скорость реакции, заглядывать в глаза — в общем, делать все то, чего мы очень не хотели бы. Мы просто не можем позволить доктору делать это. Майлс, ничего не выйдет.

"How about the next day? Call `em up and tell them there has been a slight delay?"

— Может, отложить на денек? Позвоним им и скажем, что он немножко задерживается.

"Shut up and let me think."

— Заткнись и дай подумать.

Presently she started looking over the papers I had brought with me. Then she left the room, returned immediately with a jeweler's loop, which she screwed into her right eye like a monocle, and proceeded to examine each paper with great care. Miles asked her what she was doing, but she brushed his question aside.

Она опять полезла в бумаги, которые я принес с собой. Потом вышла из комнаты, но тотчас вернулась с ювелирной лупой, ввернула ее в глаз наподобие монокля и стала пристально рассматривать каждый лист. Майлс спросил ее, что она делает, но она отмахнулась от него.

Presently she took the loop out of her eye and said, "Thank goodness they all have to use the same government forms. Chubby, get me the yellow-pages phone book."

"What for?"

"Get it, get it. I want to check the exact phrasing of a firm name-oh, I know what it is but I want to be sure."

Grumbling, Miles fetched it. She thumbed through it, then said, "Yes, 'Master Insurance Company of California'... and there's room enough on each of them. I wish it could be 'Motors' instead of 'Master'; that would be a cinch-but I don't have any connections at 'Motors Insurance,' and besides, I'm not sure they even handle hibernation; I think they're just autos and trucks." She looked up.

"Chubby, you're going to have to drive me out to the plant right away."

"Huh?"

"Unless you know of some quicker way to get an electric typewriter with executive type face and carbon ribbon. No, you go out by yourself and fetch it back; I've got telephoning to do."

He frowned.

"I'm beginning to see what you plan to do. But, Belle, this is crazy. This is fantastically dangerous."

She laughed.

"That's what you think. I told you I had good connections before we ever teamed up. Could you have swung the Mannix deal alone?"

"Well... I don't know."

Наконец она отложила лупу и сказала: — Слава богу, что все пользуются стандартными государственными бланками. Дай-ка мне «Желтые страницы».

— Зачем?

— Давай, давай. Хочу уточнить название фирмы. Да знаю я, как она называется, но надо наверняка.

Ворча, Майлс приволок справочник. Она полистала его и сказала: — Ну, вот. «Мастер иншуранс компани оф Калифорния»... и на каждом бланке есть свободное место. Вот если бы вместо «Мастер» было «Моторз», тогда дело было бы на мази, но у меня никаких связей в «Моторз иншуранс», и потом, я даже не знаю, занимаются ли они анабиозом. Поэтому, у них только страхование транспортных средств. — Она подняла голову.

— Майлс, тебе придется отвезти меня сейчас на фабрику, срочно.

— Да?

— Если ты, конечно, не знаешь более быстрого способа раздобыть электрическую пишущую машинку с угольной лентой. Или нет, поезжай и привези ее сам. Мне надо позвонить кое-куда.

Он нахмурился.

— Я, кажется, начинаю понимать, что ты задумала. Но, Белла, это же безумие. Это жутко опасно.

Она засмеялась.

— Это ты так думаешь. Я же говорила тебе, что у меня были неплохие связи до того, как мы с тобой столкнулись. Мог бы ты в одиночку повернуть то дельце с «Манникс»?

— Ну... Не знаю.

"I know. And maybe you don't know that Master Insurance is part of the Mannix group."

— А я знаю. И ты, наверное, не знал, что «Мастер иншуранс» тоже входит в «Манникс»?

"Well, no, I didn't. And I don't see what difference it makes."

— Ну, не знал. А какая разница?

"It means my connections are still good. See here, Chubby, the firm I used to work for used to help Mannix Enterprises with their tax losses... until my boss left the country. How do you think we got such a good deal without being able to guarantee that Danny boy went with the deal? I know all about Mannix. Now hurry up and get that typewriter and I'll let you watch an artist at work. Watch out for that cat."

— Разница в том, что тогда мои связи работают. Смотри, фирма, в которой я работала, помогала «Манникс энтерпрайзиз» составлять налоговые декларации так, чтобы платить поменьше налогов... пока мой шеф не слинял за границу. Как ты думаешь, получили бы мы с тобой такие выгодные условия, не гарантируя, что наш Дэнни тоже входит в сделку? А-а... Я все знаю про «Манникс». Так что гони и вези мне машинку, а я разрешу тебе посмотреть, как работают настоящие артисты. Осторожно, там где-то кот.

Miles grumbled but started to leave, then returned.

Майлс поворчал, но стал собираться. Вышел. Потом вернулся.

"Belle? Didn't Dan park right in front of the house?"

— Белла! Разве Дэн не оставил машину возле нашего дома?

"Why?"

— А что?

"His car isn't there now."

— Ее там нет.

He looked worried.

Вид у него был встревоженный.

"Well, he probably parked around the corner. It's unimportant. Go get that typewriter. Hurry!"

— Ну, наверное, поставил ее за угол. Это неважно. Давай вези машинку. Шевелись!

He left again. I could have told them where I had parked but, since they did not ask me, I did not think about it. I did not think at all.

Он опять вышел. Я мог им сказать, где я оставил машину, но, поскольку никто меня об этом не спрашивал, я не стал об этом думать. Я вообще ни о чем не думал.

Belle went elsewhere in the house and left me alone.

Белла тоже вышла куда-то, оставив меня одного. Майлс вернулся еще затемно, совершенно вымотанный, волоча тяжелую машинку. После этого меня опять оставили без присмотра.

Sometime around daylight Miles got back, looking haggard and carrying our heavy typewriter. Then I was left alone again.

Once Belle came back in and said, "Dan, you've got a paper there telling the insurance company to take care of your Hired Girl stock. You don't want to do that; you want to give it to me."

Войдя в комнату, Белла сказала: — Дэн, в одной из твоих бумаг сказано, что ты просишь страховую компанию позаботиться о твоих акциях «Золушки». Ты больше не хочешь этого. Теперь ты хочешь отдать их мне.

I didn't answer.
She looked annoyed and said, "Let's put it this way."

Я не ответил. Тогда она сказала с раздражением:

You do want to give it to me.
You know you want to give it to me. You know that, don't you?"

— Давай сформулируем так: ты хочешь отдать их мне. Ты знаешь, что хочешь отдать их мне. Ты ведь знаешь это?

"Yes. I want to give it to you."

— Да. Я хочу отдать их тебе.

"Good. You want to give it to me. You have to give it to me. You won't be happy until you give it to me. Now where is it? Is it in your car?"

— Отлично. Ты хочешь отдать их мне. Ты должен отдать их мне. Ты себе просто места не найдешь, пока не отдашь их мне. Ну, где они? В машине?

"No."

— Нет.

"Then where is it?"

— Тогда где же?!

"I mailed it."

— Я их отправил по почте.

"What?" She grew shrill. "When did you mail it? Who did you mail it to? Why did you do it?"

— Что? — Она взвизгнула. — Когда ты их отправил? Кому ты их отправил? Почему ты их отправил?

If she had asked the second question last I would have answered it. But I answered the last question, that being all I could handle.

Если бы второй вопрос оказался последним, мне бы пришлось на него ответить. Но я ответил на последний вопрос — это было все, что я мог.

"I assigned it."

— Я их передал другому владельцу.

Miles came in. "Where did he put it?"

— Куда он их дел? — спросил, входя, Майлс.

"He says he's mailed it... because he has assigned it! You had better find his car and search it—he may just think he actually mailed it. He certainly had it with him at the insurance company."

— Говорит, что отправил их по почте... потому что передал их другому владельцу! Лучше найди-ка его машину да обыщи хорошенько: может, он только вообразил, что отправил их. Когда он ходил в страховую компанию, они определенно были у него при себе.

"Assigned it!" repeated Miles. "Good Lord! To whom?"

— Передал их! — повторил Майлс — Боже милостивый... Кому?

"I'll ask him. Dan, to whom did you assign your stock?"

— Сейчас спросим. Дэн, кому ты передал свой сертификат?

"To the Bank of America."

— «Бэнк оф Америка».

She didn't ask me why or I would have told her about Ricky. All she did was slump her shoulders and sigh.

Она не спросила почему, а то я сказал бы ей и про Рики. Она просто вздохнула и поникла. Плечи у нее опустились.

"There goes the ball game, Chubby. We can forget about the stock. It'll take more than a nail file to get it away from a bank." She straightened up suddenly. "Unless he hasn't really mailed it yet. If he hasn't I'll clean that assignment off the back so pretty you'll think it's been to the laundry. Then he'll assign it again... to me."

— Недолго музыка играла... Про акции, Майлс, можно забыть. Чтобы выудить их из банка, надо слишком много напильников. — Она внезапно выпрямилась. — Если, конечно, он действительно отправил их по почте. Если нет, то я смогу подчистить надпись на обороте будет прямо как из прачечной. А потом он опять передаст их... мне.

"To us," corrected Miles.

— Нам, — поправил Майлс.

"That's just a detail. Go find his car."

— Ну, это детали. Иди ищи его машину.

Miles returned later and announced, "It's not anywhere within six blocks of here. I cruised around all the streets, and the alleys too. He must have used a cab."

Майлс вернулся довольно скоро и объявил: — Ее нет нигде в радиусе шести кварталов вокруг. Я объехал все улицы и бульвары. Должно быть, он приехал на такси.

"You heard him say he drove his own car."

— Ты же слышал: он сказал, что приехал на своей машине.

"Well, it's not Out there. Ask him when and where he mailed the stock."

— Ну, а теперь ее нет. Спроси его, когда и где он опустил свои акции в почтовый ящик.

So Belle did and I told them.

Белла спросила, и я ответил:

"Just before I came here. I mailed it at the postbox at the corner of Sepulveda and Ventura Boulevard."

— Прямо перед тем, как приехать к вам, я кинул конверт в ящик на углу Сепульведа и Вентура-бульвар.

"Do you suppose he's lying?" asked Miles.

— Как ты думаешь, врет?

"He can't lie, not in the shape he's in. And he's too definite about it to be mixed up. Forget it, Miles. Maybe after he's put away it will turn out that his assignment is no good because he had already sold it to us... at least I'll get his signature on some blank sheets and be ready to try it."

She did try to get my signature and I tried to oblige. But in the shape I was in I could not write well enough to satisfy her. Finally she snatched a sheet out of my hand and said viciously, "You make me sick! I can sign your name better than that." Then she leaned over me and said tensely, "I wish I had killed your cat."

They did not bother me again until later in the day. Then Belle came in and said, "Danny boy, I'm going to give you a hypo and then you'll feel a lot better. You'll feel able to get up and move around and act just like you always have acted. You won't be angry at anybody, especially not at Miles and me. We're your best friends. We are, aren't we? Who are your best friends?"

"You are. You and Miles."

"But I'm more than that. I'm your sister. Say it."

"You're my sister."

"Good. Now we're going for a ride and then you are going for a long sleep. You've been sick and when you wake up you'll be well. Understand me?"

"Yes."

"Who am I?"

"You're my best friend. You're my sister."

"Good boy. Push your sleeve back."

— Он не может врать — он не в той форме. И он слишком уверенно говорит, чтобы перепутать. Забудь об этом, Майлс. Может, после того как его затолкают спать, окажется, что его передаточная надпись недействительна, потому что он уже успел продать эти акции нам... По крайней мере пусть распишется на чистом листе, я потом попробую.

Она попыталась получить мою подпись, а я попытался подчиниться. Но я был в таком состоянии, что проку от меня было мало, и подпись моя ее не устроила. В конце концов, она выдернула лист бумаги из моих рук и сказала с раздражением: — Тьфу, смотреть тошно! Я и то подпишусь твоим именем лучше тебя... Потом она наклонилась надо мной и сказала с нажимом: — Жаль, что я не прикончила твоего кота.

Несколько часов они меня не трогали. Потом пришла Белла и сказала: — Дэнни, малыш, я сейчас сделаю тебе укольчик, и тебе станет гораздо лучше. Ты сможешь встать, и ходить, и вести себя совсем как обычно. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на нас с Майлсом. Мы же твои лучшие друзья. Правда же? Ну-ка, кто твои лучшие друзья?

— Вы. Ты и Майлс.

— Но я — даже больше чем друг. Я твоя сестра. Повтори.

— Ты моя сестра.

— Хорошо. Теперь мы поедем кататься, а потом ты ляжешь в Долгий Сон. Ты болел, но, когда проснулся, тебе стало лучше. Ты понял?

— Да.

— Кто я?

— Ты мой лучший друг. Ты моя сестра.

— Молодец. Закатай рукав.

I didn't feel the hypo go in, but it stung after she pulled it out. I sat up and shrugged and said, "Gee, Sis, that stung. What was it?"

Я не почувствовал, как вошла в кожу игла, но, когда Белла выдернула ее, руку зашипало. Я сел, потянулся и сказал: — Ух, как щиплет, сестренка. Что это?

"Something to make you feel better. You've been sick."

— Это чтобы тебе стало лучше. Ты болел.

"Yeah, I'm sick. Where's Miles?"

— Ага, болел. А где Майлс?

"He'll be here in a moment. Now let's have your other arm. Push back the sleeve."

— Сейчас придет. Давай другую руку. Подними рукав.

I said, "What for?" but I pushed back the sleeve and let her shoot me again. I jumped. She smiled.

Я спросил: «Зачем?» — но рукав поднял, и она опять сделала укол. Я даже подпрыгнул. Она улыбнулась.

"That didn't really hurt, did it?"

— И вовсе не больно, правда?

"Huh? No, it didn't hurt. What's it for?"

— А? Нет, не больно. А зачем это?

"It will make you sleepy on the ride. Then when we get there you'll wake up."

— Ты немного поспишь по дороге. А когда приедем, проснешься.

"Okay. I'd like to sleep. I want to take a long sleep." Then I felt puzzled and looked around. "Where's Pete? Pete was going to sleep with me."

— Окей. Я хочу спать. Я хочу Долгий Сон. — Тут я удивленно огляделся по сторонам.
— А где Пит? Пит тоже должен был спать со мной.

"Pete?" Belle said. "Why, dear, don't you remember? You sent Pete to stay with Ricky. She's going to take care of him."

— Пит? — спросила Белла. — Как, разве ты не помнишь, дорогой? Ты же отправил Пита жить к Рики. Она будет о нем заботиться.

"Oh yes!" I grinned with relief.

— Ну да! — я радостно улыбнулся.

I had sent Pete to Ricky; I remembered mailing him. That was good. Ricky loved Pete and she would take good care of him while I was asleep.

Я отправил Пита к Рики. Я помню, как я отправил его по почте. Это хорошо. Рики любит Пита, она будет заботиться о нем, пока я сплю.

They drove me out to the Consolidated Sanctuary at Sawtelle, one that many of the smaller insurance companies used—those that didn't have their own. I slept all the way but came awake at once when Belle spoke to me. Miles stayed in his car and she took me in.

Они отвезли меня в Объединенное хранилище в Соутел, которым пользовались многие мелкие страховые компании, не имевшие своих хранилищ. Я проспал всю дорогу, но тотчас проснулся, стоило Белле окликнуть меня. Майлс остался сидеть в машине, а она повела меня внутрь.

The girl at the desk looked up and said, "Davis?"

Девушка за столиком подняла голову и спросила: — Вы — Дэвис?

"Yes," agreed Belle. "I'm his sister. Is the representative for Master Insurance here?"

— Да, — подтвердила Белла. — Я — его сестра. Представитель «Мастер иншуранс» здесь?

"You'll find him down in Treatment Room Nine—they're ready and waiting. You can give the papers to the man from Master." She looked at me with interest. "He's had his physical examination?" I was complaining to the bartender about the air conditioning; it was turned too high and we were all going to catch cold. "No matter," he assured me. "You won't feel it when you're asleep. Sleep... sleep... soup of the evening, beautiful sleep." He had Belle's face.

— Он в процедурной номер девять — они готовы и ждут вас. Бумаги можете отдать их сотруднику. — Она с интересом взглянула на меня. — А медосмотр он прошел?

"Oh yes!" Belle assured her. "Brother is a therapy-delay case, you know. He's under an opiate... for the pain."

— Ну конечно! — поспешила уверить ее Белла. — У моего брата, знаете, такой случай — он ждет средства лечения... Он на препаратах опиума — от боли.

The receptionist clucked sympathetically.

Девушка сочувственно поцокала языком:

"Well, hurry on in then. Through that door and turn left."

— Ну, тогда поторапливайтесь. Вон в ту дверь и налево.

In Room Nine there was a man in street clothes and one in white coveralls and a woman in a nurse's uniform. They helped me get undressed and treated me like an idiot child while Belle explained again that I was under a sedative for the pain. Once he had me stripped and up on the table, the man in white massaged my belly, digging his fingers in deeply.

В комнате номер девять нас ждали двое мужчин — один в костюме, другой в белом халате — и медсестра. Они помогли мне раздеться и обращались со мной, как с мальчиком-идиотом, а Белла рассказывала им, что я получаю болеутоляющие препараты. Раздев меня и уложив на кушетку, человек в халате помял мне живот, глубоко вдавливая пальцы.

"No trouble with this one," he announced. "He's empty."

— С этим проблем не будет, — объявил он. — Живот пустой.

"He hasn't had anything to eat or drink since yesterday evening," agreed Belle.

— Он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера, — подтвердила Белла.

"That's fine. Sometimes they come in here stuffed like a Christmas turkey. Some people have no sense."

— Отлично. Иногда к нам приходят набитые, как рождественский индюк. У некоторых ума совсем нет.

"True. Very true."

— Это верно. Так оно и есть.

"Uh-huh. Okay, son, clench your fist tight while I get this needle in."

— Угу. Окей, сынок, сожми-ка кулак покрепче, пока я ввожу иглу.

I did and things began to get really hazy. Suddenly I remembered something and tried to sit up.

Я сжал кулак, и все вокруг поплыло и затуманилось. Вдруг я вспомнил что-то и попытался сесть.

"Where's Pete? I want to see Pete."

— А где Пит? Я хочу видеть Пита!

Belle took my head and kissed me.

Белла положила мне руку на лоб и поцеловала.

"There, there, Buddy! Pete couldn't come, remember? Pete had to stay with Ricky."

— Ну-ну, братишка! Ты же помнишь: Пит не может прийти. Питу пришлось остаться с Рики.

I quieted down and she said gently to the others, "Our brother Peter has a sick little girl at home."

Я успокоился, а она сказала: — У нашего брата Питера дома — больная дочка.

I dropped off to sleep. Presently I felt very cold. But I couldn't move to reach the covers.

Я стал погружаться в сон. Потом мне стало очень холодно. Но я никак не мог пошевелиться, чтобы натянуть на себя одеяло.

CHAPTER 5

Глава 5

•

"How about a warm drink then?"

Я пожаловался бармену на кондиционер — он был включен слишком сильно, и мы все могли простудиться. — Ничего страшного, — ответил тот, — во сне вы этого не почувствуете. Сон... сон... вечерняя улада... прекрасный сон... — У него было лицо Беллы.

I wanted to know. "A Tom and Jerry? Or a hot buttered bum?"

— А можно выпить чего-нибудь горяченького? — спрашивал я. — «Тома и Джерри»? Или горячей молочной болтушки с маслом и медом?

"You're a bum!" the doctor answered. "Sleeping's too good for him; throw the bum out!"

— Сам ты болтушка! Ты болтун! — отвечал мне бармен. — Ишь разоспался! Гоните-ка прочь этого болтуна!

I tried to hook my feet around the brass rail to stop them. But this bar had no brass rail, which seemed funny, and I was flat on my back, which seemed funnier still, unless they had installed bedside service for people with no feet.

I didn't have feet, so how could I hook them under a brass rail? No hands, either. "Look, Maw, no hands!" Pete sat on my chest and wailed.

Я попытался зацепиться ногами за медный поручень, чтобы они меня не выкинули. Но в этом баре, оказывается, не было медного поручня — смешно, правда? — и я уже лежу на спине (это было еще смешнее): наверное, они так обслуживают безногих. У меня не было ног, как же я мог ухватиться ими за медный поручень? И рук тоже. Мам, глянь, а у меня рук нет! Пит сидел у меня на груди и выл.

I was back in basic training... advanced basic, it must have been, for I was at Camp Hale at one of those silly exercises where they throw snow down your neck to make a man of you.

I was having to climb the damndest biggest mountain in all Colorado and it was all ice and I had no feet.

Nevertheless, I was carrying the biggest pack anybody ever saw—I remembered that they were trying to find out if GIs could be used instead of pack mules and I had been picked because I was expendable. I wouldn't have made it at all if little Ricky hadn't got behind me and pushed.

Я опять попал в армию, в учебный взвод... Должно быть, учеба шла к концу — я был в Кемп-Хейл и выполнял одно дурацкое упражнение, во время которого солдату за шиворот сыплют снег, чтобы сделать из него настоящего мужчину. Я должен был влезть на самую высокую гору во всем чертовом Колорадо, кругом лед, а у меня нет ног. А я еще вдобавок тащил самый большой рюкзак на свете: я вспомнил, что это они решили проверить, годятся ли солдаты вместо вьючных мулов, и выбрали меня — все равно пропадать, так что не жалко. И я бы не справился, если бы не Рики: она лезла сзади и толкала меня в спину.

The top sergeant turned and he had a face just like Belle's and he was livid with rage.

"Come on, you! I can't afford to wait for you. I don't care whether you make it or not... but you can't sleep until you get there."

My no-feet wouldn't take me any farther and I fell down in the snow and it was icy warm and I did fall asleep while little Ricky wailed and begged me not to. But I had to sleep. I woke up in bed with Belle. She was shaking me and saying, "Wake up, Dan! I can't wait thirty years for you; a girl has to think of her future." I tried to get up and hand her the bags of gold I had under the bed, but she was gone... and anyhow a Hired Girl with her face had picked all the gold up and put it in its tray on top and scurried out of the room. I tried to run after it but I had no feet, no body at all, I discovered. "I ain't got no body, and no body cares for me..." The world consisted of top sergeants and work... so what difference did it make where you worked or how? I let them put the harness back on me and I went back to climbing that icy mountain. It was all white and beautifully rounded and if I could just climb to the rosy tip they would let me sleep, which was what I needed. But I never made it...no hands, no feet, no nothing. There was a forest fire on the mountain. The snow did not melt, but I could feel the heat in waves beating against me while I kept on struggling. The top sergeant was leaning over me and saying, "Wake up... wake up... wake up." He no more than got me awake before he wanted me to sleep again. I'm vague about what happened then for a while. Part of the time I was on a table which vibrated under me and there were lights and snaky-looking equipment and lots of people. But when I was fully awake I was in a hospital bed and I felt all right except for that listless half-floating feeling you have after a Turkish bath. I had hands and feet again. But nobody would talk to me and every time I tried to ask a question a nurse would pop something into my mouth. I was massaged quite a lot.

Старший сержант впереди обернулся, и у него было лицо точь-в-точь как у Беллы, только пунцовое от ярости.

— Эй, ты, а ну пошел! Мне тебя ждать некогда. Дойдешь ты или нет, мне наплевать... но, пока не дойдешь, спать не дам!

Пропавшие куда-то ноги не желали тащить меня вперед, дальше, и я упал в снег. Ледяное тепло окутало меня, и я начал засыпать, хотя малышка Рики плакала и просила меня: «Не спи!». А я никак не мог... Я проснулся в постели, рядом с Беллой. Она трясла меня за плечо, приговаривая: «Дэн, проснись! Не могу же я ждать тебя тридцать лет. Девушка должна подумать о своем будущем!». Я хотел протянуть руку, достать из-под кровати и отдать ей припрятанные там мешочки с золотом, но она уже исчезла... да к тому же какая-то «Золушка» с лицом Беллы уже подобрала с пола все золото, сложила его на лоток на верхней крышке и укатила вон из комнаты. Я хотел ее догнать, но оказалось, что у меня нет ни ног, ни тела. Послышалась песенка: «Если тела не иметь, можно песни громко петь...» Весь мир состоял из одних старших сержантов и работы... Так не все ли равно, где работать и как? Я опять взвалил на себя рюкзак и полез вверх по ледяному склону. Склон был весь белый, совершенно гладкий, и если только я доберусь до розовой вершины, то меня оставят в покое и дадут поспать... Но до вершины я так и не смог доползти: ни ног, ни рук, ничего... На горе бушевал лесной пожар. Снег не таял, но я чувствовал, карабкаясь в гору, как до меня долетают волны горячего воздуха. Надо мной наклонился старший сержант, повторяя: проснись... проснись... проснись... Но едва он разбудил меня, как сразу же приказал заснуть снова. Что было потом, помню смутно. Некоторое время я лежал на вибрирующем подо мною столе; кругом был яркий свет, змееподобные — все в шлангах и трубках — аппараты и полно народу. Когда же я проснулся окончательно, то оказалось, что я лежу на больничной койке и чувствую себя совершенно нормально. Вот только в теле была какая-то легкость, как после турецкой бани. У меня снова были руки и ноги. Но никто не желал со мной разговаривать, а когда я пытался о чем-нибудь спросить медсестру, она тотчас же совала мне в рот очередную таблетку. Очень часто мне делали массаж.

Then one morning I felt fine and got out of bed as soon as I woke up. I felt a little dizzy but that was all. I knew who I was, I knew how I had got there, and I knew that all that other stuff had been dreams.

I knew who had put me there. If Belle had given me orders while I was drugged to forget her shenanigans, either the orders had not taken or thirty years of cold sleep had washed out the hypnotic effect. I was blurry about some details but I knew how they had shanghaied me.

I wasn't especially angry about it. True, it had happened just "yesterday," since yesterday is the day just one sleep behind you—but the sleep had been thirty years long. The feeling cannot be precisely defined, since it is entirely subjective, but, while my memory was sharp for the events of "yesterday," nevertheless my feelings about those events were to things far away. You have seen double images in television of a pitcher making his windup while his picture sits as a ghost on top of a long shot of the whole baseball diamond? Something like that... my conscious recollection was a close-up; my emotional reaction was to something long ago and far away.

I fully intended to look up Belle and Miles and chop them into cat meat, but there was no hurry. Next year would do—right now I was eager to have a look at the year 2000.

But speaking of cat meat, where was Pete? He ought to be around somewhere... unless the poor little beggar hadn't lived through the Sleep.

Then—and not until then—did I remember that my careful plans to bring Pete along had been wrecked.

А потом однажды утром я проснулся в отличном состоянии и сразу же встал. У меня слегка закружилась голова, но и только. Я знал, кто я такой, как я попал сюда и что все, что я видел раньше, — только сновидения.

Я вспомнил, кто упрятал меня сюда. Если Белла и приказала мне забыть ее заклинания, когда я был под воздействием зомбина, то либо она что-то не так наколдовала, либо за тридцать лет Холодного Сна внушение ее изрядно повыветрилось. Некоторые детали еще не обрели четкость, но я уже представлял в общих чертах, как им удалось заманить меня в ловушку.

Особой злости я не испытывал. Конечно, случилось это все вроде как вчера: ведь вчера — это день, который на один сон раньше, чем сегодня. Вот только сон оказался длиною в тридцать лет. Это ощущение трудно описать: оно очень субъективно. Но хотя я четко помнил «вчерашние» события, эмоционально они казались очень далекими. Вам наверняка приходилось видеть наложение двух изображений в спортивных телерепортажах: футболист уже бежит к воротам противника, а мы еще видим его застывшее изображение в тот момент, когда он вбрасывал мяч из-за боковой почти минуту назад: вот он весь вытянулся струной, подался вперед, вслед за мячом... Со мною было что-то наподобие этого: в сознании все близко и крупным планом, а эмоциональная реакция — как на события очень давние и далекие.

Я всерьез собирался отыскать Майлса и Беллу и сделать из них кошачьи консервы, но не торопился. На будущий год тоже не поздно. Сейчас я больше хотел взглянуть, каков он — год двухтысячный.

Кстати, о кошачьих консервах — а где Пит? Он же должен быть где-то поблизости, если только не умер, бедняга, во время Холодного Сна.

Тут — и только тут! — я вспомнил, что мои тщательно разработанные планы прихватить Пита с собой были безжалостно нарушены.

I took Belle and Miles out of the "Hold" basket and moved them over to "Urgent." Try to kill my cat, would they? They had done worse than kill Pete; they had turned him out to go wild: to wear out his days wandering back alleys in search of scraps, while his ribs grew thin and his sweet pixie nature warped into distrust of all two-legged beasts.

They had let him die-for he was surely dead by now-let him die thinking that I had deserted him.

For this they would pay... if they were still alive. Oh, how I hoped they were still alive-unspeakable!

I found that I was standing by the foot of my bed, grasping the rail to steady myself and dressed only in pajamas.

I looked around for some way to call someone. Hospital rooms had not changed much.

There was no window and I could not see where the light came from; the bed was high and narrow, as hospital beds had always been in my recollection, but it showed signs of having been engineered into something more than a place to sleep-among other things, it seemed to have some sort of plumbing under it which I suspected was a mechanized bedpan, and the side table was part of the bed structure itself. But, while I ordinarily would have been intensely interested in such gadgetry, right now I simply wanted to find the pear-shaped switch which summons the nurse-I wanted my clothes.

It was missing, but I found what it had been transformed into: a pressure switch on the side of the table that was not quite a table. My hand struck it in trying to find it, and a transparency opposite where my head would have been had I been in bed shone out with: SERVICE CALL. Almost immediately it blinked out and was replaced with: ONE MOMENT, PLEASE.

Я мысленно снял Майлса и Беллу с полки с надписью «отложенные дела» и переложил на полку «срочное». Они же пытались убить моего кота! Нет. То, что они сделали, — это хуже, чем убить. Они выгнали его на улицу, чтобы он одичал и, отощав, слонялся по задворкам в поисках объедков, утрачивая остатки веры в этих двуногих... Они бросили его умирать (а он наверняка уже умер) с мыслью о том, что это я его предал.

Ну, за это они мне тоже заплатят. Если они еще живы. Ох, как невыразимо я хотел, чтобы они были живы!

Оказалось, я стою возле кровати в одной пижаме, цепляясь за спинку, чтобы не упасть. Я огляделся вокруг в поисках кнопки — чего-нибудь для вызова кого-нибудь.

Больничные палаты не слишком изменились. Окна не было, и было непонятно, откуда льется свет. Как и все больничные койки, что мне доводилось видеть, моя кровать была высокая и узкая, однако видно было, что над нею изрядно потрудились конструкторы, превратив в нечто большее, чем просто место для сна: среди прочих приспособлений я увидел трубу снизу — наверное, что-то вроде механизированного подкладного судна. А столик сбоку оказался частью самой кровати. Но если раньше я обязательно проявил бы пристальный интерес ко всей этой технике, то сейчас я хотел найти только грушевидный выключатель, нажав на который, можно вызвать медсестру, чтобы принесла мне одежду.

Я не нашел его, но обнаружил то, во что он трансформировался: сенсорный выключатель на поверхности бокового столика. Оказалось, что это не просто столик: я случайно коснулся выключателя рукой, и на молочно-белой панели на стене, рядом с тем местом, где была бы моя голова, будь я в постели, загорелись слова «ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА». Почти тотчас же погасли, сменившись словами: «ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА».

Very quickly the door silently rolled aside and a nurse came in. Nurses had not changed much. This one was reasonably cute, had the familiar firm manners of a drill sergeant, wore a perky little white hat perched on short orchid-colored hair, and was dressed in a white uniform. It was strangely cut and covered her here and uncovered her there in a fashion different from 1970-but women's clothes, even work uniforms, were always doing that. She would still have been a nurse in any year, just by her unmistakable manner.

Скоро дверь отъехала в сторону и вошла медсестра. Сестры тоже изменились не сильно. У этой были знакомые решительные замашки сержанта учебной команды, высокая шапочка на розово-сиреневых, цвета тропических орхидей, волосах и белый халат. Покрой халата был необычный — там открыто, тут прикрыто, совсем не так, как в 1970-м, — но ведь женская одежда, даже рабочая, только и делает, что меняется. Однако ее манера позволяла безошибочно определить в ней медсестру независимо от того, какой это год.

"You get back in that bed!"

— Ну-ка, марш обратно в кровать!

"Where are my clothes?"

— А где моя одежда?

"Get back in that bed. Now!"

— Ложитесь в кровать. Ну?!

I answered reasonably, "Look, nurse, I'm a free citizen, over twenty-one, and not a criminal. I don't have to get back into that bed and I'm not going to. Now are you going to show me where my clothes are or shall I go out the way I am and start looking?"

Я попробовал ее урезонить: — Послушайте, сестра, я свободный гражданин, а не преступник, и мне уже исполнился двадцать один год. Мне не надо в кровать, и я не собираюсь в нее ложиться. Так что, покажете вы мне, где лежит моя одежда, или мне придется выйти в чем есть и поискать самому?

She looked at me, then turned suddenly and went out; the door ducked out of her way.

Она поглядела на меня, потом резко повернулась и выбежала. Дверь скользнула в сторону, уступая ей дорогу.

But it would not duck out of my way. I was still trying to study out the gimmick, being fairly sure that if one engineer could dream it up, another could figure it out, when it opened again and a man came in.

Но меня дверь не пропустила. Я все еще пытался разобраться, как эта штука действует (резонно полагая, что если один инженер сумел это придумать, то другой сумеет понять, как это устроено), когда дверь опять открылась и в проеме возник человек.

"Good morning," he said. "I'm Dr. Albrecht."

— Доброе утро, — сказал он. — Я доктор Альбрехт.

His clothes looked like a cross between a Harlem Sunday and a picnic to me, but his brisk manner and his tired eyes were convincingly professional; I believed him.

Одежда его представляла собой нечто среднее между тем, что носят в Гарлеме по воскресеньям, и тем, что надевают, отправляясь на пикник. Но резкие, решительные манеры и усталые глаза были настолько убедительно профессиональны, что я поверил ему.

"Good morning, Doctor. I'd like to have my clothes."

— Здравствуйте, доктор. Я хотел бы одеться.

He stepped just far enough inside to let the door slide into place behind him, then reached inside his clothes and pulled out a pack of cigarettes. He got one out, waved it briskly in the air, placed it in his mouth and puffed on it; it was lighted. He offered me the pack.

"Have one?"

Он вошел еще на шаг, чтобы дверь за ним закрылась, и вынул из кармана пачку сигарет. Достав одну, он взмахнул ею в воздухе, сунул ее в рот и затянулся: она оказалась зажженной! Он протянул пачку мне.

— Берите, не стесняйтесь.

"Uh, no, thanks." "Go ahead."

— Хм... Нет, спасибо.

It won't hurt you."

— Да берите — это вам не повредит.

I shook my head. I had always worked with a cigarette smoldering beside me; the progress of a job could be judged by the overflowing ash trays and the bums on the drafting board. Now I felt a little faint at the sight of smoke and wondered if I had dropped the nicotine habit somewhere in the slept-away years.

Я покачал головой. Когда я работал, в пепельнице возле меня всегда дымилась сигарета. О продвижении в работе можно было судить по переполненной пепельнице и «ожогах» на кульмане в тех местах, где я тушил окурки. Сейчас от запаха дыма у меня закружилась голова, и я подумал: а вдруг я бросил курить, пока спал?

"Thanks just the same."

— Спасибо, доктор.

"Okay. Mr. Davis, I've been here six years. I'm a specialist in hypnology, resuscitation, and like subjects. Here and elsewhere I've helped eight thousand and seventy-three patients make the comeback from hypothermia to normal life—you're number eight thousand and seventy-four. I've seen them do all sorts of odd things when they came out-odd to laymen; not to me. Some of them want to go right back to sleep again and scream at me when I try to keep them awake. Some of them do go back to sleep and we have to ship them off to another sort of institution. Some of them start weeping endlessly when they realize that it is a one-way ticket and it's too late to go home to whatever year they started from. And some of them, like you, demand their clothes and want to run out into the street."

— Окей. Мистер Дэвис, я работаю здесь шесть лет. Я специалист в области гипнологии, реаниматологии и родственных специальностей. Здесь — и в других местах — я участвовал в возвращении восьмисот семидесяти трех пациентов из гипотермии к нормальной жизни. Вы — номер восемьсот семьдесят четыре. Я наблюдал, как разбуженные вытворяют разного рода чудеса — чудеса для обывателя, не для меня. Некоторые из них опять хотят уснуть и орут на меня, когда я бужу их. Некоторые и правда засыпают вновь, и нам приходится переводить их в другого рода заведение. Некоторые начинают рыдать и рыдают без конца, когда до них доходит, что у них был билет в один конец и что нельзя вернуться домой, в тот год, из которого они стартовали. А некоторые, вроде вас, требуют одежду и рвутся на улицу.

"Well? Why not?"

— Ну, а почему бы, собственно, и нет? Я что, заключенный?

"Am I a prisoner?" "No. You can have your clothes. I imagine you'll find them out of style, but that is your problem. However, while I send for them, would you mind telling me what it is that is so terribly urgent that you must attend to it right this minute... after it has waited thirty years? That's how long you've been at subtemperature-thirty years. Is it really urgent? Or would later today do as well? Or even tomorrow?"

— Нет. Одежду вам принесут. Она немного вышла из моды, но это ваша проблема. Я сейчас пошлю за ней, а пока ее принесут, если позволите, я хотел бы услышать, что это у вас за такое страшно срочное дело, что вам необходимо заняться им сию минуту — это после того, как это дело ждало тридцать лет? А именно столько вы пролежали в анабиозе: тридцать лет. Это что, действительно настолько срочно? Или может подождать и до завтра? Или даже до послезавтра?..

I started to blurt out that it damn well was urgent, then stopped and looked sheepish.

Я уже чуть не выпалил, что это чертовски срочно, но остановился и по-овечьи беспомощно взглянул на него.

"Maybe not that urgent." "Then as a favor to me, will you get back into bed, let me check you over, have your breakfast, and perhaps talk with me before you go galloping off in all directions? I might even be able to tell you which way to gallop."

— Может, и впрямь не настолько... — Тогда сделайте одолжение — ложитесь в кровать. Я должен вас осмотреть, накормить завтраком и, если позволите, побеседовать с вами перед тем, как вы кинетесь галопом во все стороны. Возможно, я даже сумею подсказать вам, в каком направлении лучше скакать.

"Oh, okay, Doctor. Sorry to have caused trouble."

— Окей, доктор. Извините за эту суматоху.

I climbed into bed. It felt good—I was suddenly tired and shaky.

Я влез в постель и понял, как это хорошо: я внезапно почувствовал слабость и усталость.

"No trouble. You should see some that we get. We have to pull them down off the ceiling." He straightened the covers around my shoulders, then leaned over the table built into the bed. "Dr. Albrecht in Seventeen. Send a room orderly with breakfast, uh... menu four-minus."

— Ничего. Видели бы вы, какие типы бывают среди наших клиентов... Некоторых приходится буквально стаскивать с потолка. — Он поправил у меня на плече одеяло, наклонился к встроенному в кровать боковому столику. — Доктор Альбрехт из семнадцатой палаты. Пришлите санитара с завтраком. Меню «четыре-плюс».

He turned to me and said, "Roll over and pull up your jacket;

Он повернулся ко мне и сказал:

I want to get at your ribs. While I'm checking you, you can ask questions. If you want to."

— Перевернитесь на живот и поднимите пижаму: мне надо добраться до ваших ребер. А пока я вас осматриваю, можете задавать вопросы. Если хотите.

I tried to think while he prodded my ribs.

I suppose it was a stethoscope he used although it looked like a miniaturized hearing aid. But they had not improved one thing about it; the pickup he pushed against me was as cold and hard as ever. What do you ask after thirty years? Have they reached the stars yet? Who's cooking up "The War to End War" this time? Do babies come out of test tubes?

Пока он тыкал мне в ребра, я задумался.

Наверное, это был стетоскоп, хотя он и был похож на миниатюрный слуховой рожок. Но одно в нем явно не улучшилось: кружок, которым он дотрагивался до меня, был все такой же холодный и жесткий... Ну что можно спросить, проспав тридцать лет... Достигли ли они звезд? Кто теперь ведет «Войну За Искоренение Войн»? Научились ли выращивать детей в колбе?

"Doc, do they still have popcorn machines in the lobbies of movie theaters?"

— Доктор, а в кинотеатрах, в фойе, по-прежнему стоят автоматы, делающие воздушную кукурузу?

"They did the last time I looked. I don't get much time for such things. By the way, the word is `grabbie' now, not `movie.'"

— Когда я был там прошлый раз, стояли. У меня мало времени для такого рода времяпрепровождения. Кстати, кино теперь называется «завлекино».

"So? Why?"

— Да? Почему?

"Try one. You'll find out. But be sure to fasten your seat belt; they null the whole theater on some shots. See here, Mr. Davis, we're faced with this same problem every day and we've got it down to routine. We've got adjustment vocabularies for each entrance year, and historical and cultural summaries. It's quite necessary, for malorientation can be extreme no matter how much we lackweight the shock."

— Сходите — узнаете. Только не забудьте пристегнуть ремень в кресле: во время некоторых кадров включается антигравитация во всем зале. Видите ли, мистер Дэвис, мы настолько часто сталкиваемся с этой проблемой, что уже смотрим на нее как на нечто рутинное. У нас есть адаптационные словарики для каждого года Погружения в Сон, справочники-резюме по истории и культуре. Это — вещи необходимые, потому что, как бы мы ни старались уменьшить потрясение, синдром потери ориентации бывает очень тяжелым.

"Uh, I suppose so."

— Хм, наверное, так.

"Decidedly. Especially in an extreme lapse like yours. Thirty years."

— Решительно так. Особенно при больших интервалах, как у вас. Тридцать лет как-никак.

"Is thirty years the maximum?"

— А что, тридцать лет — это максимум?

"Yes and no. Thirty-five years is the very longest we've had experience with, since the first commercial client was placed in subtemperature in December 1965. You are the longest Sleeper I have revived. But we have clients in here now with contract times up to a century and a half. They should never have accepted you for as long as thirty years; they didn't know enough then. They were taking a great chance with your life. You were lucky."

— И да и нет. Первый коммерческий клиент был помещен в анабиоз в декабре тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, так что максимальный срок, с которым мы сталкивались, — тридцать пять лет. Но у меня вы — самый длительный случай. Однако у нас тут есть клиенты с контрактами длиной в сто пятьдесят лет. Вас вот принимать на такой долгий срок — тридцать лет — не следовало. Просто об этом тогда еще знали недостаточно. Вы крепко рисковали. Вам повезло.

"Really?"

— Серьезно?

"Really. Turn over."

He went on examining me and added, "But with what we've learned now I'd be willing to prepare a man for a thousand-year jump if there were any way to finance it... hold him at the temperature you were at for a year just to check, then crash him to minus two hundred in a millisecond. He'd live. I think. Let's try your reflexes."

— Да. Можете перевернуться на спину. — Он стал смотреть меня дальше, добавив: — Но с нашими нынешними познаниями я бы взялся подготовить человека и к тысячелетнему скачку, если бы это было ему по карману. С годик я бы подержал его при той температуре, при которой хранили вас, просто для проверки, а потом резко — в течение одной миллисекунды — заморозил бы его до минус двухсот. И он бы уцелел, я думаю. Давайте проверим рефлексy.

That "crash" business didn't sound good to me.

Доктор Альбрехт продолжил:

Dr. Albrecht went on: "Sit up and cross your knees.

You won't find the language problem difficult. Of course I've been careful to talk in 1970 vocabulary-I rather pride myself on being able to talk selectively in the entrance speech of any of my patients; I've made a hypnostudy of it. But you'll be speaking contemporary idiom perfectly in a week; it's really just added vocabulary."

— Сядьте и положите ногу на ногу. Со словарем у вас особых проблем не будет. Я, правда, старался говорить с вами на языке, близком к тысяча девятьсот семидесятому, — это предмет моей гордости. Я могу с каждым из своих пациентов говорить, подбирая словарный запас в соответствии с годом его Погружения. Я прошел гипнокурс по языку. Но вы прекрасно будете говорить на современном через неделю. Это лишь вопрос расширения вашего словаря.

I thought of telling him that at least four times he had used words not used in 1970, or at least not that way, but I decided it wouldn't be polite.

Я хотел сказать ему, что минимум четырежды он употребил слова, которых в мое время не было, но решил, что это будет невежливо.

"That's all for now," he said presently. "By the way, Mrs. Schultz has been trying to reach you."

— Ну, вроде все пока, — наконец сказал он. — Кстати, с вами хотела связаться миссис Шульц.

"Huh?"

— Кто?

"Don't you know her? She insisted that she was an old friend of yours."

— Разве вы ее не знаете? Она уверяла, что она — ваш старый друг.

"Schultz," I repeated. "I suppose I've known several 'Mrs. Schultzes' at one time and another, but the only one I can place was my fourth-grade teacher. But she'd be dead by now."

— Шульц... — повторил я. — Мне кажется, в свое время я знал несколько миссис Шульц, но единственная, кого я помню, — моя классная руководительница, когда я учился в четвертом классе. Но ее, должно быть, нет в живых.

"Maybe she took the Sleep. Well, you can accept the message when you feel like it. I'm going to sign a release on you. But if you're smart, you'll stay here for a few days and soak up reorientation. I'll look in on you later. So 'twenty-three, skiddoo' as they used to say in your day. Here comes the orderly with your breakfast."

— Может, она тоже спала. Ну, если хотите, можете принять ее послание. Я подпишу вам пропуск на выход. Но если вы достаточно умны, то задержитесь здесь на несколько дней для переориентации. Я еще к вам загляну. Ну, с богом, как говаривали в ваши дни. А вот и санитар с завтраком.

I decided that he was a better doctor than a linguist. But I stopped thinking about it when I saw the orderly. It rolled in, carefully avoiding Dr. Albrecht, who walked straight out, paying no attention to it and making no effort himself to avoid it.

Я решил, что доктор он явно лучший, чем лингвист. Но я и думать об этом забыл, когда увидел санитаря. Он вкатился, аккуратно обогнув идущего к двери доктора Альбрехта, — тот не обратил на него никакого внимания и даже не подумал уступить дорогу.

It came over, adjusted the built-in bed table, swung it over me, opened it out, and arranged my breakfast on it.

Он подъехал к кровати, откинул и закрепил передо мною столик, расставил на нем мой завтрак и спросил:

"Shall I pour your coffee?"

— Налить вам кофе, сэр?

"Yes, please." I did not really want it poured, as I would rather have it stay hot until I'd finished everything else. But I wanted to see it poured. For I was in a delighted daze... it was Flexible Frank!

— Да, пожалуйста. — Мне это было совершенно не нужно — наоборот, я хотел, чтобы кофе остался горячим до конца завтрака. Но мне так захотелось посмотреть, как он это сделает... Потому что я был совершенно ошеломлен: это была наша «Салли»!

Not the jackleg, bread-boarded, jury-rigged first model Miles and Belle had stolen from me, of course not. This one resembled the first Frank the way a turbospeedster resembles the first horseless carriages. But a man knows his own work. I had set the basic pattern and this was the necessary evolution... Frank's great-grandson, improved, slicked up, made more efficient-but the same bloodline.

Не та, первая, кустарно сляпанная модель, которую украли у меня Белла с Майлсом, — конечно же, нет. Эта машина напоминала «Салли» не больше, чем гоночная машина с авиационным двигателем — первые «безлошадные повозки». Но человек может узнать свою работу. Я заложил основы, а это был продукт эволюции, внучка нашей «Салли» — улучшенная, усовершенствованная, отшлифованная, но — одной крови.

"Will that be all?"

— Это все, сэр?

"Wait a minute."

— Подождите минутку.

Apparently I had said the wrong thing, for the automaton reached inside itself and pulled out a stiff plastic sheet and handed it to me. The sheet remained fastened to him by a slim steel chain. I looked at it and found printed on it:

Наверное, я сказал что-то не то, потому что автомат пошарил у себя внутри и, вытащив жесткую пластиковую карточку, протянул ее мне. К автомату карточка была прикреплена тонкой стальной цепочкой. Я взглянул на нее; там было написано следующее:

VOICE CODE-Eager Beaver Model XVJI-a
IMPORTANT NOTICE!! This service automaton DOES NOT understand human speech. it has no understanding at all, being merely a machine. But for your convenience it has been designed to respond to a list of spoken orders. It will ignore anything else said in its presence, or (if any phrase triggers it incompletely or such that a circuit dilemma is created) it will offer this instruction sheet. Please read it carefully.

Thank you, Aladdin Autoengineering Corporation
Manufacturers of EAGER BEAVER, WILL! WA W,
DRAFTING DAN, BUILDER BILL, GREEN THUMB, and
NANNY.

Custom Designers and Consultants in Automation
Problems "At Your Service!"
The motto appeared on their trade-mark showing
Aladdin rubbing his lamp and a genie appearing.

Below this was a long list of simple orders-STOP,
GO, YES, NO, SLOWER, FASTER, COME HERE, FETCH A
NURSE, etc. Then there was a shorter list of tasks
common in hospitals, such as back rubs, and including
some that I had never heard of. The list closed abruptly
with the statement: "Routines 87 through 242 may be
ordered only by hospital staff members and the order
phrases are therefore not listed here."

ТРУДЯГА ТЕДДИ мод. 17а, С РЕЧЕВЫМ
УПРАВЛЕНИЕМ. ВНИМАНИЕ! Этот обслуживающий
автомат НЕ ПОНИМАЕТ человеческую речь. Он
вообще ничего не понимает — это просто машина.
Однако для Вашего удобства в нем имеется
устройство, реагирующее на определенные устные
распоряжения. Все остальное, произносимое в его
присутствии, он игнорирует. Либо, если какая-то
команда выйдет за пределы возможностей автомата,
предложит Вам инструкцию. Прочтите ее
внимательно, пожалуйста.

С благодарностью, инженерно-конструкторская
корпорация «АЛАДДИН» — изготовитель «ТРУДЯГИ
ТЕДДИ», «ЧЕРТЕЖНИКА ДЭНА», «СТРОИТЕЛЯ
СТЭНА» и «НЯНЮШКИ НЭНСИ», разработчики
бытовых машин и консультанты по проблемам
автоматизации.

«К Вашим услугам!» Последние строчки шли
поверх их товарного знака — изображения Аладдина,
трущего лампу, и появляющегося джинна.

Ниже шел длинный перечень простых команд:
СТОЙ, ИДИ, ДА, НЕТ, БЫСТРЕЕ, МЕДЛЕННЕЕ,
ПОДОЙДИ КО МНЕ, ПОЗОВИ МЕДСЕСТРУ и т. д.
Потом шел перечень заданий, характерных для
больниц, например ПОМАССИРУЙ СПИНУ; но о
некоторых процедурах, входивших в этот раздел, я и
не слыхивал.
Перечень внезапно обрывался словами: «Процедуры
87-242 могут назначать только работники больниц,
поэтому соответствующие команды в данном
перечне не приводятся».

I had not voice-coded the first Flexible Frank; you had to punch buttons on his control board. It was not because I had not thought of it, but because the analyzer and telephone exchange for the purpose would have weighed and bulked and cost more than all the rest of Frank, Sr., net. I decided that I would have to learn some new wrinkles in miniaturization and simplification before I would be ready to practice engineering here.

But I was anxious to get started on it, as I could see from Eager Beaver that it was going to be more fun than ever-lots of new possibilities. Engineering is the art of the practical and depends more on the total state of the art than it does on the individual engineer. When railroading time comes you can railroad-but not before. Look at poor Professor Langley, breaking his heart on a flying machine that should have flown-he had put the necessary genius in it-but he was just a few years too early to enjoy the benefit of collateral art he needed and did not have. Or take the great Leonardo da Vinci, so far out of his time that his most brilliant concepts were utterly unbuildable.

I was going to have fun here-I mean "now."

I handed back the instruction card, then got out of bed and looked for the data plate. I had halfway expected to see "Hired Girl, Inc." at the bottom of the notice and I wondered if "Aladdin" was a daughter corporation of the Mannix group. The data plate did not tell me much other than model, serial number, factory, and such, but it did list the patents, about forty of them-and the earliest, I was very interested to see, was in 1970... almost certainly based on my original model and drawings.

I found a pencil and memo pad on the table and jotted down the number of that first patent, but my interest was purely intellectual. Even if it had been stolen from me (I was sure it had been), it had expired in 1987-unless they had changed the patent laws-and only those granted later than 1983 would still be valid. But I wanted to know. A light glowed on the automaton and he announced: "I am being called. May I leave?"

Моя «Салли» не управлялась голосом — приходилось нажимать кнопки на пульте управления. Я, конечно, подумывал о том, как это сделать. Но анализатор голоса обошелся бы дороже, чем вся «Салли», да и размеры были бы... Я понял, что мне придется немало поучиться миниатюризации, прежде чем я смогу работать здесь инженером. Но мне уже не терпелось — судя по «Трудяге Тедди», заниматься этим должно было быть очень интересно: масса новых возможностей. Инженерная деятельность — искусство для людей практических, и тут все зависит не столько от данного инженера, сколько от общего уровня техники. Скажем, железнодорожным транспортом можно заниматься только тогда, когда наступает время железных дорог, и не раньше того. Вспомните профессора Лэнгли: бедняга корпел над летательным аппаратом, и тот полетел бы — столько таланта было в него вложено, — но другие изобретения, необходимые для этого, еще не подросли. Или возьмите, к примеру, великого Леонардо да Винчи, опередившего свое время настолько, что самые блестящие из его проектов было абсолютно невозможно воплотить.

Да, здесь — в смысле «теперь» — мне скучать не придется.

Я вернул карточку-инструкцию, вылез из постели и глянул на заводскую табличку. Я почти был уверен, что увижу внизу слова «Золушка Инк.», и подумал, что «Аладдин», наверное, — дочерняя корпорация «Манникс». Но данных на пластинке оказалось немного: заводской номер, модель, название фабрики и все такое. Однако там были еще номера патентов — около сорока, и к моему изумлению, первый из них был датирован 1970 годом! Почти наверняка эта штука была основана на моих чертежах и исходной модели.

Я нашел на столе карандаш и листок бумаги и переписал номер того, первого патента, просто из чистого любопытства. Даже если патент был у меня украден (а я был уверен, что это так), то срок его действия закончился в 1987-м (если не изменились законы о патентах), и только патенты, выданные после 1983-го, были еще действительны. Но мне просто хотелось узнать. На панели автомата замигала лампочка, и он объявил: — Меня вызывают. Я могу идти?

"Huh? Sure. Run along." It started to reach for the phrase list; I hastily said, "Go!"

— Что? А, ну конечно. Катись. — Он опять полез за карточкой с командами, и я поспешно сказал: — ИДИ!

"Thank you. Good-by."

— Спасибо! До свидания!

It detoured around me.

Он объехал меня и покатил к двери.

"Thank you."

— Тебе спасибо!

"You are welcome."

— Пожалуйста!

Whoever had dictated the gadget's sound responses had a very pleasant baritone voice.

У диктора, озвучившего ответы автомата, был очень приятный баритон.

I got back into bed and ate the breakfast I had let get cold-only it turned out not to be cold. Breakfast four-minus was about enough for a medium-sized bird, but I found that it was enough, even though I had been very hungry. I suppose my stomach had shrunk. It wasn't until I had finished that I remembered that this was the first food I had eaten in a generation. I noticed it then because they had included a menu-what I had taken for bacon was listed as "grilled yeast strips, country style."

Я опять лег и занялся завтраком, который к этому времени должен был бы остыть. Оказалось, что не остыл. Завтрак «четыре-плюс» с виду был рассчитан на лилипута, но я неожиданно наелся. Наверное, мой желудок уменьшился. Только кончив есть, я сообразил, что поел в первый раз за тридцать лет. Я подумал об этом, заглянув в приложенное меню: то, что я принял за ветчину, значилось как «масса дрожжевая жареная, соломкой, по-домашнему».

But in spite of a thirty-year fast, my mind was not on food; they had sent a newspaper in with breakfast: the Great Los Angeles Times, for Wednesday, 13 December, 2000.

Но, несмотря на тридцатилетний «пост», мысли мои были заняты не едой. С завтраком принесли газету: это была «Грейт Лос-Анджелес Таймс» за среду, 13 декабря 2000 года.

Newspapers had not changed much, not in format. This one was tabloid size, the paper was glazed instead of rough pulp and the illustrations were either full color, or black-and-white stereo-I couldn't puzzle out the gimmick on that last. There had been stereo pictures you could look at without a viewer since I was a small child; as a kid I had been fascinated by ones used to advertise frozen foods in the '50s. But those had required fairly thick transparent plastic for a grid of tiny prisms; these were simply on thin paper. Yet they had depth.

По формату газеты остались прежними. Правда, бумага была глянцевая, а иллюстрации либо цветные, либо черно-белые, но стереоскопические. Как это было сделано, я не понял. Еще когда я был мальчишкой, уже существовали стереокартинки, которые можно было рассматривать без приспособлений-стереоскопов. Мне больше всего нравились те, что рекламировали мороженые продукты в пятидесятые годы. Но у тех растровые решетки были сделаны из толстой прозрачной пластмассы, а эти были на простой тонкой бумаге. Но объемность у них была!

I gave it up and looked at the rest of the paper. Eager Beaver had arranged it on a reading rack and for a while it seemed as if the front page was all I was going to read, for I could not find out how to open the damned thing. The sheets seemed to have frozen solid.

Finally I accidentally touched the lower right-hand corner of the first sheet; it curled up and out of the way... some surface charge phenomenon, triggered at that point. The other pages got neatly out of the way in succession whenever I touched that spot.

At least half of the paper was so familiar as to make me homesick—"Your Horoscope Today, Mayor Dedicates New Reservoir, Security Restrictions Undermining Freedom of Press Says N. Y. Solon, Giants Take Double-Header, Unseasonable Warmth Perils Winter Sports, Pakistan Warns India"—et cetera, ad tedium. This is where I came in. Some of the other items were new but explained themselves: LUNA SHUTTLE STILL SUSPENDED FOR GEMINTDS- Twenty-Four-Hour Station Suffers Two Punctures, No Casualties; FOUR WHITES LYNCHED IN CAPETOWN-UN Action Demanded; HOST-MOTHERS ORGANIZE FOR HIGHER FEES-Demand "Amateurs" Be Outlawed; MISSISSIPPI PLANTER INDICTED UNDER ANTI-ZOMBIE LAW-His Defense: "Them Boys Hain't Drugged, They're Just Stupid!"

I was fairly sure that I knew what that last one meant... from experience.

But some of the news items missed me completely. The "woggies" were still spreading and three more French towns had been evacuated; the King was considering ordering the area dusted. King?

Я сдался и стал читать. «Тедди» положил газету на подставку, и я было решил, что дальше первой страницы почитать не удастся. Я никак не мог разобраться, как же перевернуть страницу: чертovsky листы будто слиплись!

В конце концов, я случайно коснулся нижнего правого угла первой страницы. Она свернулась и перелистнулась сама. Наверное, прикосновение к этой точке вызывало срабатывание какого-то поверхностно-активного механизма. Следующие страницы аккуратно перелистывались одна за другой, стоило только прикоснуться к этому месту.

Чуть ли не половина газеты была настолько обычно-узнаваемой, что я почувствовал приступ ностальгии: «Ваш гороскоп на сегодня», «Мэр открывает новое водохранилище», «Требования службы безопасности ограничивают свободу прессы, заявил Н. И. Солон», «Гиганты берут разбег», «Необычная жара срывает планы лыжников», «Пакистан заявил протест Индии» и т. д. и т. п. Вот куда я попал... Кое-какие темы были новыми, но из подзаголовков все становилось ясно: «СТАРТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ К СОЗВЕЗДИЮ БЛИЗНЕЦОВ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ. Станция получила две пробоины. Жертв нет»; «ЧЕТВЕРО БЕЛЫХ СТАЛИ ЖЕРТВАМИ СУДА ЛИНЧА В КЕЙПТАУНЕ. Требуется вмешательство ООН»; «ЖЕНЩИНЫ-ПРЕЕМНИЦЫ БОРЮТСЯ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ. Требование объявить "любительство" вне закона»; «ПЛАНТАТОР С МИССИСИПИ АРЕСТОВАН ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ЗОМБИНА. В свое оправдание он заявил: "эти ребята не под зомбином — они просто дураки..."».

Насчет последнего я сумел убедиться на собственном опыте.

Некоторые сообщения были совершенно непонятны. Какие-то «вогли» продолжали распространяться, и пришлось эвакуировать еще три французских города. Король рассматривает вопрос об обработке территории порошком.

Oh well, French politics might turn up anything, but what was this "Poudre Sarntaire" they were considering using on the "woggies"?-whatever they were. Radioactive, maybe? I hoped they picked a dead calm day... preferably the thirtieth of February. I had had a radiation overdose myself once, through a mistake by a damn-fool WAC technician at Sandia. I had not reached the point-of-no-return vomiting stage, but I don't recommend a diet of curies.

The Laguna Beach division of the Los Angeles police had been equipped with Leycoils and the division chief warned all Teddies to get out of town. "My men have orders to nark first and subspeck afterward. This has got to stop!" I made a mental note to keep clear of Laguna Beach until I found out what the score was. I wasn't sure I wanted to be subspecked, or suspected, even afterward.

Those are just samples. There were any number of news stories that started out trippingly, then foundered in what was, to me, double talk.

I started to breeze on past the vital statistics when my eye caught some new subheads. There were the old familiar ones of births, deaths, marriages, and divorces, but now there were "commitments" and "withdrawals" as well, listed by sanctuaries. I looked up "Sawtelle Cons. Sanc." and found my own name. It gave me a warm feeling of "belonging."

But the most intensely interesting things in the paper were the ads. One of the personals stuck in my mind: "Attractive still young widow with yen to travel wishes to meet mature man similarly inclined. Object: two-year marriage contract." But it was the display advertising that got me.

Ну, политика во Франции могла зайти куда угодно: король так король. Но вот что это был за «порошок», который они собирались применять для борьбы с этими непонятными «воглиями»? Может, радиоактивный? Надеюсь, они выберут безветренный день. Лучше всего тридцатое февраля. Я однажды схватил дозу радиации из-за ошибки одного техника в Сандии. До той стадии лучевой болезни, когда начинается неукротимая рвота, дело не дошло, но ощущения были — врагу не пожелаешь.

Отделение лос-анджелесской полиции в Лагуна-Бич вооружили спирометами, и командир отделения велел стилям убираться из города. «Мои люди получили приказ: сперва спирять, а потом уж разгрумляться. Пора с этим покончить!» Я не был уверен, хочу ли я, чтобы со мной разгрумлялись — или меня разгрумляли? — даже «потом», и поэтому решил, что буду держаться подальше от Лагуна-Бич до тех пор, пока не узнаю, какой у них счет.

Это просто для примера. Таких сообщений было пруд пруди. Начинаешь читать — вроде понятно, а чем дальше — тем загадочней.

Я хотел пропустить мелкие частные сообщения, но тут мой взгляд наткнулся на новые подзаголовки. Были и старые, знакомые; кто умер, кто родился, сообщения о свадьбах и разводах, но еще появились «погружения» и «пробуждения», с указанием хранилищ. Я поискал Объед. хран. Соутел и нашел свое имя, чувствуя тепло на душе. Обо мне вспомнили. Я был свой.

Самое интересное в газете было в объявлениях. Одно меня просто поразило: «Привлекательная, хорошо сохранившаяся вдова, любящая путешествовать, хотела бы встретить зрелого мужчину со сходными наклонностями с целью заключения двухгодичного брачного контракта». Но вконец достал меня раздел иллюстрированной рекламы.

Hired Girl and her sisters and her cousins and her aunts were all over the place-and they were still using the trade-mark, a husky girl with a broom, that I had designed originally for our letterhead. I felt a twinge of regret that I had been in such a jumping hurry to get rid of my stock in Hired Girl, Inc.; it looked as if it was worth more than all the rest of my portfolio. No, that was wrong; if I had kept it with me at the time, that pair of thieves would have lifted it and faked an assignment to themselves. As it was, Ricky had gotten it-and if it had made Ricky rich, well, it couldn't happen to a nicer person.

I made a note to track down Ricky first thing, top priority. She was all that was left to me of the world I had known and she loomed very large in my mind. Dear little Ricky!

If she had been ten years older I would never have looked at Belle...nd wouldn't have got my fingers burned.

Let's see, how old would she be now? Forty-no, forty-one. It was hard to think of Ricky as forty-one. Still, that wouldn't be old in a woman these days-or even those days. From forty feet you frequently couldn't tell forty-one from eighteen.

If she was rich I'd let her buy me a drink and we would drink to Pete's dear departed funny little soul.

And if something had slipped and she was poor in spite of the stock I had assigned her, then-by damn, I'd marry her! Yes, I would. It didn't matter that she was ten years or so older than I was; in view of my established record for flubbing the dud I needed somebody older to look out for me and tell me no-and Ricky was just the girl who could do it.

She had run Miles and Miles's house with serious little-girl efficiency when she was less than ten; at forty she would be just the same, only mellowed.

I felt really warm and no longer lost in a strange land for the first time since I had wakened. Picky was the answer to everything.

«Золушка», ее тетки, сестры и племянницы занимали целую полосу, и на картинках по-прежнему стоял наш товарный знак — стройная девушка с метлой, — который я придумал когда-то для нашего фирменного бланка. Я пожалел, что так поспешил отправить Рики свои акции «Золушки Инк.»: похоже, сейчас они стоили бы больше, чем все остальные ценные бумаги, которые я купил.

Нет, все правильно: оставь я их при себе, эти двое завладели бы ими и подделали бы передаточную надпись на свое имя. А так они достались Рики, и если Рики стала богатой, то это только справедливо.

Я подумал, что надо первым делом разыскать Рики, и мысленно сделал пометку «очень срочно». На всем свете у меня осталась только она — не мудрено, что для меня это было так важно. Рики, милая! Эх, будь ей лет на десять побольше, я бы и не взглянул на Беллу... и не обжегся бы так.

Так-так, а сколько же ей сейчас? Сорок. Нет, сорок один. Трудно представить себе Рики сорокалетней. Хотя теперь для женщины сорок, наверное, — не старость. Да и в наше время тоже с десяти метров было не разобрать — сорок ей или двадцать.

Если она богата, пусть выставит мне выпивку: выпьем за упокой кристальной души нашего дорогого Пита.

Ну, а если что-то не удалось, и она окажется бедной, несмотря на те акции, что я перевел тогда на ее имя, тогда — тогда, черт меня побери, я женюсь на ней! Да, женюсь. И не важно, что она лет на десять старше меня. Учитывая, что я всегда славился своим ротозейством и расхлябанностью, мне просто необходим кто-то старший — приглядывать за мной, вовремя говорить «нет», да мало ли... Тут Рики, пожалуй, самый подходящий человек: она и десятилетней девочкой рулила и Майлсом, и его домом очень серьезно и довольно эффективно. В сорок лет она, я думаю, осталась такой же, только стала мягче.

На душе у меня сделалось совсем тепло — я уже не чувствовал себя одиноко, как человек, затерявшийся в чужой стране. Ведь у меня был ответ на все вопросы: Рики.

Then deep inside me I heard a voice: "Look, stupid, you can't marry Ricky, because a girl as sweet as she was going to be would now have been married for at least twenty years. She'll have four kids...aybe a son bigger than you are-and certainly a husband who won't be amused by you in the role of good old Uncle Danny."

I listened and my jaw sagged. Then I said feebly, "All right, all right-so I've missed the boat again. But I'm still going to look her up. They can't do mote than shoot me. And, after all, she's the only other person who really understood Pete." I turned another page, suddenly very glum at the thought of having lost both Ricky and Pete. After a while I fell asleep over the paper and slept until Eager Beaver or his twin fetched lunch.

While I was asleep I dreamed that Picky was holding me on her lap and saying, "It's all right, Danny. I found Pete and now we're both here to stay. Isn't that so, Pete?" "YeeeoW)" The added vocabularies were a cinch; I spent much more time on the historical summaries. Quite a lot can happen in thirty years, but why put it down when everybody else knows it better than I do? I wasn't surprised that the Great Asia Republic was crowding us out of the South American trade; that had been in the cards since the Formosall treaty.

Nor was I surprised to find India more Balkanized than ever. The notion of England being a province of Canada stopped me for a moment. Which was the tail and which was the dog? I skipped over the panic of '87; gold was a wonderful engineering material for some uses; I could not regard it as a tragedy to find that it was now cheap and no longer a basis for money, no matter how many people lost their shirts in the change-over.

Тут я услышал внутренний голос: «Дурень, ты не сумеешь жениться на Рики: такая девушка (а она наверняка должна была стать такой девушкой) наверняка замужем уже лет двадцать. У нее, поди, четверо детей; может, сын уже повыше тебя ростом. И, безусловно, муж, которому вряд ли придется по душе твое появление в роли "доброго старого дяди Дэнни"».

Я выслушал это, и у меня отвисла челюсть. Потом я сказал уныло: «Ладно, ладно. Этот поезд тоже ушел. И все же я ее поищу. Ничего худого мне за это не сделают. Ну разве что пристрелят! Но ведь она единственный человек, по-настоящему понимавший Пита...» Осознав, что потерял не только Пита, но и Рики, я хмуро перевернул страницу. Вскоре я заснул над газетой и проспал до тех пор, пока мой (или не мой?) «Тедди» привез мне обед.

Мне приснилось, что Рики держит меня на коленях и говорит: «Ну вот, Дэнни, все в порядке. Я нашла Пита, и теперь мы оба с тобой. Правда, Пит?» — «Мя-а-а-у...» Словарь мой быстро расширился: я много читал по истории. За тридцать лет может произойти уйма всякой всячины, но зачем я буду излагать это все — ведь каждому из вас все это известно лучше, чем мне. Меня не удивило, что Великая Азиатская Республика потеснила наши товары на южноамериканском рынке: это начиналось еще при мне. Не очень я удивился и оттого, что Индия заметно «балканизировалась». Узнав, что Англия теперь — провинция Канады, я на минутку отложил книгу, чтобы переварить прочитанное: где тут лошадь и где телега? Я пропустил детали описания Паники 1987 года: золото — хороший технический материал для некоторых целей, и я отнюдь не расценивал как трагедию то обстоятельство, что теперь оно дешево и перестало быть основой денежной системы, невзирая на то, что столько народу осталось без штанов при этой финансовой перестройке.

I stopped reading and thought about the things you could do with cheap gold, with its high density, good conductivity, extreme ductility... and stopped when I realized I would have to read the technical literature first. Shucks, in atomics alone it would be invaluable. The way the stuff could be worked, far better than any other metal, if you could use it in - I stopped, morally certain that Eager Beaver had had his "head" crammed full of gold. I would just have to get busy and find out what the boys had been doing in the "small back rooms" while I had been away.

The Sawtelle Sanctuary wasn't equipped to let me read up on engineering, so I told Doc Albrecht I was ready to check out. He shrugged, told me I was an idiot, and agreed. But I did stay one more night; I found that I was fagged just from lying back and watching words chase past in a book scanner.

They brought me modern clothes right after breakfast the next morning...and I had to have help in dressing. They were not so odd in themselves (although I had never worn cerise trousers with bell bottoms before) but I could not manage the fastenings without coaching. I suppose my grandfather might have had the same trouble with zippers if he had not been led into them gradually. It was the Sticktite closure seams, of course-I thought I was going to have to hire a little boy to help me go to the bathroom before I got it through my head that the pressure-sensitive adhesion was axially polarized.

Then I almost lost my pants when I tried to ease the waistband. No one laughed at me. Dr. Albrecht asked, "What are you going to do?"

"Me? First I'm going to get a map of the city. Then I'm going to find a place to sleep. Then I'm going to do nothing but professional reading for quite a while... maybe a year. Doc, I'm an obsolete engineer. I don't aim to stay that way."

"Mmmm. Well, good luck. Don't hesitate to call if I can help."

Я снова отложил книгу и стал размышлять о вещах, которые можно сделать при наличии дешевого золота, с его высокой плотностью, хорошей проводимостью, отличной ковкостью... и остановился, поняв, что сперва придется почитать техническую литературу. Черт, да в одной только атомной технике золото будет незаменимо. Оно обрабатывается лучше любого другого металла. Вот если применить его для миниатюризации... Я опять остановился, сообразив, что у «Тедди» голова наверняка битком набита золотом. Да, придется заняться тем, что разведать: что там наш брат инженер напридумывал за это время?

Технической библиотеки в Хранилище Соутел не было, и я сказал доктору Альбрехту, что готов к выписке. Он пожал плечами, обозвал меня идиотом и разрешил. Но я задержался еще на одну ночь, так как плохо себя чувствовал. Наверное, я потерял форму, потому что долго валялся в постели без упражнений, глядя, как бегут строчки в книгочитальном аппарате.

Наутро, сразу после завтрака, мне принесли современную одежду. Чтобы одеться, мне потребовалась помощь. В одежде не было ничего необычного (хотя мне и не доводилось носить расклешенных светло-вишневых брюк), но без предварительного инструктажа я не смог справиться с застежками. Наверное, у моего деда были бы такие же трудности с брюками на молнии, если бы жизнь не приучила его к пользованию молнией постепенно. А все эти замки «стиктайт»: я думал, что придется нанять мальчика, чтобы водил меня в туалет, но потом до меня дошло, что эти «липучки» имеют осевую поляризацию.

Тут я чуть не потерял штаны, пытаюсь ослабить пояс. Но никто не стал надо мной смеяться. Доктор Альбрехт спросил: — Что вы намерены предпринять?

— Я? Во-первых, раздобуду карту города. Потом найду место, где остановиться на ночь. А затем, наверное, буду целый год только читать специальную литературу. Док, я — ископаемый инженер. Но я не желаю оставаться таким.

— Хм-хм, ну что же, желаю удачи. Если я понадобится, звоните, не стесняйтесь.

I stuck out my hand.

Я протянул ему руку:

"Thanks, Doc. You've been swell. Uh, maybe I shouldn't mention this until I talk to the accounting office of my insurance company and see just how well off I am-but I don't intend to let it go with words. Thanks for the sort of thing you've done for me should be more substantial. Understand me?"

— Спасибо, док. Вы отличный парень. Хм, возможно, мне надо сперва поинтересоваться в бухгалтерии моей страховой компании, насколько хороши мои дела, но я не хотел бы, чтобы моя благодарность исчерпывалась словами. За то, что вы для меня сделали, она должна быть более осязаемой. Вы меня понимаете?

He shook his head.

Он покачал головой:

"I appreciate the thought. But my fees are covered by my contract with the sanctuary."

— Я ценю вашу благодарность. Но все мои гонорары исчерпываются моим контрактом с Хранилищем.

"But-"

"No. I can't take it, so please let's not discuss it." He shook hands and said, "Good-bye. If you'll stay on this slide it will take you to the main offices." He hesitated. "If you find things a bit tiring at first, you're entitled to four more days recuperation and reorientation here without additional charge under the custodial contract. It's paid for. Might as well use it. You can come and go as you like."

— Но... — Нет. Я не могу принять это, так что, прошу вас, не стоит и обсуждать. — Он пожал мне руку и сказал: — До свидания! Если встанете на эту ленту, то попадете как раз к главному офису. — Он помедлил. — Если новая жизнь на первых порах окажется утомительной, то вы имеете право провести у нас еще четверо суток на отдыхе и переориентации, без дополнительной платы — это входит в условия вашего контракта и вами уже оплачено. Так что можете воспользоваться. Приходить и уходить можно в любое время.

I grinned.

Я улыбнулся.

"Thanks, Doc. But you can bet that I won't be back-other than to say hello someday."

— Спасибо, док. Можете держать пари, что если я и вернусь сюда когда-нибудь, то только для того, чтобы повидаться с вами.

I stepped off at the main office and told the receptionist there who I was. It handed me an envelope, which I saw was another phone message from Mrs. Schultz. I still had not called her, because I did not know who she was, and the sanctuary did not permit visits nor phone calls to a revived client until he wanted to accept them. I simply glanced at it and tucked it in my blouse, while thinking that I might have made a mistake in making Flexible Frank too flexible.

Я сошел с ленты возле управления и сообщил автоматическому секретарю у входа, кто я такой. Он вручил мне конверт — это оказалось еще одно послание от миссис Шульц. Я так и не позвонил ей: я не знал, кто она такая, а по правилам Хранилища проснувшийся клиент был огражден от посетителей и звонков до тех пор, пока сам не разрешит принимать их. Я просто глянул на конверт и сунул его в карман, подумав при этом, что, наверное, я перестарался, сделав «Салли» слишком универсальной: секретарши все-таки должны быть хорошенькими девушками, а не роботами.

Receptionists used to be pretty girls, not machines.

Автоматический секретарь сказал:

The receptionist said, "Step this way, please. Our treasurer would like to see you."

— Пройдите сюда, пожалуйста. С вами хочет побеседовать наш казначей.

Well, I wanted to see him, too, so I stepped that way. I was wondering how much money I had made and was congratulating myself on having plunged in common stocks rather than playing it "safe." No doubt my stocks had dropped in the Panic of '87, but they ought to be back up now—in fact I knew that at least two of them were worth a lot of dough now; I had been reading the financial section of the Times. I still had the paper with me, figuring I might want to look up some others.

Ну, я тоже не прочь был его увидеть, так что я пошел в указанном направлении. Мне было очень интересно, сколько у меня теперь денег. Вне всякого сомнения, акции мои упали во время Паники-87, но теперь они, должно быть, опять поднялись. Я уже прочел финансовый раздел «Таймс» и знал, что как минимум два пакета стоят сейчас кучу денег. Я даже сохранил газету в расчете, что, возможно, захочу посмотреть и котировку других акций.

The treasurer was a human being, even though he looked like a treasurer. He gave me a quick handshake.

Казначей оказался живым человеком, хотя и выглядел сущим казначеем. Рукопожатие у него было кратким.

"How do you do, Mr. Davis. I'm Mr. Doughty.

— Здравствуйте, мистер Дэвис. Садитесь, пожалуйста. Я — мистер Доути.

Sit down, please."

Я сказал:

I said, "Howdy, Mr. Doughty. I probably don't need to take that much of your time. Just tell me this: does my insurance company handle its settlements through your office? Or should I go to their home offices?"

— Здравсьте, мистер Доути. Я, собственно, не собирался у вас рассиживаться. Вы мне только скажите: моя страховая компания ведет свои дела через вас? Или мне придется ехать к ним?

"Do please sit down. I have several things to explain to you."

— Присядьте, пожалуйста. Я должен вам кое-что объяснить.

So I sat. His office assistant (good old Frank again) fetched a file folder for him and he said, "These are your original contracts. Would you like to see them?"

Я сел. Помощник (опять добрая старая «Салли») принес ему папку, и он сказал: — Вот ваши контракты. Хотите взглянуть?

I wanted very much to see them, as I had kept my fingers crossed ever since I was fully awake, wondering if Belle had figured out some way to bite the end off that certified check. A certified check is much harder to play hanky-panky with than is a personal check, but Belle was a clever gal.

Я очень хотел взглянуть: я очень боялся, что Белла сумела придумать, как поживиться удостоверенным чеком. Прodelывать такие фокусы с удостоверенными чеками гораздо сложнее, чем с именными, но Белла была ловкая девушка.

I was much relieved to see that she had left my commitments unchanged, except of course that the side contract for Pete was missing and also the one concerning my Hired Girl stock. I supposed that she had just burned those, to keep from raising questions. I examined with care the dozen or more places where she had changed "Mutual Assurance Company" to "Master Insurance Company of California."

The gal was a real artist, no question. I suppose a scientific criminologist armed with microscope and comparison stereo and chemical tests and so forth could have proved that each of those documents had been altered, but I could not. I wondered how she had coped with the closed endorsement on the back of the certified check, since certified checks are always on paper guaranteed nonerasable. Well, she probably had not used an eraser-what one person can dream up another person can outsmart... and Belle was very smart.

Mr. Doughty cleared his throat. I looked up.

"Do we settle my account here?"

"Yes."

"Then I can put it in two words. How much?"

"Mmm ... Mr. Davis, before we go into that question, I would like to invite your attention to one additional document and to one circumstance. This is the contract between this Sanctuary and Master Insurance Company of California for your hypothermia, custody, and revivification. You will note that the entire fee is paid in advance. This is both for our protection and for yours, since it guarantees your safe-being while you are helpless. The funds-all such funds-are placed in escrow with the superior-court division handling chancery matters and are paid quarterly to us as earned."

Я с облегчением обнаружил, что все мои платежные поручения остались нетронутыми. Исчез только отдельный контракт на Пита и распоряжение относительно моих акций «Золушки Инк.». Наверное, она их просто сожгла, чтобы избежать нежелательных вопросов. Я внимательно исследовал еще с десятков мест в документах, где она исправила «Мьючел эшшуранс компани» на «Мастер иншуранс компани оф Калифорния».

Да, работала наша девчонка артистически, спору нет. Наверное, эксперт-криминалист, вооруженный микроскопом, стерео-лупой, разными реактивами и прочим, смог бы доказать, что в каждый из этих документов вносились изменения; я не смог бы. Мне было интересно, как она справилась с надписью на обороте удостоверенного чека: ведь их печатают на специальной бумаге, якобы исключающей подчистки. Ну, она тоже пользовалась не школьным ластиком. Что один человек может придумать, то другой сможет перехитрить. А Белла была очень хитра.

Мистер Доути кашлянул. Я оторвался от бумаг.

— Мы можем урегулировать вопрос о моих сбережениях здесь?

— Да.

— Тогда меня интересует только одно: сколько?

— Хм-м... Мистер Дэвис, прежде чем мы углубимся в этот вопрос, я бы хотел обратить ваше внимание на один дополнительный документ и на одно обстоятельство. Это контракт между нашим Хранилищем и «Мастер иншуранс оф Калифорния», предусматривающий ваше введение в анабиоз, хранение в условиях гипотермии и последующее возвращение к нормальному состоянию. Как вы, вероятно, заметили, полная стоимость наших услуг внесена авансом. Это сделано как для нашего спокойствия, так и для вашей защиты, поскольку гарантирует ваше благополучие, когда вы беспомощны. Эти деньги — и все аналогичные суммы — депонируются в отделение банка, контролируемого судебными органами, ведающими опекуном, и выплачиваются нам ежемесячно в течение всего срока пребывания у нас.

"Okay. Sounds like a good arrangement."

— Разумная предосторожность, на мой взгляд.

"It is. It protects the helpless. Now you must understand clearly that this sanctuary is a separate corporation from your insurance company; the custodial contract with us was a contract entirely separate from the one for the management of your estate."

— Так оно и есть.

Она защищает беспомощных. Теперь вы, должно быть, понимаете, что наше Хранилище — это совершенно отдельная от вашей страховой компании корпорация, а контракт на ваше пребывание у нас на хранении — совершенно отдельный от контракта на распоряжение принадлежавшими вам ценностями.

"Mr. Doughty, what are you getting at?"

— Мистер Доути, к чему вы клоните?

"Do you have any assets other than those you entrusted to Master Insurance Company?"

— Есть ли у вас иное имущество, кроме тех ценных бумаг, что вы доверили хранить «Мастер иншуранс компани»?

I thought it over. I had owned a car once... but God alone knew what had become of it. I had closed out my checking account in Mojave early in the binge, and on that busy day when I ended up at Miles's place—and in the soup—I had started with maybe thirty or forty dollars in cash. Books, clothes, slide rule—I had never been a pack rat—and that minor junk was gone anyhow.

Я прикинул. Когда-то у меня была машина. Бог ее знает, что с нею случилось. Текущий счет в Мохаве я закрыл, сняв с него все, что было, когда запил. А в тот бурный день, когда я попал к Майлсу и нарвался на зомбин, у меня было от силы долларов тридцать-сорок наличными. Книжки, шмотки, логарифмическая линейка — я никогда не был барахольщиком — и прочие пустяки наверняка пропали.

"Not even a bus transfer, Mr. Doughty."

— Боюсь, что даже проездного билета на автобус не найдется.

"Then—I am very sorry to have to tell you this—you have no assets of any sort."

— Тогда — мне очень неприятно сообщать вам об этом — у вас вообще ничего нет.

I held still while my head circled the field and came in for a crash landing.

Голова у меня закружилась, но я умудрился не упасть.

"What do you mean? Why, some of the stocks I invested in are in fine shape. I know they are. It says so right here." I held up my breakfast copy of the Times.

— Что вы хотите сказать? Как же так, ведь акции некоторых компаний, в которые я вложил деньги, стоят очень высоко. — Я протянул ему свой утренний номер «Таймс».

He shook his head.

Он покачал головой.

"I'm sorry, Mr. Davis, but you don't own any stocks. Master Insurance went broke."

— Мне очень жаль, мистер Дэвис, но у вас нет никаких акций. «Мастер иншуранс» разорилась.

I was glad he had made me sit down; I felt weak.

Хорошо, что он предложил мне сесть заранее: я почувствовал слабость.

"How did this happen? The Panic?"

— Как это случилось? Во время Паники?

"No, no. It was part of the collapse of the Mannix Group but of course you don't know about that. It happened after the Panic, and I suppose you could say that it started from the Panic. But Master Insurance would not have gone under if it had not been systematically looted, ...uttered-'milked' is the vulgar word. If it had been an ordinary receivership, something at least would have been salvaged. But it was not. By the time it was discovered there was nothing left of the company but a hollow shell and the men who had done it were beyond extradition. Uh, if it is any consolation to you, it could not happen under our present laws."

— Нет-нет. Их банкротство было частью падения группы «Манникс». Но, естественно, вы про это не знаете. Это случилось уже после Паники, хотя можно сказать, что началось это именно с Паники. Но «Мастер иншуранс» выдержала бы, если бы ее систематически не грабили. Есть такое грубое слово — «доить». Вот ее доили. Будь это просто управление через подставных лиц, что-нибудь удалось бы сберечь. Но тут было другое. К тому времени, как дело открылось, от компании осталась только пустая скорлупа. А люди, совершившие все это, сбежали за границу и смогли избежать выдачи. Кхе-кхе, если это может служить для вас утешением, скажу, что при наших нынешних законах этого бы не случилось.

No, it was no consolation, and besides, I didn't believe it. My old man claimed that the more complicated the law the more opportunity for scoundrels.

Нет, утешение в этом было слабое, да и не верю я в это. Мой старик утверждал, что чем сложнее законы, тем вольготнее мошенникам.

But he also used to say that a wise man should be prepared to abandon his baggage at any time. I wondered how often I was going to have to do it to qualify as "wise."

Но он же говаривал, что умный человек должен всегда быть готов расстаться со своим багажом. Интересно, подумал я, сколько раз нужно быть одураченным, чтобы сойти за умного?

"Uh, Mr. Doughty, just out of curiosity, how did Mutual Assurance make out?"

— Э-э, мистер Доути, просто из любопытства: а как обошлась компания «Мьючел эшшуранс»?

"Mutual Assurance Company? A fine firm. Oh, they took their licking during the Panic along with everybody else. But they weathered it. You have a policy with them, perhaps?"

— «Мьючел эшшуранс компани»? Прекрасная фирма. Ну, во время Паники им тоже досталось, как и всем остальным. Но они выкарабкались. Вы и у них тоже застраховались?

"No."

— Нет.

I did not offer explanation; there was no use. I couldn't look to Mutual; I had never executed my contract with them. I couldn't sue Master Insurance; there is no point in suing a bankrupt corpse. I could sue Belle and Miles if they were still around-but why be silly? No proof, none. Besides, I did not want to sue Belle. It would be better to tattoo her all over with "Null and Void" ... using a dull needle. Then I'd take up the matter of what she had done to Pete. I hadn't figured out a punishment to suit the crime for that one yet.

Я не стал вдаваться в подробности — какой смысл? Рассчитывать на «Мьючел» не приходилось: я ведь не воспользовался своим контрактом с ними. Подавать в суд на «Мастер иншуранс» тоже бесполезно: что толку судиться с разорившимся трупом?

I suddenly remembered that it was the Mannix group that Miles and Belle had been about to sell Hired Girl, Inc., to when they had booted me out.

Вдруг я вспомнил, что Белла с Майлсом собирались продать «Золушку Инк.» группе «Манникс», когда выперли меня вон.

"Mr. Doughty? Are you sure that the Mannix people haven't any assets? Don't they own Hired Girl?"

— Мистер Доути, а вы уверены, что у «Манникс» ничего нет?
Разве они не владеют «Золушкой Инк.»?

"Hired Girl?" Do you mean the domestic autoappliance firm?"

— «Золушкой»? Вы имеете в виду фирму, выпускающую автоматические бытовые машины?

"Yes, of course."

— Да, конечно.

"It hardly seems possible. In fact, it is not possible, since the Mannix empire, as such, no longer exists. Of course I can't say that there never was any connection between Hired Girl Corporation and the Mannix people. But I don't believe it could have been much, if any, or I think I would have heard of it." I dropped the matter.

— Мне кажется, это почти невозможно. То есть это попросту невозможно, поскольку группы «Манникс», как таковой, больше просто не существует. Я, конечно, не могу утверждать, что между корпорацией «Золушка» и типами из «Манникс» никогда не существовало никакой связи. Но я не думаю, что это была серьезная связь, если таковая вообще была — я бы что-то знал об этом.

If Miles and Belle had been caught in the collapse of Mannix, that suited me fine. But, on the other hand, if Mannix had owned and milked Hired Girl, Inc., it would have hit Ricky as hard as it hit them. I didn't want Ricky hurt, no matter what the side issues were.

Я махнул на это дело рукой: если «Манникс», рухнув, подмяла Беллу и Майлса, это вполне меня устраивало. Но, с другой стороны, если «Манникс» владела «Золушкой Инк.» и «доила» ее, то это ударило по Рики так же, как и по этим двум. А я не хотел, чтобы пострадала Рики, независимо от побочных эффектов.

I stood up.

Я поднялся.

"Well, thanks for breaking it gently, Mr. Doughty. I'll be on my way." "Don't go yet. Mr. Davis... we of this institution feel a responsibility toward our people beyond the mere letter of the contract. You understand that yours is by no means the first case of this sort. Now our board of directors has placed a small discretionary fund at my disposal to ease such hardships. It—" "No charity, Mr. Doughty. Thanks anyhow."

— Ну что ж, мистер Доути... Спасибо за обстоятельные разъяснения. Я, пожалуй, пойду... — Не уходите еще минутку, мистер Дэвис. Наше заведение... мы чувствуем определенную ответственность за судьбы наших клиентов, выходящую за рамки наших с ними контрактов. Вы же понимаете, что вы — не первый, кто попал в подобное положение. Совет директоров предоставил в мое распоряжение определенную сумму денег, так сказать, фонд помощи, дабы я мог в подобных случаях несколько облегчить участь наших бывших подопечных. Эти... — Мне не нужна благотворительность, мистер Доути. Но тем не менее спасибо.

"Not charity, Mr. Davis. A loan. A character loan, you might call it. Believe me, our losses have been negligible on such loans and we don't want you to walk out of here with your pockets empty."

— Это не благотворительность, мистер Дэвис. Это заем. Можете назвать его «рисковая ссуда». Наши потери по таким займам просто мизерны... а мы не хотели бы выпускать вас отсюда с пустыми карманами.

I thought that one over twice. I didn't even have the price of a haircut. On the other hand, borrowing money is like trying to swim with a brick in each hand... and a small loan is tougher to pay back than a million.

Я призадумался. Мне сейчас даже постричься было не на что. Но, с другой стороны, занимать деньги — все равно что пытаться плыть, держа в каждой руке по кирпичу... А маленькую сумму, взятую в долг, отдать труднее, чем миллион.

"Mr. Doughty," I said slowly, "Dr. Albrecht said that I was entitled to four more days of beans and bed here."

— Мистер Доути, — сказал я медленно, — доктор Альбрехт сказал, что я могу занимать здесь койку и получать миску похлебки еще четыре дня.

"I believe that is right-I'd have to consult your card. Not that we throw people out even when their contract time is up if they are not ready."

— Я полагаю, это так; надо взглянуть в вашу карточку. Не подумайте, конечно, что мы можем вышвырнуть человека за дверь, если он не готов к выписке, а оговоренное контрактом время вышло.

"I didn't suppose that you did. But what are the rates on that room I had, as hospital room and board?"

— Я так и думал. Но сколько стоит в сутки комната, которую я занимал у вас, и питание?

"Eh? But our rooms are not for rent in that way. We aren't a hospital; we simply maintain a recovery infirmary for our clients."

— Но ведь мы не сдаем комнаты. И у нас тут не больница: мы просто создаем необходимые условия, чтобы наши клиенты, проснувшись, могли немножко прийти в себя.

"Yes, surely. But you must figure it, at least for cost accounting purposes."

— Да, конечно. Но сколько это стоит, вы должны знать — хотя бы для отчетов перед налоговым управлением.

"Mmm... yes and no. The figures aren't allocated on that basis. The subheads are depreciation, overhead, operation, reserves, diet kitchen, personnel, and so forth. I suppose I could make an estimate."

— Мм-м... и да и нет. Наши цены устанавливаются по-другому. Значит, так: амортизация; потом — содержание управленческого персонала, накладные расходы, диетическое питание, зарплата обслуживающего персонала... ну и так далее. Думаю, можно было бы подсчитать.

"Uh, don't bother. What would equivalent room and board in a hospital come to?"

— Не трудитесь. Сколько стоят сейчас сутки в больнице, плюс питание?

"That's a little out of my line. Still ... well, you could call it about one hundred dollars per day, I suppose."

— Это не совсем по моей части... но, я думаю, где-то около ста долларов в сутки.

"I had four days coming. Will you lend me four hundred dollars?"

— Мне причиталось четыре дня.
Не могли бы вы ссудить мне четыреста долларов?

He did not answer but spoke in a number code to his mechanical assistant. Then eight fifty-dollar bills were being counted into my hand.

Вместо ответа он произнес какой-то цифровой код, давая команду своему механическому помощнику, который тут же отсчитал мне восемь пятидесятидолларовых бумажек.

"Thanks," I said sincerely as I tucked it away. "I'll do my damndest to see that this does not stay on the books too long. Six per cent? Or is money tight?"

— Спасибо, — сказал я искренне, спрятав их. — Сделаю все, что будет в моих силах, чтобы этот долг не слишком долго за мною числился. Шесть процентов? Или деньги подорожали?

He shook his head.

Он отрицательно покачал головой.

"It's not a loan. Since you put it as you did, I canceled it against your unused time."

— Это не кредит. Раз вы решили насчет своих четырех дней так, я уже распорядился, чтобы их считали израсходованными на это.

"Huh? Now, see here, Mr. Doughty, I didn't intend to twist your arm. Of course, I'm going to—" "Please. I told my assistant to enter the charge when I directed it to pay you. Do you want to give our auditors headaches all for a fiddling four hundred dollars? I was prepared to loan you much more than that."

— Да? Послушайте, мистер Доути, я... — как бы это сказать — я не хотел выкручивать вам руки. Разумеется, я эти деньги... — Прошу вас, не стоит. Выдавая вам эти деньги, я приказал своему помощнику отметить, что они пошли на оплату вашего четырехдневного пребывания у нас. Вы же не хотите, чтобы у наших ревизоров болела голова из-за несчастных четырех сотен? Я собирался дать вам в долг гораздо больше.

"Well-I can't argue it now. Say, Mr. Doughty, how much money is this? How are price levels flow?"

— Ну что ж... Спорить не буду. Скажите, мистер Доути, это много? Какие сейчас цены?

"Mmmm... that is a complex question."

— Мм-м... Трудный вопрос.

"Just give me an idea? What does it cost to eat?"

— Ну, хотя бы чтобы иметь представление. Сколько стоит поесть?

"Food is quite reasonable. For ten dollars you can get a very satisfactory dinner... if you are careful to select moderately priced restaurants."

— Пища стоит вполне умеренно. За десять долларов вы можете прилично пообедать... если не будете выбирать дорогие рестораны.

I thanked him and left with a really warm feeling. Mr. Doughty reminded me of a paymaster I used to have in the Army. Paymasters come in only two sizes: one sort shows you where the book says that you can't have what you've got coming to you; the second sort digs through the book until he finds a paragraph that lets you have what you need even if you don't rate it.

Doughty was the second sort.

The sanctuary faced on the Wilshire Ways. There were benches in front of it and bushes and flowers. I sat down on a bench to take stock and to decide whether to go east or west. I had kept a stiff lip with Mr. Doughty but, honestly, I was badly shaken, even though I had the price of a week's meals in my jeans.

But the sun was warm and the drone of the Ways was pleasant and I was young (biologically at least) and I had two hands and my brain. Whistling "Hallelujah, I'm a Bum," I opened the Times to the "Help Wanted" columns. I resisted the impulse to look through "Professional Engineers" and turned at once to "Unskilled."

Я снова поблагодарил его и ушел с очень теплым чувством к этому человеку. Мистер Доути напомнил мне нашего армейского казначея. Военные казначеи бывают двух видов: одни показывают вам, где написано, что вы не можете получить причитающегося вам, вторые роются в приказах и инструкциях до тех пор, пока не найдут подходящий параграф, чтобы заплатить вам то, что вам надо. Даже если вы этого не стоите.

Мистер Доути принадлежал ко второму виду.

Хранилище выходило фасадом на бульвар Уилшир. Перед входом были цветы, кустики, лавочки... Я присел на скамейку передохнуть и решить, куда податься: на восток или на запад. Перед мистером Доути я старался держаться орлом, но, честно говоря, я был просто потрясен, хотя у меня в кармане джинсов и трепыхалось достаточно, чтобы не голодать с недельку.

Однако солнышко грело, с автострады доносился приятный гул, я был молод (по крайней мере, биологически), и у меня были две руки и голова. Насвистывая «Аллилуйя, я балбес», я развернул «Таймс» — поискать раздел «Требуется на работу». Я устоял перед искушением заглянуть в раздел «Профессионалы (инженеры)» и стал искать «Неквалифицированные рабочие».

CHAPTER 6

Глава 6

•

That classification was darned short. I almost couldn't find it.

Этот раздел был чертовски мал: я едва нашел его...

I got a job the second day, Friday, the fifteenth of December. I also had a mild run-in with the law and had repeated tangles with new ways of doing things, saying things, feeling about things. I discovered that "reorientation" by reading about it is like reading about sex-not the same thing.

Я нашел работу на другой день, в пятницу. Я успел также чуть-чуть вступить в конфликт с законом, а кроме того, несколько раз что-то сказать или сделать не так, как теперь принято. Оказывается, проходить переориентацию, читая соответствующие руководства и справочники, — это все равно, что изучать секс по книжкам.

I suppose I would have had less trouble if I had been set down in Omsk, or Santiago, or Djakarta.

In going to a strange city in a strange land you know that the customs are going to be different, but in Great Los Angeles I subconsciously expected things to be unchanged even though I could see that they were changed. Of course thirty years is nothing; anybody takes that much change and more in a lifetime. But it makes a difference to take it in one bite.

Take one word I used all in innocence. A lady present was offended and only the fact that I was a Sleeper- which I hastily explained-kept her husband from giving me a mouthful of knuckles.

I won't use the word here-oh yes, I will; why shouldn't I? I'm using it to explain something. Don't take my word for it that the word was in good usage when I was a kid; look it up in an old dictionary. Nobody scrawled it in chalk on sidewalks when I was a kid.

Наверное, мне было бы в чем-то легче, если бы я обосновался где-нибудь в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужом городе и в чужой стране обычаи заведомо должны быть другими, чем дома. Но в Большом Лос-Анджелесе я подсознательно ожидал, что все осталось по-прежнему, хотя я и видел, что многое изменилось. Конечно, тридцать лет — срок небольшой; даже в течение жизни одного человека на свете успевает измениться немало.

Но вот так, одним глотком, — это совсем другое дело... Как-то, например, я совершенно невинно употребил одно словечко. Присутствовавшая при это дама оскорбилась, а ее муж уже был готов врезать мне в зубы — только мои торопливые объяснения, что я сонник, остановили его. Я не стану приводить это слово здесь. А впрочем, почему бы и нет? Я же делаю это, чтобы объяснить вам: когда я был мальчишкой, это слово считалось совершенно приличным.

Не верите на слово — загляните в какой-нибудь старый словарь. В мое время никто не писал это слово мелом на заборах.

The word was "kink."

Слово это — «ломка».

There were other words which I still do not use properly without stopping to think. Not taboo words necessarily, just ones with changed meanings. "Host" for example—"host" used to mean the man who took your coat and put it in the bedroom; it had nothing to do with the birth rate. But I got along. The job I found was crushing new ground limousines so that they could be shipped back to Pittsburgh as scrap.

Cadillacs, Chryslers, Eisenhowers, Lincolns—all sorts of great, big, new powerful turbobuggies without a kilometer on their clocks. Drive `em between the jaws, then crunch! smash! Crash!—scrap iron for blast furnaces.

It hurt me at first, since I was riding the Ways to work and didn't own so much as a gravJumper. I expressed my opinion of it and almost lost my job... until the shift boss remembered that I was a Sleeper and really didn't understand.

"It's a simple matter of economics, son. These are surplus cars the government has accepted as security against price-support loans. They're two years old now and they can never be sold, so the government junks them and sells them back to the steel industry.

You can't run a blast furnace just on ore; you have to have scrap iron as well. You ought to know that even if you are a Sleeper. Matter of fact, with high-grade ore so scarce, there's more and more demand for scrap. The steel industry needs these cars."

"But why build them in the first place if they can't be sold? It seems wasteful."

"It just seems wasteful. You want to throw people out of work? You want to run down the standard of living?"

"Well, why not ship them abroad? It seems to me they could get more for them on the open market abroad than they are worth as Scrap."

Были и другие слова, которые я и по сей день употребляю с опаской. Это не обязательно слова, ставшие нецензурными, — просто изменившие смысл. Например, «преемник»: раньше это слово означало человека, который изучил то или иное дело, чтобы заменить другого, более старого человека. И никакого отношения к уровню рождаемости оно не имело... Но в целом я справлялся. Работу я нашел такую: я пускал под пресс новехонькие лимузины, и их увозили обратно в Питсбург — там принимали металлолом. «Кадиллаки», «крайслеры», «линкольны» и «Эйзенхауэры» — самые разные машины, новенькие, красивые, мощные, не набегавшие еще ни километра. Я загонял их между стальными челюстями прессы и — бах! трах! хрр-рум!... металлолом к переплавке готов.

Сперва мне было просто больно смотреть на это — сам-то я ездил на работу на ленте, потому что денег у меня не было даже на гравискок. Однажды я высказал свое мнение на этот счет, и меня чуть не вышибли с работы. Слава богу, мастер вспомнил, что я — сонник и действительно не понимаю.

— Это же элементарная экономика, сынок. Это — сверхнормативные машины, которые правительство приняло в залог под выданные дотации на погашение разницы в ценах. Им уже добрых два года, и продать их не удастся. Поэтому правительство прессует их и продает металлолом сталелитейной компании. Сталь нельзя плавить только из руды: надо непременно добавлять и металлолом. Тебе бы следовало это знать, хоть ты и сонник. А теперь, когда хорошая руда вообще редкость, спрос на металлолом весьма высок. Сталеплавильщикам очень нужны эти машины.

— Но зачем же их делать, если нельзя их продать? Это выглядит расточительством.

— Это только выглядит расточительством. Ты что же, хочешь, чтобы люди остались без работы? Чтобы уровень жизни упал?

— Тогда почему бы не продавать их за рубеж? Мне кажется, на внешнем рынке за них можно выручить больше, чем за металлолом.

"What!-and ruin the export market? Besides, if we started dumping cars abroad we'd get everybody sore at us-Japan, France, Germany, Great Asia, everybody. What are you aiming to do? Start a war?" He sighed and went on in a fatherly tone. "You go down to the public library and draw out some books. You don't have any right to opinions on these things until you know something about them."

So I shut up. I didn't tell him that I was spending all my off time at the public library or at U.C.L.A.'s library; I had avoided admitting that I was, or used to be, an engineer-to claim that I was now an engineer would be too much like walking up to du Pont's and saying, "Sirrah, I am an aichymiste. Hast need of art such as mine?" I raised the subject just once more because I noticed that very few of the price-support cars were really ready to run. The workmanship was sloppy and they often lacked essentials like instrument dials or air conditioners. But when one day I noticed from the way the teeth of the crusher came down on one that it lacked even a power plant, I spoke up about it.

The shift boss just stared at me.

"Great jumping Jupiter, son, surely you don't expect them to put their best workmanship into cars that are just surplus? These cars had price-support loans against them before they ever came off the assembly line."

So that time I shut up and stayed shut. I had better stick to engineering; economics is too esoteric for me. But I had plenty of time to think. The job I had was not really a "job" at all in my book; all the work was done by Flexible Frank in his various disguises. Frank and his brothers ran the crusher, moved the cars into place, hauled away the scrap, kept count, and weighed the loads; my job was to stand on a little platform (I wasn't allowed to sit) and hang onto a switch that could Stop the whole operation if something went wrong. Nothing ever did, but I soon found that I was expected to spot at least one failure in automation each shift, stop the job, and send for a trouble crew.

— Что? И загубить внешний рынок? Да, кроме того, если мы начнем их экспортировать, то испортим отношения с Японией, Францией, Германией, с Великой Азией, да со всеми. Ты что, хочешь развязать войну? — Он вздохнул и сказал отеческим тоном: — Ступай-ка в библиотеку да почитай.

Какое ты имеешь право рассуждать об этом, если ничего не знаешь?

Я промолчал и не стал говорить ему, что все свое свободное время провожу в библиотеке Лос-Анджелесского университета или в публичной библиотеке; промолчал я и о том, что когда-то был инженером.

А сказать просто «я — инженер» было бы все равно что прийти к Дюпону и сказать: «Досточтимый сударь, я алхимик. Не угодно ли испытать мое искусство?» Еще раз я затеял разговор на эту тему, заметив, что большинство предназначенных к переплавке машин были не готовы к тому, чтобы на них ездили: кое-где видны были дефекты сборки, а в некоторых отсутствовали необходимые части: приборы на щитке управления или кондиционеры. А уж когда я увидел, что у идущей под пресс машины вообще нет силового агрегата, меня прорвало.

Начальник смены выкатил глаза:

— Господи ты боже мой! Сынок, а с чего ты взял, что под пресс обязательно пустят самые лучшие машины? Это же излишки. Дотация в них была заложена еще до того, как они сошли с конвейера!

После этого я заткнулся надолго. Лучше уж я ограничу свой интерес техникой: экономика для меня — темный лес... Но времени на размышления у меня хватало. По моим понятиям, моя работа работой, в сущности, и не была: всю работу делали «Салли» в разных обличьях. «Салли» управляла прессом; ее «сестры» подгоняли под него машины, оттаскивали в сторону спрессованные, считали и взвешивали их. Моя же работа заключалась в следующем: я стоял на небольшом возвышении (сидеть не полагалось) и держался рукой за рубильник, останавливающий все операции, если что-то пойдет не так. Все всегда шло «так», но мне дали понять, что хотя бы раз в смену я должен был уличить автоматику в какой-нибудь погрешности, остановить работу и вызвать ремонтников.

Well, it paid twenty-one dollars a day and it kept me eating. First things first.

After social security, guild dues, income tax, defense tax, medical plan, and the welfare mutual fund I took home about sixteen of it. Mr. Doughty was wrong about a dinner costing ten dollars; you could get a very decent plate dinner for three if you did not insist on real meat, and I would defy anyone to tell whether a hamburger steak started life in a tank or out on the open range. With the stories going around about bootleg meat that might give you radiation poisoning I was perfectly happy with surrogates.

Where to live had been somewhat of a problem. Since Los Angeles had not been treated to the one-second slum-clearance plan in the Six Weeks War, an amazing number of refugees had gone there (I suppose I was one of them, although I hadn't thought of myself as such at the time) and apparently none of them had ever gone home, even those that had homes left to go back to. The city-if you can call Great Los Angeles a city; it is more of a condition-had been choked when I went to sleep; now it was as jammed as a lady's purse. It may have been a mistake to get rid of the smog; back in the '60s a few people used to leave each year because of sinusitis.

Now apparently nobody left, ever.

The day I checked out of the sanctuary I had had several things on my mind, principally (1) find a job, (2) find a place to sleep, (3) catch up in engineering, (4) find Ricky, (5) get back into engineering-on my own if humanly possible, (6) find Belle and Miles and settle their hash-without going to jail for it, and (7) a slug of things, like looking up the original patent on Eager Beaver and checking my strong hunch that it was really Flexible Frank (not that it mattered now, just curiosity), and looking up the corporate history of Hired Girl, Inc., etc., etc.

Ну что ж... За это платили двадцать один доллар в день — на еду хватало. Все-таки самые важные вопросы надо решать в первую очередь.

После всех отчислений (социальное страхование, профсоюзные взносы, подоходный налог, оборонный налог, медицинская страховка и «добровольные» пожертвования) у меня оставалось шестнадцать долларов. Мистер Доути был не прав, когда утверждал, что обед стоит десять долларов: вполне приличный обед можно было получить и за три доллара, если не ставить целью обязательно отведать натурального мяса. Я лично и сейчас уверен, что никто из вас не отличит, какое мясо паслось на пастбище, а какое росло в баке с питательным раствором. А наслушавшись разговоров о контрабандном мясе, от которого может быть лучевая болезнь, я решил удовлетворяться заменителями.

С жильем было посложнее. Поскольку во время Шестинедельной войны Лос-Анджелес не вошел в зону сноса ветхого жилого фонда ускоренным и широкозахватным способом (ему не досталось ни одной атомной бомбы), то туда понаехало поразительное число беженцев. Наверное, в определенном смысле я тоже был одним из них, хотя в то время я так о себе не думал. И похоже, никто из них не спешил возвращаться домой — даже те, чьи дома уцелели. Город — если Лос-Анджелес вообще город (по-моему, это следует называть «среда обитания»), — задыхался еще тогда, когда я отправился спать в 1970-м. А теперь он был набит битком, как дамская сумочка. Возможно, избавление от смога было в некотором роде ошибкой: в шестидесятые годы довольно много народу уезжало из города из-за хронического синусита.

Теперь, очевидно, не уезжал никто.

В тот день, когда я покинул Хранилище, у меня уже созрел определенный план: 1) найти работу; 2) найти кров; 3) наверстать упущенное по инженерно-технической части; 4) найти Рики;

I have listed the above in order of priority, as I had found out years ago (through almost flunking my freshman year in engineering) that if you didn't use priorities, when the music stopped you were left standing.

5) вернуться к занятиям конструированием (если это вообще в человеческих силах); 6) разыскать Беллу и Майлса и разобраться с ними, не угодив при этом в тюрьму; и 7) еще много разных дел: например, найти первый патент на «Трудягу Тедди» — проверить свои подозрения (а я сильно подозревал), что это не что иное, как «Универсальная Салли»; не то чтобы это имело теперь значение — так, из любопытства. Надо бы и историю корпорации «Золушка» выяснить. Ну и так далее.

Some of these priorities ran concurrently, of course; I expected to search out Ricky and probably Belle & Co. as well, while I was boning engineering. But first things first and second things second; finding a job came even ahead of hunting for a sack because dollars are the key to everything else... when you haven't got them.

Перечисленные выше дела я расположил в порядке их срочности и важности, потому что много лет назад (чуть не завалив экзамены на первом курсе в институте) понял, что без этого можно потерять очень многое. Правда, некоторые пункты можно было выполнять параллельно: например, я рассчитывал найти Рики и при этом — Беллу и компанию тоже, пока грызу гранит новой инженерной науки. Но дела надо делать по порядку: сперва надо найти работу, а потом уже подыскивать чулок для хранения денег. Деньги — это ключ ко всему остальному... если их нет.

After getting turned down six times in town I had chased an ad clear out to San Bernardino Borough, only to get there ten minutes too late. I should have rented a flop at once; instead I played it real smart and went back downtown, intending to find a room, then get up very early and be first in line for some job listed in the early edition. How was I to know? I got my name on four rooming-house waiting lists and wound up in the park. I stayed there, walking to keep warm, until almost midnight, then gave up—Great Los Angeles winters are subtropical only if you accent the "sub."

Когда меня раз шесть завернули в городе, я поехал по объявлению аж в Сан-Бернардино — и опоздал буквально на 10 минут. Тут бы мне сразу поискать ночлег, но я решил, что будет гораздо умнее, если я поеду обратно в центр, сниму там номер в гостинице, встану с утра пораньше и первым поспею по утренним объявлениям. Кто же знал?.. Я записался в очередь в четырех отелях — и кончил на скамейке в парке. Время от времени я вставал и прогуливался, чтобы немного согреться, но потом, ближе к полуночи, сдался: зимы в Большом Лос-Анджелесе можно назвать субтропическими, только очень налегая на «суб».

I then took refuge in a station of Wilshire Ways... and about two in the morning they rounded me up with the rest of the vagrants.

Я укрылся на станции ленточной дороги Уилшир, в зале ожидания, и часа в два ночи попал в облаву вместе с другими бездомными.

Jails have improved. This one was warm and I think they required the cockroaches to wipe their feet.

Тюрьмы стали заметно лучше. В этой было тепло, и мне показалось, что тараканов тут приучили вытирать ноги.

I was charged with barracking. The judge was a young fellow who didn't even look up from his newspaper but simply said, "These all first offenders?"

Обвинение гласило: слоняжничество. Судья — молодой человек, ни разу не поднявший глаз от лежавшей перед ним газеты, — сказал только: — Эти все по первому разу?

"Yes, your honor."

— Да, ваша честь.

"Thirty days, or take a labor-company parole.
Next."

— Тридцать дней. Или пусть с работы пришлют
бумажку, что их берут на поруки. Следующий.

They started to march US Out but I didn't budge.

Нас начали выдвирать в коридор, но я уперся.

"Just a minute, Judge."

— Одну минуту, Ваша честь.

"Eh? Something troubling you? Are you guilty or
not guilty?"

— А? Что вас смущает? Вы признаете себя
виновным или нет?

"Uh, I really don't know because I don't know what
it is I have done. You see-" "Do you want a public
defender? If you do you can be locked up until one can
handle your case. I understand they are running about
six days late right now... but it's your privilege."

— Э-э, я, право, не знаю; ну что я такого сделал?
Понимаете, я... — Хотите защитника? Тогда
отправляйтесь в камеру и ждите, пока кто-нибудь не
освободится и не займется вашим делом. По-моему,
сейчас у них завал дней на шесть... Но это — ваше
право.

"Uh, I still don't know. Maybe what I want is a
labor-company parole, though I'm not sure what it is.
What I really want is some advice from the Court, if the
Court pleases."

— Э-э, я, честное слово, не знаю. Может быть, я
хотел бы, чтобы меня взяли на поруки... хотя я не
знаю, кто бы мог это сделать. По-моему, мне нужен
совет Суда, если Суд позволит.

The judge said to the bailiff, "Take the others out."
He turned back to me.

Судья велел судебному исполнителю вывести
остальных и повернулся ко мне.

"Spill it. But I'll warrant you won't like my advice.
I've been on this job long enough to have heard every
phony story and to have acquired a deep disgust toward
most of them."

— Выкладывайте. Но имейте в виду: мой совет
вряд ли придется вам по вкусу. Работаю я давно,
всяких сказок наслушался досыта, и большинство из
них вызывает у меня глубокое отвращение.

"Yes, sir. Mine isn't phony; it's easily checked. You
see, I just got out of the Long Sleep yesterday and-" But
he did look disgusted.

— Да, сэр. Но у меня — не сказки: это легко
проверить. Видите ли, я вчера вернулся из Долгого
Сна и... На лице у него появилась гримаса
отвращения.

"One of those, eh? I've often wondered what made our grandparents think they could dump their riffraff on us.

The last thing on earth this city needs is more people especially ones who couldn't get along in their own time. I wish I could boot you back to whatever year you came from with a message to everybody there that the future they're dreaming about is not, repeat not, paved with gold." He sighed. "But it wouldn't do any good, I'm sure. Well, what do you expect me to do? Give you another chance? Then have you pop up here again a week from now?"

"Judge, I don't think I'm likely to. I've got enough money to live until I find a job and—" "Eh? If you've got money, what were you doing barracking?"

"Judge, I don't even know what that word means."

This time he let me explain. When I came to how I had been swindled by Master Insurance Company his whole manner changed.

"Those swine! My mother got taken by them after she had paid premiums for twenty years. Why didn't you tell me this in the first place?" He took out a card, wrote something on it, and said, "Take this to the hiring office at the Surplus & Salvage Authority.

If you don't get a job come back and see me this afternoon. But no more barracking. Not only does it breed crime and vice, but you yourself are running a terrible risk of meeting up with a zombie recruiter."

That's how I got a job smashing up brand-new ground cars. But I still think I made no mistake in logic in deciding to job-hunt first. Anywhere is home to the man with a fat bank account—the cops leave him alone.

— Один из этих, да? Я все в толк не возьму: с чего это наши дедушки решили, что могут сплавлять своих выморозков к нам? Уж чего этому городу надо меньше всего — так это лишних людей. Особенно таких, которые и в своем-то времени не могли устроиться. Будь моя воля — я бы вышиб вас всех в тот год, откуда вы явились, да еще дал бы с собою записку к тем, кто там живет, что будущее, о котором они так мечтают, не вымощено золотом, ясно? — Он вздохнул. — Впрочем, толку от этого, я уверен, было бы немного. Ну, и что вы от меня хотите? Чтобы я дал вам шанс? И через неделю вы опять свалитесь на мою голову?..

— Ваша честь, я не думаю, что это должно случиться.

У меня достаточно денег, чтобы протянуть до тех пор, пока я не найду работу и... — Да? Если у вас есть деньги, чего же вы слоняжничали?

— Ваша честь, я даже не знаю, что означает это слово.

На этот раз он позволил объяснить ему ситуацию. И когда я дошел до той части, как меня облапошила «Мастер иншуранс», он резко переменил отношение ко мне.

— Вот свиньи!

Мою мать они надули после того, как она лет двадцать платила страховые взносы. Что же вы мне этого сразу не сказали? — Он вынул визитную карточку, что-то на ней написал и протянул мне. — Ступайте с этой запиской в отдел по найму Комиссии по утилизации излишков и вторичным ресурсам. Если там не выгорит с работой — приходите утром снова. Только чтоб больше не слоняжничать. Я уж не говорю о том, что это прямая дорога к преступности и падению нравов. Но лично вы имеете отличный шанс отведать зомбина. Ночью, в темном переулке, это — раз плюнуть.

Вот так я и стал пускать под пресс новенькие автомобили. И все же я считаю, что поступил правильно, начав именно с поиска работы. Если у человека есть денежки, он везде как дома. И с полицией трений не будет.

I found a decent room, too, within my budget, in a part of West Los Angeles which had not yet been changed over to New Plan. I think it had formerly been a coat closet.

I would not want anyone to think I disliked the year 2000, as compared with 1970. I liked it and I liked 2001 when it rolled around a couple of weeks after they wakened me. In spite of recurrent spasms of almost unbearable homesickness, I thought that Great Los Angeles at the dawn of the Third Millennium was odds-on the most wonderful place I had ever seen. It was fast and clean and very exciting, even if it was too crowded... and even that was being coped with on a mammoth, venturesome scale. The New Plan parts of town were a joy to an engineer's heart. If the city government had had the sovereign power to stop immigration for ten years, they could have licked the housing problem. Since they did not have that power, they just had to do their best with the swarms that kept rolling over the Sierras- and their best was spectacular beyond belief and even the failures were colossal.

It was worth sleeping thirty years just to wake up in a time when they had licked the common cold and nobody had a postnasal drip. That meant more to me than the research colony on Venus.

Two things impressed me most, one big, one little. The big one was NullGrav, of course. Back in 1970 I had known about the Babson Institute gravitation research but I had not expected anything to come of it- and nothing had; the basic field theory on which NullGrav is based was developed at the University of Edinburgh. But I had been taught in school that gravitation was something that nobody could ever do anything about, because it was inherent in the very shape of space.

А вскоре я сумел снять приличную — и по карману — комнату в той части Западного Лос-Анджелеса, которую еще не успели снести и перестроить по Новому плану. Раньше эта комната, по-моему, была гардеробной.

Я бы не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, что мне не понравился двухтысячный год. По сравнению с 1970-м он был вполне... И следующий, 2001-й, наступивший через пару недель после моего пробуждения, — тоже. И несмотря на подкатывавшие временами приступы ностальгии, я считаю, что на пороге третьего тысячелетия Большой Лос-Анджелес был самым замечательным местом на свете.

В городе было чисто и так здорово... ну, может, малость многовато народу. Но и эта проблема решалась грандиозно, с размахом. Я глядел на те части города, что подверглись реконструкции по Новому плану, и у меня просто сердце радовалось. Будь у городского управления возможность лет на десять приостановить иммиграцию, они наверняка смогли бы решить жилищную проблему. Но поскольку такой возможности у них не было, то им не оставалось ничего другого, как пытаться обеспечить жильем ту лавину, что катилась через горы Сьерра-Невада. Они делали все, что в их силах. На это стоило посмотреть: зрелище было впечатляющее. Даже то, что не удалось, вызывало невольное уважение.

Ей-богу, стоило проспать тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда справились с обычной простудой и никто не страдает от насморка. Для меня это в некотором смысле означало не меньше, чем исследовательская станция на Венере.

Больше всего на меня произвели впечатление две вещи — одна крупная, а другая мелкая. Крупной была, разумеется, антигравитация. Я еще там, в семидесятом, слышал про эксперименты Бэбсоновского института с гравитацией, но считал, что у них из этого ничего не выйдет. Ничего и не вышло. Базисная теория поля, на которой основано развитие антигравитации, разработана в Эдинбурге. Но в школе меня учили, что гравитация — это такая штука, с которой уж ничего не поделаешь, потому что она заложена непосредственно в форму пространства.

So they changed the shape of space, naturally. Only temporarily and locally, to be sure, but that's all that's needed in moving a heavy object. It still has to stay in field relation with Mother Terra, so it's useless for space ships-or it is in 2001; I've quit making bets about the future. I learned that to make a lift it was still necessary to expend power to overcome the gravity potential, and conversely, to lower something you had to have a power pack to store all those foot-pounds in, or something would go Phzzt!Spung! But just to transport something horizontally, say from San Francisco to Great Los Angeles, just lift it once, then float along, no power at all, like an ice skater riding a long edge.

Lovely!

I tried to study the theory of it, but the math starts in where tensor calculus leaves off; it's not for me. But an engineer is rarely a mathematical physicist and he does not have to be; he simply has to savvy the skinny of a thing well enough to know what it can do in practical applications-know the working parameters. I could learn those.

The "little thing" I mentioned was the changes in female styles made possible by the Sticktite fabrics. I was not startled by mere skin on bathing beaches; you could see that coming in 1970. But the weird things that the ladies could do with Sticktite made my Jaw sag. My grandpappy was born in 1890; I suppose that some of the sights in 1970 would have affected him the same way.

But I liked the fast new world and would have been happy in it if I had not been so bitterly lonely so much of the time. I was out of joint. There were times (in the middle of the night, usually) when I would gladly have swapped it all for one beat-up tomcat, or for a chance to spend an afternoon taking little Ricky to the zoo... or for the comradeship Miles and I had shared when all we had was hard work and hope.

Пришлось, естественно, менять форму пространства. Конечно, только временно и в отдельных местах, но для того, чтобы переместить тяжелый предмет, этого достаточно. Феномен так или иначе остается связан с матушкой-Землей, так что для космических кораблей он не пригодился. Во всяком случае, в 2001-м — насчет будущего я уже перестал загадывать. Чтобы поднять объект, как я выяснил, надо приложить энергию для преодоления гравитационного потенциала. И наоборот, чтобы что-то опустить, надо иметь накопитель энергии для всех этих килограммометров, иначе может рвануть. А вот чтобы переместить что-нибудь по горизонтали, скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анджелес, достаточно поднять этот предмет в воздух, слегка подтолкнуть — и он устремляется вперед легко и без сопротивления, как пушинка, как разогнавшийся и скользящий по льду конькобежец.

Прелесть!

Я попытался разобраться в теории вопроса, но математика начинается там, где кончается тензорное исчисление; это не для меня. Ведь инженеру вообще редко приходится быть физматиком, да и не надо: он должен усекать, как вещь работает, — тогда он разберется и в том, как эту вещь применять. Просто надо знать рабочие параметры. Это-то мне было по силам.

Ну, а мелочью, о которой я упомянул, оказались изменения в женской моде, ставшие возможными благодаря тканям и замкам «стиктайт». Вид женщин, купающихся на пляже в одной только собственной коже, меня не шокировал: и у нас, в семидесятом, существовал нудизм. Но когда я увидел, что вытворяют женщины из «стиктайт», у меня просто челюсть отвисла. Мой дедуля родился в 1890-м; полагаю, некоторые зрелища 1970-го повлияли бы на него аналогичным образом.

Но мне нравился этот динамичный новый мир, и я был бы счастлив в нем, если бы не был почти все время одинок. Я был... неприкаянный. Иногда (обычно посреди ночи) я просыпался и чувствовал, что с радостью отдал бы весь этот мир за одного драного, облезлого кота. Или за возможность хоть на полдня сводить маленькую Рики в зоопарк... Или за дружбу, что была между мною и Майлсом, когда у нас всего и было, что тяжелая работа да надежда.

It was still early in 2001 and I wasn't halfway caught up on my homework, when I began to itch to leave my feather-bedded job and get back to the old drawing board. There were so many, many things possible under current art which had been impossible in 1970;

В начале 2001-го, когда я еще и наполовину не подогнал свои хвосты по инженерному делу, я начал чувствовать зуд: бросить свою сачковую работу и опять засесть за кульман. Теперь, при современном уровне развития техники, стали возможны очень многие вещи, о которых в 1970-м и мечтать не приходилось; и мне захотелось спроектировать десяток-другой.

I wanted to get busy and design a few dozen. For example I had expected that there would be automatic secretaries in use-I mean a machine you could dictate to and get back a business letter, spelling, punctuation, and format all perfect, without a human being in the sequence. But there weren't any. Oh, somebody had invented a machine which could type, but it was suited only to a phonetic language like Esperanto and was useless in a language in which you could say: "Though the tough cough and hiccough plough him through." People won't give up the illogicalities of English to suit the convenience of an inventor. Mohammed must go to the mountain. If a high-school girl could sort out the cockeyed spelling of English and usually type the right word, how could a machine be taught to do it? "Impossible" was the usual answer. It was supposed to require human judgment and understanding.

Например, я думал, что в ходу уже должны быть автоматические секретари. Я имею в виду машину, которой можно продиктовать текст и получить деловое письмо без грамматических ошибок, со знаками препинания, идеально отпечатанное — и все это без участия рук человеческих. Но таких пока не было.

Кто-то придумал машину, что могла печатать с голоса, но она годилась только для фонетических языков, вроде эсперанто, и совершенно не подходила для английского языка с его многочисленными немymi буквами и кучей исключений из массы правил. Получалось «ничиво не папишишь, братец!»... Люди не согласны отказаться от нелогичного английского правописания только ради удобства изобретателя. Но если гора не идет к Магомету... Выпускнице колледжа иногда и удается разобрать чудное правописание английского языка и правильно написать то или иное слово; но спрашивается: как научить этому машину? Обычно на такие вопросы отвечают: это невозможно. Для этого требуются человеческий разум и понятливость.

But an invention is something that was "impossible" up to then—that's Why governments grant patents.

Но изобретение — это именно то, что было невозможно до того. Поэтому-то правительство и выдает на него патент.

With memory tubes and the miniaturization now possible—I had been right about the importance of gold as an engineering material—with those two things it would be easy to pack a hundred thousand sound codes into a cubic foot... in other words, to soundkey every word in a Webster's Collegiate Dictionary. But that was unnecessary; ten thousand would be ample. Who expects a stenographer to field a word like "kourbash" or "pyrophyllite"? You spell such words for her if you must use them. Okay, we code the machine to accept spelling when necessary. We sound-code for punctuation... and for various formats... and to look up addresses in a file... and for how many copies... and routing and provide at least a thousand blank word-codings for special vocabulary used in a business or profession—and make it so that the owner-client could put those special words in himself, spell a word like "stenobenthic" with the memory key depressed and never have to spell it again.

All simple. Just a matter of hooking together gadgets already on the market, then smoothing it into a production model.

The real hitch was homonyms. Dictation Dairy wouldn't even slow up over that "tough cough and hiccough" sentence because each of those words carries a different sound. But choices like "they're" and "their," "right" and "write" would give her trouble.

Did the L. A. Public Library have a dictionary of English homonyms? It did...and I began counting the unavoidable homonym pairs and trying to figure how many of these could be handled by information theory through context statistics and how many would require special coding.

Благодаря ячейкам памяти и современному уровню миниатюризации (я оказался прав насчет применения золота в технике) стало возможным затолкать в кубический фут сотни тысяч закодированных звуков. Другими словами, закодировать каждое слово в Университетском словаре Вебстера. Только это даже и не обязательно: с избытком хватит десяти тысяч слов. Ну зачем, в самом деле, надо, чтобы секретарь умел стенографировать слова вроде «остервенение» или «растрянжирить»? Ну, уж если что-нибудь этакое когда-то и приспичит — можно же продиктовать по буквам.

Ага, значит, надо, чтобы машина понимала и такой способ диктовки! А еще надо закодировать знаки препинания... разные форматы... количество копий в закладке... и чтобы сама отыскивала в памяти нужный адрес... и сортировала почту перед отправкой... и предусмотреть не менее тысячи свободных ячеек для специальных терминов, применяемых в данной отрасли бизнеса или техники. И сделать так, чтобы клиент-владелец мог вводить эти слова сам: нажал клавишу «память», напечатал слово вроде «педипальпы», — и уже никогда не придется диктовать его по буквам.

Все просто. Надо только состыковать компоненты, уже имеющиеся в продаже, и превратить это сочетание в производственную модель.

Вот с омонимами — беда... Над сочетаниями вроде «писчий счетчик» наша «Стенографистка Стелла» даже на секунду не задумается — ведь все эти слова с трудным написанием звучат по-разному. А вот выбрать из нескольких слов, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному, ей будет нелегко.

Интересно, а словарь омонимов в публичной библиотеке в городе есть? Оказалось, есть. Я начал подсчитывать пары омонимов, с которыми неизбежно придется сталкиваться, и прикидывать, сколько из них можно сделать различимыми с помощью теории информации, анализа контекста, а сколько потребуют специального кодирования.

I began to get jittery with frustration.

Not only was I wasting thirty hours a week on an utterly useless job, but also I could not do real engineering in a public library. I needed a drafting room, a shop where I could smooth out the bugs, trade catalogues, professional journals, calculating machines, and all the rest.

I decided that I would just have to get at least a subprofessional job. I wasn't silly enough to think that I was an engineer again; there was too much art I had not yet soaked up—repeatedly I had thought of ways to do something, using something new that I had learned, only to find out at the library that somebody had solved the same problem, neater, better, and cheaper than my own first stab at it and ten or fifteen years earlier.

I needed to get into an engineering office and let these new things soak in through my skin. I had hopes that I could land a job as a junior draftsman.

I knew that they were using powered semi-automatic drafting machines now; I had seen pictures of them even though I had not had one under my hands. But I had a hunch that I could learn to play one in twenty minutes, given the chance, for they were remarkably like an idea I had once had myself: a machine that bore the same relation to the old-fashioned drawing-board-and-Tsquare method that a typewriter did to writing in longhand.

I had worked it all out in my head, how you could put straight lines or curves anywhere on an easel just by punching keys.

Я стал нервничать и злиться по пустякам: я не только тратил по тридцать часов в неделю на совершенно бесполезную, бессмысленную работу, но и не мог, в самом деле, заниматься настоящим конструированием в публичной библиотеке! Мне была нужна мастерская с кульманом — чертить, вылавливать мелкие дефекты. Мне нужны были каталоги торговых фирм, профессиональные журналы, счетная техника и т. д.

Я решил, что надо искать хотя бы полупрофессиональную работу. Я был не настолько глуп, чтобы полагать, что я уже инженер: слишком много было еще всякого такого, что я не успел прочесть. Я уже несколько раз сидел, ломая голову, как сделать то или иное устройство, воспользовавшись моими новыми познаниями, — а потом, придя в библиотеку, обнаруживал, что кто-то уже решил эту проблему лучше, дешевле и изящнее меня и лет десять-пятнадцать назад.

Мне надо было пойти работать в конструкторское бюро, чтобы все эти новинки стали мне близкими и родными. Я решил, что с работой младшего чертежника я справлюсь.

Я знал, что теперь используются электрические чертежные полуавтоматы, — видел на картинках, хотя сам еще не пользовался. Но научиться ими пользоваться, по-моему, можно за двадцать минут, если бы такой случай представился, — они были очень похожи на то устройство, что я когда-то выдумал, — устройство, имеющее не больше общего со старомодным чертежным столом с параллелограммом, чем пишущая машинка — с письмом каллиграфической вязью.

Я все продумал: как можно чертить прямые и кривые в любом месте чертежной доски легкими нажатиями на клавиши.

However, in this case I was just as sure that my idea had not been stolen as I was certain that Flexible Frank had been stolen, because my drafting machine had never existed except in my head. Somebody had had the same idea and had developed it logically the same way. When it's time to railroad, people start railroading. The Aladdin people, the same firm that made Eager Beaver, made one of the best drawing machines, Drafting Dan. I dipped into my savings, bought a better suit of clothes and a secondhand brief case, stuffed the latter with newspapers, and presented myself at the Aladdin salesrooms with a view to "buying" one. I asked for a demonstration.

Then, when I got close to a model of Drafting Dan, I had a most upsetting experience. D,j... vu, the psychologists call it—"I have been here before." The damned thing had been developed in precisely the fashion in which I would have developed it, had I had time to do so... instead of being kidnapped into the Long Sleep.

Don't ask me exactly why I felt that way. A man knows his own style of work. An art critic will say that a painting is a Rubens or a Rembrandt by the brushwork, the treatment of light, the composition, the choice of pigment, a dozen things. Engineering is not science, it is an art, and there is always a wide range of choices in how to solve engineering problems. An engineering designer "signs" his work by those choices just as surely as a painter does.

Drafting Dan had the flavor of my own technique so strongly that I was quite disturbed by it. I began to wonder if there wasn't something to telepathy after all.

I was careful to get the number of its first patent. In the state I was in I wasn't surprised to see that the date on the first one was 1970. I resolved to find out who had invented it. It might have been one of my own teachers, from whom I had picked up some of my style. Or it might be an engineer with whom I had once worked. The inventor might still be alive. If so, I'd look him up someday get acquainted with this man whose mind worked just like mine.

Однако тут я был уверен, что мою идею не украли (как украли «Универсальную Салли») — ведь моя чертежная машина существовала только в моем мозгу. Значит, кому-то в голову пришла аналогичная идея, которую он сумел довести до логического завершения. Когда приходит время железных дорог, начинают делать паровозы... Фирма «Аладдин» — та же, что выпускала «Трудягу Тедди», — делала одну из лучших чертежных машин — «Чертежника Дэна». Я поскреб по сусекам, купил костюм поприличнее и подержанный «дипломат», набил последний газетами и явился в «Аладдин», в их фирменный магазин, якобы собираясь приобрести такую машину. Я попросил продемонстрировать, как она работает.

И тут меня ждало потрясение. Я подошел к демонстрационному экземпляру «Чертежника Дэна», и... психиатры называют это «дежа ву». Проклятая машина была сделана точно так, как сделал бы ее я, если бы меня не запихали в хранилище на Долгий Сон.

Не спрашивайте меня, почему я так решил: человек может узнать свою собственную работу. Знаток живописи может определить, что это — Рубенс, или Рембрандт: по мазку, по блику, по композиции, по подбору красок, по десятку других признаков. Конструирование — не наука. Это — искусство, в нем всегда есть широкий выбор, как решить ту или иную техническую проблему. Выбирая эти способы, конструктор оставляет не менее отчетливый «автограф», чем художник.

У «Чертежника Дэна» был такой сильный привкус моей собственной техники дизайна, что меня прямо взбудоражило. Я почти начал верить в телепатию.

Я незаметно глянул на табличку с номерами патентов. В том состоянии, в котором я был, я даже не удивился, обнаружив, что первый из них тоже датирован семидесятым годом. Я твердо решил узнать, кто же изобрел его. Может быть, кто-то из моих учителей, от которых я и набрался своих методов, своего стиля? Или кто-нибудь из инженеров, с которыми я когда-то вместе работал... Может быть, изобретатель еще жив. Тогда я обязательно разыщу его: надо познакомиться с человеком, который мыслит точь-в-точь как я.

But I managed to pull myself together and let the salesman show me how to work it. He hardly need have bothered; Drafting Dan and I were made for each other. In ten minutes I could play it better than he could. At last I reluctantly quit making pretty pictures with it, got list price, discounts, service arrangements, and so forth, then left saying that I would call him, just as he was ready to get my signature on the dotted line. It was a dirty trick, but all I cost him was an hour's time.

From there I went to the Hired Girl main factory and applied for a job.

I knew that Belle and Miles were no longer with Hired Girl, Inc. In what time I could spare between my job and the compelling necessity to catch up in engineering I had been searching for Belle and Miles and most especially for Ricky. None of the three was listed in the Great Los Angeles telephone system, nor for that matter anywhere in the United States, for I had paid to have an "information" search made at the national office in Cleveland. A quadruple fee, it was, as I had had Belle searched for under both "Gentry" and "Darkin."

I had the same luck with the Register of Voters for Los Angeles County.

Hired Girl, Inc., in a letter from a seventeenth vice-president in charge of foolish questions, admitted cautiously that they had once had officers by those names thirty years ago but they were unable to help me now.

Picking up a trail thirty years cold is no job for an amateur with little time and less money. I did not have their fingerprints, or I might have tried the FBI. I didn't know their social-security numbers. My Country 'Tis of Thee had never succumbed to police state nonsense, so there was no bureau certain to have a dossier on each citizen, nor was I in a position to tap such a file even if there had been.

Я взял себя в руки и попросил продавца показать машину в работе. Особенно распинаться ему не пришлось: мы с «Дэном» оказались буквально созданы друг для друга. Через десять минут я уже обращался с ним проворнее, чем он сам. Наконец я оторвался от машины и стал отступать: попросил проспект с фотографиями, спросил о цене и возможных скидках, о техническом обслуживании и... ушел, сказав, что еще позвоню, как раз в тот момент, когда продавец уже собирался протянуть мне на подпись бланк заказа. Грязный трюк — но ведь, кроме часа времени, я у них ничего не украл.

Прямо оттуда я пошел в фирму «Золушка» наниматься на работу на их фабрику.

Я уже выяснил, что ни Белла, ни Майлс там больше не работают. Все время, которое я мог урвать от сна и отдыха — между работой и наверстыванием упущенного в библиотеках, — я искал Беллу, Майлса и в особенности Рики. В телефонных справочниках Большого Лос-Анджелеса не значился ни один из троих, равно как и во всех Соединенных Штатах: я оплатил «информационный поиск» в национальном бюро в Кливленде. С меня взяли вчетверо больше обычного: Беллу пришлось искать и под фамилией Джентри, и под «Даркин».

Пробовал я искать их и в списках избирателей, в избирательной комиссии графства Лос-Анджелес — тот же результат.

В письме из «Золушки Инк.», подписанном каким-то семнадцатым вице-президентом (вероятно, его и держат специально для того, чтобы отвечать на дурацкие вопросы), мне уклончиво сообщили, что тридцать лет назад лица с указанными фамилиями действительно служили в фирме, но что в настоящее время фирма ничем не может помочь мне относительно их координат.

Для детектива-любителя, у которого мало времени и еще меньше денег, распылять следы тридцатилетней давности — занятие безнадежное. Будь у меня их отпечатки пальцев — я бы обратился в ФБР. Номеров их карточек социального страхования я не знал. Власть предрежащие в этой стране, похоже, не опустили до создания полицейского государства, имеющего досье на каждого гражданина. Да и существуй такие досье, мне до них не добраться: кто я такой?

Perhaps a detective agency, lavishly subsidized, could have dug through utilities' records, newspaper files, and God knows what, and traced them down. But I didn't have the lavish subsidy, nor the talent and time to do it myself.

I finally gave up on Miles and Belle while promising myself that I would, as quickly as I could afford it, put professionals to tracing Ricky. I had already determined that she held no Hired Girl stock and I had written to the Bank of America to see if they held, or ever had held, a trust for her. I got back a form letter informing me that such things were confidential, so I had written again, saying that I was a Sleeper and she was my only surviving relative.

That time I got a nice letter, signed by one of the trust officers and saying that he regretted that information concerning trust beneficiaries could not be divulged even to one in my exceptional circumstances, but he felt justified in giving me the negative information that the bank had not at any time through any of its branches held a trust in favor of one Frederica Virginia Gentry. That seemed to settle one thing.

Somehow those birds had managed to get the stock away from little Ricky. My assignment of the stock would have had to go through the Bank of America, the way I had written it. But it had not. Poor Ricky! We had both been robbed. I made one more stab at it. The records office of the Superintendent of Instruction in Mojave did have record of a grade school pupil named Frederica Virginia Gentry... but the named pupil had taken a withdrawal transcript in 1971. Further deponent sayeth not.

It was some consolation to know that somebody somewhere admitted that Ricky had ever existed. But she might have taken that transcript to any of many, many thousand public schools in the United States. How long would it take to write to each of them? And were their records so arranged as to permit them to answer, even supposing they were willing?

In a quarter of a billion people one little girl can drop out of sight like a pebble in the ocean.

Возможно, щедро субсидируемое детективное агентство могло бы, перекопав горы муниципальных регистрационных книг, газетных подшивок и бог знает чего еще, отыскать их следы. Но у меня не было ни средств на щедрые субсидии, ни таланта и времени искать их.

В конце концов, я махнул рукой на Беллу и Майлса, но дал себе слово, что обязательно найму профессионалов для розыска Рики, как только это станет мне по карману. Я уже выяснил, что акций «Золушки» у нее нет. Тогда я написал в «Бэнк оф Америка» — узнать, нет ли у них (или не было ли раньше, когда-либо) на доверительном хранении акций на ее имя. В ответ я получил стандартный бланк: подобная информация является конфиденциальной и т. д. Пришлось писать снова: я объяснил, что я — сонник, что она — моя единственная родственница. На этот раз я получил вполне личное письмо, подписанное сотрудником траст-отдела. К сожалению, писал он, информация о подопечных траст-отдела не подлежит разглашению даже в таких исключительных ситуациях, но он считает возможным сообщить, что ни сейчас, ни ранее ни одно из отделений банка не принимало на доверительное хранение ценных бумаг на имя Фредерики Вирджинии Джентри.

Из этого было ясно одно: каким-то образом наши птишечки сумели увести у Рики акции. Распоряжение о переуступке я составил так, что оно могло сработать только через «Бэнк оф Америка». Значит, не сработало. Бедная Рики! Они ограбили нас обоих... Я сделал еще одну попытку. В архиве отдела образования в Мохаве нашлась запись об ученице по имени Фредерика Вирджиния Джентри — но ее забрали из той школы в 1971-м. Куда именно — не было указано.

Приятно было узнать, что где-то кто-то подтверждает, что Рики вообще существовала на свете. Но ведь она могла перейти в любую из тысяч и тысяч средних школ в Соединенных Штатах. Сколько нужно времени, чтобы написать в каждую? И смогут ли они ответить, даже если представить себе, что они захотят это сделать, — хранят ли они такие данные?

В четверти миллиарда людей одна девочка может исчезнуть, как песчинка на пляже.

But the failure of my search did leave me free to seek a job with Hired Girl, Inc., now that I knew Miles and Belle were not running it. I could have tried any of a hundred automation firms, but Hired Girl and Aladdin were the big names in appliance automatons, as important in their own field as Ford and General Motors had been in the heyday of the ground automobile. I picked Hired Girl partly for sentimental reasons;

Но провал моих поисков позволял мне спокойно наниматься в «Золушку Инк.», зная, что Майлс и Белла там больше не хозяева. Я бы мог обратиться в любую из сотни автоматостроительных компаний, но «Аладдин» и «Золушка» были фирмы солидные, известные, как «Форд» и «Дженерал моторз» в те времена, когда процветало автомобилестроение. «Золушку» я выбрал отчасти из сентиментальности: интересно было взглянуть, во что превратился мой «свечной заводик».

I wanted to see what my old outfit had grown into. On Monday, 5 March, 2001, I went to their employment office, got into the line for white-collar help, filled out a dozen forms having nothing to do with engineering and one that did... and was told don't-call-us-we'll-call-you.

Пятого марта 2001 года я пришел в их бюро по найму, выстоял очередь к тому окошечку, где принимали инженеров и техников, заполнил десяток анкет, не имевших никакого отношения к технике, и одну, имевшую к ней некоторое касательство, и... «не трудитесь, мы сами вам позвоним...».

I hung around and managed to bull myself in to see an assistant hiring flunky. He reluctantly looked over the one form that meant anything and told me that my engineering degree meant nothing, since there had been a thirty-year lapse when I had not used my skill.

Поошивавшись немного в зале, я проскользнул к одному из младших кадровиков. Он с неохотой заглянул в одну из заполненных мною бумажек, не имеющую, на мой взгляд, ни смысла, ни значения, и заявил, что мое образование теперь ничего не значит — у меня большой перерыв в работе.

I pointed out that I had been a Sleeper.

Я сказал, что я — сонник.

"That makes it even worse. In any case, we don't hire people over forty-five."

— Тогда ваши дела еще хуже. Да и вообще мы не принимаем на работу людей старше сорока пяти лет.

"But I'm not forty-five. I'm only thirty."

— Но мне нет сорока пяти — мне всего тридцать.

"You were born in 1940. Sorry."

— Вы родились в тысяча девятьсот сороковом году. Прошу прощения.

"What am I supposed to do? Shoot myself?"

— Ну, и что же мне прикажете делать? Застрелиться?

He shrugged.

Он пожал плечами.

"If I were you, I'd apply for an old-age pension." I got out quickly before I gave him some advice. Then I walked three quarters of a mile around to the front entrance and went in. The general manager's name was Curtis; I asked for him.

— На вашем месте я бы попробовал получить пенсию по старости... Я постарался выйти быстрее, чем успею сказать ему, куда бы ему пойти с его советами. Обойдя метров восемьсот вокруг корпуса, я вошел в главный вход. Фамилия управляющего была Кертис. Я спросил, как его найти.

I got past the first two layers simply by insisting that I had business with him. Hired Girl, Inc., did not use their own automatons as receptionists; they used real flesh and blood. Eventually I reached a place several stories up and (I judged) about two doors from the boss, and here I encountered a firm pass-gauge type who insisted on knowing my business.

Первые два слоя я пробил, просто сказав с деловым видом, что у меня к нему дело. «Золушка Инк.» не пользовалась своими автоматами в качестве секретарей: их секретарши были из плоти и крови. Кое-как я пробился на несколько этажей вверх и (я так думаю) где-то за две двери до босса застрял, наткнувшись на этакую ниппель-даму, потребовавшую, чтобы я сказал ей, что у меня за дело к ее шефу.

I looked around. It was a largish office with about forty real people in it, as well as a lot of machines. She said sharply, "Well?

Я огляделся. Большая комната; человек сорок людей и еще разные машины. Она резко повторила:

State your business and I'll check with Mr. Curtis's appointment Secretary."

— Ну, сообщите мне цель вашего прихода, и я справлюсь у секретаря мистера Кертиса, ведающего приемом посетителей.

I said loudly, making sure that everybody heard it, "I want to know what he's going to do about my wife!"

Я ответил достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие: — Я хочу знать, намерен ли он оставить в покое мою жену?!

Sixty seconds later I was in his private office. He looked up.

Через сорок секунд я был в его кабинете. Он поднял глаза от бумаг.

"Well? What the devil is this nonsense?"

— Ну? Что еще за ерунда?

It took half an hour and some old records to convince him that I did not have a wife and that I actually was the founder of the firm. Then things got chummy over drinks and cigars and I met the sales manager and the chief engineer and other heads of departments.

Потребовалось полчаса времени и рытья в старых бумагах, чтобы он убедился, что я не женат и что я — основатель фирмы. С этого момента дела пошли мирно — джин, тоник, сигареты; меня представили главному инженеру, начальнику отдела сбыта, другим заведующим отделами.

"We thought you were dead," Curtis told me. "In fact, the company's official history says that you are."

— А мы думали, что вы умерли, — сказал мне Кертис. — В официальной истории нашей фирмы так и написано.

"Just a rumor. Some other D. B. Davis."

— Это все слухи. Наверное, какой-нибудь другой Д. Б. Дэвис.

The sales manager, Jack Galloway, said suddenly, "What are you doing now, Mr. Davis?"

Заведующий отделом сбыта Джек Гэллоуэй вдруг спросил: — А что вы сейчас подельваете, мистер Дэвис?

"Not much. I've, uh, been in the automobile business. But I'm resigning. Why?"

— Да ничего особенного. Работал, э-э, в автомобильной промышленности. Но собираюсь уйти оттуда. А что?

"`Why?' Isn't it obvious?" He swung around toward the chief engineer, Mr. McBee. "Hear that, Mac? All you engineers are alike; you wouldn't know a sales angle if it came up and kissed you. `Why?' Mr. Davis. Because you're sales copy, that's why~ Because you're romance. Founder of Firm Comes Back from Grave to Visit Brain Child. Inventor of the First Robot Servant Views Fruits of His Genius." I said hastily, "Now wait a minute-I'm not an advertising model nor a grabbie star. I like my privacy. I didn't come here for that; I came here for a job... in engineering."

— Что? Да разве не понятно? — он повернулся к главному инженеру, Макби. — Слышь, Мак, а? Все вы, инженеры, одинаковы: к вам, можно сказать, ангел-хранитель сбыта слетел и даже облобызал, а вам и невдомек. «А что?» А вот что, мистер Дэвис! Вы же — ходячая реклама. От вас же веет романтикой, очарованием старины. Слушайте: ОСНОВАТЕЛЬ ФИРМЫ ВОССТАЛ ИЗ МЕРТВЫХ, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ СВОЕ ДЕТИЩЕ! ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПЕРВОГО РОБОТА-СЛУГИ ВИДИТ ПЛОДЫ СВОЕГО ТАЛАНТА! Ну и так далее. Я торопливо возразил: — Минуточку, мистер Гэллоуэй. Я не рекламная модель и не кинозвезда. Шумиха эта мне ни к чему. Я сюда не за этим пришел. Я хочу работать у вас... инженером.

Mr. McBee's eyebrows went up but he said nothing.

Мистер Макби поднял брови, но промолчал.

We wrangled for a while. Galloway tiled to tell me that it was my simple duty to the firm I had founded. Mr. McBee said little, but it was obvious that he did not think I would be any addition to his department-at one point he asked me what I knew about designing solid circuits. I had to admit that my only knowledge of them was from a little reading of non-classified publications.

Мы начали пререкаться. Гэллоуэй стал говорить, что это просто мой долг перед фирмой, которую я создал. Макби больше молчал, но было ясно, что мысль о моем появлении в его отделе не вызывает у него восторга. Он даже спросил меня, что я знаю об интегральных схемах. Я честно признался, что то небольшое, что мне известно, я почерпнул из руководств, на которых отсутствовал гриф «секретно».

Curtis finally suggested a compromise.

Наконец Кертис предложил компромисс:

"See here, Mr. Davis, you obviously occupy a very special position. One might say that you founded not merely this firm but the whole industry. Nevertheless, as Mr. McBee has hinted, the industry has moved on since the year you took the Long Sleep. Suppose we put you on the staff with the title of... uh, `Research Engineer Emeritus."

— Видите ли, какая штука, мистер Дэвис: вы сейчас в очень необычном положении. Можно сказать, что вы основали не только фирму, но и всю нашу отрасль промышленности. Тем не менее, как заметил тут мистер Макби, с тех пор как вы ушли в Долгий Сон, эта отрасль несколько продвинулась вперед. Давайте мы зачислим вас в штат в качестве консультанта... и присвоим титул почетного инженера-исследователя, скажем.

I hesitated.

Я колебался.

"What would that mean?"

— А что это будет значить по сути?

"Whatever you made it mean. However, I tell you frankly that you would be expected to co-operate with Mr. Galloway. We not only make these things, we have to sell them."

— А что захотите. Однако скажу честно: мы бы хотели, чтобы вы сотрудничали с мистером Гэллоуэем. Мы ведь не только производим эту технику: нам еще надо ее продавать.

"Uh, would I have a chance to do any engineering?"

— Ну, а конструировать я при этом смогу?

"That's up to you. You'd have facilities and you could do what you wished."

— А это на ваше усмотрение. Возможность такую мы вам предоставим, а дальше делайте, что хотите.

"Shop facilities?"

— И возможность пользоваться мастерскими?

Curtis looked at McBee. The chief engineer answered, "Certainly, certainly...ithin reason, of course."

Кертис посмотрел на Макби. Главный инженер ответил: — Ну, разумеется... в пределах разумного, конечно.

He had slipped so far into Glasgow speech that I could hardly understand him.

Гэллоуэй быстро вмешался:

Galloway said briskly, "That's settled. May I be excused, B.J.? Don't go away, Mr. Davis—we're going to get a picture of you `with the very first model of Hired Girl."

— Значит, решили. Вы позволите, Би-Джей? Не уходите, пожалуйста, мистер Дэвис: я хочу, чтобы вы сфотографировались рядом с самой первой моделью «Золушки».

And he did. I was glad to see her...he very model I had put together with my own pinkies and lots of sweat. I wanted to see if she still worked, but McBee `wouldn't let me start her up—I don't think he really believed that I knew how she worked.

Затянули съемку. Я был рад увидеть ее — первую машину, которую я сам, своими руками собрал, над которой столько попотел. Я хотел попробовать, работает ли она, но Макби не дал мне включить ее. Мне показалось, что он опасался за машину: вдруг я не знаю, как с ней обращаться?..

I had a good time at Hired Girl all through March and April. I had all the professional tools I could want, technical journals, the indispensable trade catalogues, a practical library, a Drafting Dan (Hired Girl did not make a drafting machine themselves, so they used the best on the market, which was Aladdin's), and the shoptalk of professionals: music to my ears!

Весь март и апрель мне было очень недурно в «Золушке». В моем распоряжении были всевозможные инструменты, технические журналы, незаменимые коммерческие каталоги, техническая библиотека, «Чертежник Дэн» (своих чертежных автоматов «Золушка» не производила, поэтому пользовалась лучшими из имеющихся в продаже — а это была продукция «Аладдина»). А главное, в моих ушах музыкой звучали разговоры профессионалов!

I got acquainted especially with Chuck Freudenberg, components assistant chief engineer. For my money Chuck was the only real engineer there; the rest were overeducated slipstick mechanics including McBee, for the chief engineer was, I thought, a clear proof that it took more than a degree and a Scottish accent to make an engineer. After we got better acquainted Chuck admitted that he felt the same way.

Особенно близко я сошелся с Чаком Фриденбергом — заместителем главного инженера по комплектующим. По моему мнению, Чак был в этой конторе единственным инженером, стоившим своей зарплаты. Остальные были просто техники с дипломами, включая и Макби. Чтобы стать инженером, диплома и шотландского акцента маловато. Когда мы узнали друг друга получше, Чак как-то признался, что придерживается такого же мнения.

"Mac doesn't really like anything new; he would rather do things the way his grandpa did on the bonnie banks of the Clyde."

— Мак не любит новинок. Он предпочитает все делать так, как его дедушка когда-то на берегах своего разлюбезного Клайда.

"What's he doing in this job?"

— А что же он тут делает?

Freudenberg did not know the details, but it seemed that the present firm had been a manufacturing company which had simply rented the patents (my patents) from Hired Girl, Inc. Then about twenty years ago there had been one of those tax-saving mergers, with Hired Girl stock swapped for stock in the manufacturing firm and the new firm taking the name of the one that I had founded. Chuck thought that McBee had been hired at that time. "He's got a piece of it, I think."

Фриденберг не знал точно, но вроде нынешняя фирма раньше была просто производственной компанией, которая купила лицензии на патенты (мои патенты!) у «Золушки Инк.». А лет двадцать назад, чтобы сэкономить на налогах, фирмы слились, и новая фирма взяла название старой, которую основал я. Вот в это время, как полагал Чак, и наняли Макби. Ему же достался, вероятно, и хороший кусок акций.

Chuck and I used to sit over beers in the evening and discuss engineering, what the company needed, and the whichness of what. His original interest in me had been that I was a Sleeper. Too many people, I had found, had a queasy interest in Sleepers (as if we were freaks) and I avoided letting people know that I was one.

По вечерам мы с Чаком обсуждали за пивом, что надо фирме, что почем, и вообще говорили за жизнь. Вначале его интересовало мое прошлое — прошлое сонника. Я уже знал, что очень многие испытывают нездоровое любопытство, как будто сонники — уроды какие-нибудь.

But Chuck was fascinated by the time jump itself and his interest was a healthy one in what the world had been like before he was born, as recalled by a man who literally remembered it as "only yesterday."

Но Чака интересовал сам прыжок во времени — это был вполне здоровый интерес: каким был мир до его рождения, причем в восприятии человека, который помнит этот мир «как будто только вчера».

In return he was willing to criticize the new gadgets that were always boiling up in my head, and set me straight when I (as I did repeatedly) would rough out something that was old hat... in 2001 Ad). Under his friendly guidance I was becoming a modem engineer, catching up fast.

Он всегда был готов раздраконить новую машину, которую я только что выдумал, и много раз ставил меня на место, если я придумывал что-нибудь давно известное в 2001-м. Под его товарищеским руководством я быстро наверстывал знания, восполняя свои пробелы и становясь настоящим инженером.

But when I outlined to him one April evening my autosecretary idea he said slowly, "Dan, have you done work on this on company time?"

Но когда однажды, теплым апрельским вечером, я обрисовал ему свою идею автомата-секретаря, он произнес медленно: — Дэн, ты это придумал в рабочее время или как?

"Huh? No, not really. Why?"

— А? Да нет, не совсем. А что?

"How does your contract read?"

— А что у тебя за контракт?

"What? I don't have one." Curtis had put me on the payroll and Galloway had taken pictures of me and had a ghost writer asking me silly questions; that was all.

— Контракт? А у меня нет контракта. Кертис назначил мне жалование, а Гэллоуэй заставляет фотографироваться и отвечать нанятому для этого рекламному автору на дурацкие вопросы, что и как было.

"Mmm... pal, I wouldn't do anything about this until you are sure where you stand. This is really new. And I think you can make it work."

— Хм... знаешь, дружище, я бы не стал ничего предпринимать, не уточнив своей юридической позиции. Это действительно что-то новенькое. И, по-моему, у тебя эта штука будет работать.

"I hadn't worried about that angle."

"Put it away for a while. You know the shape the company is in. It's making money and we put out good products. But the only new items we've brought out in five years are ones we've acquired by license. I can't get anything new past Mac. But you can bypass Mac and take this to the big boss. So don't... unless you want to hand it over to the company just for your salary check."

— Я как-то не думал о формальностях...
— Тогда отложи это дело пока. Ты же знаешь, как у фирмы обстоят дела: товары мы делаем хорошие, денюжки идут. Но все новинки, которые мы выпустили за последние пять лет, — лицензионные. Я ничего не могу протолкнуть через голову Мака. А ты можешь обойти Мака и показать это боссу. Так вот, не делай этого. Если, конечно, не собираешься подарить это фирме просто за зарплату.

I took his advice. I continued to design but I burned any drawings I thought were good—I didn't need them once I had them in my head. I didn't feel guilty about it; they hadn't hired me as an engineer, they were paying me to be a show-window dummy for Galloway. When my advertising value was sucked dry, they would give me a month's pay and a vote of thanks and let me go.

Советом я воспользовался. Я продолжал конструировать, но сжигал все чертежи, стоившие внимания, — мне они были не нужны: все это уже было у меня в голове. Чувства вины я не испытывал: фирма не захотела нанять меня в качестве инженера. Они предпочли взять меня на роль манекена для Гэллоуэя. А когда моя рекламная ценность истощится до нуля, мне заплатят месячное жалование, скажут спасибо и выставят вон.

But by then I'd be a real engineer again and able to open my own office. If Chuck wanted to take a flyer I'd take him with me.

Но к тому времени я стану настоящим инженером и смогу открыть собственное дело. И если Чак решит уйти со мной — я возьму его в долю.

Instead of handing my story to the newspapers, Jack Galloway played it slow for the national magazines; he wanted Life to do a spread, tying it in with the one they had done a third of a century earlier on the first production model of Hired Girl. Life did not rise to the bait but he did manage to plant it several other places that spring, tying it in with display advertising. I thought of growing a beard.

Джек Гэллоуэй не продал историю обо мне газетчикам. Вместо этого он стал заигрывать с крупными журналами. Он хотел, чтобы «Лайф» сделал обо мне разворот, связав его с тем, старым, тридцатилетней давности — о первой модели «Золушки». «Лайф» на это не клюнул, но в нескольких других журналах в ту весну кое-что появилось в блоке с рекламой. Я хотел отрастить бороду, но потом решил, что меня, во-первых, никто не узнает, а во-вторых, мне наплевать, даже если и узнают.

Then I realized that no one recognized me and would not have cared if they had. I got a certain amount of crank mail, including one letter from a man who promised me that I would burn eternally in hell for defying God's plan for my life. I chucked it, while thinking that if God had really opposed what had happened to me, He should never have made cold sleep possible. Otherwise I wasn't bothered.

Иногда я получал дурацкие письма. Например, один тип написал мне, что я буду вечно гореть в адском пламени за то, что посягнул на Божественные предначертания относительно моей судьбы. Я кинул письмо в корзину и подумал, что, если бы Богу действительно было это неудобно, он бы никогда не допустил появления Холодного Сна. Во всех остальных отношениях меня не беспокоили.

But I did get a phone call, on Thursday, 3 May, 2001. "Mrs. Schultz is on the line, sir. Will you take the call?" Schultz? Damnation, I had promised Doughty the last time I had called him that I would take care of that. But I had put it off because I did not want to; I was almost sure it was one of those screwballs who pursued Sleepers and asked them personal questions.

Но третьего мая 2001 года мой телефон зазвонил. «Миссис Шульц на линии, сэр. Вы ответите?» Шульц? Вот черт: я же обещал Доути, когда звонил ему в прошлый раз, что разберусь с этим. Но так и не занялся — не хотелось. Я был уверен, что это одна из тех чудачек, что пристают к сонникам с глупыми вопросами.

But she had called several times, Doughty had told me, since I had checked out in December. In accordance with the policy of the sanctuary they had refused to give her my address, agreeing merely to pass along messages.

Но ведь Доути сказал, что она звонила несколько раз с тех пор, как я вышел из хранилища в декабре. В соответствии со своими правилами хранилище не сообщало ей моего адреса, согласившись только передать, что она звонила.

Well, I owed it to Doughty to shut her up. "Put her on."

Ну что ж, ради Доути... «Соедините, пожалуйста».

"Is this Danny Davis?" My office phone had no screen; she could not see me.

— Хэлло! Это Дэнни Дэвис? — Экрана в моем офисе не было, и она не могла меня видеть.

"Speaking. Your name is Schultz?"

— Да. Ваше имя Шульц?

"Oh, Danny darling, it's so good to hear your voice!"

— Ах, Дэнни, милый, как я рада слышать твой голос!

I didn't answer right away. She went on, "Don't you know me?"

Я не ответил. Она заговорила опять: — Ты что, не узнал меня?

I knew her, all right. It was Belle Gentry.

Узнал. Еще как узнал... Это была Белла
Джентри.

CHAPTER 7

Глава 7

•

I made a date with her.

Я согласился встретиться с нею.

My first impulse had been to tell her to go to hell and switch off.

Первым моим побуждением было послать ее ко всем чертям и повесить трубку.

I had long since realized that revenge was childish; revenge would not bring Pete back and fitting revenge would simply land me in jail. I had hardly thought about Belle and Miles since I had quit looking for them.

Но я давно понял, что мстить глупо. Пита мстью не вернешь, а если отомстить удачно, то и в тюрьму угодить недолго. Да я и не думал про Беллу с Майлсом с тех пор, как перестал их разыскивать.

But Belle almost certainly knew where Ricky was. So I made a date.

Но Белла почти наверняка знала, где Рики. Я решил встретиться с нею.

She wanted me to take her to dinner, but I would not do that I'm not fussy about fine points of etiquette. But eating is something you do only with friends; I would see her but I had no intention of eating or drinking with her. I got her address and told her I would be there that evening at eight.

Она хотела, чтобы я пригласил ее пообедать. Я решил этого не делать: я не очень внимателен к тонкостям этикета, но еду, трапезу можно делить только с друзьями. Встретиться — пожалуйста, но есть и пить с нею у меня не было никакого желания. Я спросил ее адрес и сказал, что приеду вечером.

It was a cheap rental, a walk-up fiat in a part of town (lower La Brea) not yet converted to New Plan. Before I buzzed her door I knew that she had not hung onto what she had bilked me out of, or she would not have been living there. And when I saw her I realized that revenge was much too late; she and the years had managed it for me.

Это оказалась дешевая мебелирашка в той части города, которая еще не вошла в Новый план. Квартира была на последнем этаже. Еще не дойдя до ее двери, я понял, что от моих акций проку ей было немного, иначе она бы тут не жила. Я позвонил. Когда я увидел ее лицо, то понял, что месть моя опоздала. Годы и она сама отомстили лучше, чем я сумел бы это сделать.

Belle was not less than fifty-three by the age she had claimed, and probably closer to sixty in fact. Between geriatrics and endocrinology a woman who cared to take the trouble could stay looking thirty for at least thirty extra years, and lots of them did. There were grabbie stars who boasted of being grandmothers while still playing ingenue leads.

Если даже поверить тому, что она сама когда-то говорила о своем возрасте, то ей было не меньше пятидесяти пяти. А на самом деле, пожалуй, — ближе к шестидесяти. Если женщина возьмет на себя труд побеспокоиться о себе, то, благодаря гериатрии и эндокринологии, может выглядеть на тридцать еще лет тридцать после того, как ей сравняется тридцать. Некоторые звезды нынешнего завлекаино играют роли юных девушек, хотя у них уже внуки.

Belle had not taken the trouble.

Белла об этом не позаботилась.

She was fat and shrill and kittenish. It was evident that she still considered her body her principal asset, for she was dressed in a Sticktite negligee which, while showing much too much of her, also showed that she was female, mammalian, overfed, and under exercised.

Толстая, оплывшая, с визгливым голосом и манерами котенка, она, похоже, до сих пор считала свое тело своим главным достоянием: одета она была в negligee из «стиктайт», что позволяло безошибочно определить в ней существо женского пола, принадлежащее к отряду млекопитающих, перекормленное и страдающее малоподвижностью.

She was not aware of it. That once-keen brain was fuzzy; all that was left was her conceit and her overpowering confidence in herself.

She threw herself on me with squeals of joy and came close to kissing me before I could unwind her.

Она же ничего этого, похоже, не замечала. Некогда острый ум потерял четкость восприятия; осталась только ее всепожирающая самоуверенность. С радостным воплем она кинулась мне на шею, и, наверное, поцеловала бы, не вырвись я вовремя из ее объятий.

I pushed her wrists back.

Я успел схватить ее за руки.

"Take it easy, Belle."

— Спокойнее, Белла.

"But, darling! I'm so happy-so excited-and so thrilled to see you!"

— Но, милый! Я так рада, так счастлива! Так безумно рада видеть тебя!

"I'll bet." I had gone there resolved to keep my temper just find out what I wanted to know and get out. But I was finding it difficult. "Remember how you saw me last?"

Drugged to my eyebrows so that you could stuff me into cold sleep."

— Да уж, могу себе представить.
— Я шел к ней с твердой решимостью держать себя в руках, выяснить только то, что меня интересовало, и уйти восвояси. Похоже, это будет нелегко. — А помнишь, каким ты видела меня в последний раз? По уши накачанным зомбином, чтобы ты могла засунуть меня в хранилище?

She looked puzzled and hurt.

Она удивилась и даже обиделась.

"But, sweetheart, we only did it for your own good! You were so ill." I think she believed it.

— Но, милый, это же было для твоей пользы! Ты же был так болен. — Похоже, она успела сама в это поверить.

"Okay, okay. Where's Miles? You're Mrs. Schultz now?"

— Окей, окей. А где Майлс? Ты вроде теперь миссис Шульц?

Her eyes grew wide.

Глаза у нее стали круглыми от удивления.

"Didn't you know?"

— А разве ты не знаешь?

"Know what?"

— О чем?

"Poor Miles... poor, dear Miles. He lived less than two years, Danny boy, after you left us." Her expression changed suddenly. "The frallup cheated me!"

— Бедный Майлс... ах, бедный мой Майлс. После того как ты нас покинул, Дэнни, он протянул меньше двух лет. — Лицо ее внезапно исказила гримаса злобы. — Обманул меня, гадина!

"That's too bad." I wondered how he had died. Did he fall or was he pushed? Arsenic soup?

— Ай-яй-яй... Интересно, подумал я, как он умер? Сам упал или подтолкнули? Или мышьяк в суп?

I decided to stick to the main issue before she jumped the track completely.

Я решил не отвлекаться от главного, пока у нее игла совсем с дорожки не соскочила.

"What became of Ricky?"

— А что случилось с Рики?

"Ricky'?"

— Рики?

"Miles's little girl. Frederica."

— Ну, с Фредерикой, падчерицей Майлса.

"Oh, that horrible little brat! How should I know? She went to live with her grandmother."

— А, с той паршивкой? Откуда я знаю! Она уехала к бабке жить.

"Where?
And what was her grandmother's name?"

— А куда? Как звали бабушку?

"Where? Tucson-or Yuma-or some place dull like that. It might have been Indio. Darling, I don't want to talk about that impossible child-I want to talk about us."

— Куда? В Тусон. Или в Юму?... Ну, куда-то в те края. А может, в Индио. Милый, я не хочу про нее, про эту противную девчонку. Я хочу поговорить с тобой о нас.

"In a moment. What was her grandmother's name?"

— Сейчас, минуточку. Как все-таки фамилия ее бабушки?

"Danny boy, you're being very tiresome. Why in the world should I remember something like that?"

— Ах, Дэнни, ну какой ты нудный! Ну откуда мне помнить, как звали ее бабуку?

"What was it?"

— Как ее фамилия?!

"Oh, Hanolon ... or Haney... Heinz. Or it might have been Hinckley. Don't be dull, dear. Let's have a drink. Let's drink a toast to our happy reunion."

— Ну, Хенлон. Хейни. Нет, Хейнц. А может, Хинкли?... Ой, да ладно тебе, милый. Давай выпьем. Выпьем за наше счастливое воссоединение.

I shook my head.

Я покачал головой.

"I don't use the stuff."

— Не употребляю.

This was almost true.

Having discovered that it was an unreliable friend in a crisis, I usually limited myself to a beer with Chuck Freudenberg.

И это было почти правда. Обнаружив, что спиртное — ненадежный друг в тяжелую минуту, я теперь ограничивался пивом в компании Чака Фриденберга.

"How very dull, dearest. You won't mind if I have one."

— Ой, как это скучно, милый! Ну, ты не против, если я немного приму?

She was already pouring it-straight gin, the lonely girl's friend. But before she downed it she picked up a plastic pill bottle and rolled two capsules into her palm.

Она уже наливала себе. Чистый джин, заметил я, усада одинокой девицы. Но прежде чем выпить, она взяла пластиковый флакончик и вытряхнула на ладонь пару таблеток.

"Have one?"

— Будешь?

I recognized the striped casing-euphorion. It was supposed to be non-toxic and non-habit-forming, but opinions differed. There was agitation to class it with morphine and the barbiturates.

Я узнал полосатые таблетки: эйфорин. Говорили, что он нетоксичен и не вызывает привыкания, но мнения были разные. Кое-кто считал, что его надо зачислить в одну группу с морфием и барбитуратами.

"Thanks. I'm happy now."

— Спасибо. Я и так счастлив.

"How nice."

— Ну, прекрасно.

She took both of them, chased them with gin.

Она кинула в рот обе, запиладжином.

I decided if I was to learn anything at all I had better talk fast; soon she would be nothing but giggles.

Стало ясно, что если я хочу что-нибудь выяснить, то надо поторапливаться. Скоро от нее уже ничего не добьешься, кроме смешочков и хихиканья.

I took her arm and sat her down on her couch, then sat down across from her.

Я взял ее под руку и усадил на кушетку. Потом сел напротив.

"Belle, tell me about yourself.

Bring me up to date. How did you and Miles make out with the Mannix people?"

— Белла, расскажи мне о себе. Ну, чтобы я был в курсе. Как вы с Майлсом торговались с «Манникс»?

"Uh? But we didn't." She suddenly flared up. "That was your fault!"

— А? Да никак! — Она вдруг обозлилась. — Это все ты виноват!

"Huh? My fault? I wasn't even there."

— Как я? Меня же там не было!

"Of course it was your fault. That monstrous thing you built out of an old wheel chair... that was what they wanted. And then it was gone."

— Конечно, ты. Им же нужна была та штука... то чудовище на колесиках, что ты слепил из инвалидного кресла. А оно пропало.

"Gone? Where was it?"

— Пропало? А где оно стояло?

She peered at me with piggy, suspicious eyes.

Она недоверчиво впирила в меня свои порсячьи глазки.

"You ought to know. You took it."

— Тебе лучше знать. Ты же его спер.

"Me? Belle, are you crazy? I couldn't take anything. I was frozen stiff, in cold sleep. Where was it? And when did it disappear?"

— Я? Ты что, Белла, с ума сошла? Что я мог взять? Я же лежал в Холодном Сне, как сурок в спячке. Где та машина стояла? И когда она пропала?

It fitted in with my own notions that somebody must have swiped Flexible Frank, if Belle and Miles had not made use of him. But out of all the billions on the globe, I was the one who certainly had not. I had not seen Frank since that disastrous night when they had outvoted me.

По моим понятиям, кто-то и вправду увел «Салли», раз Белла с Майлсом не смогли ею воспользоваться. Но из миллионов людей на всем земном шаре я был самым распоследним, кто мог это сделать. С того страшного вечера, когда они подловили меня на голосовании, я больше «Салли» не видел.

"Tell me about it, Belle. Where was it? And what made you think I took it?"

— Расскажи-ка, Белла: где все-таки она стояла? И почему ты решила, что это я ее стащил?

"It bad to be you. Nobody else knew it was important. That pile of junk! I told Miles not to put it in the garage."

— А кто же, кроме тебя?! Больше никто и не знал, что это за вещь. Так, куча железок! Говорила я Майлсу: не ставь ее в гараж!

"But if somebody did swipe it, I doubt if they could make it work. You still had all the notes and instructions and drawings."

— Но если ее кто-то украл, то я сомневаюсь, что этот «кто-то» смог бы заставить ее работать. Ведь вся документация, все инструкции-то остались у вас.

"No, we didn't either. Miles, the fool, had stuffed them all inside it the night we had to move it to protect it."

— Да нет же! Майлс, дубина, сунул их в машину, когда мы решили перепрятать ее, чтобы ты ее не украл.

I did not fuss about the word "protect." Instead I was about to say that he couldn't possibly have stuffed several pounds of paper into Flexible Frank, he was already stuffed like a goose when I remembered that I had built a temporary shelf across the bottom of his wheel-chair base to hold tools while I worked on him. A man in a hurry might very well have emptied my working files into that space.

«Украл» я пропустил мимо ушей и собрался возразить, что Майлс никак не мог затолкать пять фунтов бумаг в «Салли»: она и без того была плотно нашпигована, словно рождественский гусь. Но тут я вспомнил, что приделал полку-временку в нижней части колесного шасси — складывать инструменты во время работы. Впопыхах Майлс мог сунуть мои бумаги туда.

No matter. The crime, or crimes, had been committed thirty years ago. I wanted to find out how Hired Girl, Inc., had slipped away from them.

А, не имеет значения. Все эти преступления совершены тридцать лет назад. Я захотел узнать, как у них из рук выскользнула «Золушка Инк.».

"After the Mannix deal fell through what did you do with the company?"

— А когда сделка с «Манникс» не выгорела, что вы стали делать?

"We ran it, of course. Then when Jake quit us Miles said we had to shut down. Miles was a weakling... and I never liked that Jake Schmidt. Sneaky. Always asking why you had quit. as if we could have stopped you! I wanted us to hire a good foreman and keep going. The company would have been worth more. But Miles insisted." "What happened then?"

— Да ничего. Потом ушел Джейк, и Майлс сказал, что придется закрываться. Слабак он был... А Джейк Шмидт мне всегда не нравился. Все вынюхивал... Все спрашивал: почему это ты ушел? Как будто мы могли тебя не пустить! Я-то хотела, чтобы мы наняли хорошего мастера и работали дальше. Фирма стоила дороже. Но Майлс так настаивал... — Ну, и что дальше?

"Why, then we licensed to Geary Manufacturing, of course. You know that; you're working there now."

— Так мы же продали лицензии фирме «Джири мэньюфекчуринг». Разве ты не знаешь? Ты же у них работаешь!

I did know that; the full corporate name of Hired Girl was now "Hired Girl Appliances and Geary Manufacturing, Inc." although the signs read simply "Hired Girl." I seemed to have found out all I needed to know that this flabby old wreck could tell me.

Действительно, полное название нынешней «Золушки Инк.» звучало теперь так: «Бытовые устройства "Золушка" и производственные мастерские "Джири", Инк.», хотя товарный знак по-прежнему был просто «Золушка». Похоже, я выяснил все, что эта дряхлая развалина могла мне сообщить.

But I was curious on another point.

Но мне было интересно другое.

"You two sold your stock after you licensed to Geary?"

— А после того как вы продали лицензии «Джири», вы продали свои акции?

"Huh? Whatever put that silly notion in your head?" Her expression broke and she began to blubber, pawing feebly for a handkerchief, then giving up and letting the tears go. "He cheated me! He cheated me! The dirty shiker cheated me...he kinked me out of it." She snuffled and added meditatively, "You all cheated me... and you were the worst of the lot, Danny boy. After I had been so good to you." She started to bawl again.

I decided that euphorion wasn't worth whatever it cost-or maybe she enjoyed crying.

"How did he cheat you, Belle?"

"What? Why, you know. He left it all to that dirty brat of his after all that he had promised me... after I nursed him when he hurt so. And she wasn't even his own daughter. That proves it."

It was the first good news I had had all evening. Apparently Ricky had received one good break, even if they had grabbed my stock away from her earlier. So I got back to the main point "Belle, what was Ricky's grandmother's name? And where did they live?"

"Where did who live?"

"Rickey's grandmother."

"Who's Ricky?"

"Miles's daughter. Try to think, Belle. It's important."

That set her off. She pointed a finger at me and shrilled, "I know you."

You were in love with her, that's what. That dirty little sneak... her and that horrible cat."

I felt a burst of anger at the mention of Pete. But I tried to suppress it. I simply grabbed her shoulders and shook her a little.

— А? Кто это тебе такую глупость сказал? —

Новая смена выражения лица, и вот она уже всхлипывает, роется в сумочке в поисках платка, потом бросает это занятие, и слезы текут по ее щекам. — Он обманул меня! Пьянь несчастная... Обманул меня!.. Кинул... — Она шмыгнула носом и добавила задумчиво: — Вы все меня надули. А ты, Дэнни, — сильнее всех. Я так к тебе относилась, а ты... — Она опять начала хлюпать носом.

Я решил, что эйфорин не стоит таких денег. Или, может, она счастлива, когда плачет?

— А как он тебя обманул, Белла?

— Как, как... Уж ты-то должен знать. Он ведь все оставил этой своей девчонке... а ведь обещал мне!.. я же его прямо нянчила, когда он болел... А она ему даже и не дочка вовсе. Вот.

Это была первая приятная новость, которую я услышал за весь вечер. Видно, Рики все-таки хоть в чем-то повезло, даже если они и выманили у нее до этого мой сертификат. Я опять вернулся к главному: — Белла, а как фамилия бабушки Рики? И где они жили?

— Кто?

— Бабушка Рики.

— Рики? А кто это — Рики?

— Дочка Майлса. Подумай, Белла. Это важно.

Тут она взвилась. Она замахала руками, визжа:

— Все, я поняла: ты ее любил, вот что. Эту пронырливую дрянью... ее и ее паршивого кота.

При упоминании о Пите я почувствовал прилив злобы. Но я попытался подавить ее. Я просто сгреб Беллу за плечи и чуток тряхнул.

"Brace up, Belle. I want to know just one thing. Where did they live? How did Miles address letters when he wrote to them?"

— Соберись, Белла. Я хочу знать только одно: где они жили? Куда Майлс посылал письма, когда писал им?

She kicked at me, "I won't even talk to you!"

Она попыталась лягнуть меня.

You've been perfectly stinking ever since you got here." Then she appeared to sober almost instantly and said quietly, "I don't know. The grandmother's name was Haneker, or something like that. I only saw her once, in court, when they came to see about the will."

— Я с тобой не разговариваю, вонючка противная! — Потом она как-то внезапно почти протрезвела и тихо сказала: — Не помню. Фамилия бабки была что-то вроде Ханнекер, как-то так... Я ее и видела-то всего один раз — в суде, когда прочли завешание.

"When was that?"

— Когда это было?

"Right after Miles died, of course."

— А как Майлс умер, так вскоре.

"When did Miles die, Belle?"

— А когда он умер, Белла?

She switched again.

Она опять завелась.

"You want to know too much. You're as bad as the sheriffs... questions, questions, questions!" Then she looked up and said pleadingly, "Let's forget everything and just be ourselves. There's just you and me now, dear... and we still have our lives ahead of us. A woman isn't old at thirty-nine: Schultzie said I was the youngest thing he ever saw-and that old goat had seen plenty, let me tell you! We could be so happy, dear. We—" I had had all I could stand, even to play detective.

— Больно много ты хочешь знать. Чего ты все выпрашиваешь — прямо шериф какой-то! — Потом она взглянула на меня примирительно и сказала: — Давай забудем все. Здесь только ты и я, дорогой... а у нас еще вся жизнь впереди. Я же еще не старуха, мне всего тридцать девять... Мой Шульц говорил, что я такая молоденькая — моложе он и не видывал. А уж этот старый козел такого насмотрелся, я тебе скажу... Мы были бы так счастливы, милый. Мы... Все, что я мог вынести, я уже получил. Даже игру в детектива.

"I've got to go, Belle."

— Мне пора, Белла.

"What, dear? Why, it's early... and we've got all night ahead of us. I thought-" "I don't care what you thought. I've got to leave fight now."

— Как, милый? Еще так рано... у нас еще вся ночь впереди. Я думала... — Да плевать мне, что ты думала. Я пошел.

"Oh dear! Such a pity. When will I see you again? Tomorrow? I'm terribly busy but I'll break my engagements and-" "I won't be seeing you again, Belle." I left.

— Ах, милый! Как жалко. А когда мы увидимся? Завтра? Я ужасно занята завтра, но я все отменю и... — Мы больше не увидимся, Белла. — Я вышел.

I never did see her again.

Больше я ее не видел.

As soon as I was home I took a hot bath, scrubbing hard. Then I sat down and tried to add up what I had found out, if anything. Belle seemed to think that Ricky's grandmother's name began with an "H"-if Belle's maanderings meant anything at all, a matter highly doubtful-and that they had lived in one of the desert towns in Arizona, or possibly California. Well, perhaps professional skip-tracers could make something of that.

Or maybe not. In any case it would be tedious and expensive; I'd have to wait until I could afford it.

Did I know anything else that signified?

Miles had died (so Belle said) around 1972. If he had died in this county I ought to be able to find the date in a couple of hours of searching, and after that I ought to be able to track down the hearing on his will... if there had been one, as Belle had implied. Through that I might be able to find out where Ricky had lived then. If courts kept such records. (I didn't know.) If I had gained anything by cutting the lapse down to twenty-eight years and locating the town she had lived in that long ago.

If there was any point in looking for a woman now forty-one and almost certainly married and with a family. The jumbled ruin that had once been Belle Darkin had shaken me; I was beginning to realize what thirty years could mean.

Not that I feared that Ricky grown up would be anything but gracious and good but would he even remember me? Oh, I did not think she would have forgotten me entirely, but wasn't it likely that I would be just a faceless person, the man she had sometimes called "Uncle Danny" and who had that nice cat?

Wasn't I, in my own way, living in a fantasy of the past quite as much as Belle was? Oh well, it couldn't hurt to try again to find her. At the least, we could exchange Christmas cards each year. Her husband could not very well object to that.

Придя домой, я сразу же влез в ванну и хорошенько вымылся с мочалкой. Потом присел и попытался оценить свой улов. Судя по всему, фамилия бабушки начиналась с буквы Х — если памяти Беллы можно доверять в этом вопросе, — и жили они где-то либо в Аризоне, либо в Калифорнии. Есть какое-то агентство, специализирующееся на розыске сбежавших супругов.

Может, профессионалы сумеют что-то извлечь из такой информации?

А может, и нет. В любом случае это будет долго и дорого. Я не могу ждать, пока это станет мне по карману.

Известно ли мне что-нибудь еще, за что можно зацепиться?

Майлс, по словам Беллы, умер где-то в семьдесят втором. Если он умер здесь, в США, то я сумею уточнить дату смерти, потратив на поиски пару часов, после чего смогу найти и сведения о слушании его завещания в суде, если таковое было. Благодаря этим сведениям я выясню, где жила Рики в то время. Если в судах хранятся такие сведения (я не был в этом уверен). Вот только много ли будет проку в том, что я найду городишко, где она жила двадцать восемь лет назад?..

И вообще, есть ли смысл искать сорокалетнюю женщину, которая наверняка замужем и имеет семью... Увидев развалину, которая когда-то была Беллой Даркин, я был потрясен. Я начал понимать, что такое тридцать лет. Конечно, Рики и взрослая все равно такая же хорошая и добрая... вот только помнит ли она еще меня? Я, конечно, не думаю, что она забыла меня совершенно. Просто я давно стал для нее безликой фигурой, человеком, которого она когда-то звала «дядя Дэнни» и у которого был такой славный котик... А не живу ли и я, подобно Белле, фантазиями и воспоминаниями о прошлом? А, ладно, ничего страшного не случится — можно попробовать поискать ее еще разок. Ну, будем посылать друг другу к Рождеству поздравительные открытки. Вряд ли ее муж будет сильно возражать против этого.

CHAPTER 8

Глава 8

•

The next morning was Friday, the fourth of May. Instead of going into the office I went down to the county Hall of Records. They were moving everything and told me to come back next month, so I went to the office of the Times and got a crick in my neck from a microscanner. But I did find out that if Miles had died any date between twelve and thirty-six months after I had been tucked in the freezer, he had not done so in Los Angeles County-if the death notices were correct.

Of course there was no law requiring him to die in L.A. County. You can die anyplace. They've never managed to regulate that.

Perhaps Sacramento had consolidated state records. I decided I would have to check someday, thanked the Times librarian, went out to lunch, and eventually got back to Hired Girl, Inc.

There were two phone calls and a note waiting, all from Belle. I got as far in the note as "Dearest Dan," tore it up and told the desk not to accept any calls for me from Mrs. Schultz. Then I went over to the accounting office and asked the chief accountant if there was any way to check up on past ownership of a retired stock issue. He said he would try and I gave him the numbers, from memory, of the original Hired Girl stock I had once held. It took no feat of memory; we had issued exactly one thousand shares to start with and I had held the first five hundred and ten, and Belle's "engagement present" had come off the front end.

I went back to my cubbyhole and found McBee waiting for me.

На другой день — в пятницу, четвертого мая, — вместо конторы я поехал в центральный архив графства. У них был ремонт, и мне велели приехать через месяц. Тогда я поехал в редакцию «Таймс» и просидел над микросканнером, читая микрофильмы, пока у меня в шею не вступило. Но мне удалось выяснить, что если Майлс умер в семьдесят втором или семьдесят третьем, то наверняка сделал это не в графстве Лос-Анджелес, если, конечно, объявления о смерти точны.

Разумеется, нет такого закона, чтобы обязательно помирать в Лос-Анджелесе. Майлс мог умереть где ему заблагорассудилось. Этот процесс властям пока упорядочить не удалось.

Возможно, в Сакраменто есть сводный архив штата. Я решил, что придется и туда съездить, поблагодарил библиотечаршу редакции, поехал пообедать, а потом все-таки отправился на работу.

Там меня ждали записка и два телефонных звонка — все от Беллы. Я прочитал только слова «Дорогой Дэн», порвал записку, позвонил телефонисткам и велел не соединять меня с миссис Шульц. Потом пошел в бухгалтерию и спросил начальника отдела, нельзя ли узнать, кто владел старыми, погашенными акциями компании. Он сказал, что попытается выяснить, и я продиктовал ему наизусть номера акций той, первой «Золушки Инк.», которые когда-то мне принадлежали. Мне не пришлось сильно напрягать память: для начала мы выпустили ровно тысячу акций, я взял первых пятьсот десять, а Белле достались в качестве «обручального подарка» самые начальные номера.

Я вернулся к себе в конуру и обнаружил, что меня ждет Макби.

"Where have you been?" he wanted to know.

— Где вы были? — поинтересовался он.

"Out and around. Why?"

— Да так, ходил тут по делу. А что?

"That's hardly a sufficient answer. Mr. Galloway was in twice today looking for you. I was forced to tell him I did not know where you were."

— Вряд ли такой ответ можно считать удовлетворительным. Мистер Гэллоуэй уже дважды приходил, разыскивая вас. Мне пришлось сказать ему, что я не знаю, где вы шатаетесь.

"Oh, for Pete's sake!

If Galloway wants me he'll find me eventually. If he spent half the time peddling the merchandise on its merits that he does trying to think up cute new angles, the firm would be better off."

— О господи! Да если я нужен Гэллоуэю, он меня все равно разыщет. Если бы он так старался рекламировать нашу продукцию за ее достоинства, как он ищет разные «интересные рекламные аспекты», то фирме было бы больше проку.

Galloway was beginning to annoy me. He was supposed to be in charge of selling, but it seemed to me that he concentrated on kibitzing the advertising agency that handled our account. But I'm prejudiced; engineering is the only part that interests me. All the rest strikes me as paper shuffling, mere overhead.

Гэллоуэй начинал меня раздражать. Он числился ответственным за сбыт, но мне кажется, что свои основные усилия он сосредоточил на том, что морочил голову нашему рекламному агентству. Но я, наверное, необъективен: мне ведь только бы конструировать. Все остальные, кроме конструкторов, по-моему, просто перекладывают бумажки с места на место.

I knew what Galloway wanted me for and, to tell the truth, I had been dragging my feet, he wanted to dress me up in 1900 costumes and take pictures. I had told him that he could take all the pix he wanted of me in 1970 costumes, but that 1900 was twelve years before my father was born. He said nobody would know the difference, so I told him what the fortuneteller told the cop. He said I didn't have the right attitude.

Честно говоря, я знал, зачем я нужен Гэллоуэю, и нарочно шел помедленнее. Он хотел устроить фотосъемку, нарядив меня в одежду 1900 года. Я ему говорил, что в костюмах 1970 года — пожалуйста, сколько угодно, пока пленка не кончится, но 1900 год — это за двенадцать лет до того, как родился мой отец. Он сказал, что никто даже не заметит разницы, а я ответил ему, что яйца курицу не учат. Тогда он заявил, что у меня неправильное отношение к делу.

These people who deal in fancification to fool the public think nobody can read and write but themselves.

Эти генераторы иллюзий, дурачащие публику, полагают, что люди сами не умеют ни читать, ни писать.

McBee said, "You don't have the right attitude, Mr. Davis."

Макби сказал: — Вы неправильно относитесь к работе, мистер Дэвис.

"So? I'm sorry."

— Да? Весьма сожалею.

"You're in an odd position. You are charged to my department, but I'm supposed to make you available to advertising and sales when they need you. From here on I think you had better use the time clock like everyone else... and you had better check with me whenever you leave the office during working hours. Please see to it."

— Вы в необычном положении. Числитесь по моему отделу, но я должен отдавать вас в распоряжение отдела сбыта и рекламы, когда им надо. Мне кажется, что с нынешнего дня вам следует отмечаться на проходной, как и всем остальным. А когда уходите из конторы в рабочее время, предупреждайте меня. Не забудьте.

I counted to ten slowly, using binary notation, "Mac, do you use the time clock?"

Я медленно, пользуясь двоичной записью, сосчитал в уме до десяти. — Мак, а вы отмечаетесь на проходной?

"Eh? Of course not. I'm the chief engineer."

— Что? Нет, конечно. Я главный инженер.

"So you are. It says so right over on that door. But see here, Mac, I was chief engineer of this bolt bin before you started to shave. Do you really think that I am going to knuckle under to a time clock?"

— Разумеется. У вас и на двери кабинета так написано. Но вот какая штука, Мак: я был главным инженером этого ящика с винтиками, когда вы еще не брились. Вы что, всерьез полагаете, что я буду пробивать время в карточке на проходной?

He turned red.

Он побагровел.

"Possibly not. But I can tell you this: if you don't, you won't draw your check."

— Может, и нет. Но я вас предупреждаю: не будете — не получите зарплату.

"So? You didn't hire me; you can't fire me."

— Да ну? Нанимали меня не вы, и не вам меня увольнять.

"Mmm... we'll see. I can at least transfer you out of my department and over to advertising where you belong. If you belong anywhere." He glanced at my drafting machine. "You certainly aren't producing anything here. I don't fancy having that expensive machine fled up any longer." He nodded briskly. "Good day."

— Ммм... посмотрим. Но уже перевести вас из своего отдела в рекламный я, по крайней мере, сумею — ваше место там. Если, конечно, ваше место вообще на нашей фабрике. — Он взглянул на мою чертежную машину. — Здесь от вас толку никакого. Я не желаю, чтобы дорогая машина простаивала и дальше. — Он слегка поклонился. — Всего наилучшего.

I followed him out. An Office Boy rolled in and placed a large envelope in my basket, but I did not wait to see what it was; I went down to the staff coffee bar and fumed.

Like a lot of other triple-ought-gauge minds, Mac thought creative work could be done by the numbers. No wonder the old firm hadn't produced anything new for years.

Я проводил его до двери. Робот-рассыльный привез пакет и кинул его в корзинку у моей двери, но я на него даже не взглянул. Я пошел в наш кафетерий и уселся там, выпуская пар. Будучи человеком примитивно-прямолинейным, Мак полагал, что открытия делаются числом, а не талантом. Ничего удивительного, что фирма не выдала ни одной новой разработки за многие годы.

Well, to hell with him. I hadn't planned to stick around much longer anyway.

Ну и черт с ними: я и так не собирался торчать тут всю жизнь.

An hour or so later I wandered back up and found an interoffice mail envelope in my basket, I opened it, thinking that Mac had decided to throw the switch on me at once.

Через час я вернулся в свой кабинет и обнаружил в корзинке для почты конверт с фирменной символикой. Я решил, что Мак уже прислал мне извещение об увольнении, не затягивая дело.

But it was from accounting; it read:

Но письмо оказалось из бухгалтерии. Оно гласило:

Dear Mr. Davis:

Уважаемый мистер Дэвис!

Re: the stock you inquired about.

Касательно акций, которыми Вы интересовались, могу сообщить следующее:

Dividends on the larger block were paid from first quarter 1971 to second quarter 1980 on the original shares, to a trust held in favor of a party named Heinicke. Our reorganization took place in 1980 and the abstract at hand is somewhat obscure, but it appears that the equivalent shares (after reorganization) were sold to Cosmopolitan Insurance Group, which still holds them.

Дивиденды по большому блоку выплачивались с первого квартала 1971 по второй квартал 1980 года по первоначально выпущенным акциям и переводились на счет траст-фонда на имя некоего Хайнике. В 1980 году произошла наша реорганизация, и дальнейшая имеющаяся информация довольно туманна, но, насколько можно судить, вновь изданные эквивалентные акции были проданы фирме «Космополитан иншуранс груп», которая владеет ими и сейчас.

Regarding the smaller block of stock, it was held (as you suggested) by Belle D. Gentry until 1972, when it was assigned to Sierra Acceptances Corporation, who broke it up and sold it piecemeal "over the counter." The exact subsequent history of each share and its equivalent after reorganization could be traced if needed, but more time would be required.

Меньший блок акций, как Вы и полагали, принадлежал Белле Д. Джентри до 1972 года, а затем был передан во владение «Сьерра аксептанс корпорейшн», которая распродала их в розницу. Дальнейшую историю каждой акции можно уточнить, если желаете, однако это потребует времени.

If this department can be of any further assistance to you, please feel free to call on us.

Если наш отдел может еще в чем-либо оказать Вам помощь — мы к Вашим услугам.

Y. E. Reuther, Ch. A ccl.

И. Е. Рейзер, гл. бухг.

I called Reuther and thanked him and told him that I had all I wanted. I knew now that my assignment to Ricky had never been effective. Since the transfer of my stock that did show in the record was clearly fraudulent, the deal whiffed of Belle; this third party could have been either another of her stooges or possibly a fictitious person-she was probably already planning on swindling Miles by then.

Я позвонил Рейзеру, поблагодарил его и сказал, что получил всю информацию, которую хотел. Я узнал, что Рики так и не получила моих акций. Поскольку переуступка моих акций, отраженная в архиве фирмы, была явной подделкой, дело пахло Беллой. Этот Хайнике мог быть либо ее подставным лицом, либо вообще фигурой вымышленной. Наверное, она уже пораскинула к тому времени мозгами, как надуть Майлса.

Apparently she had been short of cash after Miles's death and had sold off the smaller block. But I did not care what had happened to any of the stock once it passed out of Belle's control. I had forgotten to ask Reuther to trace Miles's stock... that might give a lead to Ricky even though she no longer held it. But it was late Friday already; I'd ask him Monday.

Right now I wanted to open the large envelope still waiting for me, for I had spotted the return address.

I had written to the patent office early in March about the original patents on both Eager Beaver and Drafting Dan. My conviction that the original Eager Beaver was just another name for Flexible Frank had been somewhat shaken by my first upsetting experience with Drafting Dan; I had considered the possibility that the same unknown genius who had conceived Dan so nearly as I had imagined him might also have developed a parallel equivalent of Flexible Frank. The theory was bulwarked by the fact that both patents had been taken out the same year and both patents were held (or had been held until they expired) by the same company, Aladdin.

But I had to know. And if this inventor was still alive I wanted to meet him. He could teach me a thing or four.

I had written first to the patent office, only to get a form letter back that all records of expired patents were now kept in the National Archives in Carlsbad Caverns. So I wrote the Archives and got another form letter with a schedule of fees. So I wrote a third time, sending a postal order (no personal checks, please) for prints of the whole works on both patents—descriptions, claims, drawings, histories.

This fat envelope looked like my answer.

Очевидно, после смерти Майлса у нее было туго с наличными, и она продала меньший блок. Что случилось с этими акциями потом, мне уже было совершенно не интересно. Я забыл попросить Рейзера проследить и судьбу акций Майлса: это тоже могло быть ниточкой к Рики, даже если потом она и упустила эти акции. Но был уже вечер пятницы. Спрошу в понедельник, решил я. Сейчас мне не терпелось вскрыть ожидавший меня большой пакет — я увидел обратный адрес.

Еще в начале марта я написал в патентное управление насчет первых патентов на «Трудягу Тедди» и на «Чертежника Дэна». Мое убеждение, что «Трудяга Тедди» — просто псевдоним «Универсальной Салли», было несколько поколеблено после моей встречи с «Чертежником Дэном»: я уж начал подумывать, что если какой-то безвестный гений сумел придумать «Дэна» так близко к моим замыслам, то, наверное, он мог создать и столь же близкое подобие «Универсальной Салли». Моя теория подкреплялась тем, что оба патента были выданы в один год и оба принадлежали (по крайней мере до тех пор, пока их действие не истекло) одной компании — «Аладдину».

Но мне хотелось знать наверняка. И если изобретатель еще жив, то я хотел бы с ним встретиться: у этого парня наверняка есть чему поучиться.

Сначала я написал в патентное управление и получил от них только извещение, что вся информация о патентах, утративших силу ввиду истечения срока действия, хранится в национальном архиве в Карлсбадских пещерах. Я написал в архив и получил... бланк заказа и преискурант. Пришлось писать в третий раз. Я отправил почтовый перевод и заказ на ксерокопии полных текстов обоих патентов — описания, формулы изобретений, чертежи.

Похоже, что в толстом пакете — ответ на мои вопросы.

The one on top was 4,307,909, the basic for Eager Beaver. I turned to the drawings, ignoring for the moment both description and claims. Claims aren't important anyway except in court; the basic notion in writing up claims on an application for patent is to claim the whole wide world in the broadest possible terms, then let the patent examiners chew you down-this is why patent attorneys are born.

The descriptions, on the other hand, have to be factual, but I can read drawings faster than I can read descriptions.

I had to admit that it did not look too much like Flexible Frank.

It was better than Flexible Frank; it could do more and some of the linkages were simpler. The basic notion was the same-but that had to be true, as a machine controlled by Thorsen tubes and ancestral to Eager Beaver had to be based on the same principles I had used in Flexible Frank.

I could almost see myself developing just such a device sort of a second-stage model of Frank, I had once had something of the sort in mind-Frank without Frank's household limitations.

I finally got around to looking up the inventor's name on the claims and description sheets.

I recognized it all right. It was D. B. Davis.

I looked at it while whistling "Time on My Hands" slowly and off key. So Belle had lied again.

I wondered if there was any truth at all in that spate of drivel she had fed me.

Of course Belle was a pathological liar, but I had read somewhere that pathological liars usually have a pattern, starting from the truth and embellishing it, rather than indulging in complete fancy. Quite evidently my model of Frank had never been "stolen" but had been turned over to some other engineer to smooth up, then the application had been made in my name.

Первым шел № 4 307 909 — патент на «Трудягу Тедди». Пропустив описание и формулу изобретения, я полез в чертежи. Формула вообще не имеет никакого значения нигде, кроме патентного суда: формулу пишут, включая в состав изобретения весь белый свет, а там уж дело экспертов-патентоведов обкусывать края, оставляя суть. Вот откуда и берутся патентные поверенные. А вот описание должно быть реалистическим. Но чертежи я умею читать быстрее, чем описания.

Мне пришлось признать, что «Тедди» отличается от «Салли». Он был лучше «Салли»: он умел делать больше, а некоторые узлы оказались проще. Основной принцип конструкции был тот же, но это естественно: любое устройство, созданное на ячейках Торсена и раньше «Салли», но с той же целью, должно было базироваться на тех же принципах, что я заложил в свою «Салли».

Я представил, что это я создаю такую машину... как будто это улучшенная модель «Салли». Мне ведь как-то приходила в голову такая мысль — создать «Салли» без этих бытовых ограничений, свойственных ей изначально.

Наконец я добрался до последней страницы и нашел имя изобретателя.

Я сразу узнал его: это был Д. Б. Дэвис.

Медленно и фальшиво насвистывая «Сейнт-Луи Блюз», я тупо глядел на свою фамилию на последней странице патента. Значит, Белла опять солгала.

Интересно, подумал я, сказала ли она мне за всю нашу недолгую историю хоть слово правды?

Конечно, Белла была патологической лгуньей, но я читал, что у патологических лгунов обычно есть какой-то стереотип: они начинают, отталкиваясь от правды, но затем приукрашивают ее, а не выдумывают что-то от начала до конца. Значит, мою модель «Салли» не украли, а отдали другому инженеру, который «пригладил» конструкцию, а потом подали заявку на изобретение на мое имя.

But the Mannix deal had never gone through; that one fact was certain, since I knew it from company records. But Belle had said that their failure to produce Flexible Frank as contracted had soured the Mannix deal.

Had Miles grabbed Frank for himself, letting Belle think that it had been stolen? Or restolen, rather. In that case... I dropped guessing at it, as hopeless, more hopeless than the search for Ricky. I might have to take a job with Aladdin before I would be able to ferret out where they had gotten the basic patent and who had benefited by the deal. It probably was not worth it, since the patent was expired, Miles was dead, and Belle, if she had gained a dime out of it, had long since thrown it away. I had satisfied myself on the one point important to me, the thing I had set out to prove; i.e., that I myself was the original inventor. My professional pride was salvaged and who cares about money when three meals a day are taken care of? Not me.

So I turned to 4,307,910, the first Drafting Dan. The drawings were a delight. I couldn't have planned it better myself; this boy really had it. I admired the economy of the linkages and the clever way the circuits had been used to reduce the moving parts to a minimum. Moving parts are like the vermiform appendix; a source of trouble to be done away with whenever possible.

He had even used an electric typewriter for his keyboard chassis, giving credit on the drawing to an IBM patent series. That was smart, that was engineering: never reinvent something that you can buy down the street.

I had to know who this brainy boy was, so I turned to the papers.

It was D. B. Davis.

After quite a long time I phoned Dr. Albrecht. They rounded him up and I told him who I was, since my office phone had no visual.

"I recognized your voice," he answered. "Hi, there, son. How are you getting along with your new job?"

Но ведь сделка с «Манникс» не прошла. В этом я был уверен, так как знал это из архивов фирмы. Да, но Белла сказала, что они не смогли выпускать «Салли», как собирались, и сделка расстроилась из-за этого.

Может, Майлс припрятал «Салли» для себя, а Белле сказал, что ее украли? (То есть не украли, а... «переукрали»?) Но тогда... Я плюнул и перестал гадать. Это было явно безнадежное дело; еще более безнадежное, чем поиски Рики. Да я быстрее смогу устроиться в «Аладдин» на работу, чем разберусь, как к ним попали исходные патенты и кому от этого какая выгода. Дело это явно нестоящее: сроки действия патентов истекли, Майлс умер, а Белла, если и погрела на этом руки, выручив доллар-другой, то давно уже просадила их. Я удовлетворился единственным важным для себя обстоятельством, которое и требовалось доказать: изобретателем оказался я сам. Моей профессиональной гордости это льстило, а деньги — да кто о них беспокоится, если три раза в день на еду хватает?

Так что я перешел к второму патенту — № 4 307 910, на первого «Чертежника Дэна». Чертежи были — загляденье. Я и сам бы их не сумел сделать лучше. Ей-богу, тот парень оказался молодцом. Я поразился, увидев, как экономно были сделаны связи, и как число цепей осталось прежним, а вот количество движущихся частей сведено к минимуму.

Он даже применил клавиатуру от электрической пишущей машинки, а в чертежах указал ссылки на соответствующие патенты Ай-Би-Эм. Вот это умно. Это — класс: никогда не изобретай то, что можно купить на каждом углу.

Мне стало интересно, кто этот башковитый мальчик, и я заглянул на последнюю страницу.

Оказалось, это некий Д. Б. Дэвис.

Очень нескоро, но я все же позвонил доктору Альбрехту. Его разыскали, и я назвался — у меня в конторе не было видеотелефона.

— А я узнал голос, — ответил он. — Привет, старина. Как у тебя там дела с новой работой?

"Well enough. They haven't offered me a partnership yet."

— Да ничего, недурно. Стать совладельцем фирмы, правда, пока не предлагают.

"Give them time. Happy otherwise? Find yourself fitting back in?"

— Ну, дай им подумать. Они вот так, сразу, не могут. А в остальном все в порядке? В жизнь вписался?

"Oh, sure! If I had known what a great place here and now is I'd have taken the Sleep earlier. You couldn't hire me to go back to 1970."

— Ну, еще бы! Если бы я знал, как здесь — то есть «сейчас» — здорово, я бы купил себе Холодный Сон раньше. Я бы теперь ни за какие деньги не согласился вернуться в тысяча девятьсот семидесятый.

"Oh, come now! I remember that year pretty well. I was a kid then on a farm in Nebraska. I used to hunt and fish. I had fun. More than I have now."

— Да ладно, брось! Я это время прекрасно помню. Я тогда был мальчишкой, жил в Небраске, на ферме. Ловил рыбу, охотился. Хорошо тогда было. Лучше, чем теперь.

"Well, to each his own. I like it now. But look, Doc, I didn't call up just to talk philosophy; I've got a little problem."

— Ну, каждому свое. Мне тут нравится. Но... Док, я тут звоню не просто, чтобы пофилософствовать. У меня назрела одна проблема. Небольшая проблема.

"Well, let's have it. It ought to be a relief; most people have big problems."

— Ну, выкладывай. Небольшая — это хорошо: у большинства тут возникают большие проблемы.

"Doc? Is it at all possible for the Long Sleep to cause amnesia?"

— Док, может Долгий Сон вызывать амнезию?

He hesitated before replying.

Он помедлил с ответом.

"It is conceivably possible. I can't say that I've ever seen a case, as such. I mean unconnected with other causes."

— Вообще-то, наверное, возможно. Лично я таких случаев не видел. Я имею в виду, без каких-то иных причин.

"What are the things that cause amnesia?"

— А какие причины вызывают потерю памяти?

"Any number of things. The commonest, perhaps, is the patient's own subconscious wish. He forgets a sequence of events, or rearranges them, because the facts are unbearable to him. That's a functional amnesia in the raw. Then there is the old-fashioned knock on the head-amnesia from trauma. Or it might be amnesia through suggestion... under drugs or hypnosis. What's the matter, bub? Can't you find your checkbook?"

— Да разные. Самая частая — подсознательное желание самого пациента. Он забывает последовательность событий либо меняет их местами, потому что сами события для него непереносимы. Это — функциональная амнезия в чистом виде. Потом есть еще традиционный удар по голове — амнезия вследствие травмы. Еще может быть амнезия от внушения: либо под воздействием психотропных препаратов, либо под гипнозом. А в чем дело, старина? Забыл, куда засунул чековую книжку?

"It's not that. So far as I know, I'm getting along just fine now. But I can't get some things straight that happened before I took the Sleep... and it's got me worried."

— Да нет. Насколько я знаю, с чековой книжкой у меня все в порядке. Но я никак не разберусь с некоторыми вещами, случившимися до того, как я завалился в Сон... и это меня беспокоит.

"Mmm ... any possibility of any of the causes I mentioned?"

— Хм... а из тех причин, что я перечислил, что-нибудь подходит?

"Yes," I said slowly. "Uh, all of them, except maybe the bump on the head... and even that might have happened while I was drunk."

— Да, — медленно сказал я. — Любая подходит, кроме разве что удара по голове. Да и это могло случиться, когда я был пьян.

"I neglected to mention," he said dryly, "the commonest temporary amnesia-pulling a blank while under the affluence of alcohol. See here, son, why don't you come see me and we'll talk it over in detail? If I can't tag what is biting you-I'm not a psychiatrist, you know-I can turn you over to a hypno-analyst who will peel back your memory like an onion and tell you why you were late to school on the fourth of February your second-grade year. But he's pretty expensive, so why not give me a whirl first?"

— Я еще забыл упомянуть, — сухо сказал он, — о потере памяти под воздействием алкоголя. Слушай-ка, сынок, давай приезжай ко мне, обсудим это дело. А если я не смогу разобраться, что с тобой (я ведь не психиатр), то отправлю тебя к гипноаналитику, который очистит твою память, как луковицу, и скажет тебе все, даже почему ты опоздал в школу четвертого февраля, когда учился во втором классе. Но это довольно дорого, так что давай вначале я сам попробую.

I said, "Cripes, Doc, I've bothered you too much already and you are pretty stuffy about taking money."

Я сказал: — Док, я и так столько надоедал вам... А насчет вознаграждения вы человек щепетильный.

"Son, I'm always interested in my people; they're all the family I have."

— Сынок, мои больные — это моя семья. Другой у меня нет. Поэтому вы все меня очень интересуете.

So I put him off by saying that I would call him the first of the week if I wasn't straightened out. I wanted to think about it anyhow.

Я еле отделался от приглашения, сказав, что позвоню в начале следующей недели, если до тех пор не разберусь сам. Я решил еще подумать над этим.

Most of the lights went out except in my office; a Hired Girl, scrubwoman type, looked in, twigged that the room was still occupied, and rolled silently away. I still sat there.

Большинство кабинетов уже опустело. У меня горел свет. Заглянула «Золушка»-уборщица, «увидела», что помещение занято, и молча выкатилась вон. Я остался сидеть.

Presently Chuck Freudenberg stuck his head in and said, "I thought you left long ago. Wake up and finish your sleep at home."

Через некоторое время в дверь просунулась голова Чака Фриденберга. — А я думал, ты давно ушел. Вставай, дома доспишь.

I looked up.

Я поднял голову.

"Chuck, I've got a wonderful idea. Let's buy a barrel of beer and two straws."

— Чак, есть идея. Давай купим бочку пива и две соломинки.

He considered it carefully.

Он подумал.

"Well, it's Friday ... and I always like to have a head on Monday; it lets me know what day it is."

— А что... Сегодня пятница. А по понедельникам я люблю, чтобы голова немножко гудела: помогает вспомнить, какой день недели на календаре.

"Carried and so ordered. Wait a second while I stuff some things in this brief case."

— Решено и подписано. Подожди секунду: мне надо кое-что упихать в портфель.

We had some beers, then we had some food, then we had more beers at a place where the music was good, then we moved on to another place where there was no music and the booths had hush linings and they didn't disturb you as long as you ordered something about once an hour. We talked. I showed him the patent records.

Мы зашли выпить пива, потом в другой бар — поесть. Потом опять попили пива в одном баре с хорошей музыкой и перебрались в другой, уже без всякой музыки, где в кабинках была шумопоглощающая обивка, и нас не трогали, только надо было раз в час что-нибудь заказывать. Мы смогли поговорить. Я показал Чаку оттиски патентов.

Chuck looked over the Eager Beaver prototype.

Чак внимательно рассмотрел прототип «Трудяги Тедди».

"That's a real nice job, Dan. I'm proud of you, boy. I'd like your autograph."

— Это работа, Дэн! Я тобой горжусь, парень. Дашь автограф?

"But look at this one." I gave him the drafting-machine patent papers.

— Лучше посмотри на этот. — Я протянул ему патент на чертежную машину.

"Some ways this one is even nicer. Dan, do you realize that you have probably had more influence on the present state of the art than, well, than Edison had in his period? You know that, boy?"

— В некотором смысле этот даже лучше. Дэн, ты отдаешь себе отчет в том, что, вероятно, оказал большее влияние на современный уровень развития техники, чем, скажем, в свое время Эдисон? Ты это понимаешь, парень?

"Cut it out, Chuck; this is serious." I gestured abruptly at the pile of photostats. "Okay, so I'm responsible for one of them. But I can't be responsible for the other one. I didn't do it... unless I'm completely mixed up about my own life before I took the Sleep. Unless I've got amnesia."

— Брось, Чак. Это все серьезно. — Я ткнул пальцем в кучу ксерокопий на столе перед нами. — Окей, одна из этих машин — моя работа. Но я никак не могу быть автором второй — если, конечно, я не перепутал все на свете насчет своей жизни до того, как я завалился и эту спячку. Если я не страдаю амнезией.

"You've been saying that for the past twenty minutes. But you don't seem to have any open circuits. You're no crazier than is normal in an engineer."

— Ты твердишь это уже двадцать минут. Но, по моему, у тебя в голове нет никаких коротких замыканий. Ты сумасшедший не больше, чем вообще требуется, чтобы стать инженером.

I banged the table, making the stems dance.

Я стукнул кулаком по столу, звякнули кружки.

"I've got to know!"

— Я должен знать!

"Steady there. So what are you going to do?"

— А ну спокойнее. Что ты собираешься предпринять?

"Huh?" I pondered it. "I'm going to pay a psychiatrist to dig it out of me."

— Что? — Я задумался. — Собираюсь заплатить психиатру, пусть выкопает ответ из моей башки.

He sighed.

Он вздохнул.

"I thought you might say that. Now look, Dan, let's suppose you pay this brain mechanic to do this and he reports that nothing is wrong, your memory is in fine shape, and all your relays are closed. What then?"

— Этого я и ожидал. Ну, давай предположим, что ты заплатишь этому мозгокруту и он скажет, что память у тебя в порядке и что все реле разомкнуты. Что тогда?

"That's impossible."

— Но этого не может быть!

"That's what they told Columbus. You haven't even mentioned the most likely explanation."

— Вот и Колумбу то же самое говорили... Ты даже не упомянул самого простого и наиболее вероятного объяснения.

"Huh? What?"

— Какого?

Without answering he signaled the waiter and told it to bring back the big phone book, extended area. I said, "What's the matter?"

Не ответив, он поманил официанта и велел принести телефонный справочник города и пригородов. Я спросил:

You calling the wagon for me?"

— Что, карету мне вызвать решил?

"Not yet." He thumbed through the enormous book, then stopped and said, "Dan, scan this."

— Нет еще, — он пролистнул страницы в толстой книге, остановился и сказал: — Глянь-ка сюда.

I looked. He had his finger on "Davis." There were columns of Davises. But where he had his finger there were a dozen "D. B. Davises"-from "Dabney" to "Duncan."

Я глянул. Он держал палец на колонке «Дэвис». Колонок было много, и в каждой были сплошь одни Дэвисы. Но в той, куда он показывал, была дюжина Д. Б. Дэвисов — от Дабни Дэвиса до Дункана Дэвиса.

There were three "Daniel B. Davises." One of them was me.

Было там и три Дэниэла Б. Дэвиса. Один из них — я.

"That's from less than seven million people," he pointed out. "Want to try your luck on more than two hundred and fifty million?"

— Это из семи миллионов людей. Хочешь прикинуть, сколько наберется из двухсот пятидесяти миллионов?

"It doesn't prove anything," I said feebly.

— Это ничего не доказывает, — слабо возразил я.

"No," he agreed, "it doesn't. It would be quite a coincidence, I readily agree, if two engineers with such similar talents happened to be working on the same sort of thing at the same time and just happened to have the same last name and the same initials. By the laws of statistics we could probably approximate just how unlikely it is that it would happen. But people forget—especially those who ought to know better, such as yourself—that while the laws of statistics tell you how unlikely a particular coincidence is, they state just as firmly that coincidences do happen. This looks like one. I like that a lot better than I like the theory that my beer buddy has slipped his cams. Good beer buddies are hard to come by."

— Да, — согласился он, — не доказывает. Было бы, надо признать, чистейшим совпадением, если бы два инженера, одинаково способных, работали бы в одном направлении, над одной машиной, одновременно, и имели бы при этом одинаковые фамилии и инициалы. Пользуясь теорией вероятности, мы могли бы подсчитать, насколько мизерно мала вероятность такого совпадения. Но люди склонны забывать — особенно те, кому следовало бы помнить, вроде тебя, — что хотя теория вероятности и позволяет определить, сколь маловероятно подобное событие, она, тем не менее, с полной определенностью утверждает, что такие совпадения могут быть. Похоже, здесь как раз такой случай. И такое объяснение мне гораздо больше по душе, чем предположение, что мой собутыльник по пиву свихнулся с резьбы. Хорошие собутыльники попадают чертовски редко.

"What do you think I ought to do?"

— И что, ты считаешь, я должен делать?

"The first thing to do is not to waste your time and money on a psychiatrist until you try the second thing. The second thing is to find out the first name of this 'D. B. Davis' who filed this patent. There will be some easy way to do that. Likely as not his first name will be 'Dexter.' Or even 'Dorothy.' But don't trip a breaker if it is 'Daniel,' because the middle name might be 'Berzowski' with a social-security number different from yours. And the third thing to do, which is really the first, is to forget it for now and order another round."

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатров, пока не попробуешь сделать другое. Узнай имя этого Д. Б. Дэвиса, который оформил заявку на этот патент. Это наверняка несложно. Вполне вероятно, его зовут Декстер. Или даже Дороти. И не спеши сходить с ума, если это даже Дэниэл: у него второе имя — «Б» — может быть «Бриггс», а номер карточки социального страхования совсем другой. И третье, что тебе надо сделать. Или, вернее, первое — на время забыть обо всем этом и заказать еще по кружке.

So we did, and talked of other things, particularly women. Chuck had a theory that women were closely related to machinery, but utterly unpredictable by logic. He drew graphs on the table top in beer to prove his thesis.

Так мы и сделали и стали говорить о другом, в основном о женщинах. Чак выдвинул теорию, что между женщиной и машиной много общего: и та и другая непредсказуемы в поведении. Он стал рисовать пивом на крышке стола диаграммы, подтверждающие его соображения.

Sometime later I said suddenly, "If there were real time travel, I know what I would do."

Спустя какое-то время я вдруг сказал: — Эх, вот если бы существовали путешествия во времени, я знаю, что бы я сделал.

"Huh? What are you talking about?"

— А? Ты о чем?

"About my problem. Look, Chuck, I got here-got to 'now' I mean-by a sort of half-baked, horse-and-buggy time travel. But the trouble is I can't go back. All the things that are worrying me happened thirty years ago. I'd go back and dig out the truth if there were such a thing as real time travel."

— О своих проблемах. Смотри, Чак: я попал сюда — я имею в виду, попал в «сейчас», — путешествуя во времени на скрипучей телеге. Но беда в том, что я не могу попасть обратно. Все, что так тревожит меня, случилось тридцать лет назад. Я бы вернулся обратно и выяснил бы правду... если бы существовали настоящие путешествия во времени.

He stared at me.

Он посмотрел на меня.

"But there is."

— Но они существуют.

"What?"

— Что?

He suddenly sobered.

Он внезапно протрезвел.

"I shouldn't have said that." I said, "Maybe not, but you already have said it. Now you'd better tell me what you mean before I empty this here stein over your head."

— Упс... Зря я это брякнул. Я сказал: — Может, и зря, но ты уже брякнул. Так что объясни мне, что ты имел в виду, прежде чем я опрокину тебе на голову эту кружку.

"Forget it, Dan. I made a slip."

— Извини, Дэн. Сорвалось.

"Talk!"

— Говори!

"That's just what I can't do." He glanced around.
No one was near us. "It's classified."

— Вот этого-то я сделать и не могу. — Он
оглянулся по сторонам.
Поблизости никого не было. — Это засекречено.

"Time travel classified? Good God, why?"

— Путешествия во времени засекречены?
Господи, почему?

"Hell, boy, didn't you ever work for the government?
They'd classify sex if they could. There doesn't have to
be a reason; it's just their policy. But it is classified and
I'm bound by it. So lay off."

— Черт побери, парень, ты что, никогда на
правительство не работал? Да они бы и секс
засекретили, если б могли. Какие тут нужны
«почему»? Это просто их политика. Но поскольку это
все-таки засекречено, извини; не могу. Так что
отстань.

"But-Quit fooling around about it, Chuck; this is
important to me. Terribly important." When he didn't
answer and looked stubborn I said, "You can tell me.
Shucks, I used to have a 'Q' clearance myself. Never
suspended, either. It's just that I'm no longer with the
government."

— Но... не дури, Чак, мне же это очень важно.
Ужасно важно.
— Он упрямо смотрел на свою пустую кружку. Я
добавил: — Ну, мне-то ты можешь рассказать. У меня
как-никак был допуск «СС». И меня никто его не
лишал. Просто я больше не работаю на
правительство.

"What's a 'Q' clearance?"

— А что такое «допуск "СС"»?

I explained and presently he nodded.

Я объяснил, и он наконец кивнул.

"You mean an 'Alpha' status. You must have been
hot stuff, boy; I only rated a 'Beta.'"

— Ясно. У нас это называется «статус Альфа».
Да, парень, ты, видно, был на горячей работенке. У
меня и то только «Бета».

"Then why can't you tell me?"

— Тогда почему ты не можешь мне рассказать?

"Huh?"

Но он заупрямился, и тогда я сказал
презрительно:

You know why.
Regardless of your rated status, you don't have the
necessary 'Need to Know' qualification." "The hell I
don't!

— Я думаю, что такого быть не может. Это ты
просто рыгнул с перепоею. Ну, бывает!..

'Need to Know' is what I've got most of." But he
wouldn't budge, so finally I said in disgust, "I don't think
there is such a thing."

Он некоторое время торжественно смотрел на
меня. Потом сказал:

I think you just had a belch back up on you." He stared at me solemnly for a while, then he said, "Danny."

— Дэнни?

"Huh?"

— А?

"I'm going to tell you. Just remember your 'Alpha' status, boy. I'm going to tell you because it can't hurt anything and I want you to realize that it couldn't possibly be of use to you in your problem. It's time travel, all right, but it's not practical. You can't use it."

— Я тебе расскажу. Только помни про свой статус Альфа, парень. А расскажу я тебе потому, что это никому не повредит. Я хочу, чтобы ты понял: для тебя и твоих проблем в этом деле решения нет. Это действительно путешествие во времени, да только применить его практически тебе вряд ли удастся.

"Why not?"

— Почему?

"Give me a chance, will you? They never smoothed the bugs out of it and it's not even theoretically possible that they ever will. It's of no practical value whatsoever, even for research. It's a mere by-product of NullGrav—that's why they classified it."

— Дай досказать, а? Установка не отлажена, и нет никакой надежды, что ее когда-нибудь отладят. Она не имеет никакого практического значения, даже для исследователей. Это просто побочный продукт исследований в области антигравитации, вот поэтому его и засекретили.

"But, hell, NullGrav is declassified."

— Но ведь антигравитацию-то, черт возьми, рассекретили!

"What's that got to do with it? If this was commercial, too, maybe they'd unwrap it. But shut up."

— Ну и что из этого? Если бы это можно было применять в коммерческих целях — тогда, может быть, это тоже рассекретили бы. Так что молчи.

I'm afraid I didn't, but I'd rather tell this as if I had.

Боюсь, что я еще что-то говорил, но лучше уж я скажу, что сразу же приумолк.

During Chuck's senior year at the University of Colorado-Boulder, that is—he had earned extra money as a lab assistant. They had a big cryogenics lab there and at first he had worked in that. But the school had a juicy defense contract concerned with the Edinburgh field theory and they had built a big new physics laboratory in the mountains out of town. Chuck was reassigned there to Professor Twitchell—Dr. Hubert Twitchell, the man who just missed the Nobel Prize and got nasty about it.

Когда Чак учился на последнем курсе в Колорадском университете, в Боулдере, он подрабатывал техником-лаборантом. У них там была большая криогенная лаборатория, и сперва он работал в ней. Но университет отхватил жирный кусок — подписал с военными контракт на исследования, связанные с эдинбургской теорией поля. В горах, за городом, построили новую большую физическую лабораторию. Чака перевели туда, в распоряжение профессора Твитчела — Хьюберта Твитчела, который чуть не получил Нобелевскую премию, и это «чуть» его крепко задело.

"Twitch got the notion that if he polarized around another axis he could reverse the gravitational field instead of leveling it off. Nothing happened. So he fed what he had done back into the computer and got wild-eyed at the results. He never showed them to me, of course. He put two silver dollars into the test cage—they still used hard money around those parts then—after making me mark them. He punched the solenoid button and they disappeared.

"Now that is not much of a trick," Chuck went on. "Properly, he should have followed up by making them reappear out of the nose of a little boy who volunteers to come up on the stage. But he seemed satisfied, so I was—I was paid by the hour.

"A week later one of those cartwheels reappeared. Just one. But before that, one afternoon while I was cleaning up after he had gone home, a guinea pig showed up in the cage. It didn't belong in the lab and I hadn't seen it around before, so I took it over to the bio lab on my way home. They counted and weren't short any pigs, although it's hard to be certain with guinea pigs, so I took it home and made a pet out of it.

"After that single silver dollar came back Twitch got so worked up he quit shaving. Next time he used two guinea pigs from the bio lab. One of them looked awfully familiar to me, but I didn't see it long because he pushed the panic button and they both disappeared.

"When one of them came back about ten days later—the one that didn't look like mine—Twitch knew for sure he had it. Then the resident O-in-C for the department of defense came around—a chair-type colonel who used to be a professor himself, of botany. Very military type... Twitch had no use for him. This colonel swore us both to double-dyed secrecy, over and above our 'status' oaths.

He seemed to think that he had the greatest thing in military logistics since Caesar invented the carbon copy.

— Твитчу нашему взбрело в голову, что если бы он дал поляризацию по другой оси, то мог бы не только довести гравитационное поле до нуля, но и изменить его знак! Ничего не вышло. Тогда данные эксперимента он загрузил в компьютер. Увидев результаты, он выкатил глаза. Мне он их, ясное дело, не показал. В тест-камеру установки — тогда в тех краях еще были в обращении металлические деньги — он сунул два серебряных доллара, заставив меня перед этим пометить их. Он нажал на кнопку соленоида, и они исчезли.

Не то чтобы трюк был необыкновенный, — продолжал Чак. — Для полного эффекта надо было бы, чтобы он достал их из уха или из носа какого-нибудь мальчишки, согласившегося выйти на сцену. Но его, видимо, результаты опыта устраивали. Меня тоже — мне платили повременно.

Через неделю один из этих долларов появился в камере снова. Только один. Но еще до этого как-то раз во время уборки — шефа не было, — в камере появилась морская свинка. У нас в лаборатории таких не было, раньше я ее там не видел, поэтому захватил с собой и на обратном пути показал нашим биологам. Они сосчитали своих: вроде все были на месте, хотя с морскими свинками, сам знаешь, полной уверенности нет. Тогда я взял ее домой — пусть поживет.

После возвращения того единственного доллара Твитч навалился на работу так, что даже бриться перестал. В другой раз он поставил такой же эксперимент на двух свинках из биологической лаборатории. Одна из них показалась мне очень знакомой, но получше рассмотреть ее я не успел: он нажал свою красную кнопку, и свинки исчезли.

Когда одна из них — та, что не была похожа на мою, — вернулась дней через десять, Твитч понял, что дело в шляпе.

Тут появился тип из оборонного отдела — этакий штабист-полковник. Оказалось, тоже профессор. Ботаник. Очень кадровый тип. Твитчу он был нужен, как... Но этот полковник заставил нас принести еще одну присягу, сверх наших допусков. Он решил, что наткнулся на величайшее изобретение в военном искусстве с тех времен, как Цезарь изобрел копировальную бумагу.

His idea was that you could send divisions forward or back to a battle you had lost, or were going to lose, and save the day. The enemy would never figure out what had happened. He was crazy in hearts and spades, of course... and he didn't get the star he was bucking for. But the 'Critically Secret' classification he stuck on it stayed, so far as I know, right up to the present. I've never seen a disclosure on it."

"It might have some military use," I argued, "it seems to me, if you could engineer it to take a division of soldiers at a time. No, wait a minute. I see the hitch. You always had 'em paired. It would take two divisions, one to go forward, one to go back. One division you would lose entirely... I suppose it would be more practical to have a division at the right time in the first place."

"You're right, but your reasons are wrong. You don't have to use two divisions or two guinea pigs or two anything. You simply have to match the masses. You could use a division of men and a pile of rocks that weighed as much. It's an action-reaction situation, corollary with Newton's Third Law." He started drawing in the beer drippings again. "MV equals MV ... the basic rocket ship formula. The cognate time-travel formula is MT equals MT."

"I still don't see the hitch. Rocks are cheap."

"Use your head, Danny. With a rocket ship you can aim the kinkin' thing. But which direction is last week? Point to it. Just try. You haven't the slightest idea which mass is going back and which one is going forward. There's no way to orient the equipment."

I shut up. It would be embarrassing to a general to expect a division of fresh shock troops and get nothing but a pile of gravel. No wonder the ex-prof never made brigadier. But Chuck was still talking:

Что он придумал: берешь дивизию, посылаешь ее в прошлое или будущее, на то сражение, которое проиграл либо проиграешь, — и победа за нами. Противник даже не догадывается, что произошло. Это все, конечно, была сущая галиматья, и генеральскую звезду за это дело он не получил. Но гриф «совершенно секретно», который он на это дело поставил, пристал и стоит, насколько мне известно, по сию пору: о рассекречивании я не слышал.

— Для военных нужд это вполне можно использовать, — возразил я, — как мне кажется, если придумать камеру, способную отправлять в путешествие сразу дивизию солдат. Нет, погоди минутку: я понял, в чем тут собака зарыта. Они у вас всегда шли парами. Значит, нужны две дивизии: одна пойдет в прошлое, другая — в будущее. Одну вы, естественно, просто теряете... По-моему, умнее всего просто иметь дивизию в нужном месте и в нужное время.

— Ты прав, хотя рассуждаешь и неверно. Совсем не обязательно посылать в разные стороны две дивизии или двух свинок, вообще два одинаковых объекта. Надо просто уравнивать массы. Можно послать дивизию солдат и кучу камней, которые весят столько же. Это же просто правило действия и противодействия — третий закон Ньютона. — Он опять начал рисовать по столу пролитым пивом. — MV равняется MV... базисная формула реактивного движения. Производная формула путешествий во времени — $MT = mt$.

— Все равно не понимаю, в чем я не прав. Камни — штука недорогая.

— Пошевели мозгами, Дэнни. Ракету можно на что-то нацелить, ядри ее в дюзы. А как целиться в прошлую неделю? Ну-ка, покажи, где она сейчас? Никакого понятия, которая из масс отправится вперед, а которая — назад. Способа ориентировать оборудование во времени мы еще не нашли.

Я примолк в тряпочку. Действительно, может получиться неловко, если генералу вместо дивизии солдат забросят кучу камней. Неудивительно, что экс-профессор так и не стал генералом. Чак тем временем продолжал:

"You treat the two masses like the plates of a condenser, bringing them up to the same temporal potential. Then you discharge them on a damping curve that is effectively vertical. Smacko!—one of them heads for the middle of next year, the other one is history. But you never know which one. But that's not the worst of it; you can't come back."

"Look, what use is it for research if you can't come back? Or for commerce? Either way you jump, your money is no good and you can't possibly get in touch with where you started. No equipment—and believe me it takes equipment and power. We took power from the Arco reactors. Expensive... that's another drawback."

"You could get back," I pointed out, "with cold sleep."

"Huh? If you went to the past. You might go the other way; you never know. If you went a short enough time back so that they had cold sleep... no farther back than the war. But what's the point of that? You want to know something about 1980, say, you ask somebody or you look it up in old newspapers. Now if there was some way to photograph the Crucifixion...but there isn't. Not possible. Not only couldn't you get back, but there isn't that much power on the globe. There's an inverse-square law tied up in it too."

"Nevertheless, some people would try it just for the hell of it. Didn't anybody ever ride it?"

Chuck glanced around again.

"I've talked too much already." "A little more won't hurt."

— Тут надо рассматривать две массы как пластины конденсатора, заряженные до одинакового темпорального потенциала. Потом происходит разряд: шмяк! — одна из них направляется в середину будущего года, а вторая — в историю. Вот только жаль, что никогда не знаешь, какая куда. Но худшее — не это. Ты же не сможешь вернуться.

— А кто собирается возвращаться? — Ну смотри, какой в этом смысл для исследователя, если нельзя вернуться? Или для коммерческого применения? В какую бы сторону ты ни прыгнул, деньги твои там — не деньги, а связаться с тем временем, откуда ты прибыл, ты не сможешь. Нет оборудования. А оборудования и энергии на это надо много, уж ты мне поверь. Мы, например, получали энергию от генераторов Арко. Дорогое удовольствие... Это — еще один недостаток.

— А ведь вернуться можно, — предположил я, — с помощью Холодного Сна.

— Да? Это если попадешь в прошлое. Можешь ведь ненароком попасть и в другую сторону — заранее-то не угадаешь. Да и то, если попадешь в достаточно недалекое прошлое, скажем, не глубже войны. Но какой смысл? Хочешь узнать что-то про тысяча девятьсот восьмидесятый год, скажем, — возьми да спроси или поройся в старых газетах. Это если бы можно было как-то сфотографировать распятие Христа... Да только нельзя. Не только потому, что обратно не вернешься: туда тоже не попадешь. Просто на всем земном шаре не наберется столько энергии. Здесь тоже действует обратно пропорциональная квадратичная зависимость.

— И все равно нашлись бы люди, готовые попробовать ради самого эксперимента. Неужели никто не рискнул?

Чак опять огляделся по сторонам.

— Я и так наболтал тут лишнего... — Ну, так еще чуть-чуть уже не повредит.

"I think three people tried it. I think. One of them was an instructor. I was in the lab when Twitch and this bird, Leo Vincent, came in; Twitch told me I could go home. I hung around outside. After a while Twitch came Out and Vincent didn't. So far as I know, he's still in there. He certainly Wasn't teaching at Boulder after that."

— Я думаю, что рискнули трое. Я думаю. Первым стал один преподаватель. Я был в лаборатории, когда пришел Твитч с этим гусем, Лео Винсентом. Твитч сказал, что я могу идти домой. Я поошивался на улице, и вскоре Твитч вышел, а этот Лео Винсент — нет. Насколько мне известно, он еще там. В Боулдере он после этого не преподавал, это точно.

"How about the other two?"

— А еще двое?

"Students. They all three went in together; only Twitch came Out. But one of them was in class the next day, whereas the other one was missing for a week. Figure it out yourself."

— Студенты. Вошли они все вместе, а вышел один Твитч. Но один студент явился в аудиторию на другой день, а второго не было целую неделю. Вот сам и прикинь.

"Weren't you ever tempted?"

— Ну, а ты сам не чувствуешь искушения?

"Me? Does my head look fiat? Twitch suggested that it was almost my duty, in the interests of science, to volunteer. I said no, thanks; I'd take a short beer instead... but that I would gladly throw the switch for him. He didn't take me up on it."

— Я? У меня что, голова квадратная? Твитч настаивал, говорил, что это просто мой долг перед наукой. Но я сказал: нет уж, спасибо, благодарю покорно, я лучше пойду пивка попью. Вот если он захочет — я что ж, я пожалуйста: на кнопку-то я нажму с удовольствием.

"I'd take a chance on it. I could check up on what's worrying me... and then come back again by cold sleep. It would be worth it."

— А я бы рискнул. Я бы разобрался в том, что меня мучает... а потом вернулся бы с помощью Холодного Сна. По-моему, дело того стоит.

Chuck sighed deeply.

Чак глубоко вздохнул.

"No more beer for you, my friend; you're drunk. You didn't listen to me. One,"-he started making tallies on the table top-"you have no way of knowing that you'd go back; you might go forward instead."

— Все, дружок, хватит тебе пива на сегодня, больше не получишь: ты уже пьян. Ты меня совсем не слушаешь. Во-первых, — он начал рисовать большие цифры пивом по столу, — неизвестно, попадешь ли ты в прошлое. Вместо этого можешь залететь в будущее.

"I'd risk that. I like now a lot better than I liked then; I might like thirty years from now still better."
"Okay, so take the Long Sleep again; it's safer. Or just sit tight and wait for it to roll around; that's what I'm going to do. But quit interrupting me. Two, even if you did go back, you might miss 1970 by quite a margin. So far as I know, Twitch was shooting in the dark; I don't think he had it calibrated. But of course I was just the flunky. Three, that lab was in a stand of pine trees and it was built in 1980. Suppose you come out ten years before it was built in the middle of a western yellow pine? Ought to make quite an explosion, about like a cobalt bomb, huh? Only you wouldn't know it."

"But- As a matter of fact, I don't see why you would come out anywhere near the lab. Why not to the spot in outer space corresponding to where the lab used to be-I mean where it was. or rather—"

"You don't mean anything. You stay on the world line you were on. Don't worry about the math; just remember what that guinea pig did. But if you go back before the lab was built, maybe you wind up in a tree. Four, how could you get back to now even with cold sleep, even if you did go the right way, arrive at the right time, and live through it?"

"Huh? I did once, why not twice?"

"Sure. But what are you going to use for money?"

— Ну что ж, риск — дело благородное.
Нынешнее время нравится мне гораздо больше, чем то, мое. Может, лет через тридцать понравится еще больше... — Окей, можешь опять воспользоваться Долгим Сном: это безопасней. Или просто сиди, не дергайся и жди, пока это время наступит. Я так и собираюсь сделать. Только перестань перебивать. Во-вторых, даже если тебя забросит в прошлое, ты можешь здорово промахнуться по тысяча девятьсот семидесятому: насколько я понимаю, Твитч работал вслепую, никакой калибровки у него не было. Я, правда, был просто подай-принеси... В-третьих, лаборатория эта построена в восьмидесятом на том месте, где раньше была сосновая роща. Предположим, что очутишься в этом месте десятью годами раньше, чем она была построена, прямо на том месте, где торчит ствол одной из сосен? Взрыв будет — как от кобальтовой бомбы. Жаль, что ты этого не увидишь.

— Но... Я вообще не уверен, что появлюсь вблизи лаборатории. Не исключено, что я попаду в космос, в то место, где была раньше эта лаборатория в то время, когда Земля... то есть... ну, ты понял.

— Я-то понял, а вот ты — нет. Ты останешься в том же пространственно-временном континууме, в котором был. Про математику не беспокойся: просто вспомни, что было с морскими свинками. Но если попадешь туда, где была лаборатория, то можешь устроить фейерверк. И в-четвертых: как ты собираешься возвращаться сюда, пусть даже посредством Холодного Сна, даже если ты попадешь в нужную сторону и в нужное время и живым?

— А что? Один раз я уже сделал это. Что мне помешает сделать это во второй раз?

— Ну да. Только где ты возьмешь на это денег?

I opened my mouth and closed it. That one made me feel foolish. I had had the money once; I had it no longer. Even what I had saved (not nearly enough) I could not take with me-shucks, even if I robbed a bank (an art I knew nothing about) and took a million of the best back with me, I couldn't spend it in 1970. I'd simply wind up in jail for trying to shove funny money. They had even changed the shape, not to mention serial numbers, dates, colors, and designs.

Я открыл рот — и закрыл его. Этот аргумент ставил меня в дурацкое положение. Когда-то деньги у меня были. Теперь — не было. Даже то небольшое (и явно недостаточное), что мне удалось скопить, я не мог бы взять с собой. Да если бы я даже ограбил банк (а я об этом ремесле знал маловато...), украл миллион и взял с собой, то истратить его в 1970-м я все равно не смог бы: дело кончилось бы тюрьмой. Фальшивомонетчиков в семидесятом не жаловали... Не говоря уже о номерах и рисунке, у нынешних денег даже цвета были другие.

"Maybe I'd just have to save it up."

— Попробую накопить там, в семидесятом.

"Good boy. And while you were saving it, you'd probably wind up here and now again without half trying... but minus your hair and your teeth."

— Умница. Только пока копишь, рискуешь оказаться здесь снова, только уже естественным путем — без шевелюры и зубов.

"Okay, okay. But let's go back to that last point. Was there ever a big explosion on that spot? Where the lab was?"

— Окей, окей. Давай вернемся к тому, последнему моменту. Был ли там когда-нибудь большой взрыв?
Там, где теперь стоит лаборатория?

"No, I don't think so."

— По-моему, не было.

"Then I wouldn't wind up in a tree-because I didn't. Follow me?"

— Значит, я не окажусь на месте дерева, потому что я не оказался там. Ты понял?

"I'm three jumps ahead of you. The old time paradox again, only I won't buy it. I've thought about theory of time, too, maybe more than you have. You've got it just backward. There wasn't any explosion and you aren't going to wind up in a tree... because you aren't ever going to make the jump. Do you follow me?"

— Я тебя понял раньше, чем ты открыл рот. Опять старый добрый парадокс времени. Только я на это не куплюсь. Я тоже немало поломал голову над теорией пространства-времени. Может, побольше твоего. Все наоборот. Взрыва не было, и ты не окажешься в том месте, где стоит дерево... потому что ты никогда не совершишь этот прыжок во времени. Ты понял меня?

"But suppose I did?"

— А если все-таки совершу?

"You won't. Because of my fifth point. It's the killer, so listen closely. You ain't about to make any such jump because the whole thing is classified and you can't. They won't let you. So let's forget it, Danny. It's been a very interesting intellectual evening and the FBI will be looking for me in the morning. So let's have one more round and Monday morning if I'm still out of jail I'll phone the chief engineer over at Aladdin and find out the first name of this other 'D. B. Davis' character and who he was or is.

He might even be working there and, if so, we'll have lunch with him and talk shop. I want you to meet Springer, the chief over at Aladdin, anyway; he's a good boy. And forget this time-travel nonsense; they'll never get the bugs out of it. I should never have mentioned it, and if you ever say I did I'll look you square in the eye and call you a liar. I might need my classified status again someday."

So we had another beer. By the time I was home and had taken a shower and had washed some of the beer out of my system I knew he was right. Time travel was about as practical a solution to my difficulties as cutting your throat to cure a headache. More important, Chuck would find out what I wanted to know from Mr. Springer just over chips and a salad, no sweat, no expense, no risk. And I liked the year I was living in.

When I climbed into bed I reached out and got the week's stack of papers. The Times came to me by tube each morning, now that I was a solid citizen. I didn't read it very much, because whenever I got my head soaked full of some engineering problem, which was usually, the daily fripperies you find in the news merely annoyed me, either by boring me or, worse still, by being interesting enough to distract my mind from its proper work.

— Не совершишь. Из-за моего «в-пятых».

Слушай внимательно: сейчас я тебя добью окончательно. Ты никуда не прыгнешь, потому что эта штука засекречена, и ты просто не сумеешь к ней подойти. Тебя не подпустят. Так что, Дэнни, давай забудем об этом деле. У нас получился очень интересный, прямо-таки интеллектуальный вечерок. Утром ФБР уже станет меня искать. Так что давай еще по одной, и если в понедельник я случайно буду на свободе, я позвоню главному инженеру «Аладдина» и узнаю, как этого Д. Б. Дэвиса звали или зовут: может, он и сейчас у них работает. Тогда мы можем позвать его пообедать и поболтать с нами про технику.

Да и вообще я бы хотел познакомить тебя со Спрингером, их главным инженером: он очень славный малый. И забудь ты эту чушь с путешествиями во времени: сроду им эту штуку до ума не довести. Не следовало мне вообще рассказывать тебе о ней... и если ты скажешь кому-нибудь, что я тебе это говорил, то я посмотрю тебе прямо в глаза и заявлю, что ты врешь. Мой допуск еще может мне когда-нибудь пригодиться.

Тут мы взяли еще по одной. Пока я добрался до дому и влез под душ, я понял, что он прав. Пытаться решить мои проблемы, прыгая из времени в другое время, — это все равно, что лечить перхоть гильотиной. А главное, Чак скорее всего сумеет узнать все, что меня интересует, у Спрингера за рюмочкой виски: без суеты, без нервотрепки, без затрат и риска. А нынешнее время мне нравится.

Забравшись в кровать, я протянул руку и взял накопившиеся за неделю газеты. С тех пор как я стал солидным, добропорядочным гражданином, я начал получать «Таймс» ежедневно, пневмопочтой. Я не очень ею зачитывался: голова у меня постоянно была занята какими-нибудь инженерными проблемами, и мелькание газетных новостей либо раздражало меня своей занудностью, либо, наоборот, попадалось что-то интересное и отвлекало от работы.

Nevertheless, I never threw out a newspaper until I had at least glanced at the headlines and checked the vital-statistics column, the latter not for births, deaths, and marriages, but simply for "withdrawals," people coming out of cold sleep. I had a notion that someday I would see the name of someone I had known back then, and then I would go around and say hello, bid him welcome, and see if I could give him a hand. The chances were against it, of course, but I kept on doing it and it always gave me a feeling of satisfaction.

Однако я никогда не выкидывал газету до тех пор, пока хотя бы не просмотрю заголовки и тот раздел объявлений, где помещена личная информация. Нет, не о рождениях и смертях, не о браках и разводах — о «пробуждениях», то есть о проснувшихся сонниках. Мне все казалось, что однажды я наткнусь на знакомую фамилию, и тогда я поеду встретить человека, которого знал до Сна, чтобы сказать ему доброе слово и, может быть, чем-нибудь помочь. Вряд ли такое могло случиться, но я продолжал искать, и этот поиск давал мне какое-то удовлетворение.

I think that subconsciously I thought of all other Sleepers as my "kinfolk," the way anybody who once served in the same outfit is your buddy, at least to the extent of a drink.

Наверное, подсознательно я воспринимал всех сонников как свою «родню». Ну, это как служба в одном подразделении: если ты служил там, пусть даже не со мною, а в другое время, значит, ты мой друг, по крайней мере до такой степени, что за это стоит выпить по рюмочке.

There wasn't much in the papers, except the ship that was still missing between here and Mars, and that was not news but a sad lack of it. Nor did I spot any old friend~ among the newly awakened Sleepers. So I lay back and waited for the light to go out.

Особых новостей в газетах не было, кроме космического корабля, по-прежнему числившегося пропавшим без вести где-то между Землей и Марсом. Но это скорее была не новость, а ее прискорбное отсутствие. Не нашел я и имен старых знакомых среди недавно проснувшихся сонников. Я лег и стал ждать, когда погаснет свет.

About three in the morning I sat up very suddenly, wide awake. The light came on and I blinked at it. I had had a very odd dream, not quite a nightmare but nearly, of having failed to notice little Ricky in the vital statistics.

Около трех ночи я вдруг проснулся и сел. Автомат включил свет, и я заморгал, щурясь. Мне приснился страшный сон — не кошмар, но почти — будто бы я не заметил в объявлении среди других имен имени Рики.

I knew I hadn't. But just the same when I looked over and saw the week's stack of newspapers still sitting there I was greatly relieved; it had been possible that I had stuffed them down the chute before going to sleep, as I sometimes did.

Я знал, что этого быть не могло. И все равно, увидев, что скопившаяся за неделю стопка газет лежит на прежнем месте, я почувствовал огромное облегчение. Я ведь мог запихать их в шахту мусоропровода, как я частенько делал.

I dragged them back onto the bed and started reading the vital statistics again. This time I read all categories, births, deaths, marriages, divorces, adoptions, changes of name, commitments, and withdrawals, for it had occurred to me that my eye might have caught Ricky's name without consciously realizing it, while glancing down the column to the only subhead I was interested in. A Ricky might have got married or had a baby or something. I almost missed what must have caused the distressing dream. It was in the Times for 2 May, 2001, Tuesday's withdrawals listed in Wednesday's paper: "Riverside Sanctuary... F. V. Heinicke."

"F. V. Heinicke!"

"Heinicke" was Ricky's grandmother's name ... I knew it, I was certain of it - I didn't know why I knew it. But I felt that it had been buried in my head and had not popped up until I read it again. I had probably seen it or heard it at some time from Ricky or Miles, or it was even possible that I had met the old gal at Sandia. No matter, the name, seen in the Times, had fitted a forgotten piece of information in my brain and then I knew.

Only I still had to prove it. I had to make sure that "F. V. Heinicke" stood for "Frederica Heinicke."

I was shaking with excitement, anticipation, and fear. In spite of well-established new habits I tried to zip my clothes instead of sticking the seams together and made a botch of getting dressed. But a few minutes later I was down in the hail where the phone booth was - I didn't have an instrument in my room or I would have used it; I was simply a supplementary listing for the house phone. Then I had to run back up again when I found that I had forgotten my phone credit ID card - I was really disorganized.

Then, when I had it, I was trembling so that I could hardly fit it into the slot. But I did and signaled "Service." "Circuit desired?"

Притащив их опять в кровать, я стал снова просматривать объявления. Теперь я читал все подряд: рождения, смерти, браки, разводы, усыновления, погружения и пробуждения, потому что мне подумалось: возможно, мой взгляд зацепился за имя Рики неосознанно, когда я краем глаза видел другие колонки, просматривая «пробуждения». Может, Рики вышла замуж или у нее родился ребенок... Я чуть не пропустил то, что вызвало этот неприятный сон. В номере от второго мая 2001 года среди состоявшихся накануне, во вторник, пробуждений было: «Хранилище Риверсайд... Ф. В. Хайнике».

Ф. В. Хайнике?

Хайнике была фамилия бабушки Фредерики, я это теперь знал точно. Я просто был в этом убежден. Не знаю, почему я был так уверен. Но она была глубоко спрятана где-то в глухом уголке моей памяти и не всплывала, пока я не наткнулся на нее в газете. Когда-то я наверняка слышал эту фамилию от Майлса и Рики, а может быть, и встречался с почтенной бабулей в Сандии. Так или иначе, попавшаяся на глаза в «Таймс» фамилия нашла свою ячейку в моей памяти, и я вспомнил.

Оставалось только доказать это. Мне надо было убедиться, что «Ф. В. Хайнике» — это и есть Рики.

Меня трясло от волнения, от страха и предвкушения. И хотя новые, современные привычки у меня уже вполне сформировались, я начал застегивать одежду, вместо того чтобы просто сложить швы вместе и надавить. Одевание превратилось в пытку. Но уже через несколько минут я спустился в вестибюль, где у нас был телефон-автомат (в моей комнате телефона не было; номер в справочнике — это номер этого самого автомата). Тут выяснилось, что придется опять бежать вверх: свою карточку с номером кредитного счета на телефон я оставил в комнате. Вот как я разволновался.

Когда я принес ее вниз, у меня так тряслись руки, что я еле попал карточкой в прорезь. Воткнув наконец ее в щель, я набрал служебный номер. — Слушаю. Что вам угодно?

"Uh, I want the Riverside Sanctuary. That's in Riverside Borough."

— Э-э, я... мне надо хранилище Риверсайд. Это в Риверсайте.

"Searching...olding... circuit free. We are signaling."

— Ищу... нашла... линия свободна. Ждите ответа.

The screen lighted up at last and a man looked grumpily at me.

Наконец осветился экран, и на меня взглянул заспанный, угрюмый человек.

"You must have the wrong phasing. This is the sanctuary. We're closed for the night."

— Вы, должно быть, набрали не тот номер. Это хранилище. У нас ночью закрыто.

I said, "Hang on, please. If this is the Riverside Sanctuary, you're just who I want."

Я поспешно сказал: — Не отключайтесь, пожалуйста. Если это хранилище Риверсайд, то мне именно оно и нужно.

"Well, what do you want? At this hour?"

— Ну, и чего вам надо? В этакий-то час?

"You have a client there, F. V. Heinicke, a new withdrawal. I want to know—" He shook his head.

— У вас есть клиент. Ф. В. Хайнике. Из недавно пробудившихся. Я хотел узнать... Он покачал головой.

"We don't give out information about clients over the phone. And certainly not in the middle of the night. You'd better call after ten o'clock. Better yet, come here."

— Мы не даем по телефону информацию о наших клиентах. И уж во всяком случае, не посреди ночи. Позвоните после десяти утра. А еще лучше — приезжайте.

"I will, I will. But I want to know just one thing. What do the initials 'F. V.' stand for?"

— Обязательно. Но я хочу узнать только одно: как расшифровываются инициалы Ф. В.?

"I told you that—" "Will you listen, please? I'm not just butting in; I'm a Sleeper myself. Sawtelle. Withdrawn just lately. So I know all about the 'confidential relationship' and what's proper. Now you've already published this client's name in the paper. You and I both know that the sanctuaries always give the papers the full names of clients withdrawn and committed... but the papers trim the given names to initials to save space. Isn't that true?"

— Я же вам сказал. Мы... — Дослушайте меня, ради Бога! Я не собираюсь врываться к вам. Я сам сонник. Соутел. Тоже недавно пробудился. Так что я прекрасно знаю все про заботу о покое клиентов и все правила. Но вы уже опубликовали имя клиента в газете. Мы оба — и вы, и я — знаем, что хранилища обычно дают в газеты полные имена погруженных в сон и пробужденных. А газеты для экономии места урезают их до инициалов. Так?

He thought about it.

Он чуть подумал.

"Could be."

— Возможно.

"Then what possible harm is there in telling me what the initials P. V. stand for?"

— Тогда что случится, если вы сообщите мне полное имя вместо инициалов «Ф. В.»?

He hesitated still longer.

Он колебался мгновение.

"None, I guess, if that's all you want. It's all you're going to get. Hold on."

— Пожалуй, что ничего страшного, если это все, что вас интересует. Но больше я вам ничего не сообщу. Ждите.

He passed out of the screen, was gone for what seemed like an hour, came back holding a card.

Он исчез с экрана, и мне показалось, что его не было целый час.

"The light's poor," he said, peering at it. " `Frances'-no, `Frederica.' `Frederica Virginia?"

— Света маловато, — сказал он, щурясь и вглядываясь в карточку.
— Фрэнсис. Нет, Фредерика.
Фредерика Вирджиния.

My ears roared and I almost fainted.

В ушах у меня зазвенело, и я чуть не упал в обморок.

"Thank God!"

— Слава Богу!

"You all right?"

— Эй, с вами все в порядке?

"Yes. Thank you. Thank you from the bottom of my heart. Yes, I'm all right."

— Да. Спасибо... Спасибо вам от всего сердца! Да, я в полном порядке.

"Hmm. I guess there's no harm in telling you one more thing. It might save you a trip. She's already checked out."

— Хм-мм... Наверное, беды не будет, если я скажу вам еще одно: может, не поедете зря. Она уже выбыла.

CHAPTER 9

Глава 9

•

I could have saved time by hiring a cab to jump me to Riverside, but I was handicapped by lack of cash.

I was living in West Hollywood; the nearest twenty-four-hour bank was downtown at the Grand Circle of the Ways.

So first I rode the Ways downtown and went to the bank for cash.

One real improvement I had not appreciated up to then was the universal checkbook system; with a single cybernet as clearinghouse for the whole city and radioactive coding on my checkbook, I got cash laid in my palm as quickly there as I could have gotten it at my home bank across from Hired Girl, Inc.

Я бы мог добраться скорее, взяв такси до Риверсайда, но с наличными у меня было туго.

Жил я в Западном Голливуде; ближайший круглосуточный банк был в центре, в районе Большого Кольца Ленты. Пришлось ехать на ленте в центр и зайти в банк за наличными. Одним из серьезных элементов прогресса, который я еще не успел до этого оценить, оказалась единая банковская система: одна ЭВМ на весь город и радиоизотопный код на моей чековой книжке позволили мне получить на руки наличные так же быстро, как в ближайшем ко мне отделении сберегательного банка, напротив «Золушки Инк.».

Then I caught the express Way for Riverside. When I reached the sanctuary it was lust daylight.

Потом я перебрался на экспресс-ленту до Риверсайда. Когда я добрался туда, светало.

There was nobody there but the night technician I had talked to and his wife, the night nurse. I'm afraid I didn't make a good impression. I had a day's beard, I was wild-eyed, I probably had a beer breath, and I had not worked out a consistent framework of lies.

Кроме ночного техника, с которым я разговаривал, и его жены, работавшей там же дежурной медсестрой, там еще никого не было. Боюсь, что я произвел на них плохое впечатление: безумные глаза, суточная щетина на щеках, запах пива. И отсутствие убедительной версии — я не успел придумать, что бы им наврать.

Nevertheless, Mrs. Larrigan, the night nurse, was sympathetic and helpful. She got a photograph out of a file and said, "Is this your cousin, Mr. Davis?"

И тем не менее миссис Ларриган, дежурная сестра, оказалась очень доброжелательной. Она достала из папки фотографию. — Это ваша кузина, мистер Дэвис?

It was Ricky. There was no doubt about it, it was Ricky! Oh, not the Ricky I had known, for this was not a little girl but a mature young woman, twentyish or older, with a grown-up hairdo and a grown-up and very beautiful face. She was smiling.

Это была Рики. Вне всякого сомнения, это была Рики! Ну, не та Рики, которую я знал когда-то, — это была уже не девочка, а молодая женщина, лет двадцати с небольшим, с взрослой прической, очень красивая. Она улыбалась.

But her eyes were unchanged and the ageless pixie quality of her face that had made her so delightful a child was still there. It was the same face, matured, filled out, grown beautiful, but unmistakable.

Но ее глаза не изменились, и какая-то неуловимая привлекательная черточка, делавшая ее когда-то таким очаровательным ребенком, тоже осталась в ней. Это было то же лицо: зрелое, наполненное женственностью, красивое, но безошибочно — то же самое.

The stereo blurred, my eyes had filled with tears, "Yes," I managed to choke. "Yes. That's Ricky."

Стереофото вдруг потеряло объемность и резкость: на мои глаза набежали слезы. — Да, — выдавил я из себя. Голос у меня прерывался. — Да. Это Рики.

Mr. Larrigan said, "Nancy, you shouldn't have showed him that."

Мистер Ларриган сказал: — Напрасно ты показываешь ему это.

"Pooh, Hank, what harm is there in showing a photograph?" "You know the rules."

— Тьфу ты, Хэнк, да пусть себе смотрит! Тоже беда!

He turned to me. "Mister, as I told you on the phone, we don't give out information about clients. You come back here at ten o'clock when the administration office opens."

— Ты знаешь правила, — он повернулся ко мне. — Я же сказал вам по телефону, мистер: мы не даем информацию о наших клиентах. Приходите в десять, когда откроется административное здание.

"Or you could come back at eight," his wife added. "Dr. Bernstein will be here then."

— Или в восемь, — добавила его жена. — Доктор Бернштейн уже придет.

"Now, Nancy, you just keep quiet. If he wants information, the man to see is the director. Bernstein hasn't any more business answering questions than we have. Besides, she wasn't even Bernstein's patient."

— Ну, Нэнси, тебе бы помалкивать. Если хочет получить информацию — пусть идет к директору. Делать доктору Бернштейну больше нечего, кроме как на вопросы отвечать. Да она, кстати, была вовсе и не его пациенткой.

"Hank, you're being fussy. You men like rules just for the sake of rules. If he's in a hurry to see her, he could be in Brawley by ten o'clock." She turned to me. "You come back at eight. That's best. My husband and I can't really tell you anything anyhow."

— Ну чего ты, Хэнк! Вы, мужчины, любите правила ради правил. Раз он так спешит ее увидеть, к десяти он может быть уже в Броули. — Она повернулась в мою сторону: — Приходите лучше всего к восьми. Мы с мужем действительно ничего больше не можем вам сказать.

"What's this about Brawley? Did she go to Brawley?"

— А что вы сказали насчет Броули? Она что, поехала туда?

If her husband had not been there I think she would have told me more. She hesitated and he looked stern. She answered, "You see Dr. Bernstein. If you haven't had breakfast, there's a real nice place just down the street."

So I went to the "real nice place" (it was) and ate and used their washroom and bought a tube of Beardgo from a dispenser in the washroom and a shirt from another dispenser and threw away the one I had been wearing. By the time I returned I was fairly respectable.

But Larrigan must have bent Dr. Bernstein's ear about me. He was a young man, resident in training, and he took a very stiff line.

"Mr. Davis, you claim to be a Sleeper yourself. You must certainly know that there are criminals who make a regular business of preying on the gullibility and lack of orientation of a newly awakened Sleeper. Most Sleepers have considerable assets, all of them are unworldly in the world in which they find themselves, they are usually lonely and a bit scared—a perfect setup for confidence men."

"But all I want to know is where she went—I'm her cousin. But I took the Sleep before she did, so I didn't know she was going to."

"They usually claim to be relatives." He looked at me closely. "Haven't I seen you before?"

"I strongly doubt it. Unless you just happened to pass me on the Ways, downtown." People are always thinking they've seen me before; I've got one of the Twelve Standard Faces, as lacking in uniqueness as one peanut in a sackful. "Doctor, how about phoning Dr. Albrecht at Sawtelle Sanctuary and checking on me?"

He looked judicial.

Не будь рядом ее мужа, она, наверное, сказала бы мне и про это. Но только она открыла рот, он посмотрел на нее так выразительно, что ее решительность куда-то исчезла. Она ответила только: — Вы поговорите с доктором Бернштейном. Если вы еще не завтракали, то совсем рядом есть очень хорошее кафе.

Пришлось идти в «очень хорошее кафе» (что оказалось сущей правдой), где, помимо завтрака, я смог купить в туалетной комнате в одном автомате свежую сорочку, а в другом — тюбик пасты «брадобрей». Я умылся, привел себя в порядок и, сменив сорочку, выкинул старую в урну. Когда я вернулся в хранилище, я выглядел вполне респектабельно.

Но Ларриган, похоже, успел уже нашептать про меня доктору Бернштейну. Он оказался молод (видимо, недавно окончил институт) и очень официален.

— Мистер Дэвис, вы утверждаете, что вы тоже сонник. Тогда вам должно быть известно, что многие преступники пользуются доверчивостью и дезориентированностью недавно пробудившихся сонников. У большинства сонников есть немалые средства; они обычно немного не в своей тарелке; одиночество и боязнь нового окружения делают их легкой добычей для мошенников и проходимцев.

— Но я только хочу узнать, куда она уехала. Я ее кузен. Но я купил себе Холодный Сон раньше нее и даже не предполагал, что она тоже собирается это сделать.

— Вот и все так обычно говорят — утверждают, что родственники. — Он пристально на меня взглянул. — А я нигде не мог видеть вас раньше?

— Сильно сомневаюсь. Разве что на ленте, где-нибудь в городе — могли случайно ехать рядом. — Люди часто принимают меня за кого-то знакомого: у меня очень стандартное лицо, лишенное уникальности, словно горошина в банке с горохом. — А может, доктор, вы позвоните в Соутел и справитесь обо мне у доктора Альбрехта?

Он посмотрел на меня, словно судья на подсудимого.

"You come back and see the director. He can call the Sawtelle Sanctuary... or the police, whichever he sees fit."

So I left. Then I may have made a mistake. Instead of coming back to see the director and very possibly getting the exact information I needed (with the aid of Albrecht's vouching for me), I hired a jumpcab and went straight to Brawley.

It took three days to pick up her trail in Brawley. Oh, she had lived there and so had her grandmother; I found that out quickly. But the grandmother had died twenty years earlier and Ricky had taken the Sleep. Brawley is a mere hundred thousand compared with the seven million of Great Los Angeles; the twenty-year-old records were not hard to find. It was the trail less than a week old that I had trouble with.

Part of the trouble was that she was with someone; I had been looking for a young woman traveling alone. When I found out she had a man with her I thought anxiously about the crooks preying on Sleepers that Bernstein had lectured me about and got busier than ever.

I followed a false lead to Calexico, went back to Brawley, started over, picked it up again, and traced them as far as Yutna.

At Yuma I gave up the chase, for Ricky had gotten married. What I saw on the register at the county clerk's office there shocked me so much that I dropped everything and jumped a ship for Denver, stopping only to mail a card to Chuck telling him to clear out my desk and pack the stuff in my room.

— Ступайте к директору, когда тот придет. Пусть он и звонит в Соутел... или в полицию — как сочтет нужным.

Я ушел. И тут я, наверное, сделал ошибку. Вместо того чтобы пойти к директору и, вполне вероятно, получить от него всю необходимую информацию (думаю, доктор Альбрехт поручился бы за меня), я схватил гравитакси и двинул напрямик в Броули.

Чтобы отыскать ее след в Броули, понадобилось три дня. Да, она тут жила. Да, у нее была бабушка. Но бабушка умерла двадцать лет тому назад, а Рики воспользовалась Сном. Броули не Лос-Анджелес: тут всего сто тысяч жителей — пустяки в сравнении с семью миллионами. Отыскать в архивах информацию двадцатилетней давности было достаточно просто. А вот свежие, недельной давности следы отыскать было гораздо труднее.

Отчасти это объяснялось тем, что я искал одинокую молодую женщину; с нею, как оказалось, был спутник. Узнав об этом, я вспомнил лекцию доктора Бернштейна о жуликах, обирающих сонников-новичков, и заспешил еще сильнее.

Я поехал за ними в Калексико: ошибка. Пустышка. Вернулся обратно в Броули. Начал сначала, опять нашел след и проследил их путь до самой Юмы.

В Юме я прекратил поиски: Рики вышла замуж. Запись в журнале, который мне показали в конторе местного управления, так поразила меня, что я бросил все и немедленно махнул в Денвер, успев только бросить открытку Чаку с просьбой выгрести все пожитки из моего стола и отвезти ко мне домой.

I stopped in Denver just long enough to visit a dental-supply house. I had not been in Denver since it had become the capital-after the Six Weeks War, Miles and I had gone straight to California-and the place stunned me. Why, I couldn't even find Colfax Avenue. I had understood that everything essential to the government was buried back under the Rockies. If that is so, then there must be an awful lot of nonessentials still aboveground the place seemed even more crowded than Great Los Angeles.

At the dental-supply house I bought ten kilograms of gold, isotope 197, in the form of fourteen-gauge wire. I paid \$86.10 a kilogram for it, which was decidedly too much, since gold of engineering quality was selling for around \$70 a kilogram, and the transaction mortally wounded my only thousand-dollar bill. But engineering gold comes either in alloys never found in nature, or with isotopes 196 and 198 present, or both, depending on the application. For my purposes I wanted fine gold, undetectable from gold refined from natural ore, and I did not want gold that might burn my pants off if I got cozy with it-the overdose at Sandia had given me a healthy respect for radiation poisoning.

I wound the gold wire around my waist and went to Boulder. Ten kilograms is about the weight of a well-filled weekend bag and that much gold bulks almost exactly the same as a quart of milk. But the wire form of it made it bulk more than it would have solid; I can't recommend it as a girdle. But gold slugs would have been still harder to carry, and this way it was always with me.

Dr. Twitchell was still living there, though no longer working; he was professor emeritus and spent most of his waking hours in the bar of the faculty club. It took me four days to catch him in another bar, since the faculty club was closed to outlanders like me. But when I did, it turned out to be easy to buy him a drink.

В Денвере я остановился ровно на столько, чтобы посетить магазин зубо-врачебных принадлежностей. Я не бывал в Денвере с тех пор, как он стал столицей: после Шестинедельной войны мы с Майлсом сразу уехали в Калифорнию. Город меня ошеломил: я даже не сумел отыскать Колфакс-авеню. Я знал, что все важные правительственные учреждения и службы теперь упрятаны глубоко в отрогах Скалистых гор. Но если так, то в городе осталось еще навалом неважных: столпотворение было — почище, чем в Большом Лос-Анджелесе.

В магазине я купил десять килограммов золота, изотоп 197, в виде трехмиллиметровой проволоки. Заплатил за него по восемьдесят шесть долларов десять центов за килограмм — явно переплатил, учитывая, что техническое золото шло долларов по семьдесят; приобретение нанесло огромный моральный ущерб единственной тысячедолларовой банкноте в моем кармане. Но техническое золото идет в продажу в таких сплавах, которых в природе не бывает, либо включает изотопы 196 и 198, либо — по индивидуальным заявкам лабораторий — имеет и то и другое. Мне для моих надобностей требовалось золото, неотличимое от выплавленного из натуральных золотых самородков. Кроме того, после облучения в Сандии я с большой опаской относился к радиации и не хотел иметь дела с радиоактивными изотопами.

Я обмотал золото вокруг себя и отправился в Боулдер. Десять килограммов золота — это, в сущности, вес собранной для пикника сумки. А по объему оно занимает не больше, чем кварта молока. Правда, в виде проволоки оно более громоздко, чем в слитке: в общем, в качестве корсета рекомендовать не могу. Но так оно было всегда при мне. А носить при себе слитки было бы еще труднее.

Доктор Твитчел по-прежнему жил там же, в Боулдере, хотя и не работал: он теперь был почетным профессором-консультантом и проводил большую часть того времени, что не спал, в баре факультетского клуба. Четыре дня я караулил его, чтобы поговорить в каком-нибудь другом баре: в факультетский бар чужаков вроде меня не пускали. Поймав же, обнаружил, что угостить его выпивкой совсем не сложно.

He was a tragic figure in the classic Greek meaning, a great man—a very great man—gone to ruin. He should have been up there with Einstein and Bohr and Newton; as it was, only a few specialists in field theory were really aware of the stature of his work. Now when I met him his brilliant mind was soured with disappointment, dimmed with age, and soggy with alcohol. It was like visiting the ruins of what had been a magnificent temple after the roof has fallen in, hail the columns knocked down, and vines have grown over it all.

Nevertheless, he was brainier on the skids than I ever was at my best. I'm smart enough myself to appreciate real genius when I meet it.

The first time I saw him he looked up, looked straight at me and said, "You again." "Sir?"

"You used to be one of my students, didn't you?"

"Why, no, sir, I never had that honor." Ordinarily when people think they have seen me before, I brush it off; this time I decided to exploit it if I could. "Perhaps you are thinking of my cousin, Doctor Aclass of '86. He studied under you at one time."

"Possibly. What did he major in?"

"He had to drop out without a degree, sir. But he was a great admirer of yours. He never missed a chance to tell people he had studied under you."

You can't make an enemy by telling a mother her child is beautiful. Dr. Twitchell let me sit down and presently let me buy him a drink. The greatest weakness of the glorious old wreck was his professional vanity. I had salvaged part of the four days before I could scrape up an acquaintance with him by memorizing everything there was about him in the university library, so I knew what papers he had written, where he had presented them, what earned and honorary degrees he held, and what books he had written. I had tried one of the latter, but I was already out of my depth on page nine, although I did pick up a little patter from it.

Он был фигурой трагической в классическом древнегреческом смысле: большой — великий! — человек, потерпевший крах. Его место было в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютоном. А вышло так, что лишь несколько специалистов по теории поля понимали истинное значение его работ. Когда я с ним познакомился, оказалось, что его блестящий ум затуманен разочарованием, возрастом и алкоголем. Как будто смотришь на развалины прекрасного храма: крыша рухнула, упали многие колонны, и все эти руины обвил плющ.

И все равно он и теперь, на закате дней своих, был умнее, чем я в свои лучшие годы. Я и сам не дурак и могу оценить настоящего гения, если с ним сводит судьба.

Когда я впервые увидел его, он поднял голову, посмотрел прямо на меня и сказал: — Это опять вы... — Сэр?

— Вы были одним из моих студентов, не так ли?

— О нет, сэр, не имел такой чести. — Обычно, когда люди говорят, что мы встречались, я отмахиваюсь. На этот раз я решил этим воспользоваться, насколько удастся. — Вы, наверное, приняли меня за моего кузена, доктор. Выпуск шестьдесят шестого года. Он одно время у вас учился.

— Возможно. В чем он специализировался?

— Он ушел из колледжа, не получив степени. Но он всегда восхищался вами. Он никогда не упускал случая упомянуть, что учился у вас.

Если сказать матери, что у нее красивый ребенок, вряд ли она обидится. Твитчел разрешил мне присесть за его столик, а потом — и заказать на двоих выпивку. Величайшей слабостью почтенного старца было его профессиональное тщеславие. Те четыре дня, что я пытался поймать его, я прилежно учил наизусть то, что удалось найти про него в университетской библиотеке, так что знал теперь, какие работы он написал и где выступал с докладами, какими почетными степенями награжден и какие книги выпустил. Одну из его книг я попробовал осилить, но уже на девятой странице сдался: базы не хватало. Хотя кой-каких словечек поднабрался.

I let him know that I was a camp follower of science myself; right at present I was researching for a book: *Unsung Geniuses*.

Я намекнул ему, что занимаюсь науковедением: собираю материал для книги «Невоспетые гении».

"What's it going to be about?"

— А о чем будет эта книга?

I admitted diffidently that I thought it would be appropriate to start the book with a popular account of his life and works, provided he would be willing to relax a bit from his well-known habit of shunning publicity. I would have to get a lot of my material from him, of course. He thought it was claptrap and could not think of such a thing. But I pointed out that he had a duty to posterity and he agreed to think it over. By the next day he simply assumed that I was going to write his biography—not just a chapter, a whole book. From then on he talked and talked and I took notes... real notes; I did not dare try to fool him by faking, as he sometimes asked me to read back.

Я робко признался, что хотел бы начать книгу с рассказа о его жизни и трудах... если, конечно, он согласится немного изменить своей привычке избегать популярности. Я бы очень хотел получить от него некоторые сведения... Он заявил, что это дребедень, что он даже слушать об этом не желает. Но я заметил, что это его долг перед будущими поколениями, и он согласился подумать. На другой день он уже решил, что я собираюсь написать его биографию, а не просто включить главу о нем в книгу. С этого момента он заговорил, и все говорил... говорил... я еле успевал записывать. Записывал я всерьез: я бы не рискнул делать вид, что записываю. Время от времени он просил меня прочитывать ему, что он там наговорил, а я написал. Но про путешествия во времени он не обмолвился ни словечком.

Finally I said, "Doctor, isn't it true that if it had not been for a certain colonel who was once stationed here you would have had the Nobel Prize hands down?"

Наконец я рискнул: — Доктор, а правда, что если бы не некий полковник, что был тут когда-то расквартирован, то Нобелевскую премию вам бы на блюдечке принесли?

He cursed steadily for three minutes with magnificent style.

Он виртуозно матерился минуты три подряд.

"Who told you about him?"

— А кто вам сказал?

"Uh, Doctor, when I was doing research writing for the Department of Defense—I've mentioned that, haven't I?"

— Видите ли, доктор, когда я проводил одно фактографическое исследование для министерства обороны... я не говорил вам об этом?

"No."

— Нет.

"Well, when I was, I heard the whole story from a young Ph.D. working in another section. He had read the report and he said it was perfectly clear that you would be the most famous name in physics today... if you had been permitted to publish your work."

— Ну, так вот, когда я там работал, я узнал всю эту историю от одного молодого ученого из соседнего сектора. Он читал весь доклад и сказал: совершенно очевидно, что вы были бы самым известным ученым в современной физике, если бы вам разрешили опубликовать вашу работу.

"Hrrmph! That much is true."

— Хрр-ммм... Пока все так.

"But I gathered that it was classified... by order of this Colonel, uh, Plushbottom."

— Но я понял, что она была засекречена с подачи этого полковника... э-э, Флэшботэма.

"Thrushbotham. Thrushbotham, sir. A fat, fatuous, flatulent, foot-kissing fool incompetent to find his hat with it nailed to his head. Which it should have been."

— Трэшботэма. Трэшботэма, сэр. Идиот толстозадый. Он бы не нашел свою шляпу, если бы она была прибита у него к голове. Чего, кстати, он вполне был достоин.

"It seems a great pity."

— Да, очень прискорбно.

"What is a pity, sir? That Thrushbotham was a fool? That was nature's doing, not mine."

— Что? Что Трэшботэм был дурак? Так это природа виновата, а не я.

"It seems a pity that the world should be deprived of the story.
I understand that you are not allowed to speak of it."

— Очень прискорбно, что мир лишился исторического открытия. Насколько я понимаю, вам не положено об этом рассказывать?

"Who told you that? I say what I please~"

— Кто вам сказал? Я могу рассказывать все, что мне угодно!

"That was what I understood, sir... from my friend in the Department of Defense."

— Я так понял, сэр, из рассказа моего знакомого из министерства.

"Hrrrmph!"

— Хрр-ммм!..

That was all I got Out of him that night. It took him a week to decide to show me his laboratory.

Это было все, что мне удалось в тот вечер от него услышать. Чтобы он решился показать мне лабораторию, понадобилась еще неделя.

Most of the building was now used by other researchers, but his time laboratory he had never surrendered, even though he did not use it now; he fell back on its classified status and refused to let anyone else touch it, nor had he permitted the apparatus to be torn down. When he let me in, the place smelled like a vault that has not been opened in years.

Большую часть здания занимали теперь другие исследователи, но свою лабораторию он так и не отдал, хотя и не пользовался ею больше. Он заявил, что она засекреченная, и никого близко к ней не подпускал. Не дал он и демонтировать свою установку. Когда он отпер дверь и впустил меня внутрь, в лаборатории пахло, как в склепе, который не открывали много лет.

He had had just enough drinks not to give a damn, not so many but what he was still steady. His capacity was pretty high. He lectured me on the mathematics of time theory and temporal displacement (he didn't call it "time travel"), but he cautioned me not to take notes. It would not have helped if I had, as he would start a paragraph with, "It is therefore obvious-" and go on from there to matters which may have been obvious to him and God but to no one else.

When he slowed down I said, "I gathered from my friend that the one thing you had not been able to do was to calibrate it? That you could not tell the exact magnitude of the temporal displacement?"

"What? Poppycock! Young man, if you can't measure it, it's not science." He bubbled for a bit, like a teakettle, then went on, "Here. I'll show you." He turned away and started making adjustments. All that showed of his equipment was what he called the "temporal locus stage"-just a low platform with a cage around it-and a control board which might have served for a steam plant or a low-pressure chamber. I'm fairly sure I could have studied out how to handle the controls had I been left alone to examine them, but I had been told sharply to stay away from them. I could see an eight-point Brown recorder, some extremely heavy-duty solenoid-actuated switches, and a dozen other equally familiar components, but it didn't mean a thing without the circuit diagrams.

He turned back to me and demanded, "Have you any change in your pocket?"

I reached in and hauled out a handful. He glanced at it and selected two five-dollar pieces, mint new, the pretty green plastic hexagonals issued just that year. I could have wished that he had picked half fives, as I was running low.

"Do you have a knife?"

"Yes, sir."

Ему было нипочем: он уже успел достаточно выпить.

Вообще емкость на выпивку у него еще была о-го-го. Он стал читать мне лекцию по математическому обоснованию теории времени и темпорального смещения (слов «путешествие во времени» он не употреблял), но предупредил, чтобы я не записывал. Не послушайся я его, мало что изменилось бы: он начинал абзац словами «Отсюда очевидно, что...» и переходил к таким сложным материям, которые были очевидны, я думаю, только господу Богу да ему самому, но уж никак не нам, простым смертным.

В одну из пауз я сумел вклиниться: — Мой друг сказал мне, что вам так и не удалось откалибровать установку. Значит, вы не можете заранее определить точную величину предполагаемого темпорального смещения?

— Что? Чушь собачья! Молодой человек, если это нельзя измерить — это не наука. — Он немного побулькал, как кипящий чайник. Потом продолжал: — Вот, смотрите. Я вам покажу. — Он отвернулся и стал крутить ручки. От его оборудования на виду были только «темпоральный локализатор» — просто невысокая платформа, окруженная металлической сеткой, — да пульт управления, вроде тех, что используются для автоклавов или вакуумных камер. Наверное, если бы мне дали подойти к пульта поближе, я смог бы разобраться, как им управлять. Но мне было довольно резко велено держаться в сторонке. Я увидел восьмиканальный рекордер Брауна, несколько мощных соленоидных пускателей и еще полдюжины других, тоже хорошо известных устройств, но без схемы прибора толку от них было ноль.

Он повернулся ко мне и решительно спросил: — Есть у вас какая-нибудь мелочь в карманах?

Я достал из кармана пригоршню монет. Он порылся в ней и выбрал две пятидолларовые монеты — два новеньких, симпатичных пластиковых шестиугольника, выпущенных в этом году. «Лучше бы он взял монеты помельче, — подумал я, — у меня уже маловато их остается».

— Нож у вас найдется?

— Да, сэр.

"Scratch your initials on each of them."

— Нацарапайте на каждой монете свои инициалы.

I did so.

He then had me place them side by side on the stage.

Что я и сделал.

Потом он велел мне положить их рядышком в камере.

"Note the exact time. I have set the displacement for exactly one week, plus or minus six seconds."

— Заметьте время.

Я установил смещение ровно на одну неделю, плюс-минус шесть секунд.

I looked at my watch. Dr. Twitchell said, "Five...our three... two... one... now."

Я посмотрел на часы. Доктор Твитчел сосчитал: — Пять... четыре... три... два... один... пошел!

I looked up from my watch. The coins were gone. I didn't have to pretend that my eyes bugged out.

Я взглянул на платформу. Монет не было. Мне не пришлось делать вид, будто у меня глаза на лоб полезли: одно дело — услышать об этом опыте от Чака, и совсем другое — увидеть самому.

Chuck had told me about a similar demonstration- but seeing it was another matter.

Доктор Твитчел отрывисто сказал:

Dr. Twitchell said briskly, "We will return here one week from tonight and wait for one of them to reappear. As for the other one-you saw both of them on the stage? You placed them there yourself?"

— Вернемся сюда через неделю, и вы увидите, как появится одна из них. А вторая... Вы видели на платформе обе? Вы сами их туда положили?

"Yes, sir."

— Да, сэр.

"Where was I?"

— А где был я?

"At the control board, sir." He had been a good fifteen feet from the nearest part of the cage around the stage and had not approached it since.

— У пульта управления, сэр. — Он действительно был в добрых пяти метрах от огораживающей платформу сетки и не приближался к ней ни на шаг.

"Very well. Come here." I did so and he reached into a pocket. "Here's one of your bits. You'll get the other back a week from now." He handed me a green five-dollar coin; it had my initials on it.

— Отлично. Идите сюда. — Он сунул руку в карман. — Вот одна из ваших монет. Вторую получите через неделю. — Он вручил мне зеленую пятидолларовую монету. На ней были мои инициалы.

I did not say anything because I can't talk very well with my jaws sagging loosely.

Я ничего не сказал: трудно говорить, когда у тебя отвисла челюсть.

He went on, "Your remarks last week disturbed me. So I visited this place on Wednesday, something I have not done for—oh, more than a year. I found this coin on the stage, so I knew that it had been... would be... using the equipment again. It took me until tonight to decide to demonstrate it to you."

Он продолжал: — Вы рассердили меня своими замечаниями на прошлой неделе. В среду я заглянул сюда (а я не был тут уже больше года) и обнаружил на платформе эту монету. Тут я понял, что установка была в действии. То есть будет. Вот я и решал целую неделю, показать ее вам или нет.

I looked at the coin and felt it.

Я посмотрел на монету. Пощупал ее.

"This was in your pocket when we came here tonight?"

— Значит, когда мы пришли сюда, она уже была у вас в кармане?

"Certainly."

— Разумеется.

"But how could it be both in your pocket and my pocket at the same time?"

— Получается, что она была одновременно и у меня в кармане, и у вас? Как же это может быть?

"Good Lord, man, have you no eyes to see with? No brain to reason with? Can't you absorb a simple fact simply because it lies outside your dull existence? You fetched it here in your pocket tonight—and we kicked into last week. You saw. A few days ago I found it here. I placed it in my pocket. I fetched it here tonight. The same coin... or, to be precise, a later segment of its space-time structure, a week more worn, a week more dulled—but what the canaille would call the 'same' coin. Although no more identical in fact than is a baby identical with the man the baby grows into. Older."

— Господи, у вас что, глаз нет, молодой человек? У вас голова на плечах натуральная или муляж? Неужели вы не можете осмыслить простой факт только потому, что он лежит за пределами привычного? Сегодня вы принесли эту монету с собою, и мы зашвырнули ее на неделю назад: вы сами видели. Неделю назад я ее здесь нашел. Положил в карман. Принес сегодня сюда. Ту же самую монету... точнее, более позднюю репликацию ее пространственно-временной структуры: на неделю старше, старее. Но обыватель назвал бы ее «та же самая». Хотя сходства между ними не больше, чем между младенцем и взрослым человеком, который из него вырос.

I looked at it.

Я взглянул на него:

"Doctor ... push me back in time by a week."

— Доктор, отправьте меня в прошлое. На неделю назад!

He stared angrily.

Он взглянул сердито:

"Out of the question!"

— И речи быть не может!

"Why not? Won't it work with people?"

— Почему? Разве на людях эта штука не работает?

"Eh? Certainly it will work with people."

— Что? Разумеется, работает.

"Then why not do it? I'm not afraid. And think what a wonderful thing it would be for the book... if I could testify of my own knowledge that the Twitchell time displacement works."

— Тогда почему нет? Я не боюсь.
И представьте только, как это было бы здорово для будущей книги... если бы я мог на собственном опыте убедиться и подтвердить, что темпоральный сдвиг Твитчела действует.

"You can report it of your own knowledge. You just saw it."

— Вы уже убедились на собственном опыте. Можете так и написать.

"Yes," I admitted slowly, "but I won't be believed. That business with the coins... I saw it and I believe it. But anyone simply reading an account of it would conclude that I was gullible, that you had hoaxed me with some simple legerdemain."

— Пожалуй, — задумчиво произнес я, — но мне же не поверят. Этот опыт с монетами... Я верю, потому что я видел его. Но любой, кто прочтет мои записки, решит, что я просто подвергся внушению, что меня надули каким-то ловким трюком.

"Damn it, sir!"

— Вот черт бы вас подрал, сэр!

"That's what they would say. They wouldn't be able to believe that I actually had seen what I reported. But if you were to ship me back just a week, then I could report of my own knowledge—" "Sit down. Listen to me."

— Так это же не я — люди скажут. Они не поверят, что я действительно видел то, что описываю. Вот если бы вы отправили меня на неделю назад, я бы мог описать свои собственные ощущения и... — Сядьте. И выслушайте меня.

He sat down, but there was no place for me to sit, although he did not seem aware of it.

Он сел; мне сесть было некуда, но он этого не заметил.

"I have experimented with human beings long ago. And for that reason I resolved never to do it again."

— Я уже ставил эксперименты на людях, давным-давно. И именно поэтому я решил никогда больше этого не делать.

"Why? Did it kill them?"

— Почему? Они погибли?

"What? Don't talk nonsense." He looked at me sharply, added, "You are not to put this in the book."

— Что? Не порите чушь! — Он посмотрел на меня угрожающе и добавил: — И не смейте ни о чем таком писать в своей книге.

"As you say, sir."

— Как скажете, сэр.

"Some minor experiments showed that living subjects could make temporal displacements without harm. I had confided in a colleague, a young fellow who taught drawing and other matters in the school of architecture.

Really more of an engineer than a scientist, but I liked him; his mind was alive.

This young chap-it can't hurt to tell you his name: Leonard Vincent-was wild to try it... really try it; he wanted to undergo major displacement, five hundred years. I was weak. I let him."

"Then what happened?"

"How should I know? Five hundred years, man! I'll never live to find out." "But you think he's five hundred years in the future?"

"Or the past. He might have wound up in the fifteenth century. Or the twenty-fifth. The chances are precisely even. There's an indeterminacy-symmetrical equations. I've sometimes thought no, just a chance similarity in names." I didn't ask what he meant by this because I suddenly saw the similarity, too, and my hair stood on end.

Then I pushed it out of my mind; I had other problems. Besides, chance similarity was all it could be-a man could not get from Colorado to Italy, not in the fifteenth century. "But I resolved not to be tempted again. It wasn't science, it added nothing to the data, If he was displaced forward, well and good. But if he was displaced backward... then possibly I sent my friend to be killed by savages. Or eaten by wild animals."

Or even possibly, I thought, to become a "Great White God." I kept the thought to myself.

"But you needn't use so long a displacement with me."

"Let's say no more about it, if you please, sir."

— Эксперименты показали, что живые существа переносят темпоральное перемещение без вреда. Я доверился коллеге — молодому преподавателю, который вел у нас рисование и другие подобные предметы на архитектурном факультете. Он, пожалуй, был больше инженером, нежели ученым, но мне он нравился: у него был очень живой ум. Этого молодого человека — ничего, наверное, не случится, если я скажу вам его имя, — звали Леонард Винцент; он так жаждал испытать это... Он хотел испытать Большое Перемещение — на пятьсот лет. Я не сумел отказать. Я уступил.

— И что произошло?

— А откуда я знаю? Пятьсот лет! Мне никогда не узнать... — Вы думаете, он попал на пятьсот лет в будущее?

— Или в прошлое. Он мог очутиться в пятнадцатом веке. Или в двадцать пятом. Шансы совершенно равные. Принцип неопределенности, симметричное уравнение... Я даже иногда думаю... да нет, не может быть. Так, случайное сходство имен.

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду, потому что в этот момент вдруг тоже обнаружил это сходство имен, и волосы у меня на голове встали дыбом. Но я быстро выбросил это из головы: у меня были другие проблемы. Да, кроме того, это и было наверняка лишь случайное сходство: не мог же человек в пятнадцатом веке попасть из Колорадо в Италию... — И я решил впредь не поддаваться подобному искушению. Это ведь не наука: это ничего не добавляет к знанию. Если он попал в будущее — на доброе здоровье. А вот если в прошлое... тогда, получается, я отправил своего друга на расправу варварам, а может, и на съедение диким зверям.

«А может быть, — подумал я, — вы обрекли его на участь Великого Белого Бога». Но я промолчал.

— Я ведь не прошу, чтобы вы отправили меня слишком далеко. То есть надолго.

— Давайте больше не будем об этом, прошу вас.

"As you wish, Doctor." But I couldn't drop it. "Uh, may I make a suggestion?"

— Как скажете, доктор. — Но я был не в силах остановиться. — Э-э, позвольте сделать одно предложение?

"Eh? Speak up."

— Ну? Высказывайтесь.

"We could get almost the same result by a rehearsal."

— Мы могли бы получить почти тот же результат простой имитацией.

"What do you mean?"

— Что вы имеете в виду?

"A complete dry run, with everything done just exactly as if you were intending to displace a living subject—I'll act out that part. We'll do everything precisely as if you meant to displace me, right up to the point where you would push that button. Then I'll understand the procedure... which I don't quite, as yet."

— Совсем понарошку: сделаем все так, как будто бы мы действительно собрались переместить во времени живой объект — объектом буду я — вплоть до того момента, когда надо нажать кнопку. Тогда я смогу понять смысл процедуры. Пока, честно говоря, я его не вполне понимаю.

He grumbled a little but he really wanted to show off his toy. He weighed me and set aside metal weights just equal to my hundred and seventy pounds.

Он немного поворчал, но ему так хотелось продемонстрировать мне свою игрушку... Он взвесил меня и отобрал металлические гири, равные моему весу: сто семьдесят фунтов.

"These are the same scales I used with poor Vincent."

— Это те же самые весы, на которых я взвешивал беднягу Винсента.

Between us we placed them on one side of the stage.

Вдвоем мы уложили грузы на одном краю платформы.

"What temporal setting shall we make?" he asked. "This is your show."

— Какое время установим? — спросил он.
— Вам решать.

"Uh, you said that it could be set accurately?"

— Э-э, вы сказали, что время можно установить точно?

"I said so, sir. Do you doubt it?"

— Да, сэр, именно так я и сказал. А вы сомневаетесь?

"Oh no, no! Well, let's see, this is the twenty-fourth of May—suppose we... how about, uh, say thirty-one years, three weeks, one day, seven hours, thirteen minutes, and twenty-five seconds?"

— Нет-нет-нет! Ну-с, так. Сегодня двадцать четвертое мая... Предположим, мы... Как, скажем, насчет такого смещения: тридцать один год, три недели, один день, семь часов, тринадцать минут и двадцать пять секунд?

"A poor jest, sir. When I said 'accurate' I meant 'accurate to better than one part in one hundred thousand.' I have had no opportunity to calibrate to one part in nine hundred million."

— Бледно, молодой человек. Когда я говорю «точно», то имею в виду «с точностью до одной стотысячной». У меня просто не было возможности откалибровать установку с точностью до одной стомиллионной.

"Oh. You see, Doctor, how important an exact rehearsal is to me, since I know so little about it. Uh, suppose we call it thirty-one years and three weeks. Or is that still too finicky?"

— Да?.. Понимаете, профессор, мне очень важно, чтобы все было как на самом деле — я ведь так мало об этом знаю. Ну, давайте просто поставим тридцать один год и три недели. Или это тоже — излишество?

"Not at all. The maximum error should not exceed two hours." He made his adjustments. "You can take your place on the stage."

— Ничуть. Максимальная ошибка не превысит двух часов. — Он опять что-то повернул. — Можете занять свое место на сцене, юноша.

"Is that all?"

— И это — все?

"Yes. All but the power. I could not actually make this displacement with the line voltage I used on those coins. But since we aren't actually going to do it, that doesn't matter."

— Все. Все, кроме энергии. Конечно, с сетевым напряжением, которого хватило на перемещение двух монет на неделю, я бы не смог совершить такого броска. Но, поскольку мы не собираемся включать установку на самом деле, это не имеет значения.

I looked disappointed and was.

Я был разочарован. Наверное, и вид у меня был соответствующий.

"Then you don't actually have what is necessary to produce such a displacement? You were speaking theoretically?"

— Значит, у вас нет всего необходимого, чтобы выполнить подобное перемещение? Значит, все это только теоретически?..

"Confound it, sir, I was not speaking theoretically."

— Черт подери, сэр! Ничуть не теоретически.

"But if you don't have the power...?" "I can get the power if you insist. Wait."

— Так у вас же нет достаточной энергии... — Раз вы так настаиваете, будет и энергия. Подождите.

He went to a corner of the lab and picked up a phone. It must have been installed when the lab was new;

Он ушел в угол и снял трубку телефона. Телефон, похоже, установили, когда лаборатория еще была новенькая: с тех пор, как я вышел из хранилища, такого старого аппарата я не видел.

I hadn't seen one like it since I was awakened. There followed a brisk conversation with the night superintendent of the university's powerhouse. Dr. Twitchell was not dependent on profanity; he could avoid it entirely and be more biting than most real artists can be when using plainer words.

Последовала беседа с дежурным электриком. На повышенных тонах. Нецензурной бранью профессор не воспользовался: он прекрасно обходился без нее, но при этом хлестал языком гораздо больше, чем те «артисты», мастера жанра, которые пользуются обычными ругательствами.

"I am not in the least interested in your opinions, my man. Read your instructions. I have full facilities whenever I wish them. Or can you read? Shall we meet with the president at ten tomorrow morning and have him read them to you? Oh? So you can read? Can you write as well? Or have we exhausted your talents? Then write this down: Emergency full power across the bus bars of the Thornton Memorial Laboratory in exactly eight minutes. Repeat that back."

— Меня не интересует, что вы думаете, почтеннейший. Прочтите свою инструкцию. Я имею право получить все возможности лабораторного корпуса в свое распоряжение. В любое время, когда захочу. Читать умеете? Или мы встретимся завтра в десять в кабинете ректора, чтобы он прочел вам ваши обязанности? Ах, вы умеете читать? Может, и писать тоже? Или ваши таланты исчерпываются чтением? Тогда запишите: полную аварийную мощность на высоковольтные шины Мемориальной Лаборатории Торнтона ровно через восемь минут. Повторите!

He replaced the instrument.

Он положил трубку.

"People!"

— Вот люди!..

He went to the control board, made some changes, and waited. Presently, even from where I stood inside the cage, I could see the long hands of three sets of meters swing across their dials and a red light came on at the top of the board.

Подойдя к пульту, он что-то поправил. Потекли минуты. Вдруг я даже с того места, где стоял, увидел, как стрелки приборов метнулись вправо, а наверху загорелась красная лампочка.

"Power," he announced.

— Вот и энергия, — объявил он.

"Now what happens?"

— И что теперь?

"Nothing."

— Ничего.

"That's just what I thought."

— Я так и думал.

"What do you mean?" "What I said."

— Что вы хотите сказать?

Nothing would happen."

— То, что сказал: ничего не будет.

"I'm afraid I don't understand you. I hope I don't understand you. What I meant is that nothing would happen unless I closed this pilot switch. If I did, you would be displaced precisely thirty-one years, three weeks."

— Боюсь, что не вполне вас понимаю. Более того: я надеюсь, что неправильно вас понял. Я имел в виду, что если я не нажму кнопку, то ничего не произойдет. Но если я нажму ее, то вы переместитесь ровно на тридцать один год и три недели.

"And I still say nothing would happen."

— А я говорю, что ничего не будет.

His face grew dark.

Его лицо потемнело.

"I think, sir, you are being intentionally offensive."

— Сэр, я полагаю, что вы намеренно ведете себя столь оскорбительно.

"Call it what you want to. Doctor, I came here to investigate a remarkable rumor. Well, I've investigated it. I've seen a control board with pretty lights on it; it looks like a set for a mad scientist in a grabbie spectacular. I've seen a parlor trick performed with a couple of coins. Not much of a trick, by the way, since you selected the coins yourself and told me how to mark them; any parlor magician could do better. I've heard a lot of talk. But talk is cheap. What you claim to have discovered is impossible. By the way, they know that down at the department. Your report wasn't suppressed; it's simply filed in the screwball file. They get it out and pass it around now and then for a laugh."

— Считайте как хотите, доктор. Я приехал сюда проверить правдивость дошедших до меня слухов. И я их проверил. Я увидел пульт управления с красивыми лампочками. Похоже на декорацию для фильма ужасов про сумасшедшего профессора. Я увидел салонный фокус с парой монеток. Фокус слабый, надо заметить: монеты вы выбирали сами, а я пометил их так, как вы велели. Да любой циркач может показать этот фокус лучше вас. Я выслушал долгую лекцию. Но разговоры — штука дешевая. То, что вы якобы изобрели, невозможно. Кстати, в министерстве это знают. Ваш доклад никто не запрещал: его просто подшили в ту папку, куда складывают все проекты вечных двигателей. Наверняка время от времени его достают почитать смеха ради.

I thought the poor old boy was going to have a stroke there and then. But I had to stimulate him by the only reflex he had left, his vanity.

Я думал, старикана хватит удар не сходя с места. Но единственным рефлексом, который у него остался, на который я мог рассчитывать, было его тщеславие. Надо было дожимать старика.

"Come out of there, sir. Come out. I'm going to thrash you. With my bare hands I'm going to thrash you."

— Спускайтесь, сэр. Выходите. Я сейчас выпорю вас. Выдеру голыми руками.

The rage he was in, I think he might have managed it, despite age and weight and physical condition. But I answered, "You don't scare me, Pappy. That dummy button doesn't scare me either. Go ahead and push it."

Я думаю, он был так разъярен, что, пожалуй, мог бы и выпороть, несмотря на разницу в возрасте, весе и физической силе. Но я ответил: — Я тебя не боюсь, папаша. И твоей фальшивой красной кнопки тоже не боюсь. Валяй, нажимай!

He looked at me, looked at the button, but still he didn't do anything. I snickered and said, "A hoax, just as the boys said it was. Twitch, you're a pompous old faker, a stuffed shirt. Colonel Thrushbotham was right."

Он взглянул на меня. На кнопку. Но не двинулся с места. Тогда я хихикнул и сказал: — Правильно ребята говорили: ложная тревога. Твитч, вы напыщенный старый обманщик. Полковник Трэшботэм был прав.

That did it.

Это сработало.

CHAPTER 10

Глава 10

•

Even as he stabbed at the button I tried to shout at him not to do it. But it was too late; I was already falling. My last thought was an agonized one that I didn't want to go through with it. I had chucked away everything and tormented almost to death a poor old man who hadn't done me any harm-and I didn't even know which way I was going. Worse, I didn't know that I could get there. Then I hit.

Он с размаху ударил по кнопке. Я хотел крикнуть ему: «Не надо!» — но было поздно. Я уже куда-то падал. Последней судорожной мыслью было: я не хочу! Я все выкинул на ветер. Я довел почти до апоплексического удара несчастного старика, не сделавшего мне ничего худого. И я даже не знал, в какую сторону двигаюсь. Хуже того, я вообще не был уверен, попаду ли я туда, куда хочу попасть... И тут я упал.

I don't think I fell more than four feet but I had not been ready for it.

Свалился я, наверное, с высоты не более метра-полутора, но был совершенно не готов к этому падению и рухнул, как куль.

I fell like a stick, collapsed like a sack.

И тут же кто-то спросил:

Then somebody was saying, "Where the devil did you come from?"

— Откуда это вы свалились, черт возьми?

It was a man, about forty, bald-headed but well built and lean. He was standing facing me with his fists on his hipbones. He looked competent and shrewd and his face was not unpleasant save that at the moment he seemed sore at me.

Спрашивавший оказался мужчиной лет сорока, лысым, но крепким и поджарым. Он стоял, руки в боки, лицом ко мне. Умное, интеллигентное лицо его было приятным, несмотря на то, что он явно был в этот момент на меня сердит.

I sat up and found that I was sitting on granite gravel and pine needles. There was a woman standing by the man, a pleasant pretty woman somewhat younger than he. She was looking at me wide-eyed but not speaking.

Я сел. Оказалось, что сижу я на покрытой слоем опавшей хвои гранитной гальке. Рядом с мужчиной стояла женщина — привлекательная, даже красивая, немного моложе его, — смотрела на меня ошеломленно, но молчала.

"Where am I?" I said foolishly. I could have said, "When am I?" but that would have sounded still more foolish, and besides, I didn't think of it. One look at them and I knew when I was not—I was sure it was not 1970. Nor was I still in 2001; in 2001 they kept that sort of thing for the beaches. So I must have gone the wrong way.

Because neither one of them wore anything but smooth coats of tan. Not even Sticktite. But they seemed to find it enough. Certainly they were not embarrassed by it.

"One thing at a time," he objected. "I asked you how you got here?" He glanced up. "Your parachute didn't stick in the trees, did it? In any case, what are you doing here? This is posted private property; you're trespassing. And what are you doing in that Mardi Gras getup?"

I didn't see anything wrong with my clothes—especially in view of the way they were dressed. But I didn't answer. Other times, other customs—I could see that I was going to have trouble.

She put a hand on his arm.

"Don't, John," she said gently. "I think he's hurt."

He looked at her, glanced back sharply at me.

"Are you hurt?"

I tried to stand up, managed it.

"I don't think so. A few bruises, maybe. Uh, what date is today?"

"Huh? Why, it's the first Sunday in May. The third of May, I think. Is that right, Jenny?"

"Yes, dear."

— Где я? — спросил я самым дурацким манером. Мне следовало спросить «когда я?», но это прозвучало бы еще глупее, и вдобавок я об этом не подумал. Достаточно было взглянуть на них, и было ясно, куда я не попал: я был явно не в 1970-м. Но и не в 2001-м тоже: в 2001-м в таком виде ходили только на пляже. Похоже, меня занесло в другую сторону.

Потому что ничего, кроме ровного, густого загара, на них не было. Но им, видимо, этого хватало: они явно не чувствовали неловкости.

— Давайте по очереди, — возразил он. — Я спросил вас, как вы сюда попали. — Он взглянул вверх. — Парашют в ветвях вроде не запутался, так? И вообще, что вы здесь делаете? Это — частные владения. Вы здесь явно без разрешения. И что это за маскарадный костюм вы напялили?

На мой взгляд, одет я был вполне нормально. Особенно по сравнению с ними. Но спорить я не стал: другие времена — иные нравы. Похоже, у меня тут будут неприятности.

Она положила руку ему на плечо.

— Не надо, Джон, — сказала она ласково. — По-моему, он ушибся.

Он глянул на нее и снова уперся своим острым взглядом мне в лицо.

— Вы ушиблись?

Я попытался встать — это у меня получилось.

— По-моему, нет. Так, пара синяков будет. А какое сегодня число?

— А? Число? Сегодня первое воскресенье мая. Третье мая, по-моему. Так, Дженни?

— Да, милый.

"Look," I said urgently, "I got an awful knock on the head. I'm confused. What's the date? The whole date?"

— Слушайте, — сказал я торопливо, — я сильно ушиб голову. Наверное, я потерял ориентировку. Какое сегодня число? Только полностью — месяц и год?

"What?"

— Что?

I should have kept my mouth shut until I could pick it up off something, a calendar or a paper. But I had to know right then; I couldn't stand to wait.

Мне бы лучше было помалкивать, пока я не узнаю год сам — из газеты или с настенного календаря. Но я больше не в силах был ждать: я должен был узнать это немедленно.

"What year?"

— Какой год?!

"Brother, you did get a lump. It's 1970."

— Крепко тебя, браток, тряхнуло. Семидесятый.

I saw him staring at my clothes again.

Он опять уставился на мою одежду.

My relief was almost more than I could stand. I'd made it, I'd made it! I wasn't too late.

Облегчение мое было безмерным. Получилось! Я попал куда следует! Я не опоздал!

"Thanks," I said. "Thanks an awful lot. You don't know." He still looked as if he wanted to call out the reserves, so I added nervously, "I'm subject to sudden attacks of amnesia. Once I lost, uh-five whole years."

— Спасибо, — сказал я. — Огромное вам спасибо. Вы даже не представляете... — Он все еще смотрел на меня так, словно решал, не пора ли вызвать подкрепление, и я поспешил добавить: — У меня бывают внезапные приступы потери памяти. Однажды я так потерял... целых пять лет.

"I should think that would be upsetting," he said slowly. "Do you feel well enough to answer my questions?"

— Я думаю, это очень неприятно, — процедил он. — Теперь вам лучше? На вопросы отвечать можете?

"Don't badger him, dear," she said softly. "He looks like a nice person. I think he's just made a mistake."

— Ну что ты пристал к человеку, милый? — ласково сказала она. — По-моему, он славный. Наверное, он просто ушибся.

"We'll see. Well?"

— Посмотрим. Ну?

"I feel all right... now. But I was pretty confused for a minute there."

— Вроде бы сейчас я себя чувствую прилично. Но буквально минуту назад у меня еще все путалось.

"Okay. How did you get here? And why are you dressed that way?"

— Окей. Как вы сюда попали? И почему вы так странно одеты?

"To tell the truth, I'm not sure how I got here. And I certainly don't know where I am. These spells hit me suddenly. As for how I'm dressed... I guess you could call it personal eccentricity. Uh like the way you're dressed. Or not dressed."

He glanced down at himself and grinned.

"Oh, yes, I'm quite aware that the way my wife and I are dressed... or not dressed would call for explanation under some circumstances. But we prefer to make trespassers do the explaining instead. You see, you don't belong here, dressed that way or any other, while we do — just as we are. These are the grounds of the Denver Sunshine Club."

John and Jenny Sutton were the sort of sophisticated, unshockable, friendly people who could invite an earthquake in for tea. John obviously was not satisfied with my fishy explanations and wanted to cross-examine me, but Jenny held him back. I stuck to my story about "dizzy spells" and said that the last I remembered was yesterday evening and that I had been in Denver, at the New Brown Palace. Finally he said, "Well, it's quite interesting, even exciting, and I suppose somebody who's going into Boulder can drop you there and you can get a bus back into Denver." He looked at me again. "But if I take you back to the clubhouse, people are going to be mighty, mighty curious."

I looked down at myself. I had been made vaguely uneasy by the fact that I was dressed and they were not — I mean I felt like the one out of order, not they.

"John... would it simplify things if I peeled off my clothes, too?" The prospect did not upset me; I had never been in one of the bare-skin camps before, seeing no point in them. But Chuck and I had spent a couple of weekends at Santa Barbara and one at Laguna Beach — at a beach skin makes sense and nothing else does.

He nodded.

"It certainly would."

— Честно говоря, я не совсем представляю, как я сюда попал. И уж точно не знаю, куда я попал. Эти приступы налетают так внезапно... А что касается моей одежды — можно сказать, что это просто некоторое чудачество. Ну... ну вот, скажем, вы тоже необычно одеты. Точнее, раздеты.

Он посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Да уж, при определенных обстоятельствах, наверное, наша одежда — точнее, ее отсутствие — тоже вызвала бы вопросы. Но мы предпочитаем, чтобы оправдывались незваные гости. Видите ли, вы здесь — чужой, одетый или раздетый. А вот мы — свои, независимо от одежды. Вы попали на территорию денверского клуба nudists.

Джон и Дженни Саттон оказались современными, невозмутимыми, дружелюбными людьми. Джона явно не удовлетворили мои скользкие объяснения. По-моему, он хотел устроить мне перекрестный допрос, но Дженни удержала. Я крепко держался за свою байку про «приступы амнезии» и утверждал, будто бы последнее, что я помню, — вчерашний вечер, когда я был в Денвере, в Нью-Браун-Пэлас. Наконец он сказал: — Ну что ж, все это очень интересно, просто увлекательно. Я думаю, кто-нибудь из наших, кто едет в Боулдер, захватит вас, а оттуда вы доберетесь до Денвера на автобусе. — Он опять глянул на меня. — Но если я приведу вас в клуб, то все это будет чертовски подозрительно.

Я оглядел свой костюм. Я испытывал неловкость от того, что я был одет, а они — нет. Я имею в виду, что не они, а именно я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Джон, если я разденусь, это упростит проблему? — Такая перспектива меня не смущала. В нудистских клубах я раньше не бывал, — чего мне там делать? — но мы с Чаком пару раз ездили на выходные в Санта-Барбара, а на пляже кожа кажется естественной, а одежда — нет.

Он кивнул.

— Безусловно.

"Dear," said Jenny, "he could be our guest."

— Дорогой, — сказала Дженни, — а ведь он может быть нашим гостем.

"Mmm... yes. My only love, you paddle your sweet self into the grounds. Mix around and manage to let it be known that we are expecting a guest from... where had it better be, Danny?"

— Хмм... пожалуй. Любимая, ты, наверное, греби к людям. А там побеседуй, дай понять, что мы ждем гостя из... откуда лучше сказать, Дэнни?

"Uh, from California. Los Angeles. I actually am from there." I almost said "Great Los Angeles" and realized that I was going to have to guard my speech. "Movies" were no longer "grabbies."
"From Los Angeles. That and 'Danny' is all that is necessary; we don't use last names, unless offered. So, honey, you spread the word, as if it were something everybody already knew. Then in about half an hour you have to meet us down by the gate. But come here instead. And fetch my overnight bag."

— Хм, из Калифорнии. Из Лос-Анджелеса. Я действительно оттуда.
— Я чуть не брякнул «Большой Лос-Анджелес» и понял, что придется следить за собой: кино опять «кино», а не «завлекуино»...
— Ага, из Лос-Анджелеса.
Дэнни из Лос-Анджелеса — этого вполне достаточно. Мы зовем друг друга только по имени. Так что, милая, распусти слух, что мы ждем гостей. Да с таким видом, словно уже предупреждала об этом. А через полчаса скажи, что идешь к воротам встречать нас. И приходи сюда. Не забудь прихватить мою сумку.

"Why the bag, dear?"

— Сумку, милый? Зачем?

"To conceal that masquerade costume. It's pretty conspicuous, even for anyone who is as eccentric as Danny said he is."

— Спрятать этот маскарадный костюм. Даже для чудаков вроде Дэнни он выглядит... необычно.

I got up and went at once behind some bushes to undress, since I wouldn't have any excuse for locker-room modesty once Jenny Sutton left us. I had to do it; I couldn't peel down and reveal that I had twenty thousand dollars' worth of gold, figured at the 1970 standard of sixty dollars an ounce, wrapped around my waist. It did not take long, as I had made a belt of the gold, instead of a girdle, the first time I had had trouble getting it off and on to bathe; I had double-looped it and wired it together in front.

Я встал и пошел за кусты — Дженни ушла, и предлога уйти в раздевалку у меня не было. А за кусты прятаться пришлось: не мог же я раздеться на виду у Джона, демонстрируя, что у меня вокруг талии обернуто золото на двадцать тысяч долларов (в семидесятом цена золота была где-то около шестидесяти долларов за унцию). Снял я это богатство быстро: вместо корсета я сделал из золота пояс, который было гораздо легче снимать и надевать при мытье — впереди я приделал шнурки для крепления.

When I had my clothes off I wrapped the gold in them and tried to pretend that it all weighed only what clothes should. John Sutton glanced at the bundle but said nothing. He offered me a cigarette—he carried them strapped to his ankle. They were a brand I had never expected to see again.

Сняв одежду и пояс, я завернул золото в тряпки и попытался сделать вид, будто моя одежда весит ровно столько, сколько она должна весить. Джон посмотрел на сверток, но промолчал. Он предложил мне сигарету — пачка сигарет была у него прикреплена к лодыжке. Сигареты оказались такого сорта, который я уже и не мечтал когда-нибудь еще попробовать.

I waved it but it didn't light. Then I let him light it for me.

Я помахал ею в воздухе, но она не зажглась. Джон дал мне прикурить.

"Now," he said quietly, "that we are alone, do you have anything you want to tell me?
If I'm going to vouch for you to the club, I'm honor-bound to be sure, at the very least, that you won't make trouble." I took a puff.

It felt raw in my throat.

"John, I won't make any trouble. That's the last thing on earth that I want."

"Mmm... probably. Just 'dizzy spells' then?"

I thought about it. It was an impossible situation. The man had a right to know. But he certainly would not believe the truth, at least I would not have in his shoes. But it would be worse if he did believe me; it would kick up the very hoorah that I did not want. I suppose that if I had been a real, honest, legitimate time traveler, engaged in scientific research, I would have sought publicity, brought along indisputable proof, and invited tests by scientists.

But I wasn't; I was a private and somewhat shady citizen, engaged in hanky-panky I didn't want to call attention to. I was simply looking for my Door into Summer, as quietly as possible. "John, you wouldn't believe it if I told you."

"Mmm... perhaps. Still, I saw a man fall out of empty sky but he didn't hit hard enough to hurt him. He's wearing funny clothes. He doesn't seem to know where he is or what day it is. Danny, I've read Charles Fort, the same as most people. But I never expected to meet a case. But, having met one, I don't expect the explanation to be as simple as a card trick. So?"

"John, something you said earlier—the way you phrased something—made me think you were a lawyer."

"Yes, I am. Why?"

— Ну, — тихо сказал он, — теперь мы одни. Ты ничего не хочешь мне сказать? Мне ведь придется поручиться за тебя в клубе, и я, по крайней мере, имею право убедиться, что от тебя не будет неприятностей.

Я сделал затяжку: вкус был грубый, я отвык от таких сигарет.

— Джон, чего-чего, а неприятностей от меня не будет. Неприятности — это то, чего я хочу меньше всего.

— Хм-мм... наверное. Значит, «приступы головокружения»?

Я задумался. Ситуация была совершенно невозможная. Джон имел право знать. Но он, безусловно, не поверил бы мне. Я бы на его месте не поверил. А если он поверит мне, будет еще хуже: начнется тот самый шум, которого я так хочу избежать. Наверное, если бы я был настоящим путешественником во времени, выполняющим научные исследования, то я бы стремился к известности, предъявлял бы доказательства и предлагал ученым исследовать себя.

Но я не был путешественником-ученым. Я был лицом сугубо частным и собирался при этом провернуть одно дельце, привлекать внимание к которому с моей стороны было бы глупо. Я просто тихо и незаметно искал свою Дверь в Лето...
— Джон, если я расскажу правду, то ты мне не поверишь.

— Ммм... наверное. И все же... прямо с неба падает человек. Но не расшибается в лепешку. На нем странная одежда. Он не знает, где он и какой сегодня день. Дэнни, я читал Чарльза Форта, как и большинство грамотных людей. Но я никогда не думал, что увижу что-то подобное своими глазами. Конечно, увидев, я не рассчитываю, что объяснение будет простым, как разгадка карточного фокуса. И все же?

— Джон, судя по тем оборотам, которые ты употребляешь, ты юрист. Я не ошибаюсь?

— Нет. Я юрист. А что?

"Can I make a privileged communication?"

— Могу я рассчитывать на конфиденциальность нашего разговора?

"Hmm-are you asking me to accept you as a client?"

— Хмм... Ты что, хочешь стать моим клиентом?

"If you want to put it that way, yes. I'm probably going to need advice."

— Если ты ставишь вопрос так, то да. Мне, похоже, потребуется совет юриста.

"Shoot. Privileged."

— Выкладывай. Это конфиденциально.

"Okay. I'm from the future. Time travel."

— Окей. Я из будущего. Путешественник во времени.

He didn't say anything for several moments. We were lying stretched out in the sun. I was doing it to keep warm; May in Colorado is sunshiny but brisk. John Sutton seemed used to it and was simply lounging, chewing a pine needle.

Некоторое время он молчал. Мы лежали на песке: я — чтобы согреться (май в Колорадо солнечный, но прохладный), Джон, похоже, привык и просто загорал, размышляя и жуя хвоинку.

"You're right," he answered. "I don't believe it. Let's stick to `dizzy spells.'"

— Ты прав, — сказал он, — я не верю. Давай лучше держаться версии с приступами амнезии.

"I told you you wouldn't."

— А я тебе говорил, что ты не сможешь в это поверить.

He sighed.

Он вздохнул.

"Let's say I don't want to. I don't want to believe in ghosts, either, or reincarnation, or any of this ESP magic. I like simple things that I can understand. I think most people do. So my first advice to you is to keep it a privileged communication. Don't spread it around."

— Скажем так: не хочу. Я не хочу верить в переселение душ, в привидения и прочую такую чертовщину. Я люблю простые вещи — их я понимаю. Наверное, и большинство людей тоже. Так что мой тебе первый совет: пусть это останется нашей конфиденциальной беседой. Не разванивай про это дело.

"That suits me."

— Это меня устраивает.

He rolled over.

Он перевернулся на другой бок.

"But I think it would be a good idea if we burned these clothes. I'll find you something to wear. Will they burn?"

— Я думаю, будет весьма разумно, если мы сожжем твою одежду. Я что-нибудь тебе подберу. Она горит?

"Uh, not very easily. They'll melt."

— Вряд ли. Плавится, я думаю.

"Better put your shoes back on. We wear shoes mostly, and those will get by. Anybody asks you questions about them, they're custom-made. Health shoes."

— И лучше обуйся. Мы тут обычно ходим в ботинках; твои сойдут. Если начнут спрашивать, говори — на заказ шил. Ортопедические, для улучшения походки.

"They are, both."

— А они действительно такие.

"Okay." He started to unroll my clothes before I could stop him. "What the devil!"

— Ну и окей. — Прежде чем я успел двинуться с места, он начал разворачивать мою одежду. — Что за черт?!

It was too late, so I let him uncover it.

Было уже поздно, пришлось разрешить ему развернуть узел.

"Danny," he said in a queer voice, "is this stuff what it appears to be?"

— Дэнни, — спросил он подозрительным тоном, — это действительно то, на что это похоже?

"What does it appear to be?"

— А на что это похоже?

"Gold."

— Смахивает на золото.

"Where did you get it?"

— Оно самое. — Где ты его взял?

"I bought it."

— Купил.

He felt it, tried the dead softness of the stuff, sensuous as putty, then hefted it.

Он пощупал золотой пояс, помял мертвый, податливый металл, взвесил его в руке.

"Cripes! Danny... listen to me carefully. I'm going to ask you one question, and be damned careful how you answer it. Because I've got no use for a client who lies to me. I dump him. And I won't be a party to a felony. Did you come by this stuff legally?"

— О господи... Дэнни, слушай внимательно. Я задам тебе один вопрос, и будь осторожен, когда станешь на него отвечать: клиенты, которые мне лгут, мне не нужны. Я им отказываю. А соучастником я быть не хочу. Ты приобрел это законным путем?

"Yes."

— Да.

"Maybe you haven't heard of the Gold Reserve Act of 1968?"

— Может быть, ты не знаешь Указа 1968 года о Золотом запасе?

"I have. I came by it legally. I intend to sell it to the Denver Mint, for dollars."

— Знаю. Я приобрел это золото законно. Я намерен продать его Монетному двору в Денвере за доллары.

"Jeweler's license, maybe?"

— Может, ты ювелир?

"No. John, I told the simple truth, whether you believe me or not. Where I came from I bought that over the counter, legal as breathing. Now I want to turn it in for dollars at the earliest possible moment. I know that it is against the law to keep it. What can they do to me if I lay it on the counter at the mint and tell them to weigh it?"

— Нет. Джон, я сказал тебе сущую правду; хочешь — верь, а хочешь — нет. Там, откуда я, это продают в магазине, совершенно законно. А теперь я хочу обратить это в доллары, и чем скорее, тем лучше. Я знаю, что хранить это запрещено. Что мне будет, если я приду в Монетный двор и попрошу взвесить это?

"Nothing, in the long run... if you stick to your 'dizzy spells.' But they can surely make your life miserable in the meantime." He looked at it. "I think you had better kick a little dirt over it."

— В конечном итоге ничего. Если будешь держаться версии о своих «припадках». Но пока поверят, могут крепко помотать нервы. — Он взглянул на золото. — Наверное, лучше его пока припрятать.

"Bury it?"

— Закопать, что ли?

"You don't have to go that far. But if what you tell me is true, you found this stuff in the mountains. That's where prospectors usually find gold."

— Ну, до этого дело не дойдет. Но если ты сказал мне правду, то... Давай так: ты нашел это золото в горах. Там ведь обычно старатели находят золото.

"Well... whatever you say. I don't mind some little white lies, since it is legitimately mine anyhow."

— Ну... как скажешь. Я могу немножко и солгать, без злого умысла — золото-то действительно мое и куплено законным путем.

"But is it a lie? When did you first lay eyes on this gold? What was the earliest date when it was in your possession?"

— Какая же это ложь? Когда ты впервые увидел это золото? Назови дату: когда ты стал владельцем этого золота?

I tried to think back. It was the same day I left Yuma, which was sometime in May, 2001. About two weeks ago. Huh!

Я стал вспоминать. Это было в тот день, когда я уехал из Юмы. Значит, где-то в мае 2001-го. Недели две назад. Назад? Тьфу!

"Put that way, John... the earliest date on which I saw that gold... was today, May third, 1970."

— Ну, скажем так, Джон... впервые — это самая ранняя дата! — я увидел это золото сегодня, третьего мая тысяча девятьсот семидесятого года.

He nodded.

Он кивнул.

"So you found it in the mountains."

— Ну вот, значит, нашел в горах.

The Suttons were staying over until Monday morning, so I stayed over. The other club members were all friendly but remarkably unnosy about my personal affairs, less so than any group I've ever been in. I've learned since that this constitutes standard good manners in a skin club, but at the time it made them the most discreet and most polite people I had ever met.

John and Jenny had their own cabin and I slept on a cot in the clubhouse dormitory. It was darn chilly. The next morning John gave me a shirt and a pair of blue jeans. My own clothes were wrapped around the gold in a bag in the trunk of his car—which itself was a Jaguar Emperor, all I needed to tell me that he was no cheap shyster. But I had known that by his manner.

I stayed overnight with them and by Tuesday I had a little money. I never laid eyes on the gold again, but in the course of the next few weeks John turned over to me its exact mint value as bullion minus the standard fees of licensed gold buyers. I know that he did not deal with the mint directly, as he always turned over to me vouchers from gold buyers. He did not deduct for his own services and he never offered to tell me the details.

I did not care. Once I had cash again, I got busy. That first Tuesday, 5 May, 1970, Jenny drove me around and I rented a small loft in the old commercial district. I equipped it with a drafting table, a workbench, an army cot, and darn little else; it already had 120, 240, gas, running water, and a toilet that stopped up easily. I didn't want any more and I had to watch every dime.

It was tedious and time-wasting to design by the old compass-and-T-square routine and I didn't have a minute to spare, so I built Drafting Dan before I rebuilt Flexible Frank. Only this time Flexible Frank became Protean Pete, the all-purpose automaton, so linked as to be able to do almost anything a man can do, provided its Thorsen tubes were properly instructed. I knew that Protean Pete would not stay that way; his descendants would evolve into a horde of specialized gadgets, but I wanted to make the claims as broad as possible.

Саттоны не собирались уезжать до утра понедельника, и я тоже остался в клубе. Другие члены клуба были очень дружелюбны, но удивительно нелюбопытны — никто не совал нос в мои личные дела. Мне еще не доводилось бывать в таких компаниях. Потом-то я узнал, что это — стандартный признак хороших манер в нудистских клубах. Но тогда они показались мне самыми вежливыми и воспитанными людьми на свете.

У Джона и Дженни был отдельный домик. Я устроился на койке в клубном общежитии. Там было чертовски свежо. Наутро Джон раздобыл мне рубашку и пару джинсов. Моя одежда с завернутым в нее золотом была спрятана в багажник его машины — между прочим, «ягуар-император»; сразу видно, что хозяин — приличный человек, не рвань. Но это и так было ясно по его манерам.

Я заночевал у них, и ко вторнику у меня уже было немного денег. Золота я с тех пор не видел, но в течение следующих двух недель Джон вручил мне его точную стоимость за вычетом обычных комиссионных, что берут ювелиры. С Монетным двором он напрямую не стал связываться — я это знаю, потому что видел квитанции от скупщиков золота. За свои услуги он с меня ничего не взял и никаких подробностей не сообщил.

Меня они, впрочем, и не интересовали. Появились деньги — появились и дела. Еще в тот, первый вторник — пятого мая — мы с Дженни немного покрутились по округе на ее машине и нашли подходящую квартирку. Я привез туда кульман, верстак, армейскую койку и, пожалуй, почти ничего больше. Свет, газ, вода и туалет там были. Больше мне ничего и не надо, подумал я: надо было беречь каждый цент.

Чертить на старомодном кульмане было долго и утомительно, а времени у меня было в обрез. Сначала я создал «Чертежника Дэна», а затем воссоздал «Салли», только на этот раз «Салли» стала «Питом» — многоцелевым автоматом, способным делать почти все, что может человек, при условии правильной накачки его торсеновских ячеек. Я знал, что «Пит» недолго останется таким: его потомки — целая орда! — станут устройствами специализированными. Просто я хотел максимально расширить формулу изобретения.

Working models are not required for patents, merely drawings and descriptions. But I needed good models, models that would work perfectly and anybody could demonstrate, because these models were going to have to sell themselves, show by their very practicality and by the evident economy designed into them for their eventual production engineering that they would not only work but would be a good investment—the patent office is stuffed with things that work but are worthless commercially.

The work went both fast and slow, fast because I knew exactly what I was doing, slow because I did not have a proper machine shop nor any help. Presently I grudgingly dipped into my precious cash to rent some machine tools, then things went better. I worked from breakfast to exhaustion, seven days a week, except for about one weekend a month with John and Jenny at the bare-bottom club near Boulder.

By the first of September I had both models working properly and was ready to start on the drawings and descriptions. I designed and sent out for manufacture pretty speckle lacquer cover plates for both of them and I had the external moving parts chrome-plated; these were the only jobs I farmed out and it hurt me to spend the money, but I felt that it was necessary. Oh, I had made extreme use of catalogue-available standard components; I could not have built them otherwise, nor would they have been commercial when I got through. But I did not like to spend money on custom-made prettiness.

I did not have time to get around much, which was just as well. Once when I was out buying a servo motor I ran into a chap I had known in California. He spoke to me and I answered before I thought.

"Hey, Dan! Danny Davis! Imagine bumping into you here. I thought you were in Mojave?" I shook hands.

"Just a quick business trip. I'm going back in a few days."

"I'm going back this afternoon.
I'll phone Miles and tell him I saw you."

I looked worried and was.

Для получения патента не надо действующих моделей — только чертежи и описания. Модели были нужны мне самому — такие модели, которые будут работать безупречно, которые сможет демонстрировать любой инженер. Они должны быть такими, чтобы было сразу видно — они практичны, они экономичны, их будут покупать, если начать их серийный выпуск, это выгодное помещение капитала. Патентное ведомство набито чертежами устройств, которые работают, но в коммерческом отношении ничемны.

Работа шла и быстро и медленно: быстро — потому что я точно знал, что я делаю; медленно — потому что у меня не было ни инструмента, ни помощников. Скрепя сердце я истратил немного денег на инструменты, и дело пошло живее. Работал я с утра и до упаду, семь дней в неделю, и только раз в месяц проводил уик-энд с Джоном и Дженни в этом их голозадом клубе под Боулдером. К первому сентября обе модели у меня работали как надо, и я засел за описания и чертежи. Внешнюю отделку по своим чертежам я заказал в одной фирме; там же мне отхромировали все подвижные наружные части. Это было единственное, что я не стал делать сам, и хотя мне было очень жаль тратить на это деньги, это было необходимо. Разумеется, я на сто процентов использовал возможности каталогов готовых запасных частей: без стандартных компонентов я бы не сумел сделать свои игрушки, да и после этого их коммерческая ценность была бы невелика. Но я не любил тратить деньги на заказное украшательство.

На разъезды времени у меня почти не было, и слава Богу. Однажды, покупая сервомотор, я наткнулся на одного типа из Калифорнии. Он окликнул меня, и я ответил, не успев подумать.

— Эй, Дэн! Дэнни Дэвис! С ума сойти: встретить тебя здесь. А я думал, ты в Мохаве. — Мы обменялись рукопожатиями.

— Заехал ненадолго по делам. Через несколько дней вернусь.

— А я — сегодня к вечеру. Позвоню Майлсу, скажу, что виделся с тобой.

Моя тревога, видимо, отразилась на моем лице.

"Don't do that, please."

— Вот этого не надо.

"Why not? Aren't you and Miles still buddy-buddy budding tycoons together?"

— А чего? Вы же с Майлсом такие закадычные друзья — водой не разлить.

"Well... look, Mort, Miles doesn't know I'm here. I'm supposed to be in Albuquerque on business for the company. But I flew up here on the side, on strictly personal and private business. Get me? Nothing to do with the firm. And I don't care to discuss it with Miles."

— Ну... знаешь, Морт, Майлс не знает, что я здесь. Мне сейчас положено быть в Альбукерке по делам фирмы. Но я на денек смотался потихоньку сюда, по сугубо личным делам. Усекаешь? К делам фирмы это не относится. И мне бы не хотелось обсуждать эти вопросы с Майлсом.

He looked knowing.

Он взглянул на меня понимающе.

"Woman trouble?"

— Женщина?

"Weelll... yes."

— Ммм... да.

"She married?"

— Замужняя?

"You might say so."

— Ну, можно сказать, что так.

He dug me in the ribs and winked.

Он толкнул меня в бок локтем и подмигнул.

"I catch. Old Miles is pretty puritanical isn't he? Okay, I'll cover for you and someday you can cover for me. Is she any good?"

— Я усек. Старина Майлс у нас таких твердых правил, да? Окей, я тебя прикрою. Другой раз, глядишь, и ты меня прикроешь. Она как, ничего?

I'd like to cover you with a spade, I thought to myself, you fourth-rate frallup. Mort was the sort of no-good traveling salesman who spends more time trying to seduce waitresses than taking care of his customers—besides which, the line he handled was as shoddy as he was, never up to its specs.

«Я бы тебя лопатой прикрыл, трепло паршивое», — подумал я. Мортон был дрянной коммивояжер, потому что тратил больше времени, охмуря официанток, чем занимался своими прямыми обязанностями. Да и товар, который он пытался сбыть своим покупателям, был весь в него — такой же дрянной, совершенно не соответствующий тому, что написано в рекламе.

But I bought him a drink and treated him to fairy tales about the "married woman" I had invented and listened while he boasted to me of no doubt equally fictitious exploits. Then I shook him.

Но я поставил ему выпивку и потчевал разными байками про «замужнюю женщину». Пришлось выслушать и его похвальбу о его, я уверен, столь же вымышленных похождениях. Еле удалось от него отделаться.

On another occasion I tried to buy Dr. Twitchell a drink and failed.

В другой раз я попытался угостить выпивкой доктора Твитчела, и безуспешно.

I had seated myself beside him at the restaurant counter of a drugstore on Champa Street, then caught sight of his face in the mirror. My first impulse was to crawl under the counter and hide.

Then I caught hold of myself and realized that, out of all the persons living in 1970, he was the one I had least need to worry about. Nothing could go wrong because nothing had... I meant "nothing would." No- Then I quit trying to phrase it, realizing that if time travel ever became widespread, English grammar was going to have to add a whole new set of tenses to describe reflexive situations-conjugations that would make the French literary tenses and the Latin historical tenses look simple.

In any case, past or future or something else, Twitchell was not a worry to me now. I could relax.

I studied his face in the mirror, wondering if I had been misled by a chance resemblance. But I had not been. Twitchell did not have a general-issue face like mine; he had stern, self-assured, slightly arrogant and quite handsome features which would have looked at home on Zeus. I remembered that face only in ruins, but there was no doubt-and I squirmed inside as I thought of the old man and how badly I had treated him. I wondered how I could make it up to him.

Twitchell caught sight of me eyeing him in the mirror and turned to me.

"Something wrong?"

"No. Uh...ou're Dr. Twitchell, aren't you? At the university?"

"Denver University, yes. Have we met?"

I had almost slipped, having forgotten that he taught at the city university in this year. Remembering in two directions is difficult.

Я случайно сел рядом с ним в баре на Чампа-стрит и увидел его лицо в зеркальной стене напротив. Первым моим желанием было спрятаться под стойку.

Потом я опомнился и сообразил, что из всех живущих в 1970-м его можно опасаться меньше всего. Все должно быть в порядке, потому что все было в порядке в 2001-м... то есть не было, а будет... нет, не так... Тут я бросил свои попытки сформулировать эту мысль: ясно, что если путешествия во времени станут явлением массовым, то к грамматике английского языка придется добавить еще несколько времен для передачи подобных ситуаций. По сравнению с такими сложными наклонениями латинский или литературный французский покажутся примитивными.

В любом случае, в будущем, в прошлом ли, Твитчела мне сейчас опасаться не приходилось. Можно было расслабиться.

Я разглядывал его лицо в зеркале и думал, что, наверное, это просто похожее лицо. Но тут ошибки быть не могло: в отличие от меня, у Твитчела было очень своеобразное лицо: решительное, уверенное, чуть надменное и очень привлекательное. Лицо Зевса. Я вспомнил, как изменилось это лицо за тридцать лет. Но сомнений быть не могло. Мне стало стыдно за то, как я обошелся со стариком. Как бы это... компенсировать?

Твитчел заметил, что я рассматриваю его отражение в зеркале, и повернулся ко мне.

— В чем дело?

— Э-э... вы — доктор Твитчел, не так ли? Из университета?

— Из Денверского университета, сэр. Мы встречались?

Я чуть не проболтался: я забыл, что в семидесятом он еще преподавал в городском университете. Трудно вспоминать сразу в две стороны.

"No, Doctor, but I've heard you lecture. You might say I'm one of your fans."

— Нет, доктор. Но я был на ваших лекциях. Можно сказать, что я — один из ваших поклонников.

His mouth twitched in a half-smile but he did not rise to it. From that and other things I learned that he had not yet acquired a gnawing need for adulation; he was sure of himself at that age and needed only his own self-approval.

Он усмехнулся, но на лесть не поддался. Из этого — и некоторых других признаков — я сделал вывод, что у него пока не возникло настоящей потребности в лести окружающих: он был уверен в себе, и его волновала только его самооценка.

"Are you sure you haven't got me mixed up with a movie Star?"

— А вы уверены, что не приняли меня за какого-нибудь киноактера?

"Oh no! You're Dr. Hubert Twitchell... the great physicist."

— Ну что вы! Нет! Вы — доктор Хьюберт Твитчел. Великий физик.

His mouth twitched again.

Усмешка снова скривила уголки его рта.

"Let's just say that I am a physicist. Or try to be."

— Физик. Скажем так. Просто физик. Во всяком случае, стараюсь быть физиком.

We chatted for a while and I tried to hang onto him after he had finished his sandwich. I said it would be an honor if he would let me buy him a drink. He shook his head.

Мы немного поболтали о том о сем. Я попытался не отстать от него и после того, как он доел свой сэндвич. Я сказал, что буду очень польщен, если он позволит угостить его рюмочкой коньяка или виски. Он отрицательно покачал головой.

"I hardly drink at all and certainly never before dark. Thanks anyway. It's been nice meeting you. Drop into my lab someday if you are ever around the campus."

— Я вообще мало пью, а уж в такую рань — никогда. Но все равно спасибо. Было очень приятно познакомиться. Заглядывайте ко мне в лабораторию, если будете в университете.

I said I would.

Я сказал, что когда-нибудь непременно загляну.

But I did not make many slips in 1970 (second time around) because I understood it and, anyhow, most people who might have recognized me were in California.

I resolved that if I did meet any more familiar faces I would give them the cold stare and the quick brushoff—take no chances.

Но вообще я не часто допускал подобные проколы в семидесятом (я имею в виду свое повторное пребывание в этом времени), потому что время было все-таки знакомое, понятное, а большинство из тех, кто мог узнать меня, жили в Калифорнии. Но я решил больше не рисковать: если я еще раз увижу знакомое лицо, то сделаю вид, что я — не я и что я его в упор не узнаю.

But little things can cause you trouble too.

Like the time I got caught in a zipper simply because I had become used to the more convenient and much safer Sticktite closures. A lot of little things like that I missed very much after having learned in only six months to take them for granted. Shaving-I had to go back to shaving! Once I even caught a cold. That horrid ghost of the past resulted from forgetting that clothes could get soaked in rain. I wish that those precious esthetes who sneer at progress and prattle about the superior beauties of the past could have been with me-dishes that let food get chilled, shirts that had to be laundered, bathroom mirrors that steamed up when you needed them, runny noses, dirt underfoot and dirt in your lungs-I had become used to a better way of living and 1970 was a series of petty frustrations until I got the hang of it again.

Но даже мелочи способны портить жизнь.

Однажды я не мог застегнуть «молнию» — отвык. Застежки на «стиктайт» гораздо удобнее. Всего за шесть месяцев я так привык к многим мелочам 2001 года, что очень страдал от их отсутствия. Пришлось снова начать бриться. Однажды я простудился: это случилось из-за того, что я забыл о способности одежды промокать под дождем. Сюда бы этих эстетов-консерваторов, что вечно хают прогресс и восхваляют «добрые старые времена»: тарелки, в которых пища остывает; рубашки, которые надо гладить; зеркала в ваннных комнатах, которые запотевают именно тогда, когда надо в них посмотреться. Простуды. Грязь под ногами. Грязь в легких. Я уже привык жить лучше, и семидесятый год постоянно раздражал меня по мелочам.

But a dog gets used to his fleas and so did I. Denver in 1970 was a very quaint place with a fine old-fashioned flavor; I became very fond of it. It was nothing like the slick New Plan maze it had been (or would be) when I had arrived (or would arrive) there from Yuma; it still had less than two million people, there were still buses and other vehicular traffic in the streets-there still were streets; I had no trouble finding Colfax Avenue.

Но, как говорится, собака привыкает к своим блохам; привык и я. В 1970-м Денвер был своеобразным городом — изящным, со старомодным оттенком. Я даже полюбил его. Ничего похожего на те строения Нового плана, которые я увидел (или увижу?), когда приехал (или приеду?!) туда из Юмы. В городе еще было менее двух миллионов населения. По улицам (улицы еще были) ходили автобусы (автобусы тоже еще были!) и другой колесный транспорт. И Колфакс-авеню я нашел без труда.

Denver was still getting used to being the national seat of government and was not quite happy in the role, like a boy in his first formal evening clothes. Its spirit still yearned for high-heeled boots and its Western twang even though it knew it had to grow up and be an international metropolis, with embassies and spies and famous gourmet restaurants. The city was being jerry-built in all directions to house the bureaucrats and lobbyists and contact men and clerk-typists and flunkies; buildings were being thrown up so fast that with each one there was hazard of enclosing a cow inside the walls. Nevertheless, the city had extended only a few miles past Aurora on the east, to Henderson on the north, and Littleton on the south-there was still open country before you reached the Air Academy. On the west, of course, the city flowed into the high country and the federal bureaus were tunneling back into the mountains.

Денвер еще только привыкал к своему новому статусу столицы, и чувствовалось, что ему эта роль не по нутру, словно подростку, впервые надевшему строгий вечерний костюм. Ему по-прежнему был по душе звон бубенчиков на высоких ковбойских ботинках, хотя город и чувствовал, что придется расти и становиться столицей огромной страны, метрополией, с посольствами, шпионами и изысканными ресторанами. Город рос во все стороны, как гриб после дождя, чтобы хватало места бюрократам и лоббистам, резидентам и машинисткам. Стены возводились с такой быстротой, что приходилось проверять, не попала ли в их кольцо случайно забредшая на стройплощадку с ближайшего пастбища корова. Но в ширину город не очень разросся: всего на несколько миль от Аврора-стрит на восток, от Хендерсон-авеню на север и от Литтлтон-бульвара на юг. Если ехать к Академии ВВС, то до нее еще осталось несколько миль открытого пространства. На западе город, понятное дело, уходил в горы, и федеральные чиновники уже бродили по подземным туннелям.

I liked Denver during its federal boom.
Nevertheless, I was excruciatingly anxious to get back to my own time.

Денвер периода федерального бума мне нравился. Но мне так не терпелось вернуться в свое время!

It was always the little things. I had had my teeth worked over completely shortly after I had been put on the staff of Hired Girl and could afford it. I had never expected to have to see a dental plastician again.
Nevertheless, in 1970 I did not have anti-caries pills and so I got a hole in a tooth, a painful one or I would have ignored it. So I went to a dentist. So help me, I had forgotten what he would see when he looked into my mouth. He blinked, moved his mirror around, and said, "Great jumping Jehosaphat! Who was your dentist?"

И все из-за мелочей. Вскоре после того, как я поступил на работу в «Золушку», я мог себе позволить залечить все зубы. Я уже думал, что мне никогда больше не придется идти к дентопластологу. Но тут, в семидесятом, у меня не было антикариесных таблеток, и вскоре в одном из зубов образовалось дупло. Зуб болел, а то бы я не обратил на это внимания. Пришлось идти к дантисту. Вот провалиться мне: я просто забыл, что он увидит у меня во рту. Он заморгал, завертел зеркальцем и воскликнул: — О господи! Кто вас лечил?! — Хо хы хохохихе? Он убрал свои лапы у меня изо рта. — Кто занимался вашими зубами?

"Kah hoo hank?" He took his hands out of my mouth. "Who did it? And how?" "Huh? You mean my teeth? Oh, that's experimental work they're doing in... India."

— А? Ну, это в экспериментальном порядке, это... в Индии.

"How do they do it?"

— Но как они это делают?!

"How would I know?"

— А я откуда знаю?

"Mmm... wait a minute. I've got to get some pictures of this." He started fiddling with his X-ray equipment.

— Хм-м... подождите минутку. Я сделаю снимок. — Он стал снимать чехол с трубки рентгеновского аппарата.

"Oh no," I objected. "Just clean out that bicuspid, plug it up with anything, and let me out of here."

— Э-э, нет, — запротестовал я. — Обработайте-ка мне лучше полость в зубе, законопатьте его чем-нибудь, и я пошел.

"But-" "I'm sorry, Doctor. But I'm on a dead run."

— Но... — Извините, доктор, но я страшно тороплюсь.

So he did as I said, pausing now and again to look at my teeth. I paid cash and did not leave my name. I suppose I could have let him have the pics, but covering up had become a reflex.

It couldn't have hurt anything to let him have them. Nor helped either, as X rays would not show how regeneration was accomplished, nor could I have told him.

There is no time like the past to get things done. While I was sweating sixteen hours a day on Drafting Dan and Protean Pete I got something else done with my left hand. Working anonymously through John's law office I hired a detective agency with national branches to dig up Belle's past. I supplied them with her address and the license number and model of her car (since steering wheels are good places to get fingerprints) and suggested that she might have been married here and there and possibly might have a police record. I had to limit the budget severely; I couldn't afford the sort of investigation you read about.

When they did not report back in ten days I kissed my money good-bye. But a few days later a thick envelope showed up at John's office.

Belle had been a busy girl. Born six years earlier than she claimed, she had been married twice before she was eighteen. One of them did not count because the man already had a wife; if she had been divorced from the second the agency had not uncovered it.

She had apparently been married four times since then although once was doubtful; it may have been the "war-widow" racket worked with the aid of a man who was dead and, could not object. She had been divorced once (respondent) and one of her husbands was dead. She might still be "married" to the others.

Он выполнил мою просьбу, то и дело отрываясь от работы, чтобы снова и снова взглянуть на мои зубы.

Я заплатил наличными, а не чеком, так что имя мое так и осталось ему неизвестно. Наверное, можно было разрешить ему сделать снимок, но осторожность уже вошла у меня в привычку.

Никакого вреда бы не было, сделай он тот снимок. И пользы тоже: на снимке все равно не было бы видно, как была проведена регенерация моих зубов. А рассказать ему я не мог, потому что ничего в этом не понимаю.

В собственном прошлом удивительно легко что-нибудь сделать. Пока я корпел по шестнадцать часов в день над «Дэном» и «Питом», я попутно сделал и еще одно важное дело. Анонимно, через юридическую фирму Джона, я заказал одному крупному детективному агентству провести проверку прошлого Беллы. Я дал им ее адрес, марку и номерной знак автомашины (на рулевом колесе хорошо сохраняются отпечатки пальцев) и высказал предположение, что она, вероятно, была уже замужем в разных местах и, возможно, за ней что-то числится у полиции. Настоящую проверку, вроде тех, про которые вы читали в книгах, я себе позволить не мог: приходилось беречь деньги.

Десять дней от них не было ни слуху ни духу, и я уже решил, что плакали мои денежки. Но еще через несколько дней Джону в контору принесли толстый пакет.

Оказалось, что Белла — девушка деловая. Она родилась на шесть лет раньше, чем сказала нам, к тому же успела пару раз выйти замуж еще до того, как ей стукнуло восемнадцать. Одно из этих замужеств, впрочем, было не в счет: у того типа уже была жена. Если она и развелась со вторым, то агентству это установить не удалось.

С тех пор она сходила замуж еще четырежды, хотя один из этих браков был сомнительным: скорее всего, она просто выдала себя за вдову погибшего на войне солдата (который был мертв и поэтому возразить не мог), чтобы получить соответствующие льготы. Еще один брак был расторгнут (она была ответчицей). Один из ее мужей умер. За остальными она, похоже, все еще числилась замужем.

Her police record was long and interesting but apparently she had been convicted of a felony only once, in Nebraska, and granted parole without doing time. This was established only by fingerprints, as she had jumped parole, changed her name, and had acquired a new social-security number. The agency asked if they were to notify Nebraska authorities.

В полиции на нее тоже имелось много интересного, но за уголовное преступление ее, как выяснилось, судили только однажды — в Небраске, и то срок не дали — выпустили под залог. Установить это удалось только по отпечаткам пальцев: она сбежала, сменила имя и завела новый номер в картотеке социального страхования. Агентство спрашивало, следует ли им сообщить обо всем этом полиции штата Небраска.

I told them not to bother; she had been missing for nine years and her conviction had been for nothing worse than lure in a badger game. I wondered what I would have done if it had been dope peddling? Reflexive decisions have their complications.

Я ответил, чтобы не беспокоились: она числилась в розыске уже девять лет, а обвинялась-то всего-навсего в том, что работала наводчицей у вымогателя. Интересно, подумал я: а что бы я ответил, будь это торговля наркотиками? Съездив в будущее, труднее принимать решения.

I ran behind schedule on the drawings and October was on me before I knew it. I still had the description only half worded, since they had to tie into drawings, and I had done nothing about the claims. Worse, I had done nothing about organizing the deal so that it would hold up; I could not do it until I had a completed job to show. Nor had I had time to make contacts. I began to think that I had made a mistake in not asking Dr. Twitchell to set the controls for at least thirty-two years instead of thirty-one years and a fiddling three weeks; I had underestimated the time I would need and overestimated my own capacity.

Я выбился из графика в работе над чертежами, и октябрь наступил быстрее, чем я рассчитывал. Описания я только набросал — они были тесно увязаны с чертежами, — а к формулам еще и не подступал. Хуже того: я еще не начал организовывать дело в целом, чтобы оно стало на ноги. Этого нельзя было сделать до тех пор, пока я не смогу продемонстрировать готовые действующие модели. На деловые контакты времени тоже не хватало. Я уже начал подумывать, что, наверное, зря не предложил доктору Твитчеллу поставить регуляторы на тридцать два года вместо тридцати одного и жалких трех недель. Я недооценил необходимое мне время и переоценил свои силы.

I had not shown my toys to my friends, the Suttons, not because I wanted to hide them, but because I had not wanted a lot of talk and useless advice while they were incomplete.

Я не показывал свои игрушки Саттонам не потому, что хотел скрыть от них свою работу. Просто я не хотел бесконечных разговоров и бесполезных советов посреди незаконченной работы.

On the last Saturday in September I was scheduled to go out to the club camp with them. Being behind schedule, I had worked late the night before, then had been awakened early by the torturing clang of an alarm clock so that I could shave and be ready to go when they came by. I shut the sadistic thing off and thanked God that they had got rid of such horrible devices in 2001, then I pulled myself groggily together and went down to the corner drugstore to phone and say that I couldn't make it, I had to work.

В последнюю субботу сентября мы договорились вместе поехать в клуб. Накануне, чувствуя, что не успеваю, я работал допоздна. Утром меня разбудил мучительный грохот будильника. Времени было в обрез, как раз чтобы побриться и собраться к тому времени, как они за мною заедут. Я нашарил кнопку будильника и нажал. Звон прекратился. Слава Богу, подумал я, что в 2001-м от таких дьявольских исчадий избавились. С трудом встав, я пошел в аптеку за угол — позвонить друзьям и предупредить, что я не могу поехать с ними: работать надо.

Jenny answered, "Danny, you're working too hard. A weekend in the country will do you good."

Ответила Дженни: — Дэнни, нельзя так вкалывать. Вот увидишь — после уик-енда на природе тебе станет лучше.

"I can't help it, Jenny. I have to. I'm sorry."

— Извини, Дженни, я не еду. Ничего не поделаешь, надо. Извини.

John got on the other phone and said, "What's all this nonsense?"

Джон снял трубку параллельного телефона и спросил: — Что за чушь?

"I've got to work, John. I've simply got to. Say hello to the folks for me."

— Джон, мне надо поработать. Просто никак не могу поехать. Привет ребятам.

I went back upstairs, burned some toast, vulcanized some eggs, sat back down at Drafting Dan.

Я вернулся домой, спалил пару тостов, подверг яичницу вулканизации и опять засел за «Чертежника Дэна».

An hour later they banged on my door.

Через час они забарабанили мне в дверь.

None of us went to the mountains that weekend. Instead I demonstrated both devices. Jenny was not much impressed by Drafting Dan (it isn't a woman's gismo, unless she herself is an engineer), but she was wide-eyed over Protean Pete. She kept house with a Mark II Hired Girl and could see how much more this machine could do.

Ни один из нас в те выходные в клуб не попал. Вместо этого я устроил им демонстрацию своих произведений. «Чертежник Дэна» не произвел на Дженни большого впечатления (это не женская машина, если, конечно, женщина не инженер), но от «Пита» у нее были круглые глаза. Она ухаживала за домом с помощью «Золушки» второй модели и сразу увидела, насколько больше умеет моя машина.

But John could see the importance of Drafting Dan. When I showed him how I could write my signature, recognizably my own, just by punching keys-I admit I had practiced-his eyebrows stayed up.

Джон, напротив, сразу оценил значение «Дэна». А когда я показал ему, как я ставлю свою подпись, нажимая на клавиши, и подпись была явно моя (хотя, честно говоря, я тренировался), то он был просто в восторге.

"Chum, you're going to throw draftsmen out of work by the thousand."

— Дружище, ты же оставишь без работы тысячи чертежников!

"No, I won't. The shortage of engineering talent in this country gets worse every year; this gadget will just help to fill the gap. In a generation you are going to see this tool in every engineering and architectural office in the nation. They'll be as lost without it as a modern mechanic would be without power tools."

— Не оставлю. Талантливых инженеров в этой стране все меньше с каждым годом. Моя машина просто поможет как-то заполнить эту брешь. Через одно поколение такие машины будут в каждой конструкторской или архитектурной конторе. По всей стране. И без этих машин люди будут как без рук. Как сегодня механик без электродрели.

"You talk as if you knew."

— Ты говоришь так, словно знаешь наверняка.

"I do know."

— Я знаю наверняка.

He looked over at Protean Pete-I had set him to tidying my workbench-and back at Drafting Dan.

Он взглянул на «Пита» — я отправил его убирать на моем верстаке, — перевел взгляд на «Дэна».

"Danny ... sometimes I think maybe you were telling me the truth, you know, the thy we met you."

— Дэнни... иногда я думаю, что ты, наверное, сказал мне правду в тот день, когда мы встретились.

I shrugged.

Я пожал плечами.

"Call it second sight... but I do know. I'm certain. Does it matter?"

— Можешь назвать это даром предвидения... но я действительно знаю это. Я уверен. И разве это имеет значение?

"I guess not. What are your plans for these things?"

— Пожалуй, что нет. А что ты собираешься дальше делать с ними?

I frowned.

Я нахмурился.

"That's the hitch, John. I'm a good engineer and a fair jackleg mechanic when I have to be. But I'm no businessman; I've proved that. You've never fooled with patent law?"

— Вот в том-то и дело, Джон. Я хороший инженер; да и механик, когда приходится, неплохой. Но вот бизнесмен я никакой — уже проверено. Тебе патентным законодательством баловаться не доводилось?

"I told you that before. It's a job for a specialist."

— Я же тебе уже говорил. Это работа для специалиста.

"Do you know an honest one? Who's smart as a whip besides? It's reached the point where I've got to have one. I've got to set up a corporation, too, to handle it. And work out the financing. But I haven't got much time; I'm terribly pressed for time."

— А ты знаешь такого? Чтобы честный, но хитрый, как черт? Я теперь подошел к рубежу, когда мне нужен как раз такой. А еще мне надо учредить корпорацию, чтобы возиться со всем этим. И продумать вопросы финансирования. Но времени осталось немного: время меня просто поджимает.

"Why?"

— Почему?

"I'm going back where I came from."

— Пора возвращаться туда, откуда прибыл.

He sat and said nothing for quite a while. At last he said, "How much time?"

Довольно долго он сидел, не проронив ни слова. Наконец спросил: — Сколько у тебя есть времени?

"Uh, about nine weeks. Nine weeks from this coming Thursday to be exact."

— Ну, около девяти недель. Точнее, девять недель, начиная с ближайшего четверга.

He looked at the two machines, looked back at me.

Он посмотрел на мои машины, потом на меня.

"Better revise your schedule. I'd say that you had more like nine months' work cut out for you. You won't be in production even then—just lined up to start moving, with luck."

— Тебе придется пересмотреть свой график. Работы у тебя, по-моему, еще на девять месяцев. Да и то ты еще не сумеешь начать производство. Если повезет, ты только будешь готов его начинать.

"John, I can't."

— Не могу, Джон.

"I'll say you can't."

— Прямо уж, не можешь!

"I mean I can't change my schedule. That's beyond my control now."

— Я имею в виду, что этот график уже нельзя переделать. Это теперь не в моей власти.

I put my face in my hands. I was dead with fatigue, having had less than five hours' sleep and having averaged not much better for days. The shape I was in, I was willing to believe that there was something, after all, to this "fate" business—a man could struggle against it but never beat it.

Я уронил голову на руки. Я смертельно устал: в сутки мне удавалось поспать часов пять, не больше. Я был так измотан, что уже был готов поверить в судьбу, в предзнаменование: бороться с судьбой можно, но победить — никогда.

I looked up.

Я поднял голову.

"Will you handle it?"

— Ты возьмешься за это дело?

"Eh? What part of it?"

— А? За какую его часть?

"Everything. I've done all I know how to do."

— За все. Я сделал все, что умел.

"That's a big order, Dan. I could rob you blind. You know that, don't you? And this may be a gold mine."

— Это крупный заказ, Дэнни... А ведь я могу обчистить тебя. Ты это понимаешь? Кстати, дело это может стать золотой жилой.

"It will be. I know."

— Непременно окажется. Я знаю.

"Then why trust me? You had better just keep me as your attorney, advice for a fee."

— Тогда как же ты мне доверяешь? Тебе бы правильнее нанять меня консультантом, за определенное вознаграждение.

I tried to think while my head ached. I had taken a partner once before-but, damnation, no matter how many times you get your fingers burned, you have to trust people. Otherwise you are a hermit in a cave, sleeping with one eye open. There wasn't any way to be safe; just being alive was deadly dangerous... fatal. In the end.

"Cripes, John, you know the answer to that. You trusted me. Now I need your help again. Will you help me?"

"Of course he will," Jenny put in gently, "though I haven't heard what you two were talking about. Danny? Can it wash dishes? Every dish you have is dirty."

"What, Jenny? Why, I suppose he can. Yes, of course he can."

"Then tell him to, please. I want to see it."

"Oh. I've never programmed him for it. I will if you want me to. But it will take several hours to do it right. Of course after that he'll always be able to do it. But the first time... well, you see, dishwashing involves a lot of alternate choices. It's a `judgment' job, not a comparatively simple routine like laying bricks or driving a truck."

"Goodness! I'm certainly glad to find that at least one man understands housework. Did you hear what he said, dear? But don't stop to teach him now, Danny. I'll do them myself." She looked around. "Danny, you've been living like a pig, to put it gently."

To tell the simple truth, it had missed me entirely that Protean Pete could work for me. I had been engrossed in planning how he could work for other people in commercial jobs, and teaching him to do them, while I myself had simply been sweeping dirt into the corner or ignoring it.

Голова болела и мешала мне думать.

Однажды я уже взял себе партнера и доверился ему. Но, черт возьми, сколько ни обжигайся, все равно надо верить людям. Иначе будешь спать с открытыми глазами, как заяц. Застраховаться от этого невозможно. Жить вообще смертельно опасно: от этого умирают. В конце.

— Господи, Джон, ты же знаешь ответ. Ты мне поверил. Теперь мне опять нужна твоя помощь. Я могу на нее рассчитывать?

— Конечно, можешь, — мягко вклинилась, входя в комнату, Дженни, — хотя я и не слышала, о чем вы тут говорили. Дэнни, а твоя машина может мыть посуду? Ни одной чистой тарелки нету.

— Что, Дженни? Наверное, может. Ну конечно, может.

— Тогда скажи ей, пусть вымоет. Я хочу посмотреть.

— Ой... Я ее на это занятие не программировал. Сейчас сделаю, раз ты хочешь. Только чтобы сделать это как следует, понадобится несколько часов. После этого, конечно, «Пит» сможет это делать. А вот в первый раз... Понимаешь, мытье посуды требует принятия множества оперативных решений. Это — в определенной степени умственная работа, понимаешь? Это же не такая примитивная штука, как класть кирпичи или водить грузовик.

— Слышали?! Наконец-то нашелся мужчина, который понял, что такое домашняя работа. Ты слышал, что он сказал, дорогой? Не надо, Дэнни, не отвлекайся на его обучение сейчас. Я сама вымою. — Она огляделась по сторонам. — Да, Дэнни, мягко говоря, живешь ты, как свинья.

Честно говоря, я совершенно упустил из виду, что «Пит» может работать и на меня. Я слишком увлекся, «обучая» его работать на других, заряжая его различными профессиональными навыками, а сам просто заматывал мусор в угол или не обращал на грязь в доме внимания.

Now I began teaching him all the household tasks that Flexible Frank had learned; he had the capacity, as I had installed three times as many Thorsen tubes in him as Frank had had.
I had time to do it, for John took over.

Jenny typed descriptions for us; John retained a patent attorney to help with the claims. I don't know whether John paid him cash or cut him in on the cake; I never asked. I left the whole thing up to him, including what our shares should be; not only did it leave me free for my proper work, but I figured that if he decided such things he could never be tempted the way Miles had been. And I honestly did not care; money as such is not important. Either John and Jenny were what I thought they were or I might as well find that cave and be a hermit.

I insisted on just two things.

"John, I think we ought to call the firm 'The Aladdin Autoengineering Corporation.'"

"Sounds pretty fancy. What's wrong with 'Davis & Sutton'?"

"That's how it's got to be, John."

"So? Is your second sight telling you this?"

"Could be, could be. We'll use a picture of Aladdin rubbing his lamp as a trade-mark, with the genie funning above him. I'll make a rough sketch. And one thing: the home office had better be in Los Angeles."

"What? Now you've gone too far. That is, if you expect me to run it. What's wrong with Denver?"

Теперь я начал учить его всяким домашним делам. Емкости его «мозга» на это хватало: я установил в него втрое больше торсеновских ячеек, чем было у «Салли». И время у меня теперь на это было: дело взял в свои руки Джон.

Дженни печатала нам описания. Джон нанял патентного поверенного — помочь составить формулы изобретений. Не знаю, заплатил ли ему Джон или дал участие в прибылях, — я не спрашивал. Я все оставил на его усмотрение, даже то, как разделить наши акции. Это не только позволяло мне заниматься своим делом. Я решил: если он сумеет по-честному решить этот вопрос, то уже никогда не поддастся искушению, как Майлс. И кроме того, я, честно говоря, не очень беспокоился об этом. Не настолько меня интересовали деньги сами по себе. Либо Джон и Дженни достойны моего доверия, либо придется подыскать себе пещеру и уйти в отшельники.

Я настаивал только на двух вещах.

— Джон, я считаю, что мы должны назвать корпорацию «Аладдин». Инженерно-конструкторская корпорация «Аладдин».

— Забавное название. А чем плохо «Дэвис энд Саттон»?

— Так надо, Джон.

— Что, опять твое предвидение тебе подсказывает?

— Возможно, возможно.
Товарным знаком у нас будет изображение Аладдина, потирающего лампу, и появляющегося над нею джинна. Я тебе набросаю примерно. И еще одно: штаб-квартира корпорации пусть лучше будет в Лос-Анджелесе.

— Что? Это ты слишком уж многого хочешь. Если, конечно, ты хочешь, чтобы корпорацией управлял я. А чем тебе не подходит Денвер?

"Nothing is wrong with Denver, it's a nice town. But it is not the place to set up the factory. Pick a good site here and some bright morning you wake up and find that the federal enclave has washed over it and you are out of business until you get re-established on a new one. Besides that, labor is scarce, raw materials come overland, building materials are all gray-market. Whereas Los Angeles has an unlimited supply of skilled workmen and more pouring in every day, Los Angeles is a seaport, Los Angeles is—" "How about the smog? It's not worth it."

"They'll lick the smog before long. Believe me. And haven't you noticed that Denver is working up smog of its own?"

"Now wait a minute, Dan. You've already made it clear that I will have to run this while you go kiyoodling off on some business of your own. Okay, I agreed. But I ought to have some choice in working conditions."

"It's necessary, John."

"Dan, nobody in his right mind who lives in Colorado would move to California. I was stationed out there during the war; I know. Take Jenny here; she's a native Californian, that's her secret shame. You couldn't hire her to go back. Here you've got winters, changing seasons, brisk mountain air, magnificent—" Jenny looked up.

"Oh, I wouldn't go so far as to say I'd never go back."

"What's that, dear?"

Jenny had been quietly knitting; she never talked unless she really had something to say. Now she put down her knitting, a clear sign.

— Да Денвер тут ни при чем. Отличный город. Но фабрику тут открывать глупо: подберешь хорошее место для фабрики, построишь, а однажды этот федеральный анклав решит, что им это место нужнее, отберет, и ты остался без средств производства до тех пор, пока не построишь новую в другом месте. Кроме того, свободных рабочих рук мало, сырье возят за тридевять земель, строительные материалы можно купить только на черном рынке. А в Лос-Анджелесе квалифицированной рабочей силы хоть отбавляй, Лос-Анджелес — порт, Лос-Анджелес — это... — А как насчет смога? Нет, мне это не по душе.

— Со смогом справятся очень скоро. Поверь мне. А ты разве не заметил, что и в Денвере тоже появился смог?

— Ну, подожди минутку, Дэн. Я уже понял, что мне придется тут воевать, пока ты там где-то будешь проворачивать свои делишки. Окей, я согласен. Но у меня должно быть хотя бы право выбора решений, прежде всего — относительно условий труда!

— Так необходимо, Джон.

— Дэн, ни один человек в здравом уме не согласится переехать из Колорадо в Калифорнию. Наша часть стояла там во время войны, так что я знаю. Вот Дженни, к примеру: она родилась в Калифорнии, это ее тайный позор. И она ни за какие деньги не согласится туда вернуться. Здесь есть зима, смена времен года, свежий горный воздух, прекрасные... Дженни пристально посмотрела на него.

— Ну, я бы не стала утверждать столь категорично, что я никогда не соглашусь вернуться в Калифорнию.

— Что я слышу, дорогая?

Дженни тихо вязала в уголке. Она никогда не открывала рта, если ей было нечего сказать. Сейчас она отложила вязанье — верный признак.

"If we did move there, dear, we could join the Oakdale Club; they have outdoor swimming all year round.

I was thinking of that just this last weekend when I saw ice on the pool at Boulder." I stayed until the evening of 2 December, 1970, the last possible minute. I was forced to borrow three thousand dollars from John—the prices I had paid for components had been scandalous—but I offered him a stock mortgage to secure it.

He let me sign it, then tore it up and dropped it in a wastebasket.

— Если бы мы перебрались туда, дорогой, то могли бы купить абонементы в клуб «Оукдейл». Там можно купаться в открытом бассейне круглый год.

Когда в прошлые выходные я увидела ледок в бассейне в Боулдере, я подумала: как было бы здорово, если бы мы... Я оставался в Денвере до последней минуты — до второго декабря 1970 года. Мне пришлось занять у Джона три тысячи долларов: цены на компоненты были грабительские; но я предложил ему залладную на мои акции в обеспечение долга. Он подождал, пока я подпишу залладную, порвал ее и бросил клочки в мусорную корзину.

"Pay me when you get around to it."

— Вернешь, когда вернешься.

"It will be thirty years, John."

— Это будет только через тридцать лет, Джон.

"As long as that?"

— Так долго?!

I pondered it. He had never invited me to tell my whole story since the afternoon, six months earlier, when he had told me frankly that he did not believe the essential part—but was going to vouch for me to their club anyhow.

Я задумался. Он ни разу не попросил меня рассказать ему все от начала до конца, с тех пор — шесть месяцев назад — когда заявил, что не верит в главное звено этого рассказа, но что все равно поручится за меня в клубе, несмотря на это.

I told him I thought it was time to tell him.

Я сказал, что, по моему мнению, пора мне уже рассказать ему все как есть.

"Shall we wake up Jenny? She's entitled to hear it too."

— Разбудим Дженни? Она тоже имеет право знать.

"Mmm... no. Let her nap until just before you have to leave. Jenny is a very uncomplicated person, Dan. She doesn't care who you are or where you came from as long as she likes you. If it seems a good idea, I can pass it on to her later."

— Ммм... нет. Пусть вздремнет, пока ты здесь. Разбудим, когда соберешься уходить. Дженни — человек очень бесхитростный. Она не задается вопросами, кто ты и откуда, — ты ей понравился. Если ты считаешь, что ей надо знать все это, то я расскажу ей, когда она проснется.

"As you will."

— Ну, как знаешь.

He let me tell it all, stopping only to fill our glasses—mine with ginger ale; I had a reason not to touch alcohol. When I had brought it up to the point where I landed on a mountainside outside Boulder, I stopped.

Он выслушал мой рассказ, не перебивая, только подливал в стаканы: мне — имбирного (у меня было основание не пить спиртного), себе — виски на доньшке. Когда я добрался до места, как очутился на склоне горы в окрестностях Боулдера, я остановился.

"That's it," I said. "Though I was mixed up on one point. I've looked at the contour since and I don't think my fall was more than two feet. If they had—I mean `if they were going to—bulldoze that laboratory site any deeper, I would have been buried alive. Probably would have killed both of you too—if it didn't blow up the whole county. I don't know just what happens when a fiat wave form changes back into a mass where another mass already is."

— Вот, — сказал я. — Хотя я упустил из виду один момент. Я потом несколько раз смотрел на то место, куда свалился из будущего. Упал я с высоты не более полуметра. Если бы лабораторию построили — то есть если ее построят — чуть углубясь в гору, меня бы похоронило заживо. Вы оба при этом, наверное, тоже погибли бы. А может, и целый город: не представляю, что происходит, когда энергия превращается в массу в той точке, где уже есть другая масса.

John went on smoking.

Джон молча продолжал курить.

"Well?" I said. "What do you think?"

— Ну, — спросил я, — что ты думаешь?

"Danny, you've told me a lot of things about what Los Angeles—I mean `Great Los Angeles'-is going to be like. I'll let you know when I see you just how accurate you've been."

— Дэнни, ты мне тут порассказал кучу вещей о том, каким станет Лос-Анджелес. То есть «Большой Лос-Анджелес». Когда мы увидимся, я скажу тебе, насколько верно ты угадал.

"It's accurate. Subject to minor slips of memory."

— Верно, не сомневайся. Разве что в мелочах память подвела.

"Mmm... you certainly make it sound logical. But in the meantime I think you are the most agreeable lunatic I've ever met. Not that it handicaps you as an engineer... or as a friend. I like you, boy. I'm going to buy you a new strait jacket for Christmas."

— Хмм... Звучит у тебя это логично. Но пока не увижу своими глазами, я буду считать, что ты — самый славный лунатик из тех, что мне доводилось видеть. Не сказать, чтобы ты от этого стал плохим инженером... или другом. Ты мне нравишься, парень. На Рождество я подарю тебе новую смирительную рубашку.

"Have it your own way."

— Тебе виднее.

"I have to have it this way. The alternative is that I myself am stark staring mad... and that would make quite a problem for Jenny." He glanced at the clock. "We'd better wake her. She'd scalp me if I let you leave without saying good-bye to her."

— А куда мне деваться? Иначе мне придется признать, что я сам начисто сошел с ума. А это будет очень неприятно Дженни. — Он взглянул на часы. — Пожалуй, пора ее будить. Она с меня скальп снимет, если я отпущу тебя, не дав с нею попрощаться.

"I wouldn't think of it."

— Мне и в голову не пришло бы уехать, не попрощавшись с нею.

They drove me to Denver International Port and Jenny kissed me good-bye at the gate. I caught the eleven o'clock shuttle for Los Angeles.

Они отвезли меня в Денверский международный аэропорт, и у ворот Дженни поцеловала меня на прощание. Я успел на одиннадцатичасовой рейс на Лос-Анджелес.

CHAPTER 11

Глава 11

•

The following evening, 3 December, 1970, I had a cabdriver drop me a block from Miles's house comfortably early, as I did not know exactly what time I had arrived there the first time. It was already dark as I approached his house, but I saw only his car at the curb, so I backed off a hundred yards to a spot where I could watch that stretch of curb and waited.

На другой день — третьего декабря 1970 года — таксист высадил меня за квартал от дома Майлса. Высадил достаточно загодя — я точно не знал, в котором часу я туда приехал в первый раз. Когда я подошел к дому, уже стемнело, но я разглядел, что у дома стоит только одна машина. Я остановился метрах в ста, в таком месте, откуда можно было наблюдать за этим участком улицы, и стал ждать.

Two cigarettes later I saw another car pull up there, stop, and its lights go out. I waited a couple of minutes longer, then hurried toward it. It was my own car.

Через пару сигарет я увидел, как подъехала другая машина, остановилась. Погасли фары. Я подождал для верности еще пару минут и поспешил к ней. Это была моя машина.

I did not have a key but that was no hurdle; I was always getting ears-deep in an engineering problem and forgetting my keys; I had long ago formed the habit of keeping a spare ditched in the trunk. I got it now and climbed into the car. I had parked on a slight grade heading downhill, so, without turning on lights or starting the engine, I let it drift to the corner and turned there, then switched on the engine but not the lights, and parked again in the alley back of Miles's house and on which his garage faced.

Ключей у меня не было, но это не беда: я так задумывался над своими техническими проблемами, что вечно терял или забывал ключи. Поэтому давным-давно я припрятал запасные в багажнике. Теперь я выудил их оттуда и влез в машину. Дорога в том месте, где стояла машина, шла немного под уклон. Не включая ни двигатель, ни фары, я выжал сцепление, и машина покатилась. Доехав до угла, я свернул, завел двигатель и, по-прежнему не включая фар, припарковал машину позади дома Майлса, рядом с воротами его гаража.

The garage was locked. I peered through dirty glass and saw a shape with a sheet over it. By its contours I knew it was my old friend Flexible Frank.

Гараж был заперт. Я заглянул в пыльное окошечко и увидел внутри какой-то предмет, накрытый брезентом. Судя по очертаниям, это была наша добрая старая «Салли».

Garage doors are not built to resist a man armed with a tire iron and determination-not in southern California in 1970. It took seconds. Carving Frank into pieces I could carry and stuff into my car took much longer. But first I checked to see that the notes and drawings were where I suspected they were-they were indeed, so I hauled them out and dumped them on the floor of the car, then tackled Frank himself. Nobody knew as well as I did how he was put together, and it speeded up things enormously that I did not care how much damage I did; nevertheless, I was as busy as a one-man band for nearly an hour.

I had just stowed the last piece, the wheel-chair chassis, in the car trunk and had lowered the turtleback down on it as far as it would go when I heard Pete start to wail. Swearing to myself at the time it had taken to tear Frank apart I hurried around the garage and into their back yard. Then the commotion started.

I had promised myself that I would relish every second of Pete's triumph. But I couldn't see it. The back door was open and light was streaming out the screen door, but while I could hear sounds of running, crashes, Pete's blood-chilling war cry, and screams from Belle, they never accommodated me by coming into my theater of vision. So I crept up to the screen door, hoping to catch a glimpse of the carnage.

The damned thing was hooked! It was the only thing that had failed to follow the schedule. So I frantically dug into my pocket, broke a nail getting my knife open-and jabbed through and unhooked it just in time to jump out of the way as Pete hit the screen like a stunt motorcyclist hitting a fence.

I fell over a rosebush. I don't know whether Miles and Belle even tried to follow him outside. I doubt it; I would not have risked it in their spot. But I was too busy getting myself untangled to notice.

Once I was on my feet I stayed behind bushes and moved around to the side of the house; I wanted to get away from that open door and the light pouring out of it. Then it was just a case of waiting until Pete quieted down. I would not touch him then, certainly not try to pick him up. I know cats.

В 1970 году в Южной Калифорнии не строили гаражей, способных выстоять перед натиском человека, вооруженного монтировкой и решимостью открыть гаражную дверь. Больше минуты у меня это не отняло. А вот разобрать «Салли» на части и уложить в багажник моей машины оказалось делом куда более долгим. Но сперва я убедился, что мои чертежи и описания там, где я их оставил. Там они и были. Я кинул их на пол машины, потом занялся самой «Салли». Никто лучше меня не знал, как она собрана, а то, что я не очень боялся повредить ту или иную часть, заметно ускорило дело, и все равно я провозился, раскурочивая ее, почти час.

Я как раз сунул в багажник последнюю часть — шасси от кресла — и попытался закрыть крышку багажника (до конца ее закрыть не удалось), когда услышал, что Пит начал выть. Чертыхнувшись — долго провозился! — я обежал вокруг гаража и очутился на их заднем дворе. Тут-то и началось.

Я дал себе слово, что не упущу ни одного мгновения из триумфа Пита. Но оказалось, что увидеть это мне не удастся. Задняя дверь была открыта, и свет заливал сетчатую дверь от москитов, но, хотя я слышал топот, грохот, боевой клич Пита и визг Беллы, они ни разу не соизволили появиться в поле моего зрения. Тогда я подполз к сетке, надеясь хоть краем глаза глянуть на это кровопролитие.

Чертова дверь оказалась заперта! Это было единственным нарушением составленного мною расписания. Я лихорадочно достал складной нож, сломал ноготь, открывая его, прорезал сетку и успел отпереть задвижку как раз в тот момент, когда Пит с маху впелся в сетку, как мотоциклист-каскадер в забор. Я еле успел отпрыгнуть.

Приземлился я на розовый куст. Не знаю, пытались ли Белла с Майлсом преследовать его во дворе. Сомневаюсь; я бы на их месте не рискнул. Но я был так занят, выпутываясь из куста, что даже не следил за этим.

Встав на ноги, я спрятался за кустами и прокрался к стене дома: я хотел убраться подальше от открытой двери и падающего через нее света. Теперь оставалось только дожидаться, пока Пит присмирет. В том состоянии, в каком он был в тот момент, я бы к нему не прикоснулся. А уж в руки не взял бы точно. Я котов знаю.

But every time he passed me, prowling for an entrance and sounding his deep challenge, I called out to him softly.

"Pete. Come here, Pete. Easy, boy, it's all right." He knew I was there and twice he looked at me, but otherwise ignored me. With cats it is one thing at a time; he had urgent business right now and no time to head-bump with Papa. But I knew he would come to me when his emotions had eased off.

While I squatted, waiting, I heard water running in their bathrooms and guessed that they had gone to clean up, leaving me in the living room. I had a horrid thought then: what would happen if I sneaked in and cut the throat of my own helpless body? But I suppressed it; I wasn't that curious and suicide is such a final experiment, even if the circumstances are mathematically intriguing.

But I never have figured it out.

Besides, I didn't want to go inside for any purpose. I might run into Miles-and I didn't want any truck with a dead man.

Pete finally stopped in front of me about three feet out of reach.

"Mrrrowrr?" he said-meaning, "Let's go back and clean out the joint. You hit `em high, I'll hit `em low."

"No, boy. The show is over."

"Aw, c'mahnnn!"

"Time to go home, Pete. Come to Danny."

Но каждый раз, когда он проходил мимо меня в сторону двери, издавая утробное «а ну, выходи!», я тихонько звал его:

— Пит... Ну, иди сюда, Пит. Ну, тихо, тихо... Все в порядке... Ну, иди к папуле... Он узнал меня и даже дважды взглянул в мою сторону, но и только. У котов все идет своим чередом: раз у него есть срочное дело, значит, ему некогда тереться головой о мои ноги. Но я твердо знал: когда его злость иссякнет, он придет.

Сидя в засаде, я слышал шум льющейся воды из ванных комнат. Значит, они ушли приводить себя в порядок и оставили меня — того, первого меня — одного в комнате. Тут меня посетила жуткая мысль: а что будет, если я сейчас влезу в комнату и перережу себе глотку? Тому, беспомощному? Но я отогнал ее: не настолько уж я любопытен, а самоубийство — эксперимент отчаянный, просто крайность, даже если обстоятельства теоретически заманчивы.

Но я так и не сумел просчитать это построение до конца.

Да и вообще заходить внутрь мне не хотелось, чтобы случайно не столкнуться с Майлсом. Дело могло закончиться трупом в кузове какого-нибудь грузовика.

Наконец Пит остановился, в метре от моей протянутой руки.

— Мрр-урр, — сказал он, что означало: «Пошли, зададим им трепку; ты — по верхам, а я снизу».

— Нет, малыш. Концерт окончен.

— Ну, мур-рр!

— Домой пора, Пит. Ну, иди к Дэнни.

He sat down and started to wash himself. When he looked up, I put my arms out and he jumped into them. "Kwleert?" ("Where the hell were you when the riot started?") I carried him back to the car and dumped him in the driver's space, which was all there was left. He sniffed the hardware on his accustomed place and looked around reproachfully.

"You'll have to sit in my lap," I said. "Quit being fussy."

I switched on the car's lights as we hit the street. Then I turned east and headed for Big Bear and the Girl Scout camp. I chucked away enough of Frank in the first ten minutes to permit Pete to resume his rightful place, which suited us both better. When I had the floor clear, several miles later, I stopped and shoved the notes and drawings down a storm drain. The wheel-chair chassis I did not get rid of until we were actually in the mountains, then it went down a deep arroyo, making a nice sound effect.

About three in the morning I pulled into a motor court across the mad and down a bit from the turnoff into the Girl Scout camp, and paid too much for a cabin—Pete almost queered it by sticking his head up and making a comment when the owner came out.

"What time," I asked him, "does the morning mail from Los Angeles get up here?"

"Helicopter comes in at seven-thirteen, right on the dot."

"Fine. Give me a call at seven, will you?"

"Mister, if you can sleep as late as seven around here you're better than I am. But I'll put you in the book."

Он сел и стал умываться. Потом поднял голову, и я протянул ему руки. Он прыгнул мне в объятия и мурлыкнул, спрашивая: «Где же ты был, когда началась эта заваруха?» Я отнес его к машине и посадил на водительское место — это было единственное относительно свободное место в машине. Он понюхал железки на своем излюбленном заднем сиденье и укоризненно огляделся.

— Придется тебе ехать у меня на коленях, — сказал я ему. — И не возникай.

Фары я включил, только когда мы выехали на улицу. Я свернул на восток и поехал к Большому Медвежьему озеру — к скаутскому лагерю. За первые же десять минут я выкинул столько частей от «Салли», что для Пита появилось место на заднем сиденье. На своем законном месте он сразу пришел в хорошее настроение. А когда через несколько миль я добрался до лежащих на полу бумаг, то остановился, сгреб их и сунул в люк ливневого стока. Шасси я не стал выбрасывать до тех пор, пока мы не добрались до гор: кувыряясь по склону, оно очень звонко и весело громыhalo на прощанье.

Около трех ночи я остановился у мотеля рядом с поворотом к лагерю и снял комнату, изрядно переплатив из-за неурочного часа. Пит опять чуть не испортил всю обедню, высунув голову из сумки и что-то громко сказав, едва хозяин мотеля успел закрыть за собою дверь.

— В котором часу, — спросил я хозяина, догнав его за дверью, — приходит утром почта из Лос-Анджелеса?

— Вертолет садится в семь тринадцать вон на том пяточке.

— Отлично. Разбудите меня, пожалуйста, в семь.

— Мистер, если вы можете в таких прекрасных местах спать до семи, то я вам завидую. Но я запишу.

By eight o'clock Pete and I had eaten breakfast and I had showered and shaved. I looked Pete over in daylight and concluded that he had come through the battle undamaged except for possibly a bruise or two. We checked out and I drove into the private road for the camp. Uncle Sam's truck turned in just ahead of me; I decided that it was my day.

К восьми утра мы с Питом позавтракали. Я, кроме того, побрился и принял душ. Осмотрев Пита при дневном свете, я убедился, что из битвы он вышел невредимым, разве что с парой ушибов. Мы расплатились и тронулись. Я свернул на дорогу к лагерю. Казенный грузовик — вероятно, почта — свернул на ту же дорогу прямо перед нами. Я решил, что день будет удачный.

I never saw so many little girls in my life. They skittered like kittens and they all looked alike in their green uniforms. Those I passed wanted to look at Pete, though most of them just stared shyly and did not approach. I went to a cabin marked "Headquarters," where I spoke to another uniformed scout who was decidedly no longer a girl.

В жизни не видел столько девчонок одновременно. Они резвились, как котят, такие одинаковые в своих формах цвета хаки. Когда я шел по лагерю, многие из них смотрели на Пита и, наверное, хотели его погладить, но не решались и смущенно отворачивались. Дойдя до домика с надписью «штаб», я обратился к даме в такой же зеленой униформе.

She was properly suspicious of me; strange men who want to be allowed to visit little girls just turning into big girls should always be suspected.

Она явно подозревала меня в дурных намерениях. Впрочем, когда незнакомые мужчины приезжают навестить девочек, которые вот-вот станут девушками, подозрительность объяснима.

I explained that I was the child's uncle, Daniel B. Davis by name, and that I had a message for the child concerning her family. She countered with the statement that visitors other than parents were permitted only when accompanied by a parent and, in any case, visiting hours were not until four o'clock.

Я объяснил бдительной даме, что я дядя одной девочки, Дэниэл Б. Дэвис, и что у меня для нее важное сообщение насчет семейных дел. В ответ она возразила, что все остальные посетители, кроме родителей, допускаются только вместе с родителями и что в любом случае время для посещений — только с четырех часов.

"I don't want to visit with Frederica, but I must give her this message. It's an emergency."

— Я не прошу разрешения побывать у Фредерики. Я должен только сообщить ей кое-что. Это очень срочно.

"In that case you can write it out and I will give it to her as soon as she is through with rhythm games."

— В таком случае вы можете написать ей записку, а я передам ее девочке, когда у нее кончатся занятия ритмической гимнастикой.

I looked upset (and was) and said, "I don't want to do that. It would be much kinder to tell the child in person."

Мое огорчение было неподдельным. — Я бы не хотел писать об этом. Лучше я сам, лично скажу девочке.

"Death in the family?"

— Что, кто-то умер?

"Not quite. Family trouble, yes. I'm sorry, ma'am, but I am not free to tell anyone else. It concerns my niece's mother."

— Не совсем. Но в семье неприятности. Простите, мэм, но я не могу вам рассказать. Это касается матери моей племянницы.

She was weakening but still undecided. Then Pete joined the discussion. I had been carrying him with his bottom in the crook of my left arm and his chest supported with my right hand; I had not wanted to leave him in the car and I knew Ricky would want to see him. He'll put up with being carried that way quite a while but now he was getting bored.

"Krrwarr?"

She looked at him and said, "He's a fine boy, that one."

I have a tabby at home who could have come from the same litter."

I said solemnly, "He's Frederica's cat. I had to bring him along because... well, it was necessary. No one to take care of him."

"Oh, the poor little fellow!" She scratched him under the chin, doing it properly, thank goodness, and Pete accepted it, thank goodness again, stretching his neck and closing his eyes and looking indecently pleased. He is capable of taking a very stiff line with strangers if he does not fancy their overtures.

The guardian of youth told me to sit down at a table under the trees outside the headquarters. It was far enough away to permit a private visit but still under her careful eye. I thanked her and waited.

I didn't see Ricky come up. I heard a shout, "Uncle Danny!" and another one as I turned, "And you brought Pete! Oh, this is wonderful!" Pete gave a long bubbling bleerrrt and leaped from my arms to hers. She caught him neatly, rearranged him in the support position he likes best, and they ignored me for a few seconds while exchanging cat protocols. Then she looked up and said soberly, "Uncle Danny, I'm awful glad you're here."

I didn't kiss her; I did not touch her at all. I've never been one to paw children and Ricky was the sort of little girl who only put up with it when she could not avoid it. Our original relationship, back when she was six, had been founded on mutual decent respect for the other's individualism and personal dignity.

Она заколебалась, но еще держалась. Тут в разговор вступил Пит: я держал его на руках, как ребенка. Оставлять его в машине я не хотел — Рики наверняка захочет с ним повидаться. Он долго терпел подобное обращение, но теперь, видно, его терпению пришел конец:

— Му-у-у-pp?!

Она посмотрела на него и сказала:

— А у меня дома такой же. Как из одного помета!

Я торжественно произнес: — Это кот Фредерики. Пришлось взять его с собою, потому что... ну, в общем, пришлось. О нем некому позаботиться.

— Ох ты, бедная зверюшка! — она почесала его под подбородком, сделав это — слава Богу! — как положено. Пит тоже воспринял ласку как положено (опять слава Богу!..): вытянул шею, закрыл глаза — сразу видно, что доволен. Он всегда очень сдержан и строг с чужими, если они неправильно себя ведут.

Попечительница юных дев велела мне сесть за столик под деревом, рядом с штабом. С одной стороны, вроде бы для частной беседы условия подходящие, а с другой — все-таки под ее пристмотром. Я поблагодарил, сел и стал ждать.

Я не видел, как подошла Рики. Я только услышал: «Дядя Дэнни!» — а когда повернулся: «Ой, и Пит тут! Как здорово!!» Пит взмурлыкнул оглушительным муром и кинулся к ней. Она ловко поймала его на лету, усадила поудобнее и на несколько секунд начисто забыла про меня — у них был свой ритуал. Потом подняла глаза и сказала степенно: — Дядя Дэнни, я так рада, что ты приехал!

Я не обнял ее.

Я к ней пальцем не прикоснулся. Я вообще считаю, что лапать детей не надо, а Рики была такая строгая — она терпела все эти объятия только тогда, когда уж деваться было некуда. Наши отношения, с тех пор как ей сравнялось шесть, строились на взаимном уважении личности и достоинства другого.

But I did look at her. Knobby knees, stringy, shooting up fast, not yet filled out, she was not as pretty as she had been as a baby girl. The shorts and T-shirt she was wearing, combined with peeling sunburn, scratches, bruises, and an understandable amount of dirt, did not add up to feminine glamour. She was a matchstick sketch of the woman she would become, her coltish gawkiness relieved only by her enormous solemn eyes and the pixie beauty of her thin smudged features.

She looked adorable.

I said, "And I'm awful glad to be here, Ricky."

Trying awkwardly to manage Pete with one arm, she reached with her other hand for a bulging pocket in her shorts.

"I'm surprised too. I just this minute got a letter from you—they dragged me away from mail call; I haven't even had a chance to open it. Does it say that you're coming today?"

She got it out, creased and mussed from being crammed into a pocket too small.

"No, it doesn't, Ricky. It says I'm going away. But after I mailed it, I decided I just had to come say good-bye in person."

She looked bleak and dropped her eyes.

"You're going away?"

"Yes. I'll explain, Ricky, but it's rather long. Let's sit down and I'll tell you about it."

So we sat on opposite sides of the picnic table under the ponderosas and I talked. Pete lay on the table between us, making a library lion of himself with his forepaws on the creased letter, and sang a low song like bees buzzing in deep clover, while he narrowed his eyes in contentment.

Но я посмотрел на нее: голенастая, тощая, быстро вытянувшаяся, но еще не налившаяся соком юности, — маленькой девчонкой она была гораздо красивее. Ее шорты и футболка, ее облупившийся от загара нос, ссадины, синяки и грязные (в меру!) локти тоже не прибавляли женского очарования. От будущей женщины в ней были только наметки, только огромные серьезные глаза на худом, измазанном копотью лице.

Она была прекрасна.

Я ответил: — Я тоже очень рад тебя видеть, Рики.

Неуклюже поддерживая Пита одной рукой, другой она полезла в оттопыривающийся карман.

— А я так удивилась: мне только что отдали письмо от тебя. Меня позвали сюда как раз с раздачи почты — я даже не успела прочитать его. Ты, наверное, пишешь, что приедешь сегодня?

Она достала скомканный в маленьком кармане конверт.

— Нет, Рики. Там сказано, что я уезжаю. Но потом, когда я отправил его, я решил, что надо самому заехать к тебе попрощаться.

Она погрузилась и опустила глаза.

— Уезжаешь?

— Да. Я все объясню, Рики, только это долго. Давай присядем.

Мы усадились за стол под пондерозой, друг напротив друга, и я стал рассказывать. А Пит улегся между нами, положил лапы на лежащий на столе измятый конверт, изобразил такого сфинкса и запел тихонько, словно шмель в клевере, шурясь от удовольствия.

I was much relieved to find that she already knew that Miles had married Belle—I hadn't relished having to break that to her. She glanced up, dropped her eyes at once, and said with no expression at all, "Yes, I know. Daddy wrote me about it."

Я испытал огромное облегчение, узнав, что она уже в курсе насчет женитьбы Майлса и Беллы, — мне очень не хотелось первым сообщать ей эту новость. Она на секунду подняла на меня глаза и сразу же опять уткнулась взглядом в стол. Совершенно без выражения она сказала: — Да, я знаю. Мне папа об этом написал.

"Oh. I see." She suddenly looked grim and not at all a child.

— Ах, вот оно что... Она вдруг как-то повзрослела; на лицо набежала обида.

"I'm not going back there, Danny. I won't go back there."

— Я туда больше не вернусь, Дэнни. Я к ним не поеду.

"But—Look here, Rikki-tikki-tavi, I know how you feel. I certainly don't want you to go back there—I'd take you away myself if I could. But how can you help going back? He's your daddy and you are only eleven."

— Но... слушай, Рики-Тики, я тебя понимаю. Я тоже не хочу, чтобы ты туда возвращалась. Я бы сам тебя забрал, если бы мог. Но куда же тебе деваться? Он твой папа, а тебе всего одиннадцать.

"I don't have to go back. He's not my real daddy. My grandmother is coming to get me."

— Он не мой папа. И я к нему не поеду. За мною моя бабушка придет.

"What? When's she coming?"

— Что? Когда придет?

"Tomorrow. She has to drive up from Brawley. I wrote her about it and asked her if I could come live with her because I wouldn't live with Daddy any more with her there." She managed to put more contempt into one pronoun than an adult could have squeezed out of profanity. "Grandma wrote back and said that I didn't have to live there if I didn't want to because he had never adopted me and she was my `guardian of record.'" She looked up anxiously. "That's right, isn't it? They can't make me?"

— Завтра. Она из Броули придет. Я ей все написала и спросила: можно, я у нее поживу? Я не хочу жить у папы, раз она там.
— Она сумела вложить в это «она» столько неприязни — ни одно взрослое ругательство не смогло бы передать такого отвращения. — Бабушка пишет, что раз я не хочу там жить, то и не надо — он меня не удочерил, а она — мой «законный попечитель», так она написала. — Рики с тревогой глянула мне в глаза.
— Это правда, да? Они же не могут заставить меня? А?

I felt an overpowering flood of relief. The one thing I had not been able to figure out, a problem that had worried me for months, was how to keep Ricky from being subjected to the poisonous influence of Belle for—well, two years; it had seemed certain that it would be about two years.

На меня теплой волной нахлынуло облегчение. Вот уже много месяцев я ломал голову и не мог найти ответа на мучивший меня вопрос: как уберечь девочку от тлетворного влияния Беллы хотя бы на два года? Мне казалось, что за два года у Беллы с Майлсом все рухнет.

"If he never adopted you, Ricky, I'm certain that your grandmother can make it stick if you are both firm about it."

— Раз он тебя не удочерил, Рики, то бабушка, я думаю, сможет забрать тебя к себе жить, если вы обе будете достаточно настойчивы.

Then I frowned and chewed my lip.

Тут я нахмурился и закусил губу:

"But you may have some trouble tomorrow. They may object to letting you go with her."

— Ты знаешь, а ведь могут быть проблемы. Тебя могут с ней не отпустить отсюда.

"How can they stop me? I'll just get in the car and go."

— А как это они меня не отпустят? Я сяду в машину — и все.

"It's not that simple, Ricky. These people who run the camp, they have to follow rules. Your daddy-Miles, I mean-Miles turned you over to them; they won't be willing to turn you back over to anyone but him."

— Все не так просто, Рики. Лагерное начальство — им приходится все делать по правилам. Твой папа — то есть Майлс — он тебя сюда привез; и они вряд ли отдадут тебя кому-то, кроме него.

She stuck out her lower lip.

Она надула губы:

"I won't go. I'm going with Grandma."

— А я к нему не поеду. Я к бабушке хочу.

"Yes.
But maybe I can tell you how to make it easy. If I were you, I wouldn't tell them that I'm leaving camp; I'd just tell them that your grandmother wants to take you for a ride-then don't come back."

— Да. Но я, наверное, знаю, как это сделать. На твоём месте я бы не стал никому говорить, что уезжаю. Я бы просто сказал, что бабушка хочет свозить тебя прокатиться на прогулку, — а самой взять и не вернуться.

Some of her tension relaxed.

Напряжение её чуть убавилось.

"All right."

— Ладно.

"Uh... don't pack a bag or anything or they may guess what you're doing. Don't try to take any clothes but those you are wearing at the time. Put any money or anything you really want to save into your pockets. You don't have much here that you would really mind losing, I suppose?"

— Э-э... не собирай сумку и не бери с собой ничего такого — догадаются, что ты сбегаешь. Не бери одежду, кроме той, что будет на тебе. Деньги и все ценное, что хочешь увезти, положи в карманы. Ничего такого, что тебе было бы очень жалко оставить, у тебя тут нет, я думаю.

"I guess not." But she looked wistful. "I've got a brand-new swim suit." How do you explain to a child that there are times when you just must abandon your baggage? You can't—they'll go back into a burning building to save a doll or a toy elephant.

— Наверное, нет, — тем не менее она приуныла. — У меня тут новенький купальник... Ну как объяснить ребёнку, что бывают ситуации, когда надо бросить свои пожитки? Это невозможно. Они кидаются в горящий дом, чтобы вытащить оттуда куклу или плюшевого мишку.

"Mmm...Ricky, have your grandmother tell them that she is taking you over to Arrowhead to have a swim with her... and that she may take you to dinner at the hotel there, but that she will have you back before taps. Then you can carry your swimming suit and a towel. But nothing else. Er, will your grandmother tell that fib for you?"

— Ммм... Рики, пусть твоя бабушка скажет, что вы поедете к озеру Эрроухэд купаться... а потом обедать в ресторан и что ты вернешься к отбою. Тогда ты сможешь взять с собой купальник и полотенце. Но уж больше ничего. Бабушка будет говорить так, если ты попросишь?

"I guess so. Yes, I'm sure she will. She says people have to tell little white fibs or else people couldn't stand each other. But she says fibs were meant to be used, not abused."

— Я думаю, будет. Да, будет. Она говорит, что люди должны иногда немного приврать, а то жить станет невозможно. Но она говорит, что этим можно пользоваться только иногда, но никак не злоупотреблять.

"She sounds like a sensible person. You'll do it that way?"

— Умная у тебя, похоже, бабушка. Сделаешь, как я сказал?

"I'll do it just that way, Danny."

— Именно так и сделаю, Дэнни.

"Good." I picked up the battered envelope. "Picky, I told you I had to go away. I have to go away for a very long time."

— Ну и хорошо. — Я взял со стола измятый конверт. — Рики, я уже тебе сказал, что уезжаю. И очень надолго.

"How long?"

— На сколько?

"Thirty years." Her eyes grew wider if possible. At eleven, thirty years is not a long time; it's forever. I added, "I'm sorry, Ricky. But I have to."

— На тридцать лет... Глаза у нее сделались круглые, как тарелки. Когда тебе всего одиннадцать, тридцать лет — это не просто «надолго». Это — навсегда. Я добавил: — Прости меня, Рики. Но так нужно.

"Why?"

— Почему?

I could not answer that one. The true answer was unbelievable and a lie would not do.

На этот вопрос я не мог ей ответить. Правдивому ответу она бы не поверила, а врать не годилось.

"Picky, it's much too hard to explain. But I have to. I can't help it." I hesitated, then added, "I'm going to take the Long Sleep. The cold sleep-you know what I mean."

— Рики, это очень-очень трудно объяснить. Но я должен. Я ничего тут не могу поделать. — Я чуть помедлил, решаясь. Потом добавил: — Я собираюсь лечь в Долгий Сон. Ну, ты слышала — Холодный Сон.

She knew. Children get used to new ideas faster than adults do; cold sleep was a favorite comic-book theme. She looked horrified and protested, "But, Danny, I'll never see you again~"

Она слышала. Дети легче взрослых привыкают к новым понятиям. Холодный Сон — излюбленная тема детских комиксов. На лице у нее отразился ужас, и она возразила: — Но, Дэнни, я же никогда тебя больше не увижу!

"Yes, you will. It's a long time but I'll see you again. And so will Pete. Because Pete is going with me; he's going to cold-sleep too."

— Увидишь. Не скоро, но обязательно увидишь. И Пита тоже. Ведь Пит едет со мною и тоже будет спать вместе со мной.

She glanced at Pete and looked more woebegone than ever.

Она посмотрела на Пита и стала еще безутешнее.

"But-Danny, why don't you and Pete just come down to Brawley and live with us?

That would be ever so much better. Grandma will like Pete. She'll like you too-she says there's nothing like having a man around the house." "Ricky... dear Ricky... I have to. Please don't tease me." I started to tear open the envelope.

— Дэнни... А может, вы с Питом поедете в Броули, будете там жить у нас? Так же лучше! Бабушка будет Пита любить. И тебя тоже — она говорит, что когда в доме есть мужчина, это очень хорошо... — Рики, милая... ну, я не могу. Не дразни меня. — Я вскрыл конверт.

She looked angry and her chin started to quiver.

Она сердито насупилась, подбородок ее задрожал.

"I think she has something to do with this!"

— Это все из-за нее!

"What? If you mean Belle, she doesn't. Not exactly, anyway."

— Что? Если ты про Беллу, то нет. Не совсем из-за нее.

"She's not going to cold-sleep with you?"

— А она не ложится спать Холодным Сном с тобой?

I think I shuddered.

Кажется, меня передернуло.

"Good heavens, not I'd run miles to avoid her."

— Господи помилуй, нет, конечно! Я бы ее близко не подпустил!

Picky seemed slightly mollified.

Кажется, Рики чуть отмякла.

"You know, I was so mad at you about her. I had an awful outrage."

— Знаешь, я так из-за нее на тебя разозлилась... Прямо до ужаса.

"I'm sorry, Ricky. I'm truly sorry. You were right and I was wrong. But she hasn't anything to do with this. I'm through with her, forever and forever and cross my heart. Now about this." I held up the certificate for all that I owned in Hired Girl, Inc. "Do you know what it is?"

— Ты прости меня, Рики. Мне очень жаль, честное слово. Ты была права, а я — нет. Но к этому делу она никакого отношения не имеет. У меня с нею все кончено, во веки веков, вот крест святой. Теперь насчет этого. — Я вынул сертификат на все свои владения в «Золушке Инк.». — Знаешь, что это такое? — Нет.

I explained it to her.

Я объяснил:

"I'm giving this to you, Picky. Because I'm going to be gone so long I want you to have it." I took the paper on which I had written an assignment to her, tore it up, and put the pieces in my pocket; I could not risk doing it that way—it would be too easy for Belle to tear up a separate sheet and we were not yet out of the woods. I turned the certificate over and studied the standard assignment form on the back, trying to plan how to work it in the Bank of America in trust for— "Ricky, what is your full name?"

"Frederica Virginia. Frederica Virginia Gentry. You know."

"Is it `Gentry'? I thought you said Miles had never adopted you?"

"Oh! I've been Picky Gentry as long as I can remember. But you mean my real name. It's the same as Grandma's ... the same as my real daddy's. Heinicke. But nobody ever calls me that." "They will now."

I wrote "Frederica Virginia Heinicke" and added "and to be reassigned to her on her twenty-first birthday" while prickles ran down my spine—my original assignment might have been defective in any case.

I started to sign and then noticed our watchdog sticking her head out of the office. I glanced at my wrist, saw that we had been talking an hour; I was running out of minutes. But I wanted it nailed down tight.

"Ma'am!"

"Yes?"

"By any chance, is there a notary public around here? Or must I find one in the village?"

"I am a notary. What do you wish?"

"Oh, good! Wonderful! Do you have your seal?"

"I never go anywhere without it."

— Это тебе, Рики.

Меня очень долго не будет, и я хочу, чтобы это было твоё. — Я взял лист бумаги с распоряжением о переуступке акций, порвал его, а клочки сунул в карман. Оставлять его было рискованно: мы ещё были на тропе войны, а порвать лист бумаги для Беллы — раз плюнуть. Перевернув сертификат, я стал изучать раздел «изменение владельца», размышляя, как бы это половчее оформить переуступку на хранение в «Бэнк оф Америка» на имя... — Рики, а как твоё полное имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Разве Джентри? Ты же, кажется, сказала, что Майлс тебя не удочерил?

— Сколько я себя помню, я всегда была Рики Джентри. А моя настоящая фамилия — как и бабушкина. Это папина фамилия: Хайнике. Только меня так никто не зовёт... — Теперь будут.

Я написал: «Фредерике Вирджинии Хайнике» и добавил: «...с тем, чтобы она вступила в право собственности по исполнении ей двадцати одного года». По спине у меня бегали мурашки: та, первая переуступка, на отдельном листе, была недействительной с самого начала!..

Собираясь расписаться, я заметил, что из домика выглядывает наша надзирательница. Я взглянул на часы: мы говорили уже целый час. А время дорого. Но я хотел, чтобы всё было железно.

— Мэм!

— Да?

— Нет ли поблизости нотариуса? Или мне придется ехать в поселок?

— Я — нотариус. Что вам угодно?

— О, хорошо! Прекрасно! А печать у вас есть?

— Я никогда с нею не расстаюсь.

So I signed my name under her eye and she even stretched a point (on Ricky's assurance that she knew me and Pete's silent testimony to my respectability as a fellow member of the fraternity of cat people) and used the long form: "-known to me personally as being said Daniel B. Davis—" When she embossed her seal through my signature and her own I sighed with relief. Just let Belle try to find a way to twist that one!

Так что я подписал сертификат у нее на глазах, и она немного отступила от своих строгих правил (когда Рики заверила ее, что хорошо знает меня, а Пит молчаливо засвидетельствовал мою благонадежность, как действительного члена тайного братства кошатников) и написала: «...известного мне лично как поименованный Дэниэл Б. Дэвис...». Когда поверх моей и своей подписи она поставила печать, я вздохнул с облегчением. Пусть теперь Белла попробует добраться до этого!

She glanced at it curiously but said nothing. I said solemnly, "Tragedies cannot be undone but this will help.

Она с любопытством взглянула на сертификат, но ничего не сказала. Я торжественно заявил:

The kid's education, you know."

— Случившейся беды не воротишь, но это хоть немного поможет: девочке надо учиться!

She refused a fee and went back into the office. I turned back to Picky and said, "Give this to your grandmother. Tell her to take it to a branch of the Bank of America in Brawley. They'll do everything else." I laid it in front of her.

Она не взяла платы, шмыгнула носом и ушла в домик. Я повернулся к Рики и сказал: — Отдай бабушке. Пусть сдаст в отделение «Бэнк оф Америка» в Броули. А они уж обо всем позаботятся. — Я положил сертификат перед ней.

She did not touch it.

Она не притронулась к нему.

"That's worth a lot of money, isn't it?"

— Это стоит много денег, да?

"Quite a bit. It will be worth more."

— Изрядно. А будет стоить еще больше.

"I don't want it."

— Мне этого не надо.

"But, Picky, I want you to have it."

— Но, Рики, я хочу, чтобы это было твое.

"I don't want it. I won't take it." Her eyes filled with tears and her voice got unsteady. "You're going away forever and... and you don't care about me any more." She sniffed. "Just like when you got engaged to her. When you could just as easily bring Pete and come live with Grandma and me. I don't want your money!"

— Не надо. Я не возьму. — Ее глаза наполнились слезами, голос задрожал. — Ты... Ты уезжаешь навсегда, и тебе на меня наплевать. — Она всхлипнула. — Как тогда — когда ты собрался на ней жениться. Ты же мог просто взять Пита и уехать к нам с бабушкой. Не нужны мне твои деньги!

"Picky. Listen to me, Picky. It's too late. I couldn't take it back now if I wanted to. It's already yours."

— Рики. Послушай, Рики. Уже поздно: я не могу взять их обратно, даже если бы захотел. Они теперь твои.

"I don't care. I won't ever touch it." She reached out and stroked Pete. "Pete wouldn't go away and leave me... only you're going to make him. Now I won't even have Pete."

— А мне все равно. Я к ним не притронусь. — Она протянула руку, погладила Пита. — Пит бы не уехал, не бросил бы меня... Это ты его заставляешь. Теперь у меня даже Пита не будет.

I answered unsteadily, "Picky? Rikki-tikki-tavi? You want to see Pete... and me again?"

Я спросил неуверенно: — Рики? Рики-Тики-Тави? Ты хочешь еще увидеть Пита... и меня?

I could hardly hear her.

Она ответила так тихо, что я еле разобрал:

"Of course I do. But I won't."

— Конечно хочу. Но ведь не увижу... Не смогу.

"But you can."

— Сможешь!

"Huh? How? You said you were going to take the Long Sleep thirty years, you said."

— Как? Ты же сам сказал, что вы уходите в Долгий Сон... на тридцать лет.

"And I am. I have to. But, Picky, here is what you can do. Be a good girl, go live with your grandmama, go to school-and just let this money pile up. When you are twenty-one-if you still want to see us-you'll have enough money to take the Long Sleep yourself. When you wake up I'll be there waiting for you. Pete and I will both be waiting for you. That's a solemn promise."

— Да. Так надо, Рики. Но вот что ты можешь сделать. Будь умницей, поезжай жить к бабушке, ходи в школу — а деньги пусть себе копятся. А когда тебе исполнится двадцать один — если ты, конечно, еще будешь хотеть увидеть нас с Питом, — у тебя хватит денег, чтобы тоже купить себе Долгий Сон. А когда ты проснешься, я уже буду тебя там ждать. Мы оба с Питом будем тебя ждать. Честное-пречестное.

Her expression changed but she did not smile. She thought about it quite a long time, then said, "You'll really be there?"

Выражение лица у нее изменилось, но она не улыбнулась. Она долго думала; потом спросила: — Ты правда там будешь?

"Yes. But we'll have to make a date. If you do it, Ricky, do it just the way I tell you. You arrange it with the Cosmopolitan Insurance Company and you make sure that you take your Sleep in the Riverside Sanctuary in Riverside... and you make very sure that they have orders to wake you up on the first day of May, 2001, exactly. I'll be there that day, waiting for you. If you want me to be there when you first open your eyes, you'll have to leave word for that, too, or they won't let me farther than the waiting room-I know that sanctuary; they're very fussy." I took out an envelope which I had prepared before I left Denver. "You don't have to remember this; I've got it all written out for you. Just save it, and on your twenty-first birthday you can make up your mind. But you can be sure that Pete and I will be there waiting for you, whether you show up or not." I laid the prepared instructions on the stock certificate.

— Да. Только давай условимся о дате. Если сделаешь это, Рики, — делай так, как я тебе скажу. Застрахуйся в «Космополитан иншуранс компани» и обязательно скажи, чтобы тебя определили на хранение в Риверсайдское хранилище. И обязательно напиши распоряжение: разбудить первого мая 2001 года. В этот день я там буду тебя ждать. Если хочешь, чтобы я был рядом, когда ты откроешь глаза, — тоже оставь соответствующее распоряжение, а то меня не пустят дальше приемной. Я это хранилище знаю — у них с этим строго. — Я вынул конверт, который приготовил перед выездом из Денвера. — Можешь все это не запоминать. Я тут тебе все написал. Просто сбереги это письмо, а в двадцать один год решай. Но мы с Питом будем там тебя встречать, можешь не сомневаться, независимо от того, появишься ты там или нет. — Я положил приготовленную мною инструкцию на сертификат.

I thought that I had her convinced but she did not touch either of them. She stared at them, then presently said, "Danny?"

Я думал, что уговорил ее, но она опять не притронулась ни к конверту, ни к сертификату. Она смотрела на них... Потом спросила: — Дэнни?

"Yes, Ricky?"

— Да, Рики?

She would not look up and her voice was so low that I could barely hear her. But I did hear her.

Она не подняла глаз. Спросила шепотом, тихо-тихо, еле слышно — но я услышал:

"If I do... will you marry me?"

— А если я... ты на мне женишься?

My ears roared and the lights flickered. But I answered steadily and much louder than she had spoken.

В глазах у меня все поплыло, шум в ушах превратился в рев реактивного лайнера. Но я ответил отчетливо, ровно и гораздо громче, чем она спросила:

"Yes, Picky. That's what I want. That's why I'm doing this."

— Да, Рики. Это именно то, чего я хочу. Поэтому-то я так этого и добиваюсь.

I had just one more thing to leave with her: a prepared envelope marked "To Be Opened in the Event of the Death of Miles Gentry." I did not explain it to her; I just told her to keep it. It contained proof of Belle's varied career, matrimonial and otherwise. In the hands of a lawyer it should make a court fight over his will no contest at all.

Я оставил ей еще одну вещь — запечатанный конверт с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлса Джентри». Я ничего не стал ей объяснять — просто велел сохранить его. В конверте были доказательства разнообразных походов Беллы — как на ниве брачных афер, так и в других областях. Если это попадет в руки опытного юриста, суд опротестует завещание Майлса в пользу Беллы без колебаний.

Then I gave her my class ring from Tech (it was all I had) and told her it was hers; we were engaged. "It's too big for you but you can keep it. I'll have another one for you when you wake up."

Потом я подарил ей свое кольцо, полученное в день выпуска в институте, — больше у меня ничего подходящего не было. — Теперь оно твое, — сказал я, — мы помолвлены. Оно тебе пока велико, ты спрячь его. Когда проснешься, я уже приготовлю тебе другое.

She held it tight in her fist.

Она крепко сжала кольцо в кулачке:

"I won't want another one."

— Мне не надо другого.

"All right. Now better tell Pete good-by, Picky. I've got to go. I can't wait a minute longer."

— Ну и ладно. А теперь попрощайся с Питом, Рики: нам пора. У нас уже нет ни минутки.

She hugged Pete, then handed him back to me, looked me steadily in the eye even though tears were running down her nose and leaving clean streaks.

Она обняла Пита и посмотрела мне прямо в глаза острым, пронзительным взглядом, хотя слезы текли у нее по щекам, промывая чистые дорожки.

"Good-by, Danny."

— Прощай, Дэнни.

"Not `good-by,' Ricky. Just `so long.' We'll be waiting for you."

— Нет, Рики. Не «прощай» — просто «пока!». Мы тебя ждем, помни.

It was a quarter of ten when I got back to the village.

I found that a helicopter bus was due to leave for the center of the city in twenty-five minutes, so I sought out the only used-car lot and made one of the fastest deals in history, letting my car go for half what it was worth for cash in hand at once. It left me just time to sneak Pete into the bus (they are fussy about airsick cats) and we reached Powell's office just after eleven o'clock.

В поселок я вернулся без четверти десять. Оказалось, что вертолет уходит в центр города через двадцать пять минут. Я успел отыскать единственный в поселке магазин, торговавший подержанными автомобилями, и совершить одну из самых скорых сделок в истории: за полцены я продал свою машину — лишь бы за наличные. Я успел также незаметно пронести Пита в автобус (водители обычно следят, чтобы в салон не попадали коты, которых вдобавок перед этим укачало в вертолете). В кабинет мистера Пауэлла мы попали в самом начале двенадцатого.

Powell was much annoyed that I had canceled my arrangements for Mutual to handle my estate and was especially inclined to lecture me over having lost my papers.

Пауэлл был очень недоволен, что я передумал насчет «Мьючел», и был настроен прочесть мне лекцию за то, что я потерял бумаги.

"I can't very well ask the same judge to pass on your committal twice in the same twenty-four hours. It's most irregular."

— Не могу же я просить одного и того же судью завизировать ваши бумаги второй день подряд. Это крайне странно.

I waved money at him, cash money with convincing figures on it.

Я помахал перед ним деньгами — убедительно крупными купюрами.

"Never mind eating me out about it, Sergeant. Do you want my business or don't you? If not, say so, and I'll beat it on up to Central Valley. Because I'm going today."

— Бросьте огрызаться, сержант. Вы за меня беретесь или нет? Если нет — так и скажите: тогда я помчался в «Сентрал вэли». Потому что я ложусь спать сегодня.

He still fumed but he gave in. Then he grumbled about adding six months to the cold-sleep period and did not want to guarantee an exact date of awakening.

Он еще попыхтел, но быстро сдался. Потом он ворчал насчет продления срока Сна на полгода и отказался гарантировать точную дату пробуждения.

"The contracts ordinarily read `plus or minus' one month to allow for administrative hazards."

— Обычно в контракте указывают: плюс-минус один месяц, на случай непредвиденных административных трудностей.

"This one doesn't. This one reads 27 April, 2001. But I don't care whether it says `Mutual' at the top or `Central Valley.' Mr. Powell, I'm buying and you're selling. If you don't sell what I want to buy I'll go where they do sell it."

— В моем контракте такого не будет. Вы напишете «27 апреля 2001». И мне совершенно безразлично, что там будет наверху — «Мьючел» или «Сентрал вэли», мистер Пауэлл. Я покупаю, вы продаете. Если у вас нет нужного мне товара — я пойду искать его у других.

He changed the contract and we both initialed it.

Он изменил контракт, и мы оба подписались.

At twelve straight up I was back in for my final check with their medical examiner. He looked at me.

Ровно в двенадцать я опять попал к доктору — на последний осмотр. Он посмотрел на меня и спросил:

"Did you stay sober?"

— Не пили? Явились трезвый?

"Sober as a judge."

— Трезвый как судья, сэр.

"That's no recommendation. We'll see." He went over me almost as carefully as he had "yesterday."

— Тоже мне, сравнение... Посмотрим. Раздевайтесь. Он осмотрел меня почти так же тщательно, как «вчера».

At last he put down his rubber hammer and said, "I'm surprised. You're in much better shape than you were yesterday. Amazingly so."

Наконец он отложил свой резиновый молоточек и сказал: — Я просто удивлен. Вы сегодня в гораздо лучшей форме, чем вчера. Просто удивительно.

"Doc, you don't know the half of it."

— Э-э, доктор, вы и не представляете, насколько вы правы.

I held Pete and soothed him while they gave him the first sedative. Then I lay back myself and let them work on me. I suppose I could have waited another day, or even longer, just as well as not-but the truth was that I was frantically anxious to get back to 2001.

Я держал и успокаивал Пита, пока ему вводили снотворное. Потом лег, и они принялись за меня. Я думаю, что мог бы не спешить — подождать еще денек-другой. Но, честно говоря, мне безумно хотелось туда, в 2001 год.

About four in the afternoon, with Pete's flat head resting on my chest, I went happily to sleep again.

Около четырех часов пополудни я мирно уснул. Пит тоже уснул, примостившись у меня на груди.

CHAPTER 12

Глава 12

•

My dreams were pleasanter this time.

The only bad one I remember was not too bad, but simply endless frustration. It was a cold dream in which I wandered shivering through branching corridors, trying every door I came to, thinking that the next one would surely be the Door into Summer, with Ricky waiting on the other side. I was hampered by Pete, "following me ahead of me," that exasperating habit cats have of scalloping back and forth between the legs of persons trusted not to step on them or kick them.

В этот раз мои сновидения были более приятными. Единственный неприятный сон (не кошмар, а просто скверный сон), который я помню — долгий, бесконечный и очень нудный: я слоняюсь, дрожа от холода, по бесконечным, разветвляющимся коридорам, открывая дверь за дверью в твердой уверенности, что уж следующая-то непременно окажется Дверью в Лето и за нею меня ждет Рики. Пит мешает, задерживает меня, снует под ногами — знаете, у кошек есть такая манера? Он вроде бы идет за мною, но только впереди. Такие вещи кошки позволяют себе иногда, если уверены, что на них не наступят и не дадут пинка.

At each new door he would duck between my feet, look out it, find it still winter outside, and reverse himself, almost tripping me.

У каждой новой двери он протискивается у меня между ног и высовывается наружу; убедившись, что там зима, он норовит отпрянуть назад, чуть не сбивая меня с ног.

But neither one of us gave up his conviction that the next door would be the right one. I woke up easily this time, with no disorientation-in fact the F doctor was somewhat irked that all I wanted was some breakfast, the Great Los Angeles Times, and no chitchat. I didn't think it was worth while to explain to him that this was my second time around; he would not have believed me.

Но мы оба не теряем надежды, что за следующей дверью — Лето... Я проснулся легко, без дезориентации. Доктор, будивший меня, был поражен, когда я попросил завтрак, «Грейт Лос-Анджелес таймс» и не стал тратить время на пустую болтовню. Но не объяснять же ему, что я здесь уже во второй раз, — он бы все равно не поверил.

There was a note waiting for me, dated a week earlier, from John:

Меня ожидала записка от Джона, написанная неделю назад:

Dear Dan, All right, I give up. How did you do it?

Дэн, дружище! Ладно, я сдаюсь. Как ты это сделал?

I'm complying with your request not to be met, against Jenny's wishes. She sends her love and hopes that you won't be too long in looking us up—I've tried to explain to her that you expect to be busy for a while. We are both fine although I tend to walk where I used to run. Jenny is even more beautiful than she used to be.

Подчиняюсь твоей просьбе не встречать тебя, хотя Дженни и возражает. Она велела передать тебе привет и сказать, что мы ждем тебя и надеемся, что ты скоро поженешься. Я пытался ей объяснить, что ты будешь занят некоторое время. Мы оба в полном порядке, хотя я теперь предпочитаю ходить там, где раньше бегал бегом. А Дженни стала еще лучше, чем была.

Hasta la vista, amigo, John P.S. If the enclosure is not enough, just phone—there is plenty more where it came from. We've done pretty well, I think.

Hasta la vista, amigo. Джон. P. S. Если прилагаемого чека недостаточно — позвони. Тут еще много. По-моему, мы неплохо потрудились.

I considered calling John, both to say hello and to tell him about a colossal new idea I had had while asleep—a gadget to change bathing from a chore to a sybaritic delight. But I decided not to; I had other things on my mind. So I made notes while the notion was fresh and then got some sleep, with Pete's head tucked into my armpit. I wish I could cure him of that. It's flattering but a nuisance.

Я хотел позвонить Джону — просто поздороваться и сказать ему, что у меня, пока я спал, родилась идея: устройство, превращающее мытье из обязанности в сибаритское наслаждение. Но передумал: есть другие дела, более важные. Так что я сделал кое-какие наброски, пока мысль не ускользнула, и прилег поспать. Пит прикорнул, уткнувшись носом мне подмышку. Никак я его от этого не отучу: лестно, конечно, но уж больно неудобно.

On Monday, the thirtieth of April, I checked out and went over to Riverside, where I got a room in the old Mission Inn. They made the predictable fuss about taking a cat into a room and an autobellhop is not responsive to bribes—hardly an improvement. But the assistant manager had more flexibility in his synapses; he listened to reason as long as it was crisp and rustled. I did not sleep well; I was too excited.

В понедельник, тридцатого апреля, я выписался из хранилища и отправился в Риверсайд, где снял комнату в старой гостинице «Мишшн инн.». Как я и ожидал, вышел небольшой шум из-за Пита. Подкупить автоматического коридорного, естественно, не удалось. Вряд ли подобные новшества можно рассматривать как улучшение обслуживания. К счастью, администратор на мои аргументы поддался легче: он готов был слушать их, пока они новенькие и хрустят. Я не заснул: я был слишком возбужден.

I presented myself to the director of the Riverside Sanctuary at ten o'clock the next morning.

Наутро, ровно в десять, я явился к директору Риверсайдского хранилища.

"Dr. Rumsey, my name is Daniel B. Davis. You have a committed client here named Frederica Heinicke?"

— Мистер Рэмси, меня зовут Дэниэл Б. Дэвис. У вас есть на хранении клиент по имени Фредерика Хайнике?

"I suppose you can identify yourself?"

— Надеюсь, у вас есть документы, удостоверяющие личность?

I showed him a 1970 driver's license issued in Denver, and my withdrawal certificate from Forest Lawn Sanctuary. He looked them over and me, and handed them back. I said anxiously, "I think she's scheduled for withdrawal today. By any chance, are there any instructions to permit me to be present? I don't mean the processing routines; I mean at the last minute, when she's ready for the final restimulant and consciousness."

Я предъявил ему свое водительское удостоверение, выданное в Денвере в 1970 году, и свидетельство о пробуждении из хранилища «Форест Лоун». Он посмотрел на них, на меня и вернул мне документы. Я встревоженно сказал: — По-моему, ее пробуждение назначено на сегодня. Не имеете ли вы распоряжений разрешить мне присутствовать? Я не имею в виду саму процедуру пробуждения — я имею в виду последнюю минуту, перед тем как ей введут последний рестимулянт и она придет в сознание.

He shoved his lips out and looked judicial.

Он выпятил губы и напыжился.

"Our instructions for this client do not read to wake her today."

— В инструкции, оставленной данным клиентом, не содержится распоряжений разбудить ее сегодня.

"No?" I felt disappointed and hurt.

— Нет? — Я почувствовал обиду и разочарование.

"No. Her exact wishes are as follows: instead of necessarily being waked today, she wished not to be waked at all until you showed up." He looked me over and smiled. "You must have a heart of gold. I can't account for it on your beauty."

— Нет. Точная формулировка ее пожелания такова: вместо того чтобы разбудить ее сегодня, она велела вообще не будить ее до тех пор, пока не явитесь вы, — он внимательно осмотрел меня с ног до головы и улыбнулся. — У вас, должно быть, золотое сердце: не могу представить, чтобы она решила так из-за вашей обворожительной внешности.

I sighed.

Я облегченно вздохнул:

"Thanks, Doctor."

— Спасибо, доктор!

"You can wait in the lobby or come back. We won't need you for a couple of hours."

— Можете подождать в фойе или погуляйте часика два — раньше вы нам не понадобятся.

I went back to the lobby, got Pete, and took him for a walk. I had parked him there in his new travel bag and he was none too pleased with it, even though I had bought one as much like his old one as possible and had installed a one-way window in it the night before. It probably didn't smell right as yet.

Я вернулся в фойе, взял Пита и пошел с ним гулять. Он ждал меня, пока я ходил к директору, сидя в новой дорожной сумке, и был очень недоволен, хотя я купил очень похожую на его старую сумку и даже вставил накануне специальное окошечко, через которое видно только изнутри. Наверное, в сумке просто еще пахло «не так».

We passed the "real nice place," but I was not hungry even though I hadn't been able to eat much breakfast-Pete had eaten my eggs and had turned up his nose at yeast strips. At eleven-thirty I was back at the sanctuary. Finally they let me in to see her.

Мы зашли в «очень хорошее кафе», но я не чувствовал голода, хотя практически не завтракал. Пит доел за меня яичницу, а от дрожжевой соломки брезгливо отвернулся. К половине двенадцатого мы вернулись в хранилище. Наконец меня впустили, и я увидел ее.

All I could see was her face; her body was covered. But it was my Ricky, grown woman size and looking like a slumbering angel.

Я увидел только ее лицо — тело было накрыто простыней. Но это была моя Рики, выросшая, взрослая женщина, похожая на задремавшего ангела.

"She's under posthypnotic instruction," Dr. Rumsey said softly.
"If you will stand just there, I'll bring her up. Uh, I think you had better put that cat outside."

— Она находится под постгипнотическим внушением, — тихо сказал доктор Рэмси. — Встаньте вон там, и я ее разбужу. Э-э, я думаю, вам бы лучше оставить вашего кота в сторонке.

"No, Doctor."

— Нет, доктор.

He started to speak, shrugged, turned back to his patient.

Он начал что-то говорить, но пожал плечами и повернулся к пациентке.

"Wake up, Frederica. Wake up. You must wake up now."

— Проснись, Фредерика. Проснись. Пора просыпаться.

Her eyelids fluttered, she opened her eyes. They wandered for an instant, then she caught sight of us and smiled sleepily.

Ее веки дрогнули, и она открыла глаза. Через несколько секунд, сфокусировавшись, ее взгляд уперся в нас; она сонно улыбнулась.

"Danny and Pete."

— Дэнни... и Пит.

She raised both arms—and I saw that she was wearing my Tech class ring on her left thumb.

Она протянула к нам руки, и я увидел у нее на большом пальце левой руки свое старое колечко.

Pete chirruped and jumped on the bed, started doing shoulder dives against her in an ecstasy of welcome.

Пит замурлыкал и прыгнул к ней на койку. Довольный, счастливый оттого, что снова видит ее, он стал иступленно тереться о ее плечо.

Dr. Rumsey wanted her to stay overnight, but Ricky would have none of it.

So I had a cab brought to the door and we jumped to Brawley. Her grandmother had died in 1980 and her social links there had gone by attrition, but she had left things in storage there—books mostly. I ordered them shipped to Aladdin, care of John Sutton. Ricky was a little dazzled by the changes in her old home town and never let go my arm, but she never succumbed to that terrible homesickness which is the great hazard of the Sleep. She merely wanted to get out of Brawley as quickly as possible.

So I hired another cab and we jumped to Yuma. There I signed the county clerk's book in a fine round hand, using my full name "Daniel Boone Davis," so that there could be no possible doubt as to which D. B. Davis had designed this magnum opus. A few minutes later I was standing with her little hand in mine and choking over, "I, Daniel, take thee, Frederica -...ill death us do part."

Pete was my best man. The witnesses we scraped up in the courthouse.

We got out of Yuma at once and jumped to a guest ranch near Tucson, where we had a cabin away from the main lodge and equipped with our own Eager Beaver to fetch and carry so that we did not need to see anyone. Pete fought a monumental battle with the torn who until then had been boss of the ranch, whereupon we had to keep Pete in or watch him. This was the only shortcoming I can think of. Ricky took to being married as if she had invented it, and me—well, I had Ricky.

Доктор Рэмси хотел, чтобы Рики осталась хотя бы на сутки, но Рики и слышать об этом не хотела. Я взял такси, подъехал прямо к дверям хранилища, и мы махнули в Броули. Бабушка ее умерла в 1980-м, и с Броули ее ничего всерьез не связывало. Но у нее там хранилось кое-какое имущество, прежде всего книги. Их я отправил в «Аладдин» под присмотр Джона Саттона. Рики была поражена тем, как изменился ее родной городок, — она повсюду ходила, крепко взяв меня за руку. Но ностальгии — этому постоянному спутнику сонников — она не поддавалась. Она просто попросила меня поскорее увезти ее из Броули.

Я опять взял такси, и мы уехали в Юму. Там я вывел красивым почерком в регистрационной книге в мэрии свое полное имя: Дэниэл Бун Дэвис, чтобы ни у кого не осталось сомнений, какой именно Д. Б. Дэвис придумал этот шедевр. Через несколько минут я уже стоял рядом с нею, держал ее за руку — такую хрупкую и тонкую — и, запинаясь, произносил: «Я, Дэниэл, беру тебя в жены... пока смерть не разлучит нас».

Шафером у меня был Пит, а свидетелями мы уговорили расписаться случайных посетителей мэрии.

Мы немедленно убрались из Юмы в загородную гостиницу — ранчо в окрестностях Тусона. Мы сняли коттедж подальше от основного здания, чтобы никого не видеть (в прислугах там держали нашего доброго «Трудягу Тедди»). Пит учинил совершенно грандиозную драку с котом, который был хозяином на этом ранчо до нашего приезда. После этого пришлось держать его в комнате и следить за ним на прогулке. Впрочем, это обстоятельство оказалось единственным недостатком нашего пребывания там. Рики была прирожденная жена и хозяйка, словно именно она изобрела брак и семью. Ну, а я — я был счастлив: у меня же была Рики!

There isn't much more to be said. Voting Ricky's Hired Girl stock — it was still the largest single block — I had McBee eased upstairs to "Research Engineer Emeritus" and put Chuck in as chief engineer. John is boss of Aladdin but keeps threatening to retire — an idle threat. He and I and Jenny control the company, since he was careful to issue preferred stock and to float bonds rather than surrender control. I'm not on the board of either corporation; I don't run them and they compete. Competition is a good idea — Darwin thought well of it.

Мне трудно что-нибудь добавить к моему повествованию. Воспользовавшись тем, что акции Рики по-прежнему оставались единственным крупным блоком, я живо отправил Макби этажом повыше — на должность «почетного конструктора-консультанта» — и усадил в его кресло Чака. Джон командует «Аладдином», хотя постоянно грозит уйти на пенсию. Пустые угрозы. Контролируем компанию я, он и Дженни — об этом позаботился он, когда издавал акции. Ни в одной из компаний я не вхожу в совет директоров. Я не управляю ими, поэтому они... конкурируют. Конкуренция — хорошая штука. Правильно ее Darwin придумал.

Me, I'm just the "Davis Engineering Company" — a drafting room, a small shop, and an old machinist who thinks I'm crazy but follows my drawings to exact tolerance. When we finish something I put it out for license.

А я — я теперь просто «Дэвис инжиниринг компани» — комната с кульманом, маленькая мастерская и пожилой механик, который считает меня сумасшедшим, но детали по моим чертежам делает достаточно точно. Когда очередное изделие готово, я продаю лицензию на него.

I had my notes on Twitchell recovered. Then I wrote and told him I had made it and returned via cold sleep...and apologized abjectly for having "doubted" him. I asked if he wanted to see the manuscript when I finished. He never answered so I guess he is still sore at me.

Я разыскал свои заметки про Твитчела. Потом я написал ему, сообщил о своем возвращении благодаря Холодному Сну и извинился за то, что позволил себе «усомниться» в его открытии. Я спрашивал его, не хочет ли он прочесть рукопись, когда она будет завершена. Он не ответил — наверное, все еще злится на меня.

But I am writing it and I'll put it in all major libraries even if I -k have to publish at my own expense. I owe him that much. I owe him much more; I owe him for Ricky. And for Pete. I'm going to title it Unsung Genius.

Но книгу я пишу, и она обязательно будет во всех крупных библиотеках, даже если мне придется издать ее за свой собственный счет. Я слишком многим обязан старику: благодаря ему у меня есть Рики. И Пит. Я назову книгу «Невоспетый гений».

Jenny and John look as if they would last forever. Thanks to geriatrics, fresh air, sunshine, exercise, and a mind that never worries, Jenny is prettier than ever at...well, sixty-three is my guess. John thinks that I am "merely" clairvoyant and does not want to look at the evidence. Well, how did I do it?

Джон и Дженни не стареют. Благодаря гериатрии, свежему воздуху, солнышку, тренировкам и безмятежному складу ума Дженни выглядит еще очаровательнее в свои... кажется, шестьдесят три. А Джон — Джон считает, что я ясновидящий, и не желает видеть очевидного. Ну, как это я сумел сделать все это?!

I tried to explain it to Ricky, but she got upset when I told her that while we were on our honeymoon I was actually and no foolin' also up at Boulder, and that while I was visiting her at the Girl Scout camp I was also lying in a drugged stupor in San Fernando Valley. She turned white. So I said, "Let's put it hypothetically. It's all logical when you look at it mathematically. Suppose we take a guinea pig-white with brown splotches. We put him in the time cage and kick him back a week. But a week earlier we had already found him there, so at that time we had put him in a pen with himself. Now we've got two guinea pigs... although actually it's just one guinea pig, one being the other one a week older. So when you took one of them and kicked him back a week and-" "Wait a minute! Which one?"

"Which one? Why, there never was but one. You took the one a week younger, of course, because-" "You said there was just one. Then you said there were two. Then you said the two was just one. But you were going to take one of the two... when there was just one-" "I'm trying to explain how two can be just one. If you take the younger-" "How can you tell which guinea pig is younger when they look just alike?"

"Well, you could cut off the tail of the one you are sending back. Then when it came back you would—" "Why, Danny, how cruel! Besides, guinea pigs don't have tails."

She seemed to think that proved something. I should never have tried to explain.

But Ricky is not one to fret over things that aren't important. Seeing that I was upset, she said softly, "Come here, dear."

She rumbled what hair I have left and kissed me. "One of you is all I want, dearest. Two might be more than I could manage. Tell me one thing—are you glad you waited for me to grow up?"

Однажды я попытался объяснить это Рики, но ей стало плохо, когда она узнала, что, пока мы были в свадебном путешествии, я одновременно — без дураков! — был и в Боулдере. А когда я приезжал к ней в скаутский лагерь, я в то же самое время лежал замороженный в Сан-Фернандо-Вэли. Она побледнела.

Тогда я сказал: — Давай разберем все это теоретически. С математической точки зрения тут все логично. Предположим, мы берем морскую свинку. Белую с коричневыми пятнами. Сажаем ее в темпоральную камеру и отправляем на неделю назад, в прошлое. Но ведь тогда получается, что неделю назад мы уже нашли эту морскую свинку в этой камере, значит, она уже сидела в клетке вместе с самой собою. Значит, теперь у нас уже две одинаковые свинки. То есть одна и та же свинка, только одна из них на неделю старше другой. Получается, что когда мы взяли одну из них и отправили на неделю в прошлое, то... — Подожди минуту! Которую из двух?

— Которую? Так они же — одна и та же свинка. Конечно, ту, что на неделю младше, потому что... — Ты же сказал, что она всего одна. Потом, что их две. Затем ты сказал, что две — это просто одна. Но ты собирался взять одну из двух... а там, ты говоришь, всего одна... — Я же и пытаюсь объяснить тебе, как это две могут быть одной. Если взять младшую... — А как отличить, которая младше? Они же совершенно одинаковые!

— Ну, можно отрезать кончик хвоста у той, которую отправляешь в прошлое. Когда она вернется, то... — Ой, Дэнни, какой ты жестокий! И кроме того, у морских свинок нет хвостов.

Она решила, что доказала свою точку зрения. Зря я взялся объяснять ей это.

Но Рики не из тех, кто ломает голову над вещами несущественными. Видя, что я расстроился, она тихо сказала:

— Ну, иди сюда, дорогой, — взъерошив мне остатки волос, она поцеловала меня. — Мне вполне достаточно одного тебя. Двух было бы многовато. Ты мне скажи: ты рад, что дождался, пока я вырасту?

I did my darnedest to convince her that I was.

В ответ я сделал все, что мог, чтобы убедить ее, что рад.

But the explanation I tried to give does not explain everything.

I missed a point even though I was riding the merry-go-round myself and counting the revolutions. Why didn't I see the notice of my own withdrawal?

I mean the second one, in April 2001, not the one in December 2000. I should have; I was there and I used to check those lists. I was awakened (second time) on Friday, 27 April, 2001; it should have been in next morning's Times. But I did not see it. I've looked it up since and there it is: "D. B. Davis," in the Times for Saturday, 28 April, 2001.

Но мое объяснение далеко не все объясняет. Кое-что я и сам не понимаю, хотя я сам катался на этой карусели и считал обороты. Почему я не нашел сообщения о своем пробуждении? Я имею в виду второе пробуждение, не в декабре 2000-го, а в апреле 2001-го. Должен был наткнуться на него: я ведь внимательно просматривал эти страницы. Второй раз меня пробудили 27 апреля 2001 года, в пятницу. Значит, на следующее утро в «Таймс» должно было появиться объявление. Но я его не видел. Теперь я отыскал его; вот оно: «Д. Б. Дэвис», в номере за субботу, 28 апреля 2001 года.

Philosophically, just one line of ink can make a different universe as surely as having the continent of Europe missing. Is the old "branching time streams" and "multiple universes" notion correct? Did I bounce into a different universe, different because I had monkeyed with the setup? Even though I found Ricky and Pete in it? Is there another universe somewhere (or somewhen) in which Pete yowled until he despaired, then wandered off to fend for himself, deserted? And in which Ricky never managed to flee with her grandmother but had to suffer the vindictive wrath of Belle? One line of fine print isn't enough. I probably felt asleep that night and missed reading my own name, then stuffed the paper down the chute next morning, thinking I had finished with it. I am absent-minded, particularly when I'm thinking about a job.

В философском смысле даже одна строчка способна изменить мир не меньше, чем исчезновение целого континента. Неужели старые рассуждения о множественных вселенных и разветвляющихся потоках времени верны? Неужели я попал в другую вселенную из-за того, что нарушил условия игры? Хотя я и нашел в ней Пита и Рики? Значит, где-то (точнее, когда-то) есть другая вселенная, где Пит был до отчаяния, а потом убежал и одичал? И где Рики так и не сумела сбежать с бабушкой, а осталась страдать от мстительного гнева Беллы? Нет. Одной строчки мало. Наверное, я просто заснул в тот вечер, не дойдя до строчки со своим именем. А утром выкинул газету в мусоропровод, решив, что прочел ее всю. Я такой рассеянный, особенно когда думаю о работе.

But what would I have done if I had seen it? Gone there, met myself-and gone stark mad? No, for if I had seen it, I wouldn't have done the things I did afterward—"afterward" for me—which led up to it.

Therefore it could never have happened that way. The control is a negative feedback type, with a built-in "fail safe," because the very existence of that line of print depended on my not seeing it; the apparent possibility that I might have seen it is one of the excluded "not possibles" of the basic circuit design.

Но что бы я сделал, если бы увидел его? Поехал бы туда, встретил сам себя и рехнулся?

Нет. Ибо, если бы я увидел его, я бы никогда не сделал то, что я сделал потом — «потом» для первого меня — и что привело к появлению объявления. Значит, этого никак не могло случиться. Регулировка здесь идет по принципу отрицательной обратной связи с встроенными предохранителями, потому что само существование той строчки текста зависело от того, увижу я ее или нет. Очевидная на первый взгляд возможность того, что я увижу ее, входила в число «невозможных состояний» данной схемы.

"There's a divinity that shapes our ends, rough-hew them how we will." Free will and predestination in one sentence and both true. There is only one real world, with one past and one future. "As it was in the beginning, is now and ever shall be, world without end, amen." Just one... but big enough and complicated enough to include free will and time travel and everything else in its linkages and feedbacks and guard circuits. You're allowed to do anything inside the rules... but you come back to your own door.

I'm not the only person who has time-traveled. Fort listed too many cases not explainable otherwise and so did Ambrose Bierce. And there were those two ladies in the gardens of the Trianon. I have a hunch, too, that old Doc Twitchell closed that switch oftener than he admitted... to say nothing of others who may have learned how in the past or future. But I doubt if much ever comes of it. In my case only three people know and two don't believe me. You can't do much if you do time-travel. As Fort said, you railroad only when it comes time to railroad.

But I can't get Leonard Vincent out of my mind. Was he Leonardo da Vinci? Did he beat his way across the continent and go back with Columbus? The encyclopedia says that his life was such-and-such-but he might have revised the record. I know how that is; I've had to do a little of it. They didn't have social-security numbers, ID cards, nor fingerprints in fifteenth-century Italy; he could have swung it.

But think of him, marooned from everything he was used to, aware of flight, of power, of a million things, trying desperately to picture them so that they could be made-but doomed to frustration because you simply can't do the things we do today without centuries of former art to build on.

Tantalus had it easier.

«Есть божество, что лепит нашу волю, желанья наши — плод его трудов». И свобода воли, и предопределение — в одной фразе. И это — верно. Есть только один реальный мир с одним прошлым и одним будущим. «Как было вначале, и ныне, и во веки веков пребудет в этом бесконечном мире. Аминь». Только один... но большой и сложный, и в нем есть место и для свободы воли, и для путешествий во времени, и для всего остального. Можешь делать все, что угодно, в пределах правил... но все равно вернешься назад, к своей двери.

Я не единственный, кому удалось путешествовать во времени. У Форта описано слишком много случаев, которые ничем иным объяснить невозможно; у Амброуза Бирса — тоже. А еще были две дамы из садов Трианона. Мне кажется, что старый доктор Твитчел нажимал свою кнопку гораздо большее число раз, чем он сказал мне. Не говоря уже о других ученых, в прошлом и будущем, которые тоже могли придумать что-то подобное. Но я не думаю, что из этого когда-нибудь выйдет что-то путное. В моем случае об этом знали только трое, да и то двое из них отказались в это верить. Занимаясь путешествиями во времени, вы немногого добьетесь. Как говорил Форт, придет время железных дорог — будут и железные дороги.

Но у меня из головы не выходит Леонардо да Винчи. Неужели это Леонард Винсент? Неужели он сумел пройти через весь континент и вернуться в Европу с Колумбом? В энциклопедии есть вехи его жизни; но он мог сам приложить к этому руку. Я-то знаю, как это делается, — я сам этим немножко занимался. Тогда, в Италии, в пятнадцатом веке, не было удостоверений личности, номеров социального страхования и отпечатков пальцев. Может, он и сумел совершить это чудо.

Но вы только представьте себе: один, лишенный всего, к чему привык; он знал тайны полета, энергии, тысяч разных вещей. Он отчаянно пытался воспроизвести их, нарисовать, чтобы их можно было сделать, — но его ждала неудача: нельзя сделать того, что мы делаем сегодня, не опираясь на предшествующий технологический опыт, накопленный веками.

Да танталовы муки и то слаще.

I've thought about what could be done with time travel commercially if it were declassified-making short jumps, setting up machinery to get back, taking along components. But someday you'd make one jump too many and not be able to set up for your return because it's not time to "railroad." Something simple, like a special alloy, could whip you. And there is that truly awful hazard of not knowing which way you are going. Imagine winding up at the court of Henry VIII with a load of subflexive fasartas intended for the twenty-fifth century. Being becalmed in the horse latitudes would be better.

Я думаю, как можно было бы использовать путешествия во времени с коммерческой целью, если бы их рассекретили: делаешь короткий скачок, создаешь машину для возвращения, берешь с собою узлы и запасные части и снова в прошлое. Но однажды ты можешь сделать один лишний скачок и уже не сможешь вернуться: время еще не пришло для «железных дорог». Нет чего-то элементарного — скажем, какого-то особого сплава, — и все, ты попался. А главное — нельзя заранее определить, в какую сторону тебя забросит, вот в чем беда. Только представьте себе: очутиться при дворе короля Генриха VIII с грузом субфлективных фазотронов, предназначенных для покупателя в двадцать пятом веке!

No, you should never market a gadget until the bugs are out of it.

Нет, нельзя торговать моделью, в которой случаются сбои, помехи и неисправности.

But I'm not worried about "paradoxes" or "causing anachronisms"-if a thirtieth-century engineer does smooth out the bugs and then sets up transfer stations and trade, it will be because the Builder designed the universe that way. He gave us eyes, two hands, a brain; anything we do with them can't be a paradox. He doesn't need busybodies to "enforce" His laws; they enforce themselves. There are no miracles and the word "anachronism" is a semantic blank.

Но о парадоксах времени и причинно-следственных анахронизмах я не беспокоюсь: если в тридцатом веке какой-нибудь инженер сумеет добиться безупречной работы установки, сделает сеть передающих станций, создаст систему сбыта и обслуживания таких станций — значит, Создатель сотворил вселенную именно так. Он дал нам руки, глаза и мозг. Все, что мы творим, не может быть парадоксом. Создателю не нужны настырные догматики — проводники Его законов природы: эти законы сами себя охраняют. Чудес не бывает.

But I don't worry about philosophy any more than Pete does. Whatever the truth about this world, I like it. I've found my Door into Summer and I would not time-travel again for fear of getting off at the wrong station. Maybe my son will, but if he does I will urge him to go forward, not back. "Back" is for emergencies; the future is better than the past. Despite the crapehangers, romanticists, and anti-intellectuals, the world steadily grows better because the human mind, applying itself to environment, makes it better. With hands... with tools... with horse sense and science and engineering.

Философия, впрочем, занимает меня не больше, чем Пита. Каков бы ни был мир на самом деле, он мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето, и больше я не стану путешествовать во времени — вдруг сойду не на той станции? Может быть, мой сын станет, — но тогда я скажу ему, чтобы ехал в будущее, а не в прошлое. В прошлое — только в исключительных случаях, когда надо что-то исправить. Будущее лучше, чем прошлое. Несмотря ни на что, мир с каждым годом становится все лучше, потому что разум человеческий, изменяя окружающий мир, делает его лучше. Делает руками... инструментами... внутренним чутьем, наукой и техникой.

Most of these long-haired belittlers can't drive a nail nor use a slide rule, I'd like to invite them into Dr. Twitchell's cage and ship them back to the twelfth century-then let them enjoy it.

Большинство нынешних длинноволосиков не умеют сами гвоздя забить. Посадить бы их в камеру доктора Твиччела да забросить в двенадцатый век — пусть наслаждаются.

But I am not mad at anybody and I like now.

Except that Pete is getting older, a little fatter, and not as inclined to choose a younger opponent; all too soon he must take the very Long Sleep. I hope with all my heart that his gallant little soul may find its Door into Summer, where catnip fields abound and tabbies are complacent, and robot opponents are programmed to fight fiercely - but always lose - and people have friendly laps and legs to strop against, but never a foot that kicks.

Ricky is getting fat, too, but for a temporary, happier reason. It has just made her more beautiful and her sweet eternal Yea! is unchanged, but it isn't comfortable for her. I'm working on gadgets to make things easier. It just isn't very convenient to be a woman; something ought to be done and I'm convinced that some things can be done. There's that matter of leaning over, and also the backaches - I'm working on those, and I've built her a hydraulic bed that I think I will patent. It ought to be easier to get in and out of a bathtub than it is too. I haven't solved that yet.

For old Pete I've built a "cat bathroom" to use in bad weather - automatic, self-replenishing, sanitary, and odorless.

However, Pete, being a proper cat, prefers to go outdoors, and he has never given up his conviction that if you just try all the doors one of them is bound to be the Door into Summer.

You know, I think he is right.

Но я ни на кого не держу зла, и мое время мне нравится. Вот только Пит стареет, толстеет и уже не связывается с молодыми котами. Очень скоро он уснет слишком долгим сном. Я всем сердцем надеюсь, что его отважная душа найдет свою Дверь в Лето, где колышутся под летним ветерком поля валерианки, где кошки стоворчивы и где любой подставит тебе колено, чтобы ты мог потереться об него, — но никто не пнет ногой.

Рики тоже поправилась, но это здоровая и временная полнота. Она стала от этого только прекраснее и все так же звонко восклицает «Ну-у?!», когда удивляется, но чувствует себя при этом не очень уютно. Я сейчас разрабатываю устройства, способные облегчить ее состояние. Быть женщиной вообще не очень удобно, и я хочу — и уверен, что сумею, — сделать что-нибудь такое, чтобы ей легче жилось. Трудно нагибаться, поясница ноет — над этим я работаю сейчас. Я сделал ей гидравлическую кровать, которую, вероятно, запатентую. Надо бы еще сделать что-то, чтобы было легче залезать в ванну и вылезать из нее, но я пока не придумал, что именно.

Для старины Пита я тоже изобрел «кошачий туалет» для плохой погоды — автоматический, самоопорожняющийся, гигиеничный и без запаха. Однако Пит настоящий кот — он предпочитает ходить на улицу и по-прежнему убежден, что если попробовать все двери, то одна из них обязательно окажется Дверью в Лето.

И знаете... Я думаю, он прав.